

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е. Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА
И ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА
В. Г. Стародубровский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*А. Г. Аганбегян, П. Е. Гайдар, Е. Ю. Гениева,
Г. О. Греф, С. М. Гуриев, М. Домбровски,
А. В. Колесников, А. Л. Кудрин, Я. И. Кузьминов,
Л. И. Лопатников, В. А. Мау, А. Д. Радыгин,
К. Ю. Рогов, Н. К. Сванидзе, С. Г. Синельников-Мурылев,
В. Г. Стародубровский, А. В. Улюкаев,
Я. М. Уринсон, А. Б. Чубайс, Р. М. Энтов,
В. А. Ярошенко, Е. Г. Ясин*

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 7

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»

МОСКВА · 2013

Содержание

Г 14 **Гайдар, Е. Т.**
Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 7/Е.Т.Гайдар. — М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 408 с.
ISBN 978-5-7749-0697-0 (Т. 7)
ISBN 978-5-7749-0690-1

Седьмой том собрания сочинений содержит статьи, опубликованные с 2001 по 2009 г. В них представлен анализ наиболее существенных экономических и политических процессов, характерных для этого периода. Это постепенная деградация экономической политики, чрезмерный рост расходов бюджета, ухудшение предпринимательского климата, необходимость начинавшихся реформ. Прослеживается связь развития России с состоянием мировой экономики. Даются конкретные предложения по решению наиболее актуальных текущих и стратегических проблем.

Для изучающих экономическую историю России, а также для широкого круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

© Стругацкая М. А., 2013
© Институт экономической политики
им. Е.Т.Гайдара, 2013
© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2013

ISBN 978-5-7749-0697-0 (Т. 7)
ISBN 978-5-7749-0690-1

Революция осталась в XX веке — реформы продолжаются в XXI. Лидер Союза правых сил о новой стратегии правых.	8
Россия сегодня и наше историческое вчера	20
Политическое решение	22
Устойчивые традиции.	28
Если обойтись без комплиментов.	31
Классовый инстинкт партии власти тормозит реформы	38
Перспективы экономического развития России	40
Армия первой и второй свежести.	56
Экономический рост и человеческий фактор	58
Здоровые идеи рано или поздно оказываются востребованными. Решение проблемы миграции — одна из четырех самых важных стратегических задач России	96
По поводу книги «Миллионер» Артема Тарасова.	98
Либерализм: Слухи о смерти преувеличены	100
Либерализм: Без демократии не получится.	105
Марксизм: Между научной теорией и «светской религией»	110
Социально-экономический прогресс и трансформация системы комплектования вооруженных сил	180
Украина и Россия: Что дальше?	206
Реформы делают не для удовольствия	214

Откладывать реформу местного самоуправления — значит устраивать хаос в России	218
Бизнес не любит неясности	221
Взаимосвязь экономического и политического развития в России	222
Уроки политической ответственности	226
Задела экономической стабильности России хватит на два–три года	228
Жизнь с нефтью	230
Ядерный баланс: Опасные игры.	238
Страна и нефть: Цена металла в голосе	241
Флирт России с угрозой фашизма.	246
О «Гибели империи»	248
Ключевые направления экономической политики	262
Мы сидим на пороховой бочке	286
Бегство от барреля. Финансовой стабильности России угрожает опасность	293
Финансовые институты: Время выбора	300
Конфронтация с Западом пагубна	302
Цена сталинской индустриализации	305
Жесткая посадка: Новый вызов для России	314
Влияние на Россию изменений мировой экономической конъюнктуры	317
Мировая экономическая конъюнктура и Россия	322
Нефть: Богатство страны или ее беда?	344
Мировой кризис и Россия: Суть разногласий	346

Штормовое предупреждение	348
Падение цены на нефть приведет к изменению бюджетной политики в России	351
Финансовый кризис: Что делать.	353
Управляемость перемен	358
Мировой экономический кризис: Последствия для российской политики	366
Развилка: России хватит революций	378
Кризис и Россия	381

Революция осталась в XX веке — реформы продолжаются в XXI. Лидер Союза правых сил о новой стратегии правых

Прошел год с момента избрания нового парламента и прихода в Кремль нового Президента России. Трудно отделаться от ощущения, что перемены, пережитые страной на рубеже века и тысячелетия, отражают начало новой политической эпохи, которая определит контуры будущего страны на достаточно продолжительный срок. О связи событий минувшего года с общими процессами посткоммунистической трансформации, об их значении для России и о задачах, стоящих сегодня перед политиками правого фланга, размышляет один из лидеров СПС, автор российских либеральных реформ Егор Гайдар.

РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

Мне представляется крайне важным рассматривать текущие события в логической связи как с историей последнего десятилетия, так и с тем, что может ожидать нас в ближайшем будущем. Постараемся сохранить чувство исторического процесса.

В минувшие 10 лет в России произошла полномасштабная социальная революция, со всеми ее характерными чертами. Радикально изменилась система политических институтов и экономических отношений, в обществе и внутри элит вскрылись глубокие разногласия по принципиальным вопросам государственного и общественного устройства, вспыхнула борьба за перераспределение собственности. Проявились обычные для периода революций

слабость и неэффективность власти, политическая и финансовая нестабильность.

Причина у всех революций одна — заскорузлость существующих институтов власти, их неумение адаптироваться к новым вызовам времени, неспособность эволюционно, в упорядоченном режиме реформировать себя. Российская революция 90-х годов в этом смысле не исключение. Но ее специфика в том, что это была первая масштабная революция постиндустриального общества. Поэтому она отличалась ограниченным применением насилия, обширными компромиссами с элитами предшествующего режима.

Всякая революция раньше или позже оканчивается постреволюционной стабилизацией. В обществе накапливается усталость от безвластия и непредсказуемости, в рейтингах социальных ожиданий на первое место выходит «наведение порядка». Созревает принципиальное согласие и готовность принять важнейшие итоги революции как базу для восстановления стабильности в условиях новой реальности. Когда пришедшее к руководству страной осенью 1998 г. правительство Примакова, опиравшееся на коммунистическое большинство в Думе, не посмело ни шагу сделать для демонтажа рыночных институтов, когда к декабрьским выборам 1999 г. все политические партии, имевшие хоть какие-нибудь шансы попасть в Думу, пришли с программами, ориентированными на сохранение рынка и частной собственности, стало ясно, что в российском обществе такое базовое согласие достигнуто.

Да, идет и будет идти острейшая борьба вокруг перераспределения собственности, споры о том, в каких именно формах должна функционировать у нас рыночная экономика. Но сам факт существования рынка в России уже принимается всеми как данность. Это создает предпосылки для радикального усиления власти. Период рыхлого государства и слабых правительств, характерный для всех революций и обусловленный не недостатками того или иного политика, а самой природой революционного процесса, всегда суживающего диапазон эффективных политических действий, — этот период сменяется периодом укрепления власти, когда уставшее общество готово предоставить новым правителям гораздо более широкое поле для политического маневра.

Для всех нас принципиально важно, как новые правители этой свободой маневра распорядятся.

В Англии, например, именно после социальной революции была сформирована система гарантий частной собственности, которая послужила базой промышленной революции и стала основой доминирования Британии в мире на протяжении последующих двух веков. Во Франции конца XVIII в. после революционной стабилизации правительство втянуло страну в многолетние завоевательные войны. В СССР постреволюционный период и вовсе был использован Сталиным для вторичного закрепощения крестьянства и формирования жесткой тоталитарной диктатуры, отбросившей страну на многие десятилетия назад.

Характерные для постреволюционной стабилизации признаки политической амбивалентности¹ ощущаются и в сегодняшней России. С одной стороны, открываются широкие возможности для проведения властью полезной, осмысленной политики, опирающейся на новое согласие в обществе и нацеленной на решение проблем, которые не решались и считались неразрешимыми на протяжении всех предшествующих лет. С другой стороны, намечается серьезная опасность того, что укрепление власти приведет к формированию недемократического режима, что вслед за стабилизацией мы получим нарастание авторитарных тенденций.

«Усталое» общество, дискредитация многих демократических ценностей революционного периода, ностальгия по символам старого режима — явления, присущие отнюдь не только России конца XX — начала XXI в. В то же время опыт мировой истории свидетельствует, что конец революции — это далеко не обязательно конец реформам. Вопреки догме мы не считаем, что за революцией непременно следует контрреволюция или реакция. Пользуясь вместо этих терминов понятием постреволюционной стабилизации, мы имеем в виду, что общество сегодня вышло на своего рода площадку, где можно перевести дух и определить направления дальнейшего движения. От того, как общество и власть реализуют возможности, заложенные российской демократической революцией 90-х гг., от сегодняшних решений и действий зависит общий итог и место всего последнего десятилетия XX в. в российской истории.

¹ *Амбивалентность* — двойственное, противоречивое отношение субъекта к объекту, когда один и тот же объект может вызывать у человека противоположные чувства. Термин заимствован из психиатрии. — *Прим. ред.*

2000 ГОД — НАДЕЖДЫ И СОБЛАЗНЫ

Чем же стала для России революция 90-х? Оказалась ли она тяжелым, но спасительным путем к созданию дееспособной демократии с эффективной рыночной экономикой, обеспечивающей возможности адекватного развития России в XXI в., — или же это был пролог к созданию замкнутого косного режима с нарастающим отставанием под аккомпанемент старых мифов и гимнов? Посмотрим, как эти возможности реализовались в политической практике первого года постреволюционной стабилизации.

Экономика. Здесь наблюдаются очевидные признаки подъема. Быстро растет валовый внутренний продукт, промышленное производство, инвестиции, реальные доходы населения. По поводу причин этого подъема много дискуссий — связан ли он с реформами, которые сегодня проводятся в экономике, или полностью обусловлен реальной девальвацией рубля и высокими ценами на нефть. Позволю себе высказать суждение, что нынешний подъем экономики не связан ни с тем, ни с другим. Во-первых, реформы, которые проводятся в последние месяцы, технологически способны принести реальные плоды никак не раньше 2001 г., и связывать с ними подъем 1999–2000 гг. было бы странно. Во-вторых, высокие цены на нефть благоприятны для России, но крайне неблагоприятны для Украины. А мы видим, что экономический подъем начинается отнюдь не только в России, но и в других государствах СНГ. Наконец, бывали у нас времена, когда реальный курс рубля был неизмеримо ниже, чем сегодня, но тогда мы почему-то имели не экономический подъем, а резкое падение производства.

На самом деле, объяснение в другом. За предшествующие годы в России сформировалась критическая масса неплохо управляемых, рыночно ориентированных предприятий, способных обеспечить нормальное производство за счет ресурсов, которые высвобождаются из неэффективного, доставшегося по наследству советского сектора. Этот процесс шел медленно — из-за неподъемности накопившихся в советскую эпоху проблем, из-за слабости проводившейся экономической политики, но все-таки шел. И сейчас, наконец, стало возможным использовать накопленную базу для целей, обеспечивающих экономический рост.

Период падения длился долго, дольше, чем в Восточной Европе. Но он подошел к концу. Однако не надо думать, что это само по себе гарантирует нам базу устойчивого экономического роста. Нынешней России осталось от Советского Союза и от эпохи переходного периода тяжелое наследство. По опыту других стран мы знаем, что в таких условиях экономический рост может оказаться весьма неустойчивым и кратковременным. Необходимая предпосылка устойчивости — максимальное использование сегодняшних благоприятных возможностей для решения важнейших структурных проблем, для продвижения реформ по ключевым направлениям.

Важным и позитивным результатом 2000 г. стал тот факт, что правительство проявило политическую волю и нашло в себе мужество не только сформировать программу глубоких структурных преобразований, но и начать ее практическое воплощение. Хотя именно в прошедшем году оно столкнулось с серьезным психологическим препятствием. Дело в том, что высокие цены на нефть — фактор скорее расслабляющий: легко проводить жесткую политику, когда у тебя нет денег и нет выбора. Труднее, когда они есть. Реформы вообще начинают не от хорошей жизни, а лишь тогда, когда отступать некуда. Правительство не поддалось соблазну легких решений, и это внушает оптимизм.

Важнейшим результатом минувшего года можно назвать начало налоговой реформы. О ней много говорили еще в период правления Б. Н. Ельцина, но тогда для нее не нашлось политической базы. Теперь база появилась, и в 2000 г. удалось сделать ряд важных шагов в этом направлении: введение «плоского» подоходного налога, единого социального налога с регрессивной шкалой, отмена оборотных налогов и др.

Но это только начало. Предстоит принять 29 глав Налогового кодекса. У нас остается весьма архаичным налогообложение прибыли. Запутанное, непонятное налогообложение всего энергетического сектора, ресурсные налоги и т. д. Словом, предстоит тяжелейшая борьба по многим направлениям налоговой реформы. Но то, что удалось серьезно продвинуться в ключевом направлении, обеспечивающем возможность экономического роста, легализацию экономики и сокращение теневого оборота, мне кажется очень позитивным результатом.

Страна значительно продвинулась по пути упрочения фискального федерализма. У нас был очень замысловатый порядок распределения доходов и расходных полномочий между разными уровнями бюджетной системы. Тут и поныне масса проблем. Но те шаги, которые в 2000 г. были предприняты — в частности, практически полная передача в федеральный бюджет налога на добавленную стоимость, а в региональные бюджеты — подоходного налога, позволяют существенно выровнять доходную обеспеченность регионов и сделать более осмысленной систему формирования и распределения бюджетных средств по уровням власти.

Заметные шаги сделаны правительством в направлении унификации ставок таможенных пошлин и снижения их общего уровня, что очень важно для обеспечения интеграции России в мировую экономику.

А вот продвижение в области банковской реформы, в области упрочения прав собственности, в области реформы естественных монополий было более чем ограниченным.

Тем не менее бесспорным достоинством экономической политики России в минувшем году стала последовательная реализация правительством «правой» или, лучше сказать, нормальной экономической программы.

Федеративное устройство. Второе важнейшее направление, по которому страна серьезно продвинулась, — реформа федеративного устройства: формирование системы федеральных округов, реформа Совета Федерации. Однако результаты этого продвижения вызывают смешанные чувства.

С одной стороны, перемены здесь абсолютно необходимы. Не может нормально существовать федерация, в которой федеральные законы не выполняются ее отдельными субъектами. Не может нормально существовать федерация, где региональные власти ставят ограничения на пути товаропотоков между регионами. Не может существовать федерация, где исполнение или неисполнение законов зависит от прихоти того или иного местного руководителя (как, впрочем, и федерального чиновника любого уровня). И в этом плане предпринятые президентом шаги по укреплению единой системы власти в стране абсолютно логичны, естественны и правильны. Я убежден, что фракция СПС правильно сделала, что поддержала их в Государственной Думе.

Вместе с тем именно потому, что мы находимся на этапе постреволюционной стабилизации, движение в этом направлении сопряжено с большим риском. Есть опасность, что, увлекшись укреплением «вертикали власти», центральная власть потеряет меру и начнет вмешиваться из Москвы в вопросы, целиком и полностью относящиеся к компетенции регионов и местных властей. Между тем тот факт, что Россия является на сегодня пусть несовершенной, но все же реальной федерацией, — один из важнейших позитивных результатов предшествующего развития.

Конечно, федерацией управлять гораздо труднее, чем унитарным государством. Здесь тоже есть очевидный соблазн легких решений. Но Россия может быть демократией только как федерация с развитым местным самоуправлением: она слишком сложно устроена, слишком разнообразна. Любая попытка начать восстановление де-факто унитарного государства будет крайне вредной и опасной затеей. «Союз правых сил» будет категорически против такого развития событий, против подрыва основ федерализма и местного самоуправления. Мы очень надеемся, что власть по этому гибельному пути не пойдет, и намерены сделать все, чтобы удержать ее от этого.

Военная реформа. В этой сфере власть в минувшем году сделала, на мой взгляд, целый ряд важных шагов вперед. Из них наиболее серьезным является решение о масштабном сокращении численности Вооруженных Сил в течение следующих трех лет, с направлением высвобождаемых средств на решение социальных проблем военнослужащих, на улучшение боевой подготовки и оснащение армии современным вооружением.

Сами проработки по упрощению структуры управления войсками, по изменению системы приоритетного развертывания отражают реалистичный подход нашего руководства к задачам военной реформы. Но здесь также предстоит огромная работа. Остается немало нерешенных вопросов и в области военного образования, и в области системы комплектования войск. Хотя приняты многие правильные решения, многое будет зависеть и от того, как эти решения будут воплощаться в жизнь в 2001–2002 гг. Соппротивление будет отчаянным — задеты интересы очень влиятельных политических сил.

Демократические права и свободы. Область, где в наибольшей степени проявились угрозы, характерные для периода постреволюционной стабилизации, — это, конечно, вопросы функционирования демокра-

тических институтов и сохранения реальной свободы слова. Именно здесь риск отката от демократических завоеваний 90-х наиболее велик. К этому склоняют и наши дурные традиции, приобретенные за десятилетия советской и столетия досоветской эпохи, и дискредитация многих демократических принципов и ценностей, произошедшая уже в ходе самой революции. Надо признать, кстати, что «олигархи», которые первыми попали под жернова новой власти, в свое время немало сделали для дискредитации свободы слова в России.

Однако надо понимать и то, что свобода слова и демократические институты нужны не Гусинскому с Березовским — они нужны России, всем ее гражданам. И нужно быть очень наивным, чтобы не видеть, что за давлением на «Медиа-Мост» стоят отнюдь не только финансовые проблемы. Подобного рода демонстративные действия уже отзываются удвоенным или утроенным эхом в регионах, где местные чиновники с удовольствием берут пример с федеральной власти, наглядно показывающей, как надо работать с неподконтрольной прессой. Признаки этого мы видим во многих субъектах федерации, и это предельно опасная тенденция.

Вообще та идеология, с которой заигрывали многие наши либеральные экономисты и которая сводится к тому, что «не нужна нам демократия, а подайте нам лучше российского Пиночета, и черт с ними, с демократическими свободами, надо сначала создать эффективную рыночную экономику», — эта идеология представляется мне крайне наивной и крайне опасной. Да, в истории можно найти примеры эффективных в экономическом отношении авторитарных режимов, но только в порядке исключения. Учитывая же наши традиции, гораздо реалистичнее предположить, что российский авторитаризм окажется, ко всему прочему, еще и настолько коррумпированным, что не в состоянии будет проводить никакой осмысленной экономической политики.

А кроме того, мы ведь живем уже в XXI в. Это век быстро меняющихся глобальных условий, когда важно не то, сколько ты настроил заводов, а то, в какой мере ты способен адекватно реагировать на вызовы меняющегося мира. Демократия пусть и не самый совершенный, но по сравнению со всеми другими — лучший инструмент адаптации к миру, обеспечивающий гибкость и эффективность подобной реакции. Подрыв демократических институтов, за которые мы так дорого заплатили, был бы страшной трагедией для нашей

страны. Мы все равно будем вынуждены потом их снова формировать. И это снова будет тяжело и больно. Россия просто заплатит дополнительную цену за то, что ею уже оплачено.

Не говоря уже о невосполнимом ущербе, который любое ограничение свободы слова нанесет ускоренно развивающимся сегодня в России информационным технологиям и информатизации. Это значило бы необратимое отставание от стран с постиндустриальной экономикой — всех как одна демократических.

В этой связи мы считаем угрозой свободе слова и демократическим институтам вполне реальной и очень опасной. Мы прекрасно сознаем, что для ее реализации отнюдь не обязательно вводить чрезвычайное положение. Перед глазами опыт многих наших соседей по СНГ, где формально демократия вроде бы налицо, но все понимают, что на самом деле она игрушечная. У нас, при всех наших проблемах, демократия до сегодняшнего дня была хоть и молодым, но реально действующим инструментом. И мы обязаны сохранить этот инструмент на этапе постреволюционной стабилизации. Это — наша важнейшая задача, за это мы должны и будем бороться.

Подводя итог, можно сказать, что 2000 г. был годом серьезных возможностей для дальнейшего продвижения либеральных реформ. По ряду направлений эти возможности были использованы, и есть предпосылки к тому, чтобы использовать их и дальше в полном объеме. Вместе с тем проявились и серьезные угрозы для российской демократии, причем вполне реальные. И противодействие этим угрозам, очевидно, станет нашей важнейшей политической задачей в наступившем году.

Позиция и задачи СПС

Когда власть делает что-нибудь с нашей точки зрения неправильное — поддерживает гимн на музыку Александрова или предпринимает шаги, угрожающие демократическим правам и свободам, — среди сторонников СПС, естественно, поднимается вопрос о том, не пора нам переходить в оппозицию.

Наш подход заключается в следующем. Есть вещи, которые мы себе не можем позволить. Самое главное — мы не можем позволить себе играть словами. Напомню — на дворе фаза постреволюционной стабилизации, когда в цене конкретные дела и политическая

ответственность. Переход в оппозицию — это не красивый жест, а серьезное политическое решение, которое влечет за собой как минимум три важных последствия.

Первое. Если СПС — оппозиция, значит, мы должны призвать наших коллег и единомышленников, работающих в правительстве (а таких немало), выйти из правительства и не участвовать в его работе. Будет ли это полезно? Думаю, что сегодня это будет вредно — и для России, и для СПС.

Второе. Если СПС — оппозиция, значит, мы должны быть готовы поддержать вотум недоверия нынешнему кабинету. Да, по отдельным существенным направлениям у нас есть претензии к правительству Касьянова. Но в целом оно пока работает достаточно хорошо, приняло близкую нам программу и довольно активно принялось ее реализовывать. Так почему мы должны, объединившись с коммунистами, голосовать за вотум недоверия?

Третье. Если СПС — оппозиция, значит, мы должны отказаться от поддержки бюджета, внесенного правительством. Разумеется, тот бюджет, который мы приняли, был, как и любой бюджет, результатом политических компромиссов. Будь моя воля, я бы многое в нем изменил и усилил. Но вместе с тем должен признать, что это — лучший бюджет России за последние 10 лет. Что ж — мы должны были проголосовать против этого бюджета и тем самым подвинуть правительство к коалиции с коммунистами, которая бы этот бюджет только ухудшила?

Словом, переход в оппозицию был бы политической ошибкой, и делать этого сейчас ни в коем случае нельзя. Но это совершенно не значит, что мы вообще исключаем для себя возможность такого решения. События могут развиваться таким образом, что у нас просто не останется иного выхода. Только шаг этот нужно совершать, тщательно взвесив все «за» и «против», отдавая себе отчет в том, что значат слова, которые мы произносим.

На сегодня лучшее, что мы можем сделать, — это наращивать возможности нашего влияния на проводимую политику. Мы должны вести диалог с правительством и поддерживать его везде, где оно реализует наши программные установки, и в то же время жестко оппонировать ему там, где оно делает неверные шаги, особенно в вопросах, касающихся прав и свобод человека.

Представляется важным очертить главные направления, прогресс в которых будет определять отношение СПС к политическому курсу руководства страны. На этих же направлениях и мы, со своей стороны, должны сконцентрировать свои возможности влиять на государственную политику.

Экономика. Огромное поле работы. В части налоговой реформы предстоит серьезная борьба за снижение ставки налога на прибыль. Я думаю, оптимальным было бы снижение до 25%, что стало бы важным фактором повышения конкурентоспособности нашей экономики, улучшения инвестиционного климата. Предстоит борьба за ликвидацию налога с продаж, сочетание которого с налогом на добавленную стоимость в высшей степени вредно.

Пока сделаны только первые шаги в части принятия новых законов о защите частной собственности. И важнейшие для нас политические приоритеты — это Закон о земле и голосование по 17-й главе Гражданского кодекса. От того, в каком виде будут приняты Земельный и Гражданский кодексы, зависит, получит ли частная собственность в России надежные правовые гарантии, что крайне важно для развития рыночной экономики.

Социальная политика. В стране допотопная и чудовищно неэффективная структура государственных расходов. И здесь предстоит серьезная борьба и работа. Правительство дорого заплатило за компромисс, на который оно пошло с коммунистами при формировании комитетов Госдумы. Теперь оно сталкивается с тяжелейшими проблемами при продвижении всего, что связано с социальной реформой. Здесь реформа еще толком и не начиналась. В этой области позиция правительства и наша позиция совпадают, власть во многом стремится реализовать наши программные установки. Это «окно возможностей» мы должны использовать по максимуму.

Права человека. Важнейшее направление работы в этой сфере — вопросы, связанные с реформированием судебной и пенитенциарной¹ систем, с обеспечением юридических гарантий неприкосновенности личности, ее прав и свобод. Так получается, что об этих правах и гарантиях мы чаще всего вспоминаем, когда кто-то из известных деятелей оказывается за решеткой. Но у нас до суда по

¹ Пенитенциарная или уголовно-исполнительная система ведает исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом. — *Прим. ред.*

много месяцев сидят за решеткой сотни тысяч людей. Колоссальное количество граждан находятся в тюрьмах без достаточных оснований. Тюрьмы переполнены, условия в них ужасающие. Фракция СПС много сделала для реформы уголовного законодательства в плане ограничения наказаний, связанных с лишением свободы. Эту работу надо довести до конца.

Но беда в том, что плохо функционирует вся судебная система, в том числе из-за скудости выделяемых средств. Благодаря позиции СПС в бюджете 2001 г. эту статью расходов удалось увеличить в максимально возможной степени. Тем самым мы заложили основу развития судебной реформы по многим направлениям, которые давно известны, но затягивались ссылками на отсутствие денег, будь то создание судов присяжных или введение института мировых судей. Очень важно, чтобы теперь это было реализовано.

Военная реформа. В этой сфере руководством страны намечены верные общие направления. Но налицо и колоссальное сопротивление. Мы по-прежнему убеждены, что в будущем Россия должна перейти на профессиональную армию. Мы не наивные люди и хорошо понимаем, что столь сложная задача не может быть решена в одночасье. Она предполагает целый комплекс болезненных изменений во всей системе военной организации. Тем не менее мы работаем над тем, чтобы предложить правительству реалистичную, финансово обоснованную программу долгосрочной военной реформы, предусматривающей переход на профессиональную армию с сохранением мобилизационного потенциала страны.

Система образования. В минувшем году наша фракция активно работала в области реформы образования. Усилиями СПС и «Яблока» удалось добиться существенного увеличения финансирования народного образования в 2001 г. Благодаря этому, в частности, на программу компьютеризации системы образования выделено дополнительно 4,8 млрд руб. В этой области правительство сформулировало неплохую программу, и очень важно обеспечить ее выполнение. Это — тоже важнейший наш приоритет.

В заключение — еще об одной ключевой для правого политического крыла задаче на текущий год: о наращивании нашего собственного политического потенциала.

Сейчас достаточно очевидно складывается структура политических партий, которая будет определять лицо России на ближай-

шие годы. В этой структуре в том или ином виде обязательно будет присутствовать «партия власти». Партия эта всегда будет идеологически достаточно аморфна, но в ней непременно присутствует влиятельная, ориентированная в прошлое группа левокоммунистической бюрократии. На этом фоне явно обозначается возможность и необходимость создания сильного правого противовеса, особенно с учетом тех процессов сближения, которые происходят сейчас между СПС и «Яблоком».

Власть всегда реагирует на силу. И она будет реализовывать наши программные установки, будет продвигать Россию в мир XXI в. только в том случае, если «Союз правых сил» будет сильной политической структурой.

В этой связи вопросы укрепления СПС, усиления наших позиций в регионах, нашего участия в региональных выборах, нашего объединения — это и есть те важнейшие политические вопросы, которые во многом определяют развитие России XXI в.

Россия сегодня и наше историческое вчера

Сравнивая нынешний год и 1991-й... Тогда — нарастающий хаос, несуществующее государство, неработающая экономика. Сегодня — есть государство. С кучей своих проблем, но — есть. Государство контролирует свои границы, обеспечивает выполнение законов на всей территории, собирает налоги, контролирует свои деньги, обеспечивает монополию на насилие на большей части страны. И это государство — демократическое. Есть рыночная экономика. С конвертируемой валютой, предприятиями, быстро откликающимися на вызовы. С массой проблем — несовершенной банковской системой, гипертрофированным сырьевым сектором. Но — рыночная экономика.

Самое важное, что удалось, на мой взгляд, сделать — это добиться того, что у нас возникло государство и возникла экономика. Государство и экономика несовершенные, но они возникли и начали функционировать, без катастрофического крушения всех институтов цивилизованного общества. Что не удалось? Не уда-

лось провести экономические реформы быстро и последовательно, не удалось тот путь, который мы прошли за 10 лет, преодолеть за 5 лет, как хотелось.

Надо иметь в виду, что на этапе постреволюционной стабилизации возникает резкое расширение свободы маневра. До революции и в ходе революции эта свобода узка, потому что слаба власть. А после революции можно пойти по очень разным путям. Можно через некоторое время закрепостить вторично крестьян, как это сделал Сталин, тоже возглавлявший постреволюционную стабилизацию. А можно начать вводить очень энергичные, достаточно радикальные прорыночные реформы. Мне кажется, что пока общий вектор движения у нас позитивный.

На последних выборах 1999 г. в России не было ни одной серьезной политической силы с любыми шансами пройти в парламент, которая бы сказала: все эксперименты с рынком у нас не удались, мы сейчас снова должны построить социализм. Даже коммунисты не решались выйти с этим. А это уже не вопрос ностальгии, это вопрос серьезного политического выбора. Да, рынок несовершенен, да, может быть, нам нужен другой рынок. Так говорят наши политические оппоненты, но только они не готовы сказать, что никакого рынка больше не надо, а надо вернуться в социализм.

На самом деле то, что произошло, — это кардинальные реформы, проходившие, однако, в условиях крайней общественной дезорганизации и предельной слабости государственной власти. Общество, которое мы имеем сегодня, и то, которое было 15 лет назад, — два принципиально разных общества. Но если моя гипотеза верна и мы действительно сейчас завершаем институциональные реформы, то в течение последующих 2–4 лет создадим набор сверхгибких механизмов, которые позволят России догнать мир и выйти на лидирующие позиции.

Если нам удастся создать базу экономического роста, то экономический рост самостоятельно поменяет представление общества о том, что с ним происходит и что будет происходить. В рамках сформировавшегося согласия по самым принципиальным вопросам раньше или позже Россия выработает для себя набор перспективных идеологических постулатов... Думаю, это произойдет лет через 10–20.

Политическое решение

В интересной статье «МВФ и рублевая зона, 1991–93 год» Джон Одлинг Сми и Гонсало Пастор¹ обсуждают проблемы, связанные с введением национальных валют на постсоветском пространстве. Тема ключевая для понимания развития событий в России и других государствах СНГ, в странах Балтии на начальном этапе рыночных реформ. Приведенные в статье аргументы заставляют меня уточнить собственные представления о роли Международного Валютного Фонда в развитии событий вокруг рублевой зоны. Ранее я связывал позицию Фонда с неточным пониманием технической стороны дела. Приведенные Одлингом Сми и Гонсало Пастером аргументы убедили меня в том, что дело не в технике, а в политической позиции.

Несколько слов об общем контексте выбора альтернатив, связанных с сохранением или разделением рублевой зоны. Рыночные реформы на постсоветском пространстве (особенно в странах СНГ) являли собой задачу существенно более сложную, чем в Восточной Европе.

В Восточной Европе, государствах Балтии к началу реформ жили миллионы людей, для которых рыночные и частные реалии были с детства элементом нормальной жизни, впоследствии замещенным социалистическими наслоениями. Их дети составляли основу наиболее активных в политике и хозяйстве возрастных когорт. Сами социалистические институты и установления, в подавляющем большинстве случаев привнесенные на советских штыках, значительной частью общества всегда воспринимались как чуждые, вынужденные. Во многих восточноевропейских странах существовали элементы гражданского общества (относительно независимая церковь, мелкое частное производство и т. д.).

На подавляющей части территории Советского Союза всего этого не было. Социалистический общественный опыт был единственно доступным, представления о рыночной экономике подавляющей части населения исчерпывались картинками из западных фильмов,

количество людей, хоть когда-либо в жизни выезжавших в страны с развитой рыночной экономикой, было пренебрежимо мало. Социализм был в СССР не привнесенным на иностранных штыках, а результатом трагического развития событий собственной истории, трудноотделимым от нее элементом. Любые проявления общественной самоорганизации гражданского общества в течение семи десятилетий подавлялись намного более жестко, чем в большинстве восточноевропейских стран. Да и сама экономическая структура советской экономики была в большей степени деформирована социализмом, в большей степени милитаризована, чем более молодые социалистические экономики Восточной Европы.

Отличительной чертой стран, оказавшихся способными провести быструю дезинфляцию и создать основы восстановления экономического роста, было согласие национальной политической элиты в вопросе о выборе стратегического курса развития своей родины. Меняющиеся правительства ориентировались на скорейшую интеграцию в структуры европейского общества, сближение с Европейским союзом. Это позволило наложить неясное вето на попытки масштабных экспериментов с экономикой популизма. Популистская риторика, предложения решать хозяйственные проблемы за счет масштабной денежной эмиссии и наращивания бюджетных расходов регулярно звучали в ходе избирательных компаний, но оказывали крайне слабое воздействие на проводимую экономическую политику. В подавляющем большинстве государств, сформировавшихся из республик бывшего СССР, такого согласия не было. Здесь вопрос о выборе курса был предметом острой политической борьбы, а проводимая финансовая политика подвергалась резким колебаниям.

Фундаментальное отличие развития событий на постсоветском пространстве от ситуации в Восточной Европе состояло в том, что у нас крах социалистической политико-экономической системы совпал с крушением государства¹. Восточноевропейские страны получили в наследство от социализма действующие государственные институты. Их, разумеется, было необходимо перестраивать в соот-

Опубликовано в: Comparative economic studies. XLIV. No. 4 (winter 2002). P. 31–35. На английском языке.

¹ John Odling-Smee and Gonzalo Pastor. The IMF and the Ruble area, 1991–93//International Monetary Fund. Working Paper, 2001. WP/01/101.

¹ В наибольшей степени развитие событий на территории бывшего СССР напоминали ситуацию в Югославии, но югославская экономика к этому времени уже на протяжении десятилетий была экономикой рыночного социализма. В Чехословакии процесс развода прошел организованно и в рамках уже работающей рыночной экономики.

ветствии с новыми демократическими и рыночными условиями, но сам факт их существования, однозначность законодательства, возможность дать четкие ответы на фундаментальные вопросы о том, кто контролирует границы, кто имеет монополию на применение законного насилия, кому подчиняется армия, кто устанавливает налоги, регулирует денежное обращение, — расширяли выбор альтернативных программ проведения постсоциалистических реформ и перехода к рыночной экономике. Тогда как крупнейшее государство СНГ — Россия, получившая в наследство от Советского Союза неработающую конституцию, не определяющую четко соотношение прав и полномочий исполнительной и законодательной власти федерации и регионов, столкнулась с кризисом двоевластия — противостоянием исполнительной и законодательной власти, противоречиями между ними по ключевым политическим вопросам, делавшими крайне сложным выработку осмысленной и последовательной политики.

В этих условиях даже быстрое и однозначное устранение неопределенностей, связанных с рублевой зоной, отнюдь, не давало гарантий успеха стабилизационной программы. А их сохранение, лишавшее бюджетную и денежную политику четких ориентиров, делало шансы на успешную реализацию такой программы близкими к нулю. Авторы статьи говорят о трех альтернативах эволюции рублевой зоны.

1. Ее сохранение при соглашении республик о проведении скоординированной денежной и фискальной политики.
2. Сохранение рублевой зоны при полном контроле Центрального Банка России за денежным обращением.
3. Ликвидация рублевой зоны и введение национальных валют.

Возьму на себя смелость утверждать, что первый и второй варианты в экономико-политическом контексте 1991–1992 г. были нереализуемы. Второй вариант был невозможен по политическим мотивам. Что касается первого, остановлюсь на нем подробнее. В статье говорится о том, что позиция по введению или не введению национальной валюты в республиках определялась политическими мотивами, волей к обретению полноценной независимости, и в качестве примера поддержки быстрого выхода из рублевой зоны называют, наряду со странами Балтии, Украину. Как человек, проведший немало часов в переговорах с украинским руководством по

вопросу о рублевой зоне, позволю себе возразить уважаемым авторам. Риторика, связанная с введением национальной валюты, определялась политическими соображениями, реальные действия — интересами. Украинское руководство не имело ни малейшего желания выходить из рублевой зоны, отказаться от возможности экспорта собственной эмиссии в Россию и другие государства СНГ. Лишь жесткий прессинг с российской стороны подтолкнул его в ноябре 1992 г. к решению о введении национальной валюты.

Есть известная разница в интересах больших и малых государств, входящих в единую денежную зону. Для меньших объективно сильнее стимулы к экспорту эмиссии и максимизации сеньоража, крупные оказываются импортерами инфляции. Россия, экономика которой составляла более 60% всей экономики бывшего Советского Союза, была, естественно, заинтересована в снижении инфляции. Другие республики до тех пор, пока рублевая зона сохраняла такую возможность, разумно пытались покрыть часть издержек, связанных с постсоциалистическим переходом, за счет создания денег и экспорта инфляции. Речь шла о политически и макроэкономически значимых величинах. При всем несовершенстве бюджетной и денежной статистики этого периода было очевидно, что масштабы перераспределения из России в другие страны СНГ составляли более 10% валового внутреннего продукта России.

Представление, что, подписав в мае 1992 г. в Ташкенте на встрече руководителей центральных банков бумагу о координации денежной и бюджетной политики, можно было сломать мощные интересы, стоявшие за этим перераспределением, и радикально изменить экономическую политику, проводимую в странах СНГ, малореалистично. Первое соглашение о координации бюджетной и денежной политики между Россией, Украиной и Беларусью было подписано еще в декабре 1991 г. в Беловежской Пуще. Его эффект был близким к нулю. В 1992 г. государства СНГ подписывали десятки документов о координации, оказывавшие крайне малое воздействие на реальную жизнь. И тем, кто знаком с реалиями этих дней, трудно воспринимать всерьез идею, что, прилетев из Ташкента, руководители ЦБ Украины быстро уговорили бы Л. Кравчука и В. Фокина коренным образом изменить бюджетную и денежную политику. Я имел возможность обсудить Ташкентскую конференцию с рядом ее участников и глубоко убежден: к предложенному МВФ документу большинство из них

относились как к очередной бумаге, никого и ни к чему не обязывающей, но позволяющей продолжать экспорт инфляции.

Реальной была иная альтернатива — сохранение рублевой зоны при несоординированных денежных и бюджетных политиках или форсированное введение национальных валют. Только второй вариант давал шансы на успех стабилизационной программы. В этой связи в 1992 г. дискуссия о рублевой зоне на территории бывшего СНГ и особенно в России во многом и была дискуссией о том, нужна ли нам серьезная программа денежной и финансовой стабилизации. Представление о том, что в рамках единой рублевой зоны возможно долгосрочное сочетание ограничительной денежной политики в России и бурной денежной экспансии на Украине (как это было во втором квартале 1992 г.), — причем заработная плата в Киеве в несколько раз превышала московскую, — подобное представление явно оторвано от политической реальности.

В борьбе за сохранение единой рублевой зоны объединились две мощные силы. Это руководство иных, кроме России, государств Содружества, не желавшее терять доходы от сеньоража¹, и значительная часть представителей российской политической и экономической элиты, никогда не поддерживавшая стабилизационные усилия правительства и стремившаяся сохранить возможность распределения эмиссионных доходов. Причем и те, и другие ссылались в первую очередь на необходимость сохранения сложившихся хозяйственных связей и братского сотрудничества. Именно на этом фоне Международному Валютному Фонду приходилось формировать свою позицию по ключевому вопросу о рублевой зоне.

Авторы статьи очень откровенно пишут о ключевом факторе, влиявшем на формирование данной позиции, — нежелании, чтобы она, эта позиция, могла быть интерпретирована как пророссийская или антироссийская. Как справедливо отмечается в публикации, энергичная позиция в поддержку форсированного введения национальных валют могла бы быть протрактована как пророссийская, а жесткая позиция в пользу сохранения рублевой зоны — как антироссийская. Отсюда выбор технического подхода, при котором решение в полной мере остается за государствами рублевой зоны, а

специалисты Фонда лишь обеспечивают квалифицированную экспертную поддержку. К тому же, как отмечают авторы: «Ввиду размаха России и ее стремления обеспечить макроэкономическую стабильность и отсутствия соответствующих усилий в других странах в первой половине 1992 года казалось, что соглашение о кооперации в рублевой зоне, в котором Россия де-факто обеспечит номинальный якорь, с большей вероятностью обеспечит макроэкономическую стабильность в большинстве стран региона, чем система национальных валют»¹. И лишь когда стало ясно, что попытка дополнительно нагрузить Россию задачей макроэкономической стабилизации в других государствах Содружества подорвала поддержку антиинфляционной политики в самой России, Фонд стал более определенно высказываться в пользу введения национальных валют².

Авторы статьи правы, когда пишут, что судьба рублевой зоны в первую очередь решалась расстановкой сил и балансом интересов в России и других государствах Содружества. К тому же на пути расформирования рублевой зоны и введения национальных валют стояли серьезные технические сложности, необходимость радикально перестроить всю систему расчетов, не говоря уже о введении в обращение наличных национальных денег. Невозможно ответить на вопрос, позволила бы даже самая энергичная и однозначная поддержка Фондом форсированного введения национальных валют решить эти проблемы. Однако есть злая ирония истории в том, что в случае, когда шансы на успех трудной стабилизационной программы в крупной стране во многом определялись решением вопроса об обретении автономии в денежной политике, важнейший международный институт — МВФ вынужден был занять, по понятным и убедительным политическим мотивам, позицию неопределенную.

¹ John Odling-Smee and Gonzalo Pastor. The IMF and the Ruble area, 1991–93//International Monetary Fund. Working Paper. 2001. WP/01/101. P. 16. Когда в июне 1992 г. во время переговоров в Вашингтоне я обратил внимание руководства Фонда на то, что масштабы денежной эмиссии на Украине и ее экспорта в Россию подрывают шансы на успех стабилизационной программы, один из моих собеседников ответил, что с точки зрения экономической логики в этой ситуации от России требуются дополнительные усилия по ужесточению денежной политики, компенсирующие денежную экспансию в СНГ. Замечание было технически правильно, но политически нереализуемо.

² См.: John Odling-Smee and Gonzalo Pasto. The IMF and the Ruble area, 1991-93//International Monetary Fund. Working Paper. WP/01/101.P. 23–24.

¹ Сеньораж — доход государства, получаемый от печатания денег, за счет разницы между себестоимостью изготовления купюр и монет и их номинальной стоимостью. — Прим. ред.

Устойчивые традиции

Сейчас идет оживленная дискуссия о путях и сроках военной реформы. 21 февраля в газете «Известия» по этому вопросу высказался один из ее активных участников — заместитель начальника Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал-лейтенант Василий Смирнов. Сформулированная им позиция, на мой взгляд, характерна для части нашего генералитета. Позволю себе прокомментировать приведенные аргументы о необходимости отложить резкое сокращение периода срочной службы и радикальную реорганизацию системы комплектования вооруженных сил на неопределенный срок.

Первый аргумент материального характера. В. Смирнов считает, что меньше чем за 7000 руб. в месяц контрактника нанять невозможно, а раз денег на это нет, то нечего и затеваться с переходом на контрактную армию. Доказательство (если не считать ссылок на опыт Чечни, а оплата воюющих частей, очевидно, особенный случай) — апелляция к опыту стран НАТО. «В Великобритании они получают 1200–1600 долл. в месяц. И что вы думаете? Тоже не довольны, для них это мало». С точки зрения экономической теории тезис интересный. Он предполагает наличие глобального, открытого, интегрированного мирового рынка рабочей силы, где парнишке из Тамбова или Рязани наперебой предлагают места шофера в Нью-Йорке, докера в Лондоне, официанта в Париже наряду с предложением контрактника в российских вооруженных силах. На деле никакого глобального интегрированного рынка рабочей силы не существует. Имеет смысл обсуждать лишь ситуацию на национальных рынках труда. 1200 долл. в месяц действительно не так уж много в Великобритании, но 50 долл. в месяц — огромная, престижная зарплата в Афганистане. В странах НАТО, на которые ссылается уважаемый генерал, заработная плата начинающих контрактников, как правило, находится в диапазоне между минимальной и средней по стране, там, где безработица высока (Франция), — она ближе к минимальной, там, где она ниже (Англия), — ближе к средней.

Проведенное в прошлом году ВЦИОМ по репрезентативной выборке исследование показало, что в России для того, чтобы обеспе-

чить комплектование армии контрактниками совокупная оплата труда поступающего на службу рядового должна составлять примерно 1,2 средней заработной платы по стране. Это много. Особенно если учесть, что размеры заработной платы в России регионально дифференцированы и такой заработок более чем в 1,5 раза превышает среднюю зарплату в подавляющем большинстве российских регионов. За этими цифрами — осознание обществом непростого положения в вооруженных силах. Можно надеяться, что с течением времени, по мере продвижения военной реформы, улучшения положения в войсках и общеэкономического роста, соотношение между необходимой оплатой контрактников и средней заработной платой по стране приблизится к тем, которые характерны для стран НАТО. Тем не менее сегодня надо исходить из реальности. Что мы и делаем, предлагая свои варианты расчетов затрат на военную реформу.

Что касается приводимого генералом числа — 7000 руб. в месяц, напомним: сегодня совокупное ежемесячное денежное довольствие генерал-майора, командира дивизии — 6333 руб. Это, безусловно, недостаточно. Намечены серьезные меры по увеличению денежного довольствия военнослужащих. Тем не менее и сегодня российская армия не испытывает острого недостатка в количестве генералов.

Жаль, что в рамках предложенной программы повышения денежного довольствия в наименьшей степени предлагается повысить оплату рядовых контрактников. Ее так и собираются удерживать на уровне ниже половины среднего заработка по стране. Если проводить такую политику, остается только жаловаться на низкое качество контрактников и невозможность наращивания их численности. Генерал лукавит, когда говорит о том, что не знает, когда удастся укомплектовать контрактниками 50–60% должностей рядового и сержантского состава и начать сокращение срока службы призывников. Он хорошо знает. При нынешнем уровне денежного довольствия контрактников и намеченных темпах его повышения — никогда.

Второй тезис, приводимый В. Смирновым, не менее интересен. Позволю себе привести цитату: «Контрактнику надо будет не только платить зарплату. Его надо обеспечить жильем, дать работу жене, определить детей в садики и школы. ...Помимо “социалки” надо решить вопрос организации боевой подготовки. Если мы платим человеку за труд, то должны предоставить ему возможность готовиться к выполнению своих служебных обязанностей».

В несколько сокращенном виде эта статья опубликована в: Известия. 2002. 6 марта. Предлагаем вашему вниманию полный ее вариант.

По-моему, уважаемый генерал не в полной мере отдает себе отчет в смысле сказанного. Мы призываем наших молодых сограждан на два года выполнять патриотический долг. По действующему законодательству это вполне может быть и выпускник ВУЗа, имеющий семью. Но так как он идет служить по призыву, никого не волнует есть ли у него жена, не надо ли обеспечить ее работой, а их вместе - жильем, что будет с ребенком. Больше того, так как он - человек подневольный, надо ли обеспечить ему возможность заниматься боевой подготовкой? Пусть с метлой походит, дачу поможет построить. Другое дело, если восемнадцатилетний паренек, прослужив полгода, заключает контракт. Тогда он не крепостной, а свободный. Тут уж и о жене надо подумать и о детях, и о боевой подготовке. Все это напоминает сетования в российском дворянском обществе, непосредственно перед отменой крепостного права, в стиле: «Это как же будет, если я свою дворню выпороть не смогу? Что же мне теперь их милостивыми государями называть? Все же развалится!». У крепостничества всегда была вторая сторона - бегство крепостных от своих хозяев. Поэтому не стоит удивляться: если живы традиции отношения к своим согражданам, призванным в армию как к крепостным, то жива и традиция бегства крепостных, причем нередко с оружием.

И, наконец, последнее. Общество должно понимать, что дискуссия о сроках реформы комплектования вооруженных сил носит отнюдь не технический характер. В течение 2002 — 2005 гг. демографическая ситуация обеспечивает благоприятный фон для проведения военной реформы. Начавшаяся в 1988 г. волна снижения рождаемости обуславливает резкое сокращение призывного контингента с 2006 г. Если общество даст уговорить себя, что вопрос неспешный, надо все хорошенько подготовить, проэкспериментировать, отложить реальные мероприятия по реформированию года на три, то очень быстро нарастающий кризис заставит поставить вопрос о радикальной отмене всех видов отсрочек для студентов, аспирантов и т. д. Не исключая, что часть нашего генералитета именно к этому ведет дело.

Недавно мои единомышленники по «Союзу правых сил» предложили сделать 19 февраля, дату освобождения крепостных крестьян, памятным днем. В целом поддерживаю идею, дата действительно великая. Но, наверное, лучше принять это решение, когда последние остатки крепостничества в виде нынешней системы комплектования вооруженных сил уйдут из нашей жизни.

Если обойтись без комплиментов

«Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие», — говорил известный советский экономист академик С. Струмилин. Какова природа экономического роста в нашей сегодняшней экономике?

Идут продолжительные дебаты о том, какова природа экономического роста, который с 1999 г. наблюдается в России. Есть две основных точки зрения. Одна предельно комплиментарная для правительства: к власти пришел В. Путин, последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они и вызвали рост. Вторая никаких особых заслуг за правительством не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесцениванием рубля.

Структурные реформы, конечно же, для перспектив роста важны; точно так же важны для российской экономики динамика цен на нефть и реального курса рубля. Но глубина и природа сегодняшнего экономического роста в России прямого отношения к обозначенным выше факторам не имеют.

ВВП для живых и мертвых

Почему-то, обсуждая тему роста в нашей стране, мы игнорируем тот факт, что существует еще примерно три десятка государств, которые, подобно нам, решают задачу постсоциалистического восстановления. И если анализ развития событий в России производить в контексте того, что происходит у наших соседей, станет очевидно, что сегодня растут экономически, за мелкими исключениями, практически все страны, расположенные на постсоветском пространстве. Между 1991 и 1994 гг. во всех этих государствах наблюдалось падение производства. В 1995 г. начинают появляться признаки роста, в первую очередь в тех странах, которые до этого были втянуты в войны или оказались объектом блокады. В 1996–1998 гг. видим рост и в других странах. Неустойчивый, часто обратимый; признаки роста сменяются падением. С 1999 г. рост обретает стабильность и происходит почти повсеместно, кроме Украины. С 2000-го — повсеместно (исключение — Киргизия в 2002 г.).

Опубликовано в: Новое время. 2003. 2 февраля.

Напомню, что среди постсоветских государств есть нетто-экспортеры нефти и нефтепродуктов. Есть нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов. Есть те, в которых в течение 1995–2002 гг. происходило реальное укрепление национальной валюты. Есть те, в которых происходило ее реальное ослабление. Ни в одной из постсоветских стран, кроме нашей, не приходил к власти Владимир Владимирович Путин и не начинались реформы по российской модели 2000–2001 гг. И, тем не менее, все они являются сегодня растущими экономиками.

Но если мы все вместе «падали» в первой половине 90-х, а с конца 90-х все вместе «растем», есть резон предположить, что и падение в начале десятилетия, и сменивший его в конце десятилетия рост — части единого процесса.

Так оно и есть, и объясняется этот постсоциалистический переход из спада в рост тем обстоятельством, что при социализме колоссальная часть производственной деятельности была экономически не оправдана.

Крупнейшие экономисты XX в., создававшие концепцию национальных счетов и валового внутреннего продукта, к понятию валового внутреннего продукта относились очень и очень деликатно, прекрасно понимая его социальную обусловленность.

Можно вспомнить блестящего американского ученого русского происхождения, нобелевского лауреата Саймона Кузнеца, отмечавшего, что при своеобразных погребальных обрядах, характерных для Древнего Египта (умершим оставляли съестные припасы), трудно определить применительно к тогдашней египетской экономике подушевое значение валового внутреннего продукта: делить ли все, что произведено, на живое население Египта или же на число живых и первое поколение мертвых?

Можно вспомнить о том, что Саймон Кузнец отказывался включать социалистические страны в предмет изучения современного экономического роста именно по той причине, что не был уверен, в какой степени сама концепция ВВП применима для социалистических экономик.

Здесь ничего не продается и не покупается

Однако сегодня мы оперируем понятием ВВП чересчур легко, нередко забывая о фундаментальных гипотезах, которые лежали в его основе.

Концепция ВВП формировалась для рыночных экономик с относительно небольшим государственным сектором, при этом государственным сектором, который функционирует в условиях демократии. Отсюда гипотеза создателей концепции ВВП: если за товар или услугу кто-то платит либо как налогоплательщик, либо как потребитель, то, следовательно, мы имеем дело с осмысленной экономической деятельностью, которая имеет ценность. Кажется, все логично и достаточно просто, но лишь для рыночных экономик, функционирующих в условиях демократии. А попробуем наложить сказанное на реалии социалистической экономики... Здесь ничего реально не продается и не покупается, здесь доминирует рынок продавца. Объемы производства, структура производства, структура распределения — все определяется авторитарной властью. Можно ли полагать, что всякая экономическая деятельность, осуществляемая в рамках подобного режима, является осмысленной экономической деятельностью? Огромные объемы экономической деятельности, которая осуществлялась в течение социалистического периода, не имели никаких оснований, платить за них в условиях рынка и демократии никто бы не стал.

А это означает, что колоссальная часть этой деятельности не имеет ни малейшего экономического смысла.

В свое время осушали Кара-Богаз-Гол для того, чтобы остановить падение уровня Каспия. Потом строили канал Волга-Чограй, чтобы отвести воду из Волги и приостановить повышение уровня Каспия. И в первом случае, и во втором создавался ВВП — если, конечно, рассматривать это понятие под привычным углом зрения социалистических экономик. В 70-х гг. прошлого века были потрачены крупные средства на то, чтобы осушить торфяники под Москвой. В 2002 г. эти торфяники горели, и сейчас обсуждается вопрос о том, не надо ли оросить их снова. Работы по осушению давали прирост валового внутреннего продукта. Если придется орошать, это тоже даст увеличение валового внутреннего продукта. Если приступить к реализации идеи Ю. М. Лужкова о переброске сибирских рек в Среднюю Азию, валовой внутренний продукт будет бурно расти. Конечно, придется немножко перестроить наши экономические, и не одни лишь экономические, институты, может быть, посадить людей на карточки, но валовой внутренний продукт возрастет.

Демонтаж социалистической структуры хозяйствования высветил тот фундаментальный факт, что значительная часть экономической деятельности, которая реализовывалась в условиях социализма, никогда не будет востребована в условиях рынка и демократии. Но перераспределение ресурсов, сконцентрированных в этих видах деятельности, в другие, в те, на которые есть реальный рыночный спрос, не может произойти немедленно.

(Собственно, и постсоциалистическая рецессия, и последующее восстановление — это единый процесс. На первых стадиях перехода ресурсы, которые высвобождаются из нерыночного сектора, значительно превышают по объему те, которые могут быть задействованы в секторе, работающем на рынок, на реальный спрос. К тому времени, когда ресурсы, которые могут быть задействованы в рыночном секторе, оказываются больше, чем те, которые высвобождаются из нерыночного сектора, рецессия останавливается и начинается постсоциалистический восстановительный рост.)

Исследователи указывают на то, что большую глубину и большую продолжительность постсоциалистическая рецессия имеет в тех странах, где социализм существовал на протяжении не двух поколений (40 лет), как в Восточной Европе или в странах Балтии, а трех (75 лет), где масштабы нерыночного сектора и диспропорции, порожденные периодом социалистического хозяйствования, были больше.

РЫКОВ И КАСЬЯНОВ

Рост, который мы видим в России сегодня, — в отечественной истории не уникален. У него много схожих черт с восстановительным ростом, имевшим место при НЭПе, после революции и Гражданской войны. Понятие «восстановительный рост» ввел в научный обиход замечательный российский экономист В. Громан, описавший его особенности в своих работах, относящихся к 20-м гг. Согласно Громану, восстановительный рост — это рост, который происходит при использовании ранее созданных производственных мощностей, ранее обученной, квалифицированной рабочей силы. Эти составляющие в сочетании с ликвидацией дезорганизации, восстановлением хозяйственных связей (ученый отмечал, что, несмотря на те разрушения основных фондов, которые принесла Гражданс-

кая война, гораздо большую роль в падении производства сыграли не физические разрушения, а дезорганизация хозяйственных связей) позволяют объединить вновь факторы производства, запустить производственный процесс.

Характерная черта восстановительного роста — его предельно высокие темпы на начальном этапе, неожиданные для специалистов, экспертов, политической элиты. Никто из специалистов Госплана, вспоминает Громан, не ожидал, что темпы экономического роста в 1923–1924 хозяйственных годах, сразу после денежной реформы и стабилизации денежного обращения, будут столь высокими. Госплан прогнозировал, что экономический рост в 1923–1927 гг. без масштабных капиталовложений может в целом вывести национальный доход Советского Союза на уровень примерно половины национального дохода России 1913 г. Оказалось, национальный доход СССР достиг уровня, близкого к 100% российского ВВП 1913 г. (статистика этого периода является спорной, оценки колеблются в пределах от 90 до 110%, но общая картина от этого не меняется).

Точно так же нынешнее российское правительство в своих бюджетных документах наиболее вероятными на 2000 г. считало показатели в диапазоне от 0,2% роста до в 2,2% падения. Международный валютный фонд прогнозировал весной 2000 г. рост российского ВВП на 1,5%. Реально же рост ВВП составил 9%. Рост промышленного производства — 11%¹.

На Украине, где пик темпов роста пришелся на 2001 г., прогнозировалось увеличение ВВП на 3,5%. Реальный рост составил 9%.

В общем, восстановительный рост с его чрезвычайно высокими на начальном этапе темпами приходит неожиданно, как приятный сюрприз. Но вот дальше — уже далеко не радостная особенность: восстановительный рост по своей природе носит затухающий характер, поскольку производство запущено, как говорилось, благодаря соединению имевшихся старых мощностей со старой квалифицированной рабочей силой, а располагаем мы обоими этими ресурсами в объемах ограниченных. Поэтому темпы роста начинают падать, как они падают сегодня у нас.

¹ По уточненным данным, рост ВВП составил в 2000 г. 10%, рост промышленного производства — 8,7%. — Прим. ред.

Однако сами предельно высокие темпы восстановительного роста на его ранних стадиях затем задают планку в экономической политике.

В 1920-е гг. в России проблема того, как не допустить падения темпов экономического роста, порожденного восстановительными процессами, была важнейшей. Попытки резкого увеличения темпов вложений и форсирование экономического роста в 1925–1926 гг. привели к дестабилизации денежного обращения, росту цен и появлению дефицита товаров. Тогда эти процессы протекали на фоне еще не исчерпанных резервов восстановительного роста. Поэтому весной 1926 г. советское правительство искало разрешение противоречий на пути восстановления баланса денежного обращения, преодоления инфляционных тенденций, снижения темпов роста капитальных вложений.

В 1927–1928 гг. аналогичная попытка подстегнуть темпы экономического роста проходила уже на ином фоне: основные резервы восстановительного роста исчерпаны, его темпы резко падают. И вновь давшие о себе знать финансовые диспропорции (рост цен, обострение товарного дефицита) были разрешены уже не путем восстановления финансового и денежного баланса, а на основе полного демонтажа инструментов новой экономической политики, принудительного изъятия зерна у крестьян, насильственной коллективизации.

Когда весной 2002 г. в политической элите началась дискуссия о недопустимости ориентации российского правительства на осторожные проектировки 4%-ного роста ВВП и о необходимости иметь более амбициозные планы, я не мог не вспомнить о том, что председатель Совнаркома А. Рыков первый раз подал в отставку в марте 1928 г. на заседании Политбюро ВКП(б) именно в ответ на требования товарищей ставить перед собой более амбициозные задачи. Известный советский экономист академик С. Струмилин в то время говорил: «Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие». Жесткая позиция премьера М. Касьянова, сказавшего весной 2002 г., что прорывов не будет, показывает, что за прошедший век мы чему-то научились.

Для того чтобы создать предпосылки уже не восстановительного роста, а устойчивого, долгосрочного роста на основе создания новых мощностей, вложений, когда вкладывать деньги инвестор дол-

жен не на короткий период, а на многие годы, нужен совершенно другой уровень гарантий, вообще всех институтов доверия к собственности, нежели при восстановительном росте, когда ты просто запустил производство и оно начало давать тебе прибыль.

ОЛИГАРХИЯ ДЕ-ФАКТО

Нынешнее российское правительство стремится — по крайней мере стремилось в 2000–2001 гг. — создать предпосылки устойчивого, а не восстановительного роста, и это, разумеется, правильно. Но здесь мало провести налоговую реформу или ввести новый трудовой кодекс, нужен целый набор важнейших структурных реформ, и они должны дополнять друг друга. Потому что можно иметь замечательную налоговую систему, но если при этом судебная система не функционирует, а государственный аппарат коррумпирован, то люди не будут вкладывать на долгие годы и с огромными рисками свои деньги в нашу экономику. А значит, рост будет носить затухающий характер, отсюда риск авантюрных экспериментов, подобных тем, которые подорвали НЭП.

Едва ли не самая, на мой взгляд, серьезная угроза, с которой мы сталкиваемся сегодня, заключена именно в сочетании затухающих темпов восстановительного роста и резкого замедления — под усиливающимся влиянием российской бюрократии — структурных реформ, которые необходимы стране для того, чтобы обеспечить базу устойчивого экономического роста. Это опасный риск, который вполне может сыграть крайне негативную роль в развитии ситуации в российской экономике, в российском обществе.

Одно из проявлений этой проблемы — олигархический капитализм. Не в том виде, в котором он существовал в конце 90-х гг., когда очень небольшая группа людей вела себя как реальное правительство России, да, в общем, и являлась реальным правительством России, — это вчерашний день. Но колоссальная концентрация ресурсов в руках очень небольшого круга крупнейших компаний, позволяющая обеспечить тесное переплетение экономической мощи с политическим влиянием, сращивание власти с собственностью, — это сохраняющиеся и сегодня российские реалии.

Частично это реакция на несовершенство российского государственного устройства, на слабость судебной системы: если вы не

можете добиться, чтобы контракты выполнялись через суд, вы создаете крупные вертикально интегрированные компании и обеспечиваете управляемость за счет того, что контролируете всю производственную цепочку. Но, привыкнув решать свои хозяйственные конфликты с использованием властного ресурса, с привлечением силовых структур, вы заинтересованы в том, чтобы у вас и дальше был коррумпированный государственный аппарат и дальше оставалась слабой судебная система. А это стратегически крайне опасно для страны.

Классовый инстинкт партии власти тормозит реформы

Из доклада на Совете партии «Союз правых сил»

Импульс реформам, который был дан в 2000 г., к 2002 г. практически выдохся. Нельзя сказать, что не было сделано вообще ничего: принят, скорее по инерции, набор достаточно серьезных решений, важнейшие из которых — это закон об обороте сельскохозяйственных земель, хотя он и прошел в изуродованном виде; пакет законов о судебной реформе, тоже во многом выхолощенный, однако зафиксировавший такую необходимую норму, как судебный характер ареста. Но в целом говорить о том, что правительство в 2002 г. проводило некую последовательную политику либеральных реформ, направленную на решение стратегических задач страны, невозможно: такой политики просто не было.

Причиной ее отсутствия часто называют предстоящие выборы. В какой-то степени это так: те, кто работает в Думе, чувствуют, как с приближением выборов растет градус популизма в парламенте, насколько труднее становится принимать любые осмысленные решения и насколько легче проходят популистские прожекты. Тем не менее решусь предположить, что предстоящие выборы — отнюдь не главный фактор перелома в динамике реформ, который произошел в 2002 г. Не надо забывать о другом важном обстоятельстве: в 2001 г. шел процесс постепенного формирования новой партии

Опубликовано в: Новое время. 2003. 9 февраля.

власти — «Единой России». И если в 2000-м, в начале 2001-го фракция «Единство» была неплохим инструментом, который власть использовала для проведения в жизнь либеральной повестки дня, то по мере структурирования этого политического конгломерата — «Единой России» — стало видно, что он начинает все в большей и большей степени оказывать влияние на саму политику, которую вырабатывает власть.

Конечно, люди в состав «Единой России» входят разные: там сосуществуют те, кто готов выполнять любые указания власти, и искренние консерваторы; сторонники партии реванша и защитники господствующих высот, занятых региональными баронами... Но все-таки по своему характеру, по своей структуре «Единая Россия» — это партия российской бюрократии. А у российской бюрократии есть свои классовые интересы.

В продвижении реформ мы подошли сегодня к тому моменту, когда принципиальные вопросы решать предстоит не в чисто экономической сфере, а в сфере государственного устройства, в сфере функционирования власти. Не может не волновать коррупция власти, не могут не волновать функционирование судебной системы и в этой связи гарантии прав собственности. Общество требует, чтобы власть была некоррумпированной, прозрачной, подконтрольной. А российская бюрократия совершенно откровенно демонстрирует свое неприятие этих требований. Некоррумпированная? Прозрачная? Подконтрольная? Да никогда!

И вот этот классовый инстинкт партии власти, инстинкт, добавлю, абсолютно осознанный, все в большей степени проявляется в практически реализуемой политике, все в большей степени тормозит те реформы, которые необходимы стране для того, чтобы обеспечить базу устойчивого экономического роста.

Налоговая реформа практически остановилась, реформа бюджетных расходов и не начиналась, нет ни малейших признаков серьезного продвижения в реформе системы здравоохранения и образования, не началась административная реформа, по поводу военной реформы идут тяжелые бои. Короче говоря, ряд важнейших реформ, без которых устойчивый рост в России невозможен, сегодня практически остановлен. Это очень опасный процесс, который мы видели в 2002 г. и, боюсь, будем, к сожалению, видеть дальше.

Перспективы экономического развития России

Обсуждение социально-экономических проблем современной России часто ведется изолированно от опыта других стран, и прежде всего посткоммунистических. Создается впечатление, что для исследователей российских реалий не существует опыта почти трех десятков других стран, которые, выйдя из социализма, решают проблемы, схожие с нашими¹.

Это замечание в полной мере относится к обсуждению проблем экономического роста, который начался в России в 1999 г. В отечественной литературе доминируют две концепции объяснения природы этого роста. Первая связывает его с реальным обесцениванием рубля после кризиса 1998 г. и благоприятной конъюнктурой рынка нефти. Второй причиной роста называют реформы, которые проводит российское правительство в условиях политической стабилизации, наступившей после выборов 2000 г. Эти реформы, безусловно, важны и для обеспечения долгосрочного устойчивого роста. Действительно, для России конъюнктура рынка нефти и реальный курс — важнейшие факторы макроэкономической политики, влияющие на рост. Но природа нынешнего роста все-таки иная.

В контексте опыта других стран нетрудно заметить, что ВВП в настоящее время растет на всем постсоветском пространстве. Причем на первом этапе, примерно в 1992–1994 гг., роста не было ни в одной из них. В 1995 г. проявляются первые признаки экономического роста в странах Балтии (Литва, Латвия, Эстония), а также в государствах, которые были вовлечены в военные конфликты или же были объектом блокады (например, в Армении, Грузии, Азербайджане).

В 1996–1998 гг. стали наблюдаться первые признаки экономического роста и в других постсоветских государствах, но они носили крайне неустойчивый характер и часто сменялись спадом. Однако после 1998 г. рост наблюдается практически по-

всемирно, за исключением Украины в 1999 г. и Киргизии в 2002 г. (см. табл. 1).

Таблица 1. Темпы прироста физического объема ВВП в постсоветских государствах в 1996–2002 гг., %

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002*
Азербайджан	1,3	5,8	10,0	7,4	11,1	9,9	10,6
Армения	5,9	3,3	7,2	3,3	5,9	9,6	12,9
Беларусь	2,8	11,4	8,3	3,4	5,8	4,7	4,7
Грузия	10,5	10,8	2,9	3,0	1,9	4,5	5,4
Казахстан	0,5	1,7	-1,9	2,7	9,8	13,5	9,5
Кыргызстан	7,1	9,9	2,1	3,7	5,4	5,3	-0,5
Молдова	-7,8	1,3	-8,6	-3,4	2,1	6,1	7,2
Россия	-3,5	0,8	-4,6	5,4	9,0	5,0	4,3
Таджикистан	-4,4	1,7	5,3	3,7	8,3	10,2	9,1
Узбекистан	1,6	2,5	4,4	4,4	3,8	4,5	3,0
Украина	-10,0	-3,0	-1,9	-0,2	5,9	9,1	4,1
Латвия	3,3	8,6	3,9	2,8	6,8	7,7	5,4
Литва	4,7	7,3	5,1	-3,9	3,8	5,9	-
Эстония	3,9	10,6	4,7	-0,6	7,1	5,0	5,7

* Прогнозные данные.

Источники: 1. Данные за 1999–2002 гг. (кроме Латвии, Литвы и Эстонии), <http://www.cisstat.com/rus/index.htm> Межгосударственный статистический комитет СНГ, Макро-показатели. 2. Данные за 1996–1998 гг. Transition Report 2001. EBRD, 2001. 3. Латвия, Литва и Эстония, 1999–2001 гг. Расчеты на основе данных IFS, IMF 2003. 4. Латвия 2002 г. — расчет на основе данных Центрального статистического бюро Латвии, <http://www.csb.lv/avidus.cfm>. 5. Эстония 2002 г. — расчет на основе данных Статистического бюро Эстонии, <http://www.stat.ee>.

Таким образом, наличие роста напрямую не связано ни с политическим режимом (он существенно отличается в перечисленных странах), ни с проведением реформ, напоминающих российские реформы 2000–2001 гг., ни с ценами на нефть (среди упомянутых стран есть как нетто-экспортеры, так и нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов). Кроме того, если проследить динамику реального курса национальных валют 1995–1999 гг., видно, что в одних государствах реальный курс существенно упал, а в других — укрепился (см. табл. 2).

Опубликовано в: Финансовые известия. 2003. 25 февраля.

¹ На это обратил внимание Л. Арон, заметив, что дискуссии о России ведутся, как правило, «вне контекста», объясняя такую ситуацию огромными размерами страны (Aron L. Structure and Context in the Study of Post-Soviet Russia: Several Empirical Generalizations in Search of a Theory//Russian outlook. 2001. 1 January)..

Таблица 2. Реальный курс национальной валюты (долларов США за единицу национальной валюты) в постсоветских государствах (по ИПЦ), 1995=100(1)

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Азербайджан	126	135	131	104	99	93	93
Армения	107	104	106	104	95	93	91
Беларусь	110	89	44	56	39	46	57
Грузия	130	134	99	107	105	103	101
Казахстан	118	131	125	80	84	85	87
Кыргызстан	86	100	64	55	60	63	64
Молдова	113	120	70	72	86	87	86
Россия	120	125	45	63	71	78	85
Украина	166	187	113	89	106	118	117
Латвия	110	111	118	116	110	104	108
Литва	121	129	133	131	128	126	136
Эстония	110	103	118	102	95	93	101

Источник: Расчеты на основе данных по номинальному обменному курсу на конец периода, индексу потребительских цен в стране и индексу потребительских цен в США из International Financial Statistics 2002. IMF, 2002.

(1) Для всех стран, кроме Латвии, Литвы и Эстонии, данные по номинальному обменному курсу (усредненные месячные данные) и по индексу потребительских цен: Статкомитет СНГ (<http://www.cisstat.com/rus/index.htm>), Макро-показатели. Для Латвии, Литвы и Эстонии номинальный обменный курс и индекс потребительских цен: International Financial Statistics, IMF, 2003. Индекс потребительских цен США также из International Financial Statistics, IMF, 2003.

Естественно, у каждого из постсоветских государств есть свои особенности, однако все они проявляются исключительно на фоне экономического роста. Это заставляет предположить, что источники данного роста, как и предшествующего падения экономической активности, надо искать в иных процессах.

Прежде всего попытаемся проанализировать, с чем было связано падение производства в 1992–1994 гг., которое потом сменилось экономическим ростом.

Феномен постсоциалистической рецессии достаточно хорошо изучен, и основные факторы, которые определяют ее развертывание, понятны. Стоит обратить внимание на природу социалистического валового внутреннего продукта. Традиционная, используемая

в рыночной экономике концепция ВВП неприменима для содержательного анализа социалистических экономик. Корректное использование понятия ВВП накладывает известные ограничения, к которым в первую очередь относятся: наличие рыночной экономики, доля государства (бюджета) в которой относительно невелика и присутствует демократический контроль над формированием государственных расходов. Отсюда вытекает фундаментальный принцип, используемый при расчете ВВП: если люди платят за некие товары и услуги, то это означает, что они (товары и услуги) представляют для них ценность. Последнее и является необходимым условием включения данных продуктов в расчет благосостояния¹.

Очевидно, что описанная выше ситуация не соответствует реалиям социалистической экономики, где производство и распределение продукции жестко регулируются, рынок отсутствует, равно как и демократический контроль над государственными расходами. В такой ситуации значительный объем хозяйственной деятельности не является вкладом в рост благосостояния, что во многих случаях превращает рост ВВП в статистическую иллюзию. Применительно к социализму понятие ВВП носит крайне условный характер, потому что далеко не всегда существуют базовые предпосылки, которые позволили бы считать ту или иную экономическую деятельность осмысленной, ориентированной на реальные потребности. Иными словами, потребности и мотивы хозяйственной деятельности в социалистической и рыночной экономиках качественно несопоставимы — то, что осмысленно в первой, может оказаться совершенно бессмысленно во второй, что резко ограничивает возможность сопоставления ВВП, выраженного в стоимостных единицах (деньгах). Когда же социалистическая система рушится, эти качественные различия выходят на поверхность: выясняется, что значительную часть экономической деятельности составляет та, за которую никто и никогда в условиях рынка и демократии платить не будет ни как потребитель, ни как налогоплательщик.

¹ О том, насколько важны допущения такого рода, свидетельствуют парадоксальные высказывания, которые можно встретить в дискуссиях о «правильном» измерении ВВП. Известен пример, приводимый А. Пигу, о том, что женитьба на собственной домработнице должна снижать ВВП, поскольку супруг перестает покупать соответствующие услуги. Известна и постановка вопроса С. Кузнецом о том, имеет ли смысл при расчете ВВП в Древнем Египте принимать во внимание специфику ритуальных процедур этой страны, т. е. учитывать ли при расчете среднедушевого показателя число всех живущих или число живущих и первое поколение умерших.

Именно поэтому процесс постсоциалистической трансформации прежде всего состоит в постепенном перераспределении ресурсов из тех видов деятельности и предприятий, которые не могут функционировать в условиях рынка, в те виды деятельности, которые оказываются в условиях рынка востребованными. На первой стадии объем высвобождения ресурсов всегда превышает объем их использования в новых производствах, что и предопределяет спад. Затем экономика проходит через «точку перегиба» — когда объем вовлекаемых в производство ресурсов становится больше, чем объем высвобождаемых из ранее занятых в неэффективных отраслях. В этом и состоит природа постсоциалистического перехода и роста.

Далее возникает проблема модернизации, связанная с крахом старой системы хозяйствования и временем, необходимым для того, чтобы заработали рыночные институты. Это второй важный фактор, определяющий ход постсоциалистической рецессии. После того как рыночные институты возникли и стали функционировать, начинается постсоциалистическое восстановление.

Основными факторами, которые определяют продолжительность и глубину постсоциалистической рецессии, являются:

- а) масштабы сектора экономики, продукция и услуги которого не востребованы рынком;
- б) масштабы использования рыночных инструментов в условиях социализма;
- в) наличие в социальной памяти населения информации о досоциалистических рыночных институтах.

Исходя из этого можно понять, например, почему в Восточной Европе и странах Балтии, в которых жили при социализме два поколения, рецессия длилась меньше, чем на большей части постсоветского пространства, где при социализме жили три поколения.

Иными словами, формирование рыночной системы хозяйственных связей, перераспределение критической массы ресурсов в рыночные сектора, адаптация менеджмента к работе в условиях рынка — таковы важнейшие факторы перехода к стадии постсоциалистического роста. Этот процесс протекал в первой половине 90-х гг. в Восточной Европе, а в конце 90-х гг. — в государствах СНГ. И уже на этот процесс накладываются специфика национальной макроэкономической ситуации, динамика цен на основную продукцию экспорта и импорта, курсовая политика. Эти параметры

существенно влияют на национальные траектории роста, но лишь с учетом и в рамках общего процесса постсоциалистического восстановительного роста.

Такой восстановительный рост не является для нашей страны новым феноменом. С аналогичными проблемами сталкивался СССР после революции и Гражданской войны 1917–1921 гг., что нашло отражение и в экономических дискуссиях того времени. Именно тогда известными российскими экономистами В. Базаровым и В. Громаном был введен в экономический оборот термин «восстановительный рост»¹. При этом обнаружилось, что при всех колоссальных потерях в ходе революции и Гражданской войны важнейшим фактором падения производства в это время было нарушение хозяйственных связей².

Очевидно, что современный восстановительный рост в России существенно отличается от восстановительного роста после Гражданской войны и революции.

Во-первых, уровень падения производства в 1991–1998 гг. был существенно ниже, чем во время революции и Гражданской войны. Поэтому и темпы восстановления сейчас тоже более низкие.

Во-вторых, российская экономика периода НЭПа была в целом рыночной, как и российская экономика 1913 г. Формировавшиеся тогда хозяйственные структуры при всех их отличиях (существенно меньшая доля внешней торговли в ВВП, меньшая товарность сельского хозяйства, большая роль государственного сектора и т. д.) напоминали структуру российской экономики 1913 г. в большей степени, чем структура рыночной в своей основе экономики современной России напоминает структуру социалистической экономики РСФСР 1990 г.

Но ряд процессов, которые были характерны для восстановительного роста периода НЭПа, проявляются и в сегодняшней России.

¹ См. Базаров В. О восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1; Он же. Перспективы нашего народного хозяйства на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925. № 8; Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2.

² «Как ни велики были прямые уничтожения: смерти людей, разрушение зданий, машин, готовых предметов потребления — в пожарах, в боях империалистической и гражданской войн, но они неизмеримо слабее, чем функциональное расстройство, то есть временное прекращение хозяйственных творческих процессов». — См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 101.

Первая характерная черта восстановительного роста — его неожиданность. В. Громан в свое время обращал внимание на то, что никто в Госплане не ожидал тех темпов восстановления промышленности, которые были обеспечены после стабилизации хозяйственных связей и финансовой стабилизации в 1923/24 хозяйственном году. Госплан исходил из того, что без масштабных капиталовложений можно довести объем промышленного производства к 1927/28 г. лишь до 50% довоенного уровня¹. В реальности же к 1927/28 г. промышленное производство почти достигло уровня 1913 г.²

Похожая ситуация наблюдается и в наше время. Российское правительство прогнозировало на 2000 г. от 2,2% падения до 0,2% роста ВВП, МВФ прогнозировал рост в 1,5%, реальный же рост при этом составил 9%³. (Заметим, что, рост ВВП на Украине в 2001 г. составил 9% при прогнозе МВФ на уровне 3,5%⁴.)

Причины ошибок в прогнозах понятны и тесно связаны с самим характером восстановительного роста. Поскольку используемые методы прогнозирования ВВП опираются на экстраполяцию тенденций предшествующего периода, прогнозную динамику факторов производства и экономической конъюнктуры, нетрудно понять, что все они мало пригодны для прогнозирования всплеска экономической активности, обусловленного стабилизацией хозяйственных связей.

Дальше приходится иметь дело со второй неожиданностью, но уже неприятной. Выясняется, что восстановительный рост по своей природе носит затухающий характер. Механика этого процесса объяснима: восстановительный рост обеспечивается использованием уже созданных мощностей и подготовленной квалифицированной рабочей силой. Он происходит при относительно незначительных капвложениях, однако его ресурсы достаточно быстро исчерпываются.

Так, в период 1998–2002 гг. численность занятых в российской экономике выросла на 8,9 млн чел. (с 58,4 до 67,3 млн). Дефицит

¹ См.: Громан В. Конъюнктурный обзор народного хозяйства СССР за первое полугодие 1924–25 года // Плановое хозяйство. 1925. № 6.

² См. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / Ed. by R. W. Davies, Mark Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge University Press, 1994.

³ По уточненным данным, реальный рост ВВП в 2000 г. составил 10%. — Прим. ред.

⁴ World Economic Outlook. October 2000. Focus on Transition Economies. International Monetary Fund.

квалифицированной рабочей силы нашел выражение в быстром росте реальной заработной платы. В течение 2000–2002 гг. реальная заработная плата выросла в 1,7 раза. Аналогичная тенденция наблюдается и в других государствах СНГ (см. табл. 3).

ТАБЛИЦА 3. Темпы прироста реальной заработной платы в странах СНГ в 1996–2001 гг., %

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Азербайджан	19,0	53,0	20,0	20,0	18,0	16,0
Армения	13,0	26,0	22,0	11,0	13,0	5,0
Беларусь	5,0	14,0	18,0	7,0	12,0	13,0
Грузия	53,0	37,0	25,0	2,0	3,0	22,0
Казахстан	2,0	5,0	4,0	7,0	12,0	13,0
Кыргызстан	1,0	12,0	12,0	-8,0	-2,0	11,0
Молдова	5,0	5,0	5,0	-13,0	2,0	15,0
Россия	6,0	5,0	-13,0	-22,0	21,0	20,0
Таджикистан	-14,0	-2,0	29,0	0,3	8,0	11,0
Украина	-5,0	-2,0	-3,0	-6,0	1,0	21,0

Источник: Содружество независимых государств в 2001 году. Статистический ежегодник. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2002.

На опережающий по сравнению с производительностью труда рост реальной заработной платы указывал как на характерный элемент восстановительных процессов и В. Громан в своих работах, относящихся к 1920-м гг.¹

Конъюнктурные опросы, проводимые ИЭПП, показывают резкое изменение баланса оценок достаточности производственных мощностей для удовлетворения ожидаемого спроса в период 1998–2001 гг. Изменение претерпевают также оценки потребности в рабочей силе в связи с ожидаемым спросом: нехватка оборудования и квалифицированных кадров все чаще расценивается как серьезная преграда на пути роста производства².

¹ См. Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. М., 1925. № 2. С. 132.

² См. Экономико-политическая ситуация в России. Ежемесячные обзоры. М., ИЭПП.

Падение темпов роста после достижения пиковых значений и вовлечения в хозяйственный оборот наиболее доступных ресурсов почти с неизбежностью порождает экономико-политические дебаты о причинах затухающих темпов роста и путях их повышения. Если первоначально экстремально высокие темпы роста начала восстановительного периода воспринимаются и властью, и экспертным сообществом в качестве приятной неожиданности, то затем и политическая элита, и общество привыкают ориентироваться на эти аномально высокие темпы роста как на ориентир для выработки политики, как на точку отсчета в оценке проводимой политики.

Такая ситуация хорошо знакома исследователям экономики 20-х гг, т. е. периода НЭПа¹. Попытка форсировать индустриализацию в 1925/26 г., которая привела к росту инфляции осенью 1925 г. и обернулась крахом конвертируемости червонца, была связана со стремлением поддержать темпы роста. Но в 1925/26 г., когда продолжался восстановительный процесс, темпы роста были еще достаточно высокими. Поэтому даже при возникновении соответствующих проблем — напряжения бюджета и появления явных признаков инфляции — разрешение конфликта нашло выражение в замедлении темпов инвестиций и денежной экспансии, стабилизирующих экономику. Но когда аналогичная экономико-политическая дилемма возникла в следующий раз (в 1927 г.), темпы роста уже в несколько раз снизились по сравнению с пиком восстановительного периода, и попытка увеличить темпы роста на таком фоне привела не к новой стабилизации, а к развалу всего механизма НЭПа.

В сегодняшней России обсуждение вопроса о том, что необходимо сделать, чтобы подстегнуть «затухающие темпы роста», пока не привело к столь трагическим последствиям, но потенциально способно оказать опасное воздействие на всю экономическую политику. Относительная исчерпанность источников «восстановительного роста» ставит новую проблему обеспечения экономического роста, выходящего за пределы собственно восстановления, т. е. экономического роста, который ориентируется уже не на вовлечение старых, а на создание новых производственных мощностей, на обновление основных фондов, на привлечение новой квалифицированной рабочей силы.

Решение этой проблемы связано с углублением экономических реформ. По нашему мнению, то, что делает правительство в этой области, в целом оправданно. Однако это длительный процесс, дающий результаты с большим временным лагом. Так, вполне естественно считать, что экономический рост 90-х гг. в США был тесно связан с экономическими реформами 80-х гг. при Р. Рейгане.

Логика рассуждения людей, которые хотели бы «подстегнуть» рост, примерно такова: «Президент доверил правительству, вложил в его программу огромный политический капитал. Правительство приступило к реализации программы, начало некие реформы, а в результате темпы роста упали в два раза». Из этого вытекает вывод о необходимости смены курса. Именно подобного рода угроза является очень серьезной проблемой для современной России.

В связи со сказанным определенный риск заключается в возможной паузе в росте в течение 2003–2005 гг. Опасна не пауза сама по себе: значение того, каким образом повлияют темпы восстановительного роста в 2003–2005 гг. на долгосрочные перспективы России, достаточно ограничено. Опасна пауза в замедлении, а то и в приостановке структурных преобразований, которые гораздо важнее краткосрочных колебаний показателей роста в той ситуации, в которой находится Россия сегодня, когда ресурсы восстановительного роста практически исчерпаны. Единственным разумным решением является ускорение структурных реформ и поддержание консервативной денежной и финансовой политики для формирования предпосылок устойчивого экономического роста на базе эффективного набора рыночных инструментов.

При этом стоит помнить о том, что структурные реформы требуют высокой степени комплементарности¹. Для того чтобы создать благоприятный инвестиционный климат, недостаточно провести налоговую реформу, проводить разумную курсовую политику и снизить государственные расходы. Также необходимы эффективно функционирующая судебная система, реально защищенные права собственности, менее коррумпированная бюрократия. Все это

¹ См. *Май В.* Реформы и догмы: 1924–1929 гг. М., 1993. С. 152–178.

¹ *Комплементарность* имеет разные конкретные значения в химии, молекулярной биологии, генетике, философии, технике. Общий смысл, используемый и в данном случае: взаимное соответствие и дополнение частей при образовании устойчивого целого. — *Прим. ред.*

предполагает длительную подготовительную работу, однако нулевые темпы роста могут появиться уже в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Кроме требований к экономической политике, которые налагаются спецификой восстановительного роста, есть целый ряд проблем, непосредственно следующих из задач догоняющей постиндустриализации, лежащих в области социальной политики.

Проблемы демографии и миграции

Население России в XXI в. будет резко сокращаться, что связано не с отсталостью страны, а, напротив, с ее индустриальной зрелостью. Такая ситуация характерна для большинства развитых постиндустриальных стран, не испытывающих притока иммигрантов. Иными словами, предстоит значительный рост нагрузки на работающее население, и Россия будет жить в условиях сокращающейся численности рабочей силы. В данном случае мы имеем дело с инерционной долгосрочной тенденцией, повлиять на которую практически невозможно. Это, однако, не исключает вероятности в краткосрочной перспективе роста рождаемости.

Отличие России от других стран состоит в одном: мы столкнулись с сокращением населения на более ранней стадии развития, чем западный мир. Причем соседние с Россией государства на сегодня являются более бедными и густонаселенными.

На практике это означает, что в Россию будет идти поток иммигрантов. Как показывает опыт, остановить в условиях демократического устройства страны приток трудовой миграции невозможно: с одной стороны, работодатель предъявляет спрос на рабочую силу (дефицит рабочей силы — важнейший фактор торможения экономического роста), с другой — есть предложение этой рабочей силы.

Реальный выбор для России состоит не в том, быть или не быть иммиграции, а в ее характере — легальном или нелегальном. Уже сейчас, согласно официальной статистике, у нас 400 тыс. трудовых иммигрантов, тогда как, по оценкам представителей органов власти, реальное число иммигрантов составляет от 1,5 до 15 млн чел.

Как показывает опыт, нелегальная иммиграция — самая опасная для общества миграция. Не имея трудовых и социальных гарантий, нелегальные иммигранты вынуждены полагаться на механизмы этнической солидарности и создают закрытые сообщества, которые часто оказываются связанными с организованной преступностью, что порождает антииммигрантские настроения в среде коренного населения, голосование за ультраправые партии, погромы — все то, что подталкивает к опасному развитию политической ситуации.

В свете сказанного недавно принятый Закон «О гражданстве Российской Федерации», предполагающий насильственное выдворение иммигрантов, основан на непонимании стоящих перед обществом реальных проблем. Он загоняет иммиграцию в нелегальную область, тем самым криминализирует ее. России необходима совершенно иная иммиграционная политика, аналогичная той, которую вели США, адаптируя иммигрантов. Стоит помнить, что все развитые страны, доля которых в мировом населении сегодня сохраняется или растет, — это иммигрантские страны, которые сумели приспособиться к задаче адаптации иммигрантов.

Таким образом, в данной сфере есть некий набор технологических задач. Во-первых, необходимо создавать систему, аналогичную системе «грин-карт», которая предоставляет иммигрантам все гражданские и социальные права, кроме права голоса. Во-вторых, необходимо внести изменения в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». В-третьих, необходимо проводить амнистию иммигрантов в целях их регистрации, в первую очередь налоговой регистрации. В-четвертых, необходимо иметь собственную программу привлечения тех иммигрантов, которые нам нужны. В-пятых, необходимо более полно использовать потенциал наших соотечественников — русских, живущих в бывших странах СНГ.

Предлагаемый нами взгляд на проблему иммиграции требует одновременного радикального изменения видения ключевых задач формирования российского государства. Если бы американцы поставили перед собой задачу сделать Америку государством англосаксов, то и у них в XXI в. были бы небольшие перспективы. По нашему мнению, в XXI в. Россия имеет перспективу исключительно как многонациональная страна российских граждан, говорящих на русском языке и принадлежащих к российской культуре.

Военная реформа

Еще одной темой, тесно связанной с демографией, является военная реформа. Очевидно, что комплектование армии в ситуациях, когда в семье 4–7 детей при крайне низком уровне благосостояния и когда в семье 1–2 ребенка (причем доминируют городские семьи), — это два совершенно различных случая. Поэтому попытки навязать обществу армию, адекватную реалиям позапрошлого века, являются опасной иллюзией. Выходом из ситуации всеобщей воинской обязанности может быть только переход к контрактной армии.

Одним из шагов в этом направлении стал эксперимент, предполагающий комплектование 76-й дивизии исключительно контрактниками. Сопrotивление реформе привело к тому, что программа эксперимента была направлена на решение двух задач: потратить значительные средства и показать тем самым, что перевести армию на контрактную основу невозможно из-за финансовых соображений. В результате из всех запланированных Министерством обороны расходов только менее 10% были связаны с оплатой воинского труда контрактников. Остальные средства предполагалось израсходовать на ремонт техники, строительство квартир офицерам, причем не только офицерам 76-й дивизии, и т. д.

Нам удалось привлечь внимание к этому вопросу, и во второй половине 2002 г. условия эксперимента были изменены. Серьезную роль сыграло то, что при обсуждении бюджета на 2003 г. Госдума добилась открытия значительной части военного бюджета. Этот факт сделал возможным и содержательный анализ проводимого эксперимента, который показывает, что утверждения о невозможности замены службы по призыву контрактной службой, мягко говоря, неосновательны.

На настоящий момент решения правительства зафиксировали несколько принципиальных для реформы моментов.

Во-первых, программа военной реформы должна быть разработана к 1 июня 2003 г. с тем, чтобы расходы на реформу могли быть включены уже в бюджет на 2004 г.

Во-вторых, реформирование частей постоянной боевой готовности и несущих боевое дежурство должно быть проведено в период 2004–2007 гг., что существенно меньше, чем предложения оппонентов, предлагавших сделать то же к 2011 г.

Для Института экономики переходного периода особенно важно то, что он стал исполнителем работ по этой программе наряду с Минобороны, Минэкономразвития и Минфином. Это позволяет надеяться на максимальный учет высказанных нами подходов и идей.

Повышение эффективности здравоохранения

Демографический переход непосредственно влияет и на те проблемы, которые существуют в российской системе образования и здравоохранения. Это и низкое качество услуг, и взяточничество, и длинные очереди. Но проблемы, с которыми мы сталкиваемся, не являются специфически российскими. Они характерны и для многих гораздо более богатых и развитых стран и обусловлены в целом постиндустриальным развитием.

Современная система финансирования и организации образования и здравоохранения формировалась в то время, когда доля этих отраслей и в численности занятых, и в ВВП была незначительной. Именно тогда можно было выстроить систему, которая финансируется исключительно из государственных источников за счет налогоплательщиков.

Однако за последние десятилетия в мире произошли существенные сдвиги. В постиндустриальную эпоху потребность в услугах здравоохранения и образования резко возрастает. Население стареет, в структуре его приоритетов потребности, связанные с охраной здоровья, оказываются относительно более важными, чем ранее. Отсюда быстрое увеличение доли отраслей образования и здравоохранения и в занятости, и в ВВП, и в государственных расходах. Складывающаяся политико-экономическая ситуация создает фундаментальное противоречие между желанием общества, чтобы все большая часть его ресурсов направлялась на приоритетные для него потребности — такие, как образование и здравоохранение, и готовностью платить необходимые для этого налоги.

Для решения этой проблемы необходимо вернуться к исходным принципам сегодняшней системы финансирования здравоохранения, чьей фундаментальной проблемой является смешение страховых и налоговых принципов. Следует признать, что существующая в России система социального и медицинского страхования не выполняет функции страхования, а является просто еще одним налогом, призванным расширить государственное финансирование соответствующих учреждений.

Возможными направлениями реформ здесь могло бы стать право выхода работодателя и работника из государственной системы медико-социального страхования в конкурентную систему частных страховых медико-социальных компаний, куда могут быть направлены и соответствующие взносы, за счет которых оказываются предусмотренные стандартами бесплатные медицинские услуги; предоставление возможности выбора набора услуг, который хочет получить тот или иной работник; установление связи объема взносов с качеством услуг.

В такой ситуации налог фактически превращается в налоговую льготу, поскольку работник распоряжается накапливаемыми деньгами. Иными словами, часть заработной платы не облагается ни подоходным, ни социальным налогом, в чем заинтересованы и работники, и работодатели. А если на цели медицинского страхования разрешить направлять средства самого работника, которые не будут облагаться подоходным налогом, то это станет весьма привлекательной частью трудового контракта.

Такие реформы могут дать несколько значимых результатов

Во-первых, заметное снижение социального налога — значительная часть его становится не налогом, а налоговой льготой: работодатель и работник получают возможность тратить деньги не на взносы в бюджет, а на получение необходимого пакета услуг по медицинскому обслуживанию и социальному страхованию.

Во-вторых, увеличение объема ресурсов, которые направляются на медицину; снятие ограничений, которые устанавливаются в рамках налогового бремени на пути дальнейшей экспансии расходов на медицину, создание возможности более широкого выбора для пациента, формирование конкурентной среды для медико-страховых организаций, ведущей к трансформации самой системы институтов, функционирующих в области здравоохранения.

Те же граждане, у которых не найдется средств для накопления и получения даже минимальной страховки, будут получать помощь за счет налоговых средств. Однако необходимость в подобной помощи не означает, что целесообразно проводить через налоговую систему все средства, идущие на медицину. За счет некоторой части необходимых для этого страховых платежей будет несложно компенсировать недостаток ресурсов для наименее оплачиваемой части ра-

ботников. Это понятно, и налогоплательщики будут готовы платить деньги для помощи самым бедным и самым больным, а вовсе не самым богатым, как это фактически происходит в настоящее время.

Повышение эффективности предоставления услуг образования

Для реформы образования могут быть использованы аналогичные идеи. Хорошо известно, что система набора в вузы неэффективна и подвержена коррупции. К тому же обучение в вузе является в настоящее время едва ли не самым распространенным способом ухода от призыва в армию, и в этой связи проблема обучения и реформа армии тесно взаимосвязаны.

Эксперимент по сдаче единого экзамена за курс средней школы направлен на то, чтобы появилась простая и прозрачная процедура, которая определяет, кому достанутся здесь деньги налогоплательщика, что могло бы существенно уменьшить возможности для коррупции.

Однако возникает фундаментальное противоречие, которое заключается в том, что единый экзамен совсем не та форма, которая позволяет отобрать людей, способных учиться в том или другом конкретном вузе. То есть, доля деньги налогоплательщиков, правительство стремится использовать простые процедуры, однако простые процедуры не позволяют осуществить адекватный отбор будущих студентов в вузы соответствующего профиля.

Чтобы разрешить указанное противоречие, необходимо отказаться от законодательно зафиксированной в настоящее время нормы, жестко диктующей количество студентов, которых государство должно бесплатно обучать, на 10 тыс. жителей. Действительно, демографические тенденции показывают, что в 2007 г. может оказаться, что учить в вузах бесплатно мы должны юношей и девушек в числе большем, чем в России их будет физически.

Отказ от этой нормы позволит увеличить реальное финансирование на одного студента, которого мы намереваемся обучать бесплатно. При этом вузы превратятся в реально некоммерческие организации, самостоятельно отбирающие студентов по результатам единого экзамена, олимпиад или иных законных процедур.

Можно выделить три главных механизма привлечения студентов на учебу бесплатно.

Первый — это система единых конкурсов, единого госэкзамена, по итогам которого способные юноша или девушка из малого города или села могут, выполнив конкурсные условия, получить образовательный ваучер.

Второй — армия. Военнослужащий, подписавший контракт и отслуживший определенный этим контрактом срок, тоже должен иметь право на образовательный ваучер. Вполне логично, что обучение его в вузе тоже оплатит налогоплательщик. Подобного рода система может стать важнейшим инструментом реализации военной реформы.

Третий — тематические олимпиады. В России накоплен немалый и весьма успешный опыт проведения таких олимпиад (особенно математических, физических и др.), которые являются важным и эффективным механизмом отбора талантливой молодежи.

Кроме того, в области среднего образования необходимо изменить ту ситуацию, когда обучение в частной школе фактически лишает налогоплательщика прав на государственные деньги. Отказ от этого в совокупности с изложенными выше предложениями позволил бы, как и в здравоохранении, улучшить финансирование этого сектора, а также сделать его более адаптивным к запросам потребителей. Деньги должны следовать за учеником — не важно, в государственную школу или частную. При этом мы до сих пор финансируем образование в значительной степени из государственных источников. Представляется, однако, что сегодня важно было бы дать гражданам возможность направлять часть своих налогооблагаемых доходов на нужды образования: например, на образовательные специальные счета для получения высшего образования, не облагая их социальным и подоходным налогом. Подобный механизм уже отработан и внедрен в законодательство для накопительной Пенсионной системы и может, с нашей точки зрения, успешно функционировать и в этой области.

Армия первой и второй свежести

В конце июня переработанный проект федеральной программы реформы системы комплектования Вооруженных сил будет представ-

Опубликовано на сайте Издательского Дома «Аргументы и факты» (<http://www.aif.ru>).
Аргументы и факты. 2003. 25 июня. Адрес статьи: http://www.aif.ru/online/aif/1_183/08_01

лен в правительство. Проект программы начинается с интересного тезиса. Оказывается, «на протяжении веков в России система комплектования Вооруженных сил базировалась на традиционном восприятии воинской обязанности как особой нравственной нормы, а призыва на военную службу — как священной обязанности перед Отечеством». Видимо, страницы классической русской литературы XIX в., посвященные «рекрутчине», прошли мимо внимания авторов этого текста. На деле нынешняя система, основанная на всеобщей воинской обязанности, в общих чертах сложилась в ходе военной реформы 70-х гг. XIX в. Она стала крупным шагом вперед по отношению к «рекрутской» системе. И вот почему. В средней российской семье в то время было по семеро детей. Единственный сын освобождался от прохождения воинской службы. Служба в армии была способом выбраться в город, уйти из-под контроля общины. К тому же многовековая традиция крепостного права делала выполнение натуральных повинностей естественным для российского крестьянства — основы призывного контингента. За прошедшие 130 лет ситуация в стране радикально изменилась. В средней российской семье сегодня меньше двух детей. Дети образованны. Традиции крепостного права — далеко. Полагать, что в этой ситуации может нормально функционировать созданная более века назад система, — опасное заблуждение. Подтверждение тому — подавляющее большинство молодых людей так или иначе уклоняется от воинской службы.

Призыв для бедных

Мы предлагаем отменить призыв в его нынешней форме как неоправданный налог на бедных и незащищенных. Следует перейти к комплектованию воинских должностей рядового и сержантского состава на контрактной основе. Призыв нужно сохранить, но на срок в полгода и только в учебные части для получения начальной военной подготовки.

Есть и разногласия принципиального характера. Министерство обороны не считает реформу призыва важнейшей задачей обсуждаемой программы. Оно выдвигает на первый план иную задачу — создание частей постоянной боевой готовности. Именно поэтому в расчеты попадают многомиллиардные расходы, не имеющие отношения к реформе системы комплектования. Поэтому программа в версии

Министерства обороны носит незавершенный характер. За время ее реализации предполагается укомплектовать контрактниками лишь 155 тыс. должностей рядового и сержантского состава, что очевидно меньше количества, необходимого для функционирования военной организации Российской Федерации. Предлагается после 2007 г. сохранить призыв и для службы в так называемых линейных войсках.

А КТО — ВТОРОСОРТНЫЙ?

Таким образом, появится гибрид, где есть прилично оплачиваемые, социально обеспеченные и обученные части постоянной боевой готовности и второсортные линейные войска. Они небоеспособны, солдаты там не получают боевой подготовки, и их материальные и социальные условия службы значительно хуже. Нетрудно себе представить, к какому социальному напряжению в Вооруженных силах приведет деление на войска первого и второго сорта. Какой будет обстановка в линейных частях и с каким чувством родители будут отдавать туда своих детей. На то, чтобы перевести армию на контрактное комплектование, нужны значительные средства. По нашим оценкам, они составляют примерно 30 млрд руб. в год в ценах 2003 г. Это значительная нагрузка для российского бюджета. Но вспомним: призыв в нынешнем виде — это натуральный налог. Его отмена — естественный элемент принятой правительством программы налоговой реформы. Но руководство Министерства обороны ставит вопрос иначе. Оно предполагает получить огромные ассигнования и сохранить призыв не как учебу, а как натуральную повинность.

Экономический рост и человеческий фактор

О ТОМ, ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ

Проблемы экономического роста после социализма, устойчивости этого роста, факторов, которые на него влияют, — все это выходит сегодня на первый план. Двадцать лет назад, благодаря так назы-

ваемой комплексной программе научно-технического прогресса в Советском Союзе, действовал мощный блок научных учреждений, которые занимались исследованием долгосрочных проблем экономического развития. Подавляющее большинство экономических институтов давали свои прогнозы относительно того, какой будет наша страна через двадцать лет. К реальной жизни такого рода исследования имели мало отношения, тем не менее они позволяли организовывать обсуждения существовавшей экономической проблематики. В то же время практически никто не составлял прогнозы о том, какой будет отечественная экономика через три, через шесть месяцев или в течение ближайшего года.

Сейчас ситуация во многом обратная. Мы располагаем большим числом квалифицированных публикаций, в основе содержания которых — краткосрочный анализ и краткосрочное прогнозирование событий в российской экономике. И очень слабо представлены исследования, связанные с долгосрочной перспективой. В условиях бурного переходного периода такой перекосяк был неизбежным, но сейчас ситуация объективно меняется. Произошла глубокая трансформация собственности. В крупных российских компаниях составляются программы долгосрочного развития, идет работа над крупномасштабными инвестиционными проектами. Для того чтобы их осмысленно осуществлять, необходимо понимать, какой станет окружающая среда к тому времени, когда инвестиционный проект будет реализован. Понимание того, что происходящее в экономике сегодня имеет свои корни в событиях начала 90-х гг. (а от осуществляемого нами сейчас в огромной степени зависят перспективы роста в 2005–2010 гг.), свойственно любому серьезному исследователю. Значительно труднее добиться, чтобы это понимание стало свойственным обществу и тем, кто принимает принципиальные политические решения. В этой связи, мне кажется, важнейшая задача, которая перед нами стоит, — избежать того, что Хайек называл «пагубной самонадеянностью». Нужно прежде всего четко представлять себе границы того, что мы, собственно, знаем об экономическом росте, и особенно о постсоциалистическом экономическом росте. В противном случае наблюдается грустная закономерность: чем меньше некто знает о росте, чем меньше изучал он данную проблематику, тем с большей готовностью выдает по этому поводу разнообразные экономико-политические рекомендации.

Недавно была опубликована интересная работа профессора Уильяма Уэстерли, перечитав которую, еще раз понимаешь, что, к сожалению, и сегодня, спустя два века углубленного изучения, мы знаем об экономическом росте немногим больше того, что знал Адам Смит в конце XVIII в. А именно: для богатства народов, *т. е. для экономического роста, необходимы в первую очередь мир, низкие налоги и разумные законы*. В общем, весь массив знаний, который мы накопили за два с лишним столетия, не очень много прибавляет к тому, что было понятно к концу XVIII в. И это не потому, что экономисты уделяли мало усилий исследованию этого вопроса, просто проблемы оказались предельно сложными. Мы изучаем не стационарную ситуацию, а постоянно изменяющийся процесс, и то, что лет тридцать назад казалось абсолютно очевидным, воспринимается и трактуется сегодня совершенно иначе. В середине-конце восьмидесятых было крайне трудно понять, например, что Япония стоит перед тяжелейшим кризисом экономического роста. Связано это, видимо, со спецификой японских институтов и трудностью их адаптации к постиндустриальной фазе развития страны.

Мы гораздо лучше знаем, чего не следует делать, если мы не хотим остановить экономический рост, нежели то, что можно и нужно предпринять для его форсирования. Не нужно манипулировать валютным курсом и допускать образование черного рынка. Не нужно допускать высокую инфляцию. Не нужно допускать крупный бюджетный дефицит. Желательно иметь менее коррумпированную бюрократию. Желательно опираться на хорошо работающую правовую и судебную систему... Этот набор условий достаточно изучен и понятен. Но все попытки ускорить рост на основе набора нестандартных рецептов — ускорения инвестиций, вложений в ту или в другую отрасль, — все это, к сожалению, оказывается мало результативным. При доставшейся нам в наследство крайне неэффективной бюрократии риски ошибок в выборе отраслевых приоритетов особенно велики.

К тому же надо помнить, что решаем мы не задачу догоняющего индустриального развития, где в качестве ориентира можно взять образ структуры экономики более развитых стран и пытаться этот образ симитировать. Мы решаем другую, гораздо более сложную задачу — задачу догоняющего постсоциалистического постиндустриального развития, где сами закономерности развития изуче-

ны существенно хуже, а перемены происходят очень быстро. И есть огромный риск того, что, выбрав и реализовав некий отраслевой приоритет, мы окажемся перед досадным фактом: результаты этой реализации никому не нужны, не востребованы рынком. Именно по такой причине инвестиции усилий в создание гибкой системы национальных институтов, обеспечивающих рост, являют собой гораздо более осмысленный выбор, нежели попытка выстроить ту или другую конкретную модель структурной отраслевой политики.

О «КЛУБЕ КОНВЕРГЕНЦИИ»

В последние годы укоренилось понятие «клуба конвергенции», т. е. набора стран, в котором менее развитые страны с меньшим уровнем ВВП растут в долгосрочной перспективе темпами более высокими, чем страны более развитые. Этим клубом охвачен отнюдь не весь мир, а Советский Союз выбыл из него еще в конце 70-х гг. По всей видимости, содержательная база конвергенции — это способность стран, соответствующих национальных институтов обеспечить эффективный обмен рыночно ориентированной информацией о технологиях, которые могут быть применены в менее развитых странах, обеспечивая им более высокие темпы экономического роста, чем имеют те страны, которые находятся на грани собственных технологических возможностей. Сложнейшая задача России сегодня — надежно закрепиться в «клубе конвергенции». Мне кажется, это неизмеримо более важно, чем спор о процентах темпов роста (скажем, 3% или 4%), которых нам следует добиваться.

О ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ РОСТЕ

Нынешний экономический рост в России носит восстановительный характер. Он тесно связан с предшествующей рецессией, падением производства после краха Советского Союза. Падение было обусловлено, в свою очередь, структурной перестройкой экономики и кризисом старой системы хозяйственных связей, тогда как их новая система еще не сформировалась. Этот кризис был в основном преодолен к 1997 г. В дальнейшем развитию восстановительных процессов помешал финансовый кризис 1997–1998 гг. Эти процессы были продолжены с 1999 г.

Восстановительный рост — известный, но достаточно необычный, не очень хорошо изученный феномен; в каждой из стран, которые через него проходят, его отличает своя специфика. Это отчетливо проявилось в 1920-х гг, когда восстановительный рост был зафиксирован в России впервые и были предприняты первые попытки его анализа экономистами В. Громаном и В. Базаровым.

И сейчас мы тоже не очень ясно представляем себе, как будут дальше развиваться в нашей стране процессы восстановительного роста. Есть основания полагать, что пределы его будут исчерпаны при объемах выпуска более низких, чем те, которые были характерны для российского ВВП в период максимального его уровня при социалистическом производстве. Но это гипотеза. А вот что известно точно — то, что восстановительный рост носит затухающий характер. Это значит, что темпы роста снижаются, потому что ресурсы восстановления, ресурсы введения имеющихся мощностей и рабочей силы оказываются исчерпанными. Разумеется, когда темпы роста идут вниз, затухание может быть компенсировано новыми факторами роста производства, новыми капитальными вложениями, вводом новых мощностей, включением в производственный процесс новой рабочей силы. Но это требует другого качества национальных институтов, способных обеспечить экономическое развитие. Восстановительный рост поначалу всегда становится приятным сюрпризом для экономико-политической элиты. А потом он превращается в проблему: ведь темпы не удерживаются на изначальном уровне, они начинают падать.

СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ — УСЛОВИЕ ДОЛГОВРЕМЕННОГО РОСТА

Снижение темпов экономического роста между 2000–2003 гг. — существенный фактор, влияющий на формирование экономической политики. Важной задачей, которую решало правительство на протяжении последних лет, было проведение набора структурных реформ, необходимых, чтобы придать росту характер устойчивый и долгосрочный. Собственно, глубокие структурные реформы наше правительство начало проводить в 1992 г. Но тогда большая часть экономико-политической элиты не знала о том, что эти реформы — структурные, точно так же, как мольеровский герой не знал, что он

говорит прозой. Однако спустя короткое время, уже в 1997 г., словосочетание «структурные реформы» звучит часто, термин становится популярным, если хотите — модным. Помню, первый заместитель управляющего директора МВФ С. Фишер, приехавший в ту пору на научную конференцию в Высшей школе экономики, был приятно удивлен тем, что в России все говорят о структурных реформах, понимают их необходимость для устойчивого экономического роста. Последовательно претворять в жизнь эти реформы начали в 2000–2001 гг. По ряду важных направлений за эти годы было сделано много полезного. Политические проблемы, связанные со структурными реформами, состоят в том, что последние не дают отдачу в краткосрочной перспективе, они «всего лишь» закладывают базу долгосрочного экономического роста.

В России за последние годы внесены позитивные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Благодаря им сегодня десятки тысяч людей, которые не были осуждены судом, не сидят в тюрьмах. В то же время наша судебная система по-прежнему имеет немало изъянов. И что бы мы сейчас ни делали, проблемы, связанные с ее функционированием, будут оставаться серьезными и острыми и завтра, и послезавтра. Ибо судебная система — это, в первую очередь, кадры и традиции, а радикально изменить их в один момент — скажем, в ночь с сегодняшнего дня на завтрашний — нельзя.

Крайне важны и шаги, сделанные в последние годы для упорядочения частной собственности на землю. Можно спорить, насколько хорош или плох конкретный вариант вступившего в силу закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Но то, что в России частный оборот земли упорядочен и закреплен, справедливо расценивается как важный фактор, способствующий долгосрочному росту российской экономики. Вместе с тем это, по сути, легализация того, что происходило в жизни. А сама по себе легализация не обеспечивает немедленной отдачи. То же относится ко многим другим мероприятиям — реформе трудовых отношений, пенсионной реформе. Изменения, которые дают отдачу в короткой перспективе (как, скажем, реформа подоходного налога), — редкое исключение.

В 1825 г. князь Мещерский напечатал в «Вестнике Европы» статью «О состоянии хлебопашества в России». Свой анализ он заключал так: «Итак, главная причина, почему хлебопашество в Рос-

сии на столь низкой еще ступени совершенства, заключается в господствующей системе нивоводства. Можно, однако, надеяться, что скоро воспоследует счастливое преобразование: умножаемые ежедневно мануфактуры, заводимые школы для обучения самих хлебопашцев и другие меры мудрого правительства не могут остаться без полезных для России следствий — и настанет время, когда мы оправдаем доброе и уничтожим худое о себе мнение иностранцев, когда не нужно нам будет тратить несметных сумм на чужестранные изделия и Русский покажет на деле, что ему известно, каким богатством наделила его природа»¹.

Сегодня никуда не деться от реалий политического процесса. А выглядят эти реалии в глазах значительной части элиты и населения примерно следующим образом: правительство втянулось в проведение структурных реформ. Между тем жизнь радикально не улучшается, проблем в российской экономике остается множество. Непросто объяснить: чтобы заложить основы устойчивого роста, нужны преобразования не одиночные, а взаимодополняющие. Если в России будет хорошая налоговая система, но не будет надежно защищенных прав собственности, мы не получим масштабных капитальных вложений, необходимых для устойчивого роста.

НЕФТЬ И РОСТ

Еще одна важная составляющая текущей экономической политики — высокие цены на нефть. Российское правительство четыре года в условиях высоких цен проводило достаточно консервативную и ответственную макроэкономическую политику. Это не может не вызвать уважения. Предшествующий нынешнему период аномально высоких цен на нефть (это 1979–1982 гг., тогда цены на нефть в реальном исчислении были примерно втрое выше, чем в 1999–2002 гг.) был отмечен «разжижением мозгов» политического руководства — настолько серьезным, что мы умудрились ввязаться в войну в Афганистане.

Сейчас «помог» урок кризиса 1998 г. У нашей страны была плохая финансовая репутация, а предстояли платежи по внешнему долгу, рефинансировать их было сложно, — все это дало в результа-

те четыре года ответственной бюджетной политики. К сожалению, способность правительства проводить ответственную макроэкономическую политику при высоких ценах на нефть ограничена. На ухудшении качества экономической политики сказывается и близость выборов, которые нам предстоят. Итак: структурные реформы идут медленно и не приносят чудес; цены на нефть высокие; выборы приближаются. В такой ситуации растет спрос на популярные решения, чувствуется острая потребность в том, что дает быструю отдачу, «обещает прорыв».

Многие читали материал группы журналистов, получивший название «Серафимовское воззвание». Оно хорошо накладывается на атмосферу усталости от структурных реформ и жажды популярных решений. Документ написан в стилистике, которой император Наполеон советовал руководствоваться авторам его Конституции: «Пишите коротко и неясно». Понять, что нам предлагается конкретно сделать, из текста воззвания трудно. Из выступлений отдельных авторов «Серафимовского воззвания» легче оценить, что они имеют в виду. Один из группы «серафимов» предлагает не вдаваться в скучные дискуссии о снижении единого социального налога на несколько процентных пунктов, а снизить его втрое. Чтобы обсудить подобное мероприятие всерьез, надо ответить на несколько простых вопросов. Считают ли авторы, что снижение ставки налога втрое приведет к трехкратному росту его собираемости? Предполагается ли, что это произойдет сразу? Если предполагается, то исходя из какого набора аргументов и рассуждений? Если же мгновенного трехкратного роста собираемости налогов не случится, то предполагается ли снизить среднюю пенсию в три раза или увеличить пенсионный возраст до 72 лет? Или есть надежда изыскать иные источники замещения выпадающих примерно 500 млрд руб. годовых доходов? Серьезный разговор можно вести при наличии достаточно убедительных ответов на такие вопросы.

Мы довольно долго получали сегодня своего рода военную премию — дополнительный доход от аномально высоких цен на нефть, вызванных ожиданием войны на Ближнем Востоке, общей неопределенностью ситуации на Ближнем Востоке. То, что по завершении военной операции нынешних дивидендов не будет, догадаться было нетрудно. Вопрос в том, когда это произойдет, — через девять ли месяцев, двенадцать или пятнадцать. Но обсуждая экономическую по-

¹ Вестник Европы. Избранное. 1802–1881 гг. М., 2002. С. 81.

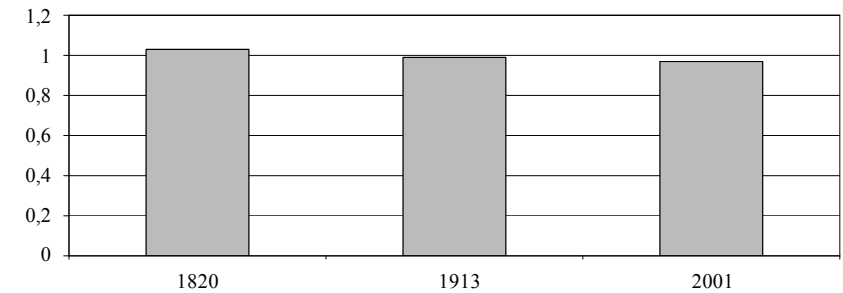
литику на 2004–2005 гг., мы должны учитывать серьезные риски, связанные с резкими колебаниями цен на нефть, иметь в виду то, что наша страна может столкнуться с продолжительным периодом существенно более низких цен, чем те, которые были характерны для последних четырех лет. И именно в это время нам предлагают в качестве «прорыва» масштабные экономические эксперименты. Хочу надеяться, что новых авантур удастся избежать. В прошлом веке нашей стране и без того досталось немало. А горячим поборникам подобных экспериментов полезно перечитать экономическую прессу недавних десятилетий. Например, материалы экономико-политических дебатов начала 70-х гг. в Чили, когда будущие сотрудники правительства С. Альенде убеждали в спасительной необходимости «амбициозных планов», отказа от догм «экономической ортодоксии». К тому же призывали многие участники экономических дебатов 1973 г. в Аргентине, в канун начала масштабного эксперимента с экономикой популизма. К сожалению, опыт показывает, что наступать на одни и те же грабли много раз политики умеют.

Нам нужны не авантюры, а продолжение ответственной макроэкономической политики и структурных реформ. Нужно суметь удержаться избежать паники из-за краткосрочных колебаний темпов роста, в максимальной степени подготовиться к использованию того окна политических возможностей, которое откроется в России весной — летом 2004 г. после президентских выборов.

Россия на дистанции двух веков

Если всерьез обсуждать проблемы долгосрочных перспектив России, имеет смысл проанализировать то, как страна развивалась не в течение последних трех или даже десяти лет, а на длительной исторической дистанции, например на протяжении последних двух веков. Если мы рассмотрим эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, увидим, что российский душевой ВВП в 1820 г. был близок к средним мировым показателям и примерно на том же среднемировом уровне (с учетом точности расчетов) оставался и в 1913 г., и в 2001 г. (см. рис. 1).

Причины выбора этих дат объяснить нетрудно. Большинство исследователей относят начало современного экономического



Источники: 1. За 1820 и 1913 гг.: *Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective*. 2. За 2001 г. — расчеты ИЭПП на основе данных А. Maddison. 3. Реконструкция данных Мирового банка на период до 1950 г. дает сходные результаты в пределах точности расчетов.

Рис. 1. Отношение душевого ВВП России к мировому душевому ВВП в 1820–2001 гг.

роста — процесса резкого ускорения темпов экономического развития, сопровождаемого масштабными сдвигами в структуре экономики и социальных отношениях, — к 20-м гг. XIX в. 1913 г. — это высшая точка развития России в рамках царской империи. 2001 г. — максимально приближенная к сегодняшнему дню дата, по которой имеются данные.

Да, между этими тремя точками российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но колебания носили достаточно ограниченный характер. Величина дистанции, отделяющей Россию от стран-лидеров мирового экономического развития (в XIX в. — Англия, в XX в. — Соединенные Штаты Америки), в течение этих двух веков тоже колебалась, но колебания происходили опять-таки в достаточно узком интервале (см. табл. 1).

Таблица 1. Отношение душевого ВВП в России к душевому ВВП стран-лидеров современного экономического роста*

Годы	1820	1870	1913	1950	2001
Отношение	0,44	0,32	0,28	0,30	0,25

* 1820–1870 гг. — Англия,
1913–2001 гг. — США.

Источники: 1. *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*, OECD 1995 (данные с 1820 по 1950 г.). 2. *World Development Indicator Database*, World Bank, 2002 (данные за 2001 г.).

Сегодня чрезвычайное внимание приковано к успехам экономического развития Китая, достигнутым за последнюю четверть XX в. При этом нередко забывают, что именно резкое падение доли Китая в мировом валовом внутреннем продукте было одним из самых серьезных структурных сдвигов в мировой экономике между 1820 г. и 70-ми годами XX в. После четверти века динамичного роста доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте почти втрое ниже, чем она была в 1820 г.

На этом фоне близость российских показателей к их среднемировым значениям выглядит впечатляюще. Это тем более важно, что на протяжении последних двух веков в мировом экономическом развитии происходили беспрецедентные изменения.

Понятие современного экономического роста ввел в научный оборот замечательный американский экономист русского происхождения лауреат Нобелевской премии С. Кузнец, относя начало этого процесса к концу XVIII в.¹ Сейчас большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать его начало 20-ми гг. XIX в. — периодом, последовавшим за наполеоновскими войнами. Дискуссия о датах не имеет принципиального значения. Что действительно важно — это резкое ускорение темпов роста мировой экономики и душевого ВВП на рубеже XVIII и XIX вв., происходящее на фоне глубоких структурных изменений в занятости, в способе расселения, демографии.

В регионе, который на протяжении предшествующего тысячелетия развивался аномально быстро, — в Западной Европе — на удвоение душевого ВВП в период, предшествующий современному экономическому росту, потребовалось восемь веков (примерно с 1000 по 1800 г.). В Соединенных Штатах Америки, лидере современного экономического роста в XX в., среднегодовые темпы роста продуктивности на протяжении последних двух веков составляли около 2%. Это означает, что на протяжении жизни одного поколения (75 лет) душевой валовой внутренний продукт увеличивался более чем в 4 раза.

Масштабные и взаимосвязанные структурные изменения происходили в странах с разными культурными традициями, раз-

¹ См.: Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread-New Haven-London: Yale University Press, 1966.

личным уровнем ресурсной обеспеченности, неодинаковым географическим положением. Казалось бы, понимание этих общих, выстроенных по сходным сценариям, связанных с экономическим развитием процессов дает в руки исследователю, занимающемуся долгосрочной динамикой роста, мощный инструмент для анализа и прогнозирования.

Представление о железных законах исторического развития, позволяющих точно предвидеть логику происходящего в мире, стало стержнем марксизма — учения, доминировавшего в анализе долгосрочных перспектив эволюции социально-экономических отношений в конце XIX — начале XX в. Вместе с тем XX в. выявил важное свойство современного экономического роста, которое не было осознанно ни К. Марксом, ни марксистами. Ему сопутствуют быстрые и трудно прогнозируемые изменения доминирующих тенденций в развитии социально-экономических систем и национальных экономик.

История социально-экономической мысли последних двух веков полна великих ошибок мыслителей, пытавшихся экстраполировать замеченные ими современные тенденции на перспективу. Это и Т. Мальтус с прогнозами перенаселения и обнищания, базировавшимися на реальных фактах раннего этапа демографического перехода, связанного с ростом продолжительности жизни, падением смертности, опережающим падение рождаемости. И К. Маркс с его прогнозами абсолютного и относительного обнищания пролетариата, социальной дестабилизации и крушения капитализма, опирающимся на реальные социальные проблемы ранних этапов современного экономического роста. И Й. Шумпетер, предсказавший в своей работе «Капитализм, Социализм и Демократия» угасание предпринимательства, бюрократизацию экономической жизни под влиянием реалий капитализма эпохи конвейерного производства¹.

До конца XIX в. при обсуждении ключевых финансовых проблем доминировало представление о наличии верхних пределов налогообложения. Эта парадигма впервые была поставлена под сомнение в 70-х гг. XIX в. А. Вагнером, сформулировавшим гипотезу о нарастании по мере экономического развития доли перераспределяемых

¹ См.: Schumpeter Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper&Brothers Publishers, 1950.

государством доходов в объеме экономической деятельности. Резкое расширение возможностей современного государства на фоне роста благосостояния позволило радикально увеличить долю государственных изъятий в валовом внутреннем продукте в XX в. Между 1910–1970 гг. представление о безграничности возможностей наращивания государственной нагрузки на экономику стало почти общепринятым в финансовой литературе. Те исследователи, которые пытались сформулировать гипотезы о наличии и в условиях индустриального общества верхних пределов налоговой нагрузки, совместимых с экономическим ростом, постоянно терпели интеллектуальные поражения.

Начиная с 70-х гг. ситуация радикально меняется. Выясняется, что в наиболее развитых государствах при выходе норм налогообложения на уровень, близкий к 50% ВВП, возникают серьезные проблемы, связанные с политической мобилизацией налогоплательщиков, распространением теневой экономики, замедлением экономического роста, утратой международной конкурентоспособности.

С точки зрения сегодняшнего дня очевидно, что сам процесс выхода норм налоговых изъятий с уровней, характерных для аграрных обществ (примерно 10% ВВП), на уровень, доступный высоко развитым постиндустриальным экономикам (30–50% ВВП), носил переходный характер. Прогнозировать развитие этого процесса до его завершения было практически невозможно.

Черчилль, защищавший золотовалютный стандарт в Великобритании после Первой мировой войны и проводивший дефляционную политику с тем, чтобы восстановить довоенный паритет фунта стерлинга с золотом, опирался на двухвековую практику подобной традиции в своей стране, которая сделала ее мировым экономическим лидером. По существу, Черчилль лишь повторял то, что было сделано после наполеоновских войн. Но в радикально изменившихся условиях он на деле подталкивал мир к одному из самых масштабных кризисов в экономическом развитии прошедшего века, к Великой депрессии. Золотовалютный стандарт, сыгравший роль важного инструмента запуска современного экономического роста, оказался несовместимым со следующими стадиями этого роста.

То, что современный экономический рост является незавершенным, продолжающимся процессом, причем процессом, для которого

характерны быстрые и радикальные смены доминирующих тенденций, существенно осложняет использование выявленных закономерностей для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, идущих в авангарде экономического развития человечества. Однако страны-лидеры, те, кто начал экономический рост в первые десятилетия XIX в., занимают здесь совсем не то положение, что государства, в которых современный экономический рост и связанные с ним социально-экономические изменения начались позже¹.

Опыт первых — лидеров — позволяет делать важные выводы о проблемах и тенденциях, с которыми вторые — страны догоняющего развития — столкнутся в будущем. Есть авторы, которые полагают, что тенденция дальнейшего развития процесса глобализации неизбежна. Есть те, кто убежден в том, что мир стоит на пороге деглобализации. То и другое доказать невозможно. А вот то, что России на протяжении следующих 50 лет предстоит решать проблемы, которые страны-лидеры современного экономического роста решали на протяжении последней половины XX в., на стадии, носящей сегодня название постиндустриальной, — можно утверждать с высокой степенью вероятности.

Адам Смит — один из величайших экономистов в мировой истории — избежал многих ошибок, характерных для его последователей именно потому, что анализировал проблемы догоняющего развития². Проблемы и перспективы Голландии — экономического лидера современной ему Европы — А. Смита не интересовали. Он считал, что Голландия вышла на пределы возможной производительности и дальше будет стагнировать³.

У К. Маркса представление о том, что более развитые страны показывают менее развитым лишь картину собственного будущего, было доведено до жесткого детерминизма. Однако К. Маркс недооценил три существенных фактора, отличающих развитие стран до-

¹ Разумеется, есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевшая их нагнать. Самый яркий пример здесь — Япония, начавшая экономическая рост практически одновременно с Россией и успевшая к 70-м гг. XX в. войти в группу лидеров.

² На это обращает внимание А. Меддисон.

³ Его интересовал вопрос о том, как страны догоняющего развития, менее развитые, чем Голландия — Англия, и страны континентальной Европы могут внести такие изменения в систему национальных институтов и проводимую экономическую политику, которые позволили бы им достичь голландского уровня развития.

гоняющего роста от траектории движения стран-лидеров; отчетливо проявились названные факторы уже в XX в.

Первый из них — сама дистанция от лидеров. Распространение знаний, технологий, рожденных современным экономическим ростом, носит неравномерный характер. Например, массовое применение в странах догоняющего развития современных противоэпидемиологических средств идет куда быстрее, чем распространение современных производственных технологий. Снижение смертности, рост продолжительности жизни происходит на более низких уровнях экономического развития, при длительном сочетании низкой смертности и высокой рождаемости. Отсюда тенденция увеличения в мировом населении на протяжении последнего века доли стран, начавших современный экономический рост существенно позже, чем лидеры.

Второй фактор — сами условия глобального мирового развития, которые задаются лидерами. Страны-лидеры проходят различные этапы своего развития и структурных трансформаций. В 70-х гг. XIX в. — начале 10-х гг. XX в. мировая экономика существовала в условиях глобального рынка товаров и капитала, основанного на золотовалютном стандарте. Это влияло на выбор стратегии в странах, которые вступали в процесс современного экономического роста в эти десятилетия. В 1914–1950 гг. мировое развитие находилось под сильным влиянием войн, кризиса золотовалютного стандарта, протекционистской политики. Это задавало границы допустимых значений для стран догоняющего развития, подталкивая тех к выбору протекционистской политики, импортозамещающей индустриализации. Во второй половине XX в. мир постепенно вновь вступает в эпоху глобализации, снижения ставок таможенных тарифов, открытия рынка капитала, но уже не в условиях золотовалютного стандарта, а при плавающих курсах ведущих мировых валют. Это создает новые возможности выбора стратегии развития, ориентированной на рост экспорта, интеграцию в глобальную экономику.

В ближайшие десятилетия, как это ни прискорбно для нас, мировой контекст развития будет задаваться не тем, что происходит в России, Индии или Бразилии, а тем, как развиваются события в Северной Америке, Западной Европе, Японии. Экономические и политические процессы, которые начнут прояв-

ляться в странах-лидерах, окажут сильное влияние на эффективность национальных стратегий развития в странах, следующих за лидерами.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Третий фактор, определяющий специфику траектории догоняющего развития, — это национальные традиции, доставшиеся в наследство от соответствующих аграрных цивилизаций. Например, семейные отношения, возникшие в прошлом тысячелетии в Западной Европе, отличаются от тех, которые характерны для исламских стран, а также стран, где господствовали буддизм или конфуцианство. Распространенность малой или разветвленной семьи, обычаев семейной солидарности оказывает существенное влияние на развитие систем социальной защиты, национальные нормы сбережения, на экономическое развитие в целом.

Значение опыта лидеров для стран догоняющего развития состоит не в том, чтобы его слепо копировать, а в том, чтобы понимать стратегические проблемы, с которыми придется сталкиваться; чтобы в ходе выработки национальных стратегий развития минимизировать риски, не повторять чужих ошибок.

Если бы популярность марксизма в России сегодня была такой же, как в начале XX в., обществу был бы задан, по-видимому, следующий контекст обсуждения долгосрочных проблем национально-го развития: тенденции трансформации социально-экономических установлений в странах-лидерах экономического роста; способность российских национальных институтов соответствующим образом адаптироваться; мероприятия, осуществление которых позволит приспособить российские установления к перспективным проблемам экономического развития¹. Крах социалистического эксперимента серьезно подорвал популярность марксизма в России. Но это не значит, что с водой надо выплескивать и ребенка.

Трезвый анализ опыта социально-экономического развития наиболее передовых стран за последние полвека предельно важен

¹ Характерный пример — работа профессора В. И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», оказавшая серьезное влияние на разработку плана ГОЭЛРО в Советском Союзе. В качестве одной из важнейших отправных точек автор берет анализ отличия российского топливного баланса от топливного баланса более развитых стран.

для понимания тех проблем, с которыми будет сталкиваться Россия в первой половине XXI столетия.

Если сравнить сегодняшний душевой ВВП России с душевым ВВП стран-лидеров экономического роста, то можно увидеть размеры отделивающей нас дистанции (см. табл. 2).

Таблица 2. Годы, в которые душевой ВВП в странах-лидерах современного экономического роста равнялся российским показателям 2001 г.

Страны	Годы
США	1935
Австралия	1936
Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Источники: 1. ВВП на душу населения в России за 2001 г. — данные из World Development Report, World Bank, 2003, приведенные к долларам Geary-Khamis 1990 г. 2. Данные по душевым ВВП остальных стран — см. Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992, OECD 1995.

Точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности достаточно ограничена, и обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью. Но в целом данные, содержащиеся в табл.2, показывают, что дистанция, отделяющая Россию от стран-лидеров, составляет сегодня примерно от 40 до 60 лет.

Сравним эволюцию российского ВВП, происходившую в течение длительного периода времени, с эволюцией ВВП крупных стран континентальной Европы (Франции, Германии). Эти страны имеют смысл взять за точку отсчета, оценивая дистанцию, отделяющую Россию от лидеров: так же, как и Россия, они оказались втянутыми в XX в. в две мировые войны на их территории; искажающее влияние этих войн на их развитие имеет сходство с влиянием тех же войн на Россию.

Таблица 3. Отставание России по уровню душевого ВВП от Германии и Франции, лет

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	~60	63	46	50
Германия	~60	63	55	48

Источники: 1. Данные о душевом ВВП за 1870–1950 гг. — см. Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Development Center Studies, OECD 1995. 2. Данные о душевом ВВП за 2001 г. — см. World Development Report 2003. The World Bank. Данные приведены к долларам Geary-Khamis 1990 г. 3. Применительно к России душевой ВВП до 1913 г. — Российская империя в границах СССР, для 1950 г. — СССР, для 2001 г. — Российская Федерация.

Содержащиеся в табл. 3 данные показывают, что отставание России от Германии, Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков¹.

Речь идет не о случайных, вырванных из контекста данных о душевом валовом внутреннем продукте России, Франции и Германии. С этими изменениями были связаны и другие важные структурные изменения национальных экономик.

Таблица 4. Доля городского населения в общей численности населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет, %

Страны	Годы			
	1850 — Россия, 1800 — Германия, Франция	1910 — Россия, 1850 — Германия, Франция	1950 — Россия, 1910 — Германия, Франция	2000 — Россия, 1950 — Германия, Франция
Россия	7	14	44,7	77,7
Германия	9	15	49	71,9
Франция	12	19	38	56,2

Источники: 1. За 1800–1900 гг. — Bairoch P. Cities and economic development: from the dawn of history to the present, Chicago, 1988. 2. За 1950–2000 гг. — база данных ООН (<http://esa.un.org/unpp>)

Табл. 4, содержащая данные о динамике доли городского населения России, Германии и Франции на протяжении последних двух

¹ Табл. 3 может дать базу для излишне оптимистических выводов о постепенной тенденции к сокращению дистанции между Россией и странами-лидерами. Однако надо учесть, что в начале 50-х гг. серьезное влияние на показатели Германии и Франции еще оказывали последствия Второй мировой войны.

веков с лагом в 50 лет, показывает сходную картину эволюции этого показателя — Россия отстает примерно на два поколения (50 лет).

Табл. 5 и 6 демонстрируют сходные структурные перемены в занятости. При этом более быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве России, по всей видимости, связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации.

Таблица 5. Доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности экономически активного населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет, %

Страны	Годы		
	1900 — Россия, 1850 — Германия, Франция	1950 — Россия, 1900 — Германия, Франция	2001 — Россия, 1950 — Германия, Франция
Россия	59,11 (1897)*	45,83 (1959)	12,26 ⁽³⁾
Германия	–	36,84 (1907)	23,63 ⁽²⁾
Франция	51,72 (1856)	41,83 (1901)	24,06 ⁽²⁾

* В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источники: 1. Mitchell B. R. International Historical Statistics 1750–1993//Macmillan Reference LTD, 1998. 2. Groningen Growth&Development Center Sectoral database - <http://www.eco.rug.nl/ggdc>. 3. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 2002.

Таблица 6. Доля занятых в промышленности в общей численности экономически активного населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет, %

Страны	Годы		
	1900 — Россия, 1850 — Германия, Франция	1950 — Россия, 1900 — Германия, Франция	2001 — Россия, 1950 — Германия, Франция
Россия	13,87 (1897)*	40,27 (1959)	22,70 ⁽²⁾
Германия	–	33,84 (1907)	35,21 ⁽³⁾
Франция	23,30 (1856)	26,53 (1901)	26,82 ⁽³⁾

* В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источники: 1. Mitchell B. R. International Historical Statistics 1750–1993//Macmillan Reference LTD, 1998. 2. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 2002. 3. Groningen Growth&Development Center Sectoral database - <http://www.eco.rug.nl/ggdc>

ОТСТАВАНИЕ НА ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Мы рассматриваем траектории развития стран на протяжении двух веков в эпоху быстрых масштабных социально-экономических изменений. Для России этот период включал две революции, крах двух империй, две мировые и одну гражданскую войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался «социализм», и его крушение. Тем не менее на протяжении этих веков *дистанция по уровню развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставалась достаточно стабильной и составляла примерно два поколения (50 лет)*. Начав современный экономический рост примерно на два поколения позже, чем он начался в Западной Европе, в 80-х гг. XIX в. Россия сохраняла сложившуюся дистанцию. Разумеется, из этого нельзя сделать вывод о том, что соответствующий лаг задан и навсегда останется таким же.

Уильям Уэстерли в своей интересной работе, изданной в 2001 г.¹, продемонстрировал уязвимость существующих моделей, объясняющих различия темпов экономического развития национальных экономик. Он показал, что какой бы из основных факторов, влияющих, как принято считать, на динамику роста (доля инвестиций в ВВП, расходы на образование и т. д.), мы ни взяли, всегда можно найти страны, где эти факторы в нужной кондиции были, а вот роста не наблюдалось. Пытаясь это объяснить, Уэстерли ввел в оборот не очень точный, хотя и интересный термин: «способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост». Применив это представление к реалиям российского развития последних полутора веков, можно сказать, что *способность российских социально-экономических институтов обеспечить экономический рост была на протяжении всего этого периода на среднем мировом уровне*.

Если принять невеселую гипотезу, что дистанция, существовавшая на протяжении полутора веков, сохранится и дальше, *то через 50 лет уровень жизни, структура занятости, инфраструктура в России будут примерно такими же, какими они являются сегодня во Франции или Германии*. Это предполагает рост душевого ВВП темпами, близкими к 2% в год, т. е. то, как развивалась мировая экономи-

¹ См.: Easterly W. The Elusive Quest for growth. Cambridge-Massachusetts-London: The MIT Press, 2000.

ка на протяжении последнего полувека. Если российская экономика на протяжении ближайших десятилетий будет развиваться так же, как она растет сегодня, т. е. темпами, близкими к 4% в год, эту дистанцию можно пройти за 25 лет, что было бы, конечно, замечательным результатом. Но лидеры уйдут за это время дальше.

Понимание масштабов расстояния, которое на протяжении длительного времени продолжает отделять Россию от стран-лидеров, нужно не для манипуляций цифрами роста и создания прогнозов на этой основе. Необходимо оно, во-первых, чтобы мы представляли себе, в чем российское развитие отличалось в прошлом и, видимо, будет отличаться в дальнейшем от развития стран-лидеров. И, во-вторых, с какими структурными проблемами нашей стране придется столкнуться на следующих этапах экономического роста.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Первое, в чем российское развитие по набору важнейших социально-экономических характеристик отличалось от траектории развития лидеров, — это демографическая динамика (см. табл. 7).

Таблица 7. Доля России, США, Японии, Англии, Франции, Китая в численности населения Земли в 1900; 1950; 2000; 2050 гг.

Страны	Годы			
	1900 ⁽²⁾	1950	2000	2050
Россия	4,31 ⁽³⁾	4,03	2,34	1,04
США	4,63	6,26	4,55	3,96
Япония	2,67	3,32	2,04	1,09
Англия	2,33	2,01	0,95	0,59
Франция	2,46	1,66	0,95	0,62
Китай	24,24	22,01	20,47	14,59

Источники: 1. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision - <http://esa.un.org/unpp> (для 2050 г. умеренный прогноз). 2. Development Centre Studies. Monitoring the World Economy 1820–1992 by A. Maddison. OECD. Paris, 1995. 3. Отношение численности населения России в 1897 г. (по источнику 4), отнесенное к численности населения мира в 1900 г. (по источнику 2). 4. Население России за 100 лет (1897–1997). М.: Госкомстат России. 1998.

Само по себе снижение доли России в численности населения земного шара — явление не уникальное. Неуклонно снижались на протяжении последнего века также доли стран-лидеров, не являющихся иммигрантскими странами.

Так в чем же наше отличие?

В том, что Россия, начавшая современный экономический рост на два поколения позже лидеров и быстро наращивавшая свою долю в мировом населении в начале XX в., должна была, при инерционном развитии событий, иметь к концу XX в. удельный вес существенно больший, нежели тот, который она имеет сейчас. То, что произошло в России, было связано как с крупномасштабными социальными катастрофами (две мировые войны, гражданская война, коллективизация, репрессии), так и со спецификой социалистической модели индустриализации.

Женщины и экономика

Таблица 8. Доля женщин в общей численности экономически активного населения, %

Страны	Годы		
	1900 ⁽¹⁾	1950 ⁽²⁾	2000 ⁽²⁾
Германия	30,7 (1907) ^(*)	38,9	42,3
Россия	16,4 (1897)	51,5	49,2
Франция	35,3 (1901)	31,8	45,1
Италия	32,5 (1901)	24,7	38,5

* В скобках указан год, для которого рассчитан показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источники: 1. Рассчитано по: *Mitchell B. R. International Historical Statistics 1750–1993*// Macmillan Reference LTD, 1998. 2. Рассчитано по сведениям United Nations Common Database, Economically active population by sex, 13 age groups (ILO estimates/projections).

Специфика социалистической модели индустриализации предполагала необычно раннее вовлечение женщин в занятость вне домашнего хозяйства! (Табл. 8.)

Уже в 1950 г. доля женщин в общем числе занятых в России была выше, чем она будет во Франции и Германии к 2000 г., т. е. на стадии развитого постиндустриального общества. Процесс вовлечения женщин в занятость влечет за собой параллельный процесс сокращения числа рождений, приходящихся на одну женщину. Данные табл. 9 показывают, как этот процесс развивается в России, Германии, Франции и Испании¹.

Таблица 9. Общий коэффициент фертильности (число рождений на одну женщину)

Страны	Годы		
	1950–1955	1975–1980	1995–2000
Германия	2,16	1,52	1,34
Испания	2,57	2,57	1,19
Россия	2,85	1,94	1,25
Франция	2,73	1,86	1,76

Источник: База данных ООН — <http://esa.un.org/unpp>

Статистика рождаемости искажается в результате влияния демографических волн, порожденных мировыми войнами.

Продолжительность жизни

Еще один фактор, который обусловил снижение доли России в общей численности населения земного шара, также связан с социалистической моделью индустриализации. Как показывают данные табл. 10, до середины 60-х гг. отмечалось постепенное сближение показателей продолжительности жизни в России и в странах-лидерах современного экономического роста. С середины 60-х гг. этот процесс прекращается². Устойчивость показателей продолжительности жизни в России на фоне нарастания дистанции по отношению к лидерам на протяжении почти 40 лет — очень необычный в мировой демографической истории процесс.

¹ Данные по Испании приведены, так как траектория демографического перехода близка к российской.

² По годовым данным ГКС РФ, продолжительность жизни в России достигает своего максимума за период 50–70-х гг. в 1965–1966 гг. См.: Демографический ежегодник России. М., 2001.

Таблица 10. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Страны	Период					
	1950–1955	1960–1965	1970–1975	1980–1985	1990–1995	1995–2000
Россия	64,5	67,9	69,7	68,3	66,9	66,1
США	68,9	70,0	71,5	74,0	74,9	76,2
Япония	63,9	69,0	73,3	76,9	79,5	80,5
Англия	69,2	70,8	72,0	74,0	76,4	77,2
Франция	66,5	71,0	72,4	74,7	77,5	78,1
Германия	67,5	70,3	71,0	73,8	76,2	77,4
Италия	66,0	69,9	72,1	74,5	77,3	78,2

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision — <http://esa.un.org/unpp>

По-видимому, здесь сыграли роль два фактора. Демографы давно выявили связь питания женщины во время беременности и питания ребенка в первые годы жизни со средним ростом нового поколения и продолжительностью предстоящей жизни. Применительно к возрастным когортам, родившимся между концом 20-х и началом 50-х годов, данные показатели выглядят существенно хуже, чем у предшествующих и последующих поколений. Риск умереть в 30–40-летнем возрасте у мужчины, родившегося в середине 20-х гг., когда подавляющая часть рождений приходилась на семьи свободных крестьян, был примерно в 2 раза ниже, чем у родившегося в конце 40-х — начале 50-х. Лишь с середины 50-х гг. эти показатели существенно улучшаются. Связь такого развития событий с коллективизацией и Второй мировой войной очевидна.

Есть еще одна причина

Таблица 11. Потребление алкоголя на душу населения старше 15 лет в 1960–1999 гг., литры в переводе на чистый спирт

Годы	Страны			
	Россия	Франция	Германия	Италия
1960	4,88 ⁽²⁾	32,62*	10,71*	19,19*
1970	10,38 ⁽²⁾	33,87	15,11	21,09
1980	13,40	33,34	16,18	17,69
1990	7,09	22,60	14,67	11,53
1999	10,80	19,87	12,99	9,20

* 1961 год

Источники: 1. (Если иного не указано) — <http://www3.who.int/whosis>. WHO Statistics, Global Alcohol Database. 2. Оценка (на основе данных Госкомстата, бюллетеня «Население и общество». 2001. Май. № 19–20 — <http://www.demoscope.ru>).

Алкоголь как фактор экономики

Второй фактор — это специфика развития событий, связанных с алкоголизацией населения в России в XX в. Как показывают данные табл. 11, по абсолютному потреблению алкоголя на душу населения показатели России близки к показателям Германии и существенно отстают от показателей, характерных для Франции. Однако проблемы в этой области связаны не с количеством потребления алкоголя на душу населения, а со стилем его потребления. Сложившийся в России стиль потребления алкоголя характеризуется превалированием крепких напитков, неумеренностью, широким распространением пьянства на рабочем месте. Вместе с тем подобный стиль — это отнюдь не российская национальная специфика. Работы по истории алкоголизма и алкогольного поведения в Германии в XIX в. показывают сходство проблем, с которыми сталкивалась эта страна во второй половине XIX в., с теми, которые были характерны для России в XX в¹.

В странах Северной Европы потребление алкоголя считалось совместимым с хозяйственной деятельностью в сельском производстве. Это был способ согреться. Он обеспечивал получение дополнительных калорий, социализацию. Немецкий крестьянин, попадая в середине XIX в. из деревни в город и устраиваясь на завод, продолжал придерживаться традиции, усвоенной в селе. Обычай обязательного подношения учеником, поступающим на работу, бутылки водки коллективу; отказ в сотрудничестве и общении члену коллектива, который в совместных выпивках не участвует, — хорошо известные реалии немецкой жизни конца XIX в. Борьба рабочих за право пить на рабочем месте была одним из важных требований немецкого рабочего движения.

Лишь к концу XIX в., когда Германия выходит на уровень развития примерно такой же, какого достиг в 30–50-е гг. XX в. Советский Союз, ситуация в этой области начинает меняться. Получает широкое распространение борьба и работодателей, и профсоюзов за прекращение пьянства на рабочем месте. На смену ему приходят посиделки с друзьями в пивной за заводским забором.

¹ См.: Roberts J. S. Drink and Industrial Discipline in Nineteenth-century Germany. The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. London–New York, 1992. P. 102–124.

В Советском Союзе этого перехода не происходит. На фоне уравниловки, слабой социальной ответственности, отсутствия инициативы нормы алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальной эпохи, закрепляются, становясь важнейшим фактором остановки роста средней продолжительности жизни и наращивания дистанции между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин. Наложение данных этого графика на общеизвестные сведения об изменении продолжительности жизни мужчин во второй половине 80-х — первой половине 90-х гг. делает связь изменения этих показателей с антиалкогольной кампанией и ее провалом очевидной.

Если бы доля России в мировом населении сегодня была бы такой же, как в 1913 г., т. е. без влияния социальных катаклизмов XX в., раннего вовлечения женщин в занятость и укоренения традиций алкогольного поведения, характерных для раннеиндустриальной эпохи, население России составляло бы сегодня примерно 300 млн чел.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ЭКОНОМИКА

В XX в. в мире шло быстрое увеличение доли расходов расширенного правительства в валовом внутреннем продукте (см. табл. 12).

ТАБЛИЦА 12. Доля расходов расширенного правительства в ВВП, %

Страны	Годы				
	1913	1938	1950	1973	1999
Великобритания	13,3	28,8	34,2	41,5	39,7
Германия	17,7	42,4	30,4	42,0	47,6
США	8,0	19,8	21,4	31,1	30,1
Франция	8,9	23,2	27,6	38,8	52,4
Япония	14,2	30,3	19,8	22,9	38,1

Источник: Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective. Development Center Studies, OECD, 2001.

Именно на этом фоне формировались современные системы социальной защиты и организации социальных отраслей — пенсионирования, здравоохранения, образования. Этот процесс начался в 80-х гг. XIX в. в Германии и в основном завершился в странах-ли-

дерах современного экономического роста к середине 30-х гг. Достройка этой системы происходила после Второй мировой войны в 50-е гг. Социальная среда в период ее формирования радикально отличалась от той, которая характерна для постиндустриального общества. Общество еще было молодым. Доля старших возрастных групп, на которые распространялись пенсионные права, была ограниченной. Большая часть лиц, имеющих право на пенсию, продолжала работать. Пенсионная система, по сути, была страховкой на риск дожития до нетрудоспособности. В 30-х гг. XX в., когда возникает государственная пенсионная система в США, доля лиц в возрасте старше 65 лет составляла лишь 9,7%. В послевоенный период начинается процесс быстрого старения населения, и доля эта возрастает в 2–3 раза. Процесс носит долгосрочный характер, он будет продолжаться и дальше.

Системы социальной защиты формировались в условиях, когда возможности наращивания налоговых доходов казались неограниченными, а обязательства были скромными. В результате возникали структуры, которые на десятилетия закладывают растущие обязательства. Пока удавалось наращивать налоговые поступления, это противоречие можно было игнорировать. Но к 70-м гг. XX в. обозначаются пределы налоговых изъятий, существующие в условиях постиндустриального общества.

Еще один фактор, наложивший отпечаток на формирование социальных обязательств в 50-е гг.: это был период аномально высоких темпов экономического роста, компенсировавший их падение в 1913–1950 гг. С середины же 70-х гг. XX в., по исчерпанию резервов компенсаторного роста, мировая экономика начинает расти медленнее.

Формирование систем социальной защиты происходит под влиянием таких факторов, как молодое население, быстрый рост налоговых возможностей и аномально высокий экономический рост. Потом выясняется, что такого благоприятного сочетания нет. Отсюда ключевой конфликт постиндустриального общества — противоречие между пределами возможностей государства мобилизовывать доходы и системой быстро растущих социальных обязательств. Именно этот конфликт определяет наиболее острые социальные и экономические проблемы стран-лидеров на протяжении последних тридцати лет.

Направления реформы здравоохранения

Растущая продолжительность жизни в сочетании с повышающейся приоритетностью услуг здравоохранения в потребностях постиндустриального общества задают траекторию быстрого роста доли здравоохранения в ВВП при нарастающих структурных проблемах в этой области.

Рост доли здравоохранения в ВВП США идет особенно динамично, в Англии этот процесс идет медленнее, но везде она увеличивается в 2–3 раза на протяжении сорокалетнего периода. Выявляется объективное противоречие: общество хочет больше тратить на здравоохранение, а возможности обеспечить удовлетворение этой потребности при существующих формах его организации и финансирования отсутствуют. Бесконечно наращивать бюджетные расходы на здравоохранение не удается.

Эти проблемы проявляются в принципиально различных системах здравоохранения. Английская система — это государственное здравоохранение, американская — частное. Англия сталкивается с одним набором проблем — дефицитом врачебных услуг, многомесячными очередями для простейшего анализа или консультации, — хорошо известным тем, кто жил в условиях социализма, с реалиями «экономики дефицита», столь убедительно описанными Я. Корнаи¹. В США мы видим другую проблему — быстро растет доля здравоохранения в ВВП, как, вероятно, росла бы в Англии в условиях частного здравоохранения, при этом происходит форсированная инфляция издержек, делающая систему лечебной помощи малодоступной для многих американцев.

Состояние нынешней системы здравоохранения в России не нуждается в подробном описании. Раздутый коечный фонд, большое количество врачей, невысокое качество медицинского обслуживания, очереди, формальные и неформальные соплатежи населения — все это известные реалии. На протяжении последнего десятилетия российскую систему здравоохранения пытались реформировать, вводить страховые элементы, сокращать коечный фонд, долю расходов на стационарное лечение. Результаты оказались скромными. Важно понять — это не специфические пробле-

¹ См.: Kornai J. Economics of Shortage. Russian (1990).

мы России, порожденные постсоциалистическим кризисом и легко преодолимые при улучшении экономического положения. Они носят серьезный структурный характер, заданы на долгие десятилетия логикой развития постиндустриального общества.

Преимущество России состоит в том, что мы столкнулись с этими проблемами достаточно рано, у нас еще есть свобода маневра и возможности многое изменить. Ведь нередко очевидно полезные изменения и реформы в здравоохранении, например США, наталкиваются на одно фундаментальное препятствие — то, которое называется «интересы медицинского лобби». Его усилия были весьма действенными, в частности, в отношении ограничения эффективности контроля за издержками в здравоохранении.

Есть два важных направления реформ в области организации российского здравоохранения, заслуживающих серьезного внимания. Первое — переход от финансирования сети к финансированию предоставляемых услуг. Второе — создание механизмов легального частного страхового софинансирования здравоохранения, позволяющего расширить свободу маневра для пациента и создать адекватную систему стимулов для отрасли.

Формирование систем социальной поддержки, в том числе страховых систем в медицине, проходило под сильным влиянием германского опыта. Между тем у О. Бисмарка были свои конкретные политические задачи: ему нужно было ослабить влияние социалистов и рабочего движения. С самого начала в организацию здравоохранения было встроено противоречивое сочетание страховых и налоговых принципов. По форме взносы были страховым платежом, но их размеры слабо влияли на объем и набор услуг, права на которые получает застрахованный.

Пока речь шла о низких налогах и небольших выплатах, о низкой доле такого перераспределения в ВВП — подобное противоречивое сочетание могло сохраняться. Но когда эта система становится важнейшей частью экономики, есть смысл задуматься над целесообразностью сохранения заложенных в ней базовых аксиом и, в частности, сочетания налоговых и страховых элементов. Если речь идет о налоговых платежах, понятно, на что эти платежи имеют смысл тратить — на обеспечение минимальных гарантий финансирования здравоохранения для бедных, для тех, кто не может обеспечить удовлетворение своей потребности в услугах здраво-

охранения иным способом. Если это страховые платежи, то тот, кто их вносит, должен иметь право влиять на качество услуг, иметь возможность выбирать как своего страховщика, так и тот страховой пакет, который он хочет иметь, а не получать его принудительно, как в советском продуктовом наборе.

Целесообразно предоставить работодателю и работнику право выхода из государственной системы обязательного медицинского и социального страхования с передачей соответствующих средств в лицензированные частные компании, занимающиеся медико-социальным страхованием, сохранив возможность финансирования страховых выплат малообеспеченным за счет общих доходов бюджета. Полезно было бы сочетать это со стимулированием создания фирм, реализующих и страховые и собственно медицинские функции. Как показывает опыт, это благоприятно сказывается на эффективности расходов.

С 2000 г., в рамках реформы подоходного налога, были введены налоговые вычеты на здравоохранение и образование. Эта система практически не заработала. Причина — сложные бюрократические процедуры и ограниченный масштаб стимулов. Масштаб экономии, близкий к 100 долл. США, не оправдывает необходимых для предоставления этой льготы усилий для тех групп налогоплательщиков, которые могли бы активно озаботиться собственным финансированием страхового здравоохранения.

Необходимо ограничить бюрократические требования к системе вычетов, одновременно устранив предусмотренные сегодня верхние пределы вычетов (20 тыс. руб.), обозначенных в номинале, и установить, что эти пределы должны определяться только как доля от облагаемого дохода. Сама эта граница — вопрос расчета и оценки возможных бюджетных потерь. Такая система — существенный стимул к легализации высоких доходов. С учетом опыта реформ подоходного налога в 2001–2002 гг. можно предположить, что потери бюджета при ее введении будут незначительными.

Сочетание права выхода из системы государственного медико-социального страхования и реформирования социальных вычетов позволяет снизить реальное налоговое бремя, увеличить объем финансирования, поступающего в систему здравоохранения, создать адекватную систему стимулов для организаций, действующих в системе здравоохранения, уйти от распределения финансовых ресурсов по числу больничных коек.

Реформа системы образования

Рост потребности в услугах системы образования был в постиндустриальном обществе не столь динамичным, как рост потребности в услугах здравоохранения. Частично это связано с тем, что население стареет и контингент обучаемых сокращается, хотя продолжительность обучения быстро растет и все настойчивей проявляет себя необходимость непрерывного образования. В этой области постиндустриальный мир столкнулся с проблемами, сходными с теми, что и в системе здравоохранения. Большие усилия были направлены на обеспечение равных возможностей обучения, на то, чтобы минимизировать зависимость качества образования от способностей родителей его финансировать. Но при нарастающих бюджетных ограничениях система начинает работать неудовлетворительно. Недостаточное финансирование снижает качество обучения. Децентрализация финансирования образования, характерная для многих постиндустриальных стран, ведет к резким различиям в качестве образования, связанным с местом проживания семей, порождает тенденцию к поселенческой социальной сегрегации.

Сегодняшний механизм приема в российские вузы устроен парадоксально. Все знают о существовании частных соплатежей при поступлении в вузы, знают, как работает отлаженная машина репетиторства, знают, что возможности получить бесплатное образование у детей из наиболее высокостатусных и наиболее обеспеченных групп населения существенно выше, чем у прочих. Следующая группа — менее высокостатусных и менее высокодоходных — вынуждена отправлять своих детей на обучение за частный счет. Дети из бедных семей идут в армию. Беречь и лелеять подобный механизм смысла нет.

Многочисленные предложения по реформе образования, которые сегодня активно обсуждаются и отрабатываются в ходе проводимого в стране эксперимента, являются попыткой разрешить это противоречие. Стремление обеспечить доступ к образованию детей из не высокостатусных и высокооплачиваемых семей обычно выводит на систему тестирования. По-другому отбирать тех, кто будет иметь право получить образование за государственный счет прозрачным образом, сложно. С точки зрения решения вопроса о том, кто должен получать государственные деньги на обучение, систе-

ма тестов, при всех своих известных недостатках, по-видимому, не имеет альтернативы. Но предлагается таким образом отбирать не только тех, кто получит государственные деньги, но и тех, кто будет учиться в конкретном вузе. К сожалению, система тестов не позволит отобрать тех, кто способен учиться в консерватории, на мехма-те МГУ или на факультете восточных языков.

Есть объективное противоречие: обеспечение качественного образования предполагает возможность вуза отбирать студентов по своим критериям, а обеспечение равного доступа и ограничение коррупции предполагает стандартные процедуры. Это противоречие не является неразрешимым. Нужно лишь внести серьезные изменения как в существующие установления, так и в то, что предполагается сделать в этой области в рамках распространения идущего эксперимента.

В случае внесения корректив можно предоставить вузу право самому отбирать студентов, установив минимальную долю приема студентов с государственным образовательным ваучером. Это позволит сочетать простые правила: государство отбирает тех, кому оно платит за образование, а вузы сохраняют право отбирать тех, кого они считают годными к обучению по соответствующим специальностям. Эта система станет особенно привлекательной в сочетании с военной реформой и переходом к контрактной армии, когда учеба в вузе перестанет быть средством уклонения от военной службы.

Еще одна проблема связана с функционированием системы среднего образования: раздувание школьной программы и наращивание объема федеральных стандартов. Порождена она в значительной степени тем, что зарплата учителя зависит от числа часов преподавания. Отсюда заинтересованность педагогического состава в том, чтобы часов было больше, несмотря на справедливые рассуждения о перегрузке детей. Здесь важнейшая задача — жесткое ограничение федерального стандарта по объему знаний в сочетании с предоставлением школе свободы маневра за пределами федерального стандарта. Что касается последнего, он должен быть реально сильным не только для школы в крупном городе, но и для сельской школы и школы в малом городе. В противном случае вся система тестов превращается в профанацию. Неразумно сдерживать качество обучения в школах, которые имеют возможность об-

учать лучше. Но отбор тех, кто получит право на государственное финансирование, должен идти по простому набору критериев, которые всем доступны.

Проблемы пенсионной системы

В 1940 г. в Советском Союзе было 4 млн пенсионеров, из них 200 тыс. пенсионеров по старости. Впоследствии ситуация начинает меняться, идет процесс старения населения, увеличения пенсионной нагрузки на одного занятого (см. табл. 13).

Таблица 13. Соотношение лиц пенсионного возраста(*) и занятых

Страны	Соотношение лиц пенсионного возраста и занятых, %	
	2000 год	
США		25,48
Великобритания		39,73
Франция		49,88
Германия		38,40
Япония		34,14
	2050 год, Россия	
Инерционный прогноз		74,21
Целевой прогноз		62,01

* Для США, Германии и Японии — лица старше 65 лет; для Франции — лица старше 60 лет; для Великобритании — мужчины старше 65 лет и женщины старше 60 лет; для России — мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет.

Источники: 1. <http://www.oecd.org>. Employment Outlook and Analysis, Labour Market Statistics Data, LFS by sex and LFS by sex and age. 2. Вишневецкий А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы демографического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу». Доклад. С. 18, 28.

Как видно из приведенной таблицы, если мы возьмем инерционный прогноз (прогноз А. Вишневецкого), то нагрузка на одного занятого при нынешней структуре пенсионной системы к 2050 г. будет примерно в 2–2,5 раза выше, чем в наиболее развитых странах-лидерах экономического роста сегодня.

Пенсионная реформа в России началась сравнительно рано, на благоприятном демографическом фоне. В ее рамках заметно укре-

пилась зависимость условий пенсионирования от размера взносов на пенсионное страхование работников. Начался процесс создания накопительной пенсионной системы. Но если проанализировать прогнозы, то выяснится, что все сделанное недостаточно для обеспечения долгосрочной устойчивости российской пенсионной системы, если под этим понимать сохранение средних размеров пенсии по отношению к зарплате на уровне, близком к тому, который существует сегодня.

Возможное и важное направление решения этой проблемы — ускорение темпов наращивания накопительной части пенсии. Лишь при таком развитии событий можно уйти от крайне болезненного в демократической стране вопроса о пенсионном возрасте.

Еще одна нерешенная проблема в российской пенсионной системе — направление большей части пенсионных накоплений в национальную экономику. Прогнозировать финансовые рынки трудно. Однако опыт последних двух веков показывает — мировое развитие менее волатильно, чем развитие любой отдельно взятой страны. А именно от этого зависит долгосрочная устойчивость пенсионных накоплений. Чтобы ее обеспечить, необходимо существенно повысить долю пенсионных накоплений, которая инвестируется в высоконадежные и ликвидные международные ценные бумаги.

Кризис призывных армий

Характерная черта постиндустриального перехода — кризис призывной армии. Это процесс закономерный, он связан с трансформацией демографической и социальной структуры. Впервые в Европе призывная армия возникает в Швеции, из крупных стран — во Франции. Переход к ней происходит в условиях аграрного общества, где в семье 5–6 детей. Из них многие не доживают до призывного возраста. В этих условиях потеря ребенка — это беда, но привычная. Для мальчика, который вырос в деревне, путь в армию — это, вместе с тем, путь в город, возможность социализации, получения элементарного образования, путь к продвижению. В Китае и сегодня для юноши из деревни попасть в армию — социальный успех.

Иная ситуация возникает в странах-лидерах постиндустриального развития. Это страны, где в семьях один-два ребенка, как правило, не более чем один сын, где население урбанизировано, не

нуждается в армии как в инструменте социальной адаптации. Рассчитывать на то, что в демократических обществах с такими демографическими характеристиками можно «забрызгать» этого единственного сына в призывную армию просто потому, что так решит государство, — нереально. Призывная система входит в противоречие с социальными установлениями, нормами поведения. Общество найдет способ защитить своих детей от принудительного призыва. Попытки сопротивления этому стремлению порождают масштабную коррупцию. Когда государство пытается принять законы, ограничивающие отсрочки от воинской службы, оно лишь увеличивает плату за уклонение от призыва, не более того.

В нашей стране реформа комплектования вооруженных сил, переход к контрактной армии — это не идея, порожденная краткосрочными проблемами, которые легко преодолимы, а отражение реалий того этапа развития, на котором сегодня находится страна. При попытке сохранения системы призыва в этих условиях проблемы в армии будут лишь усугубляться. Разница между нами и странами-лидерами состоит в том, что на фоне специфики демографического развития в России, необычно раннего перехода к малодетной семье, в нашей стране эти проблемы обострились раньше.

Не буду подробно останавливаться на наших предложениях по реформе вооруженных сил. Они известны. Мы работаем сейчас в этой области и с Минэкономики, и с Минфином, и с Министерством обороны. Взаимодействовать не всегда легко, но мы не оставляем усилий. Вопрос не в том, необходимо ли в России переходить к контрактной армии. Такой переход неизбежен. Вопрос в том, придется ли это делать в авральном порядке, когда выяснится, что в 2007 г. некого будет призвать, или это удастся сделать планомерно и с адекватной подготовкой.

Иммиграционная политика

Политика по отношению к иммиграции в странах, находящихся на стадии постиндустриального развития, как правило, была крайне непоследовательна. Здесь сталкиваются две реальности — экономическая и политическая.

Экономическая реальность: в странах с богатеющим населением существует острый дефицит рабочей силы, готовой на неквалифи-

цированный труд. Есть неквалифицированные рабочие места, которые можно экспортировать за рубеж, в менее развитые страны. Но в отношении профессии уборщика, нянечки, грузчика и многих других это нереально. Между тем на высоких уровнях развития резко повышаются требования национальной рабочей силы к качеству труда и рабочего места. Органы трудоустройства не решаются предложить многие рабочие места даже безработному, потому что власти знают: он имеет моральное право отказаться. В то же время есть и потенциальное предложение труда для такого рода рабочих мест. Даже те невысокие зарплаты, которые платят в странах-лидерах за непрестижную работу, для многих выходцев из более бедных стран — возможность социального продвижения, роста благосостояния. В такой ситуации остановить процесс трудовой иммиграции невозможно, как ни пытайся прочнее закрыть границы. Однако общество, особенно в странах не иммигрантских, с высокой долей коренного населения, воспринимает иммигрантов как угрозу. Они нужны как уборщики, строители и грузчики, но не нужны как соседи. Складывается положение, когда иммиграция неизбежно происходит, но часто принимает наихудшую из возможных форм — форму нелегальной иммиграции.

Правительство США — иммигрантской страны, до 80-х гг. XIX в. вообще не имевшей никаких иммиграционных ограничений, а в XX в. постепенно ужесточившей иммиграционный режим, — было вынуждено провести в 1986 г. крупномасштабную легализацию иммигрантов. Эта мера выявила и позволила сделать законным положение примерно 4 млн нелегальных иммигрантов. Сейчас США стоят на пороге осознания необходимости повторения того же шага и новой легализации иммигрантов примерно в тех же масштабах.

Италия несколько раз проводила легализацию иммиграции. То, что там массово распространена нелегальная трудовая занятость иммигрантов в теневой экономике, исследователи прекрасно знают. Германия пыталась несколько раз ограничивать постоянную иммиграцию. В результате иммигранты прибывают в страну по каналам иммиграции беженцев, получают право жить в стране, но не имеют права легально работать.

Есть примеры разумной политики в области иммиграции. Канада — пример осмысленной политики, хотя проводимой не без колебаний. За последние 20 лет канадское правительство довело долю

иммиграции, определяемую по балльной системе (речь идет об иммигрантах, приезд которых власти страны поощряют, отбирая их с использованием определенных критериев по всему миру), до уровня выше 50 %. К сожалению, это исключение.

Россия неизбежно столкнется и уже сталкивается сейчас с теми же проблемами. Посмотрев на рынок рабочей силы в Москве, узнав, кто и на каких рабочих местах работает, нетрудно убедиться, что идея о возможности обойтись без крупномасштабной трудовой иммиграции — нереалистична. Это долгосрочная проблема, с которой России придется иметь дело в течение многих десятилетий. Даже если абстрагироваться от вопроса о перспективных проблемах численности российского населения (это всегда вопрос точности прогнозов), то по условиям рынка труда страна обречена получать крупномасштабный приток иммигрантов. В этой ситуации разумнее получать тех, кого национальные власти хотят видеть в стране, а не тех, кого бы они видеть не желали.

У России есть уникальная возможность, мало кому доступная. Нас окружают страны, большинство из которых беднее. В этих государствах живут миллионы русских и десятки миллионов русскоязычных, людей, знающих русский язык, русскую культуру, традиции, людей, которые легко интегрируются в структуру российского общества. И вместо того чтобы вести систематическую работу по привлечению талантливой молодежи из стран СНГ в российские вузы с предоставлением российского гражданства, привлечению иностранцев из стран СНГ на службу в российскую армию по контракту, создавать разумно устроенную балльную систему организации трудовой иммиграции, легализовать иммигрантов, практически живущих в России, интегрировать их в российское общество, — вместо того чтобы использовать весь этот потенциал, мы заимствуем худшие черты иммиграционной политики стран-лидеров. При этом еще гордимся, что наше последнее законодательство в этой области похоже на европейское. Между тем трудно представить себе нечто менее разумное, чем европейское иммиграционное законодательство.

Трудный путь перемен

Важный вывод, который можно сделать, анализируя постиндустриальное развитие, — глубокие институциональные преобразования

даются трудно. Постиндустриальные страны продолжают быстро развиваться, в них происходят радикальные структурные изменения. В то же время выясняется, что в условиях зрелых, стабильных демократий с низкой политической активностью населения, с ограниченными политическими интересами возможности проводить масштабные реформы ограничены. Существуют важные направления, продвижение по которым заблокировано партиями и группами интересов. Именно такие группы политически активны. У них есть стимул организовываться. Известно, что реформа образования в США буксует, потому что важнейшая задача американских профсоюзов учителей (Национальная ассоциация образования, Американская федерация учителей) — одной из сильнейших лоббистских групп в Америке — ее остановить. То же происходит с реформой аграрной политики в странах ЕЭС. Политика эта сдерживает мировое развитие, создает тяжелые проблемы для развивающихся стран. Все попытки что-либо изменить блокируются аграрным лобби.

Сегодня российское общество сталкивается с тяжелыми проблемами, связанными с тем, что у нас молодая демократия. Демократия, не опирающаяся на традиции, — нестабильна, в ней заложена серьезная угроза эволюции в сторону авторитарного режима или «закрытой демократии». Но одновременно молодая демократия — это период значительной свободы маневра, состояние, когда можно сделать многое из того, что будет исключено через 20 лет. То, как политическая элита распорядится этим окном возможностей в ближайшие 10 лет, будет определять траекторию развития России на предстоящие полвека.

Наша задача на ближайшие перспективы — не искать лучший мировой опыт и пытаться сконструировать из него идеальные устройства для развития России в постиндустриальную эпоху. Задача — четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет, а что не будет работать, отслеживать проблемы, стоящие перед страной, и решать их не в последний момент, а заблаговременно.

То, что нам нужно, — это не бегать ни с кем наперегонки, а научиться устойчиво развиваться в условиях меняющегося постиндустриального мира, не ввязываясь в войны, избегая внутренних смут. Научиться извлекать уроки из своих и чужих ошибок. Избавиться от стиля, характерного для нашей страны с начала XVIII в., когда за рывком следуют застой и кризис. Научиться развиваться,

используя не столько инструменты государственного принуждения, сколько частные стимулы и инициативу. Сделать это гораздо труднее, чем на короткий срок подстегнуть темпы экономического роста. Для этого нужна тяжелая, последовательная и не приносящая немедленных политических дивидендов работа. Но именно такая политика является ответственной.

Здравые идеи рано или поздно оказываются востребованными. Решение проблемы миграции — одна из четырех самых важных стратегических задач России

Очень многие постиндустриальные страны, т. е. страны, прошедшие путь, который нам только предстоит пройти, наделали в сфере миграционной политики много глупостей, потому что там всегда сталкивались два противоположных стимула. С одной стороны, в постиндустриальных странах есть много рабочих мест, на которые очень трудно заманить представителей коренного населения. Если вы посмотрите на реальность Москвы, то увидите, что мы уже во многом живем в этом мире.

С другой стороны, существует проблема, и особенно это характерно для моноэтнических стран, когда они хотят иметь инациональную рабочую силу для работы уборщиками, водителями автобусов, трамваев и так далее, но при этом не хотят иметь их соседями. И вот отсюда происходит крайняя неразумность. Мы наблюдаем некую шизофреничность политики по отношению к миграции, в результате которой Франция, Англия, Германия, Италия, Америка загоняют в область нелегальной эмиграции абсолютно неизбежную трудовую миграцию, которая все равно будет идти, потому что у вас есть спрос на эту рабочую силу и предложение этой рабочей силы.

На мой взгляд, Канада — типичный пример разумной миграционной политики. Там больше половины иммиграции — это трудо-

вая миграция, легальная, по балльной системе. Канадское правительство имеет свою программу, свою систему отбора: мы хотим таких-то специалистов, с таким-то знанием английского языка, с таким-то уровнем образования, в таких-то возрастных группах и так далее. И по этому каналу в Канаду попадает больше половины всех иммигрантов.

В Австралии существует подобная программа, хотя и менее масштабная, чем канадская.

К российским условиям все это, конечно, применимо, даже более чем применимо. У нас есть фундаментальное преимущество перед большинством стран, поскольку мы окружены государствами, которые объединились и в которых живут миллионы русских и десятки миллионов русскоязычных людей, т. е. выращенных в традиции русского языка и русской культуры.

И мы имеем полную возможность разработать программу по их привлечению в Россию: по привлечению на службу в российской армии, по привлечению самых способных студентов из СНГ в российские университеты, по привлечению нужных нам трудовых иммигрантов для работы в России, предоставлению им вида на жительство, прав гражданства, если, скажем, они служат в российской армии. Все это — тот потенциал, который на самом деле мало у кого есть в мире.

У нас на самом деле проницаемые границы и, следовательно, к нам идет трудовая иммиграция из многих стран, включая Вьетнам и Китай. И здесь перед нами стоит вопрос выбора: будем ли мы сами выстраивать собственную иммиграционную политику, выбирая, кого мы хотим (хотим ли мы в первую очередь привлекать людей, которые знают русский язык, пишут по-русски и воспитаны в русской культуре?), или мы получим иммигрантов, которые не знают русского языка и которые прибудут к нам по каналам нелегальной иммиграции.

У меня довольно длинный опыт участия в политическом процессе в России, и я знаю, что здравые идеи раньше или позже оказываются востребованными. Когда мы предлагали свою реформу налоговой системы, включая плоский подоходный налог, а это было в 1997 г., казалось, что это абсолютно за гранью всяких политических реалий. Сегодня это реализовано и, более того, воспринима-

ется как банальность. Поэтому я убежден в том, что наши предложения будут востребованы. Вопрос — когда.

В общем-то, могу прийти в Кремль и при необходимости пообщаться с президентом. Но дело не в этом. Крайне важно, что эта тематика становится по крайней мере обсуждаемой в экономико-политической элите и на эту тему начинают думать. Есть аргументы за, есть аргументы против, но она перестала быть несуществующей. Как только она становится существующей, рано или поздно разумные решения оказываются принятыми.

По поводу книги «Миллионер» Артема Тарасова

В конце 1950-х гг. было немало людей вынужденных комментировать книгу Бориса Пастернака, сопровождая это словами: «Сам я ее не читал, но скажу». Мои комментарии ограничены пределами публикации в газете, пересказывающей один из сюжетов книги «Миллионер», вышедшей из-под пера А. Тарасова.

Хочу выразить благодарность автору. Он заставил меня в очередной раз перечитать «Ревизора» Гоголя, вспомнить, какая это блестящая литература. Если судить по публикации в газете, книга Тарасова выполнена в традициях голливудского фильма о России: захватывающий сюжет и поразительное незнание технических деталей. Поскольку читатели «Известий» могли еще не ознакомиться с этим повествованием, коротко изложу суть дела.

Ливийское руководство нанимает Артема Тарасова, чтобы сформировать позицию России в Совете безопасности ООН по вопросу о введении международных санкций против Ливии. У Артема Тарасова большие связи в правительстве, но в данном случае приходится выходить лично на премьер-министра Гайдара. Находится посредник, который договаривается с Гайдаром о том, что позиция России будет благоприятной для Ливии. Но просит за это 6, а затем 15 млн долл. дополнительно к некоторым финансовым выгодам для России.

Однако ливийское руководство недоверчиво и хочет, чтобы его представителя принял лично премьер-министр Гайдар. Гайдар принимает ливийского гостя прямо в Белом доме без всякой очереди.

Но потом коварный Гайдар меняет свою позицию, Россия не поддерживает Ливию. Только то, что Артем Тарасов не успел получить деньги от ливийских коллег, спасает его от неминуемой гибели. В конце статьи сам Артем Тарасов пишет: «Мог, конечно, оказаться аферистом сам посредник Алексей и все это придумать, и тогда я неоправданно упоминаю Гайдара, но уж очень показательной была та встреча в Белом доме без всяких протоколов и отсрочек».

Восхитительно! Голосование по проблеме санкций в отношении Ливии проходило в ООН в 1992 г. 2 раза: 21 января (резолюция №731) и 31 марта (резолюция № 742). Напомню мелкую деталь: в это время я не был премьер-министром российского правительства, работал заместителем премьера, министром экономики и финансов. Интереснее другое: *в 1992 г. российское правительство не работало в Белом доме, тогда оно размещалось в комплексе зданий на Старой площади, где ранее располагался ЦК КПСС.*

В то время, когда принимались резолюции по Ливии, я работал в кабинете №3 (5-й этаж, у лифта часовой, далее налево). Позже, когда я исполнял обязанности премьер-министра, адрес был тот же, только из лифта направо, кабинет №1. Всем, кто имел отношение к выработке позиции России при голосовании в ООН, этот кабинет известен. Ранее там работали такие персонажи, как Никита Хрущев, Леонид Брежнев, Юрий Андропов и Михаил Горбачев. *Представить себе человека, который влияет на решения по ключевым вопросам внешней политики России и при этом не знает, где находится кабинет премьера, так же трудно, как найти русского, который не знает, что мы не имеем обычая пить водку из самовара под развесистой клюквой.*

В последние годы в обиход вошел образ человека, похожего на генерального прокурора. Если я что-то понимаю в жизни, Артем Тарасов производит впечатление человека, похожего на двойного агента. Как он работает на другую сторону, это, в конце концов, не наши проблемы. Но если уж он работает и на нашу, хотелось бы больше профессионализма.

Либерализм: Слухи о смерти преувеличены

Статья «Кризис либерализма в России», подписанная М. Ходорковским, вызвала оживленную дискуссию. Даже те, кто принял ее с восторгом, обратили внимание на банальность сказанного, на то, что все это неоднократно повторялось противниками российских либералов. Принципиальной новостью стало не содержание статьи, а авторство. А также место, где она была написана. Автор из-за решетки совершает покаяние, вершит моральный суд, благословляет и ниспровергает. Пишет о сервильности¹ либералов, их готовности забыть про конституцию ради севрюжины с хреном.

Прочитав письмо, оказался в сложном положении. Согласиться со сказанным невозможно. Спорить с тем, что человек пишет из неволи, — по российской традиции занятие малопочтенное. Для меня с 6 апреля (когда Минюст обнародовал объяснительную записку, в которой Ходорковский говорит, что «собственноручных материалов» в газету не передавал) авторами статьи становится группа неизвестных товарищей, объединенная псевдонимом «М. Ходорковский». Впрочем, нет претензий к газете, опубликовавшей текст, подписанный Ходорковским. Текст представляет общественный интерес, кто бы ни был его автором.

Ситуация во многом трагикомическая. Одно дело — писать молоком, макая перо в чернильницу из хлебного мякиша: «Время лукавства прошло — и из каземата СИЗО N 4, где я (т. е. «группа товарищей»?) сейчас нахожусь, это видно, быть может, чуть лучше, чем из других, более комфортабельных помещений... « Другое дело — набирать этот текст в уютном кабинете. Здесь можно было бы поставить точку. Как только написанное перестает быть статьей Ходорковского, оно становится набором банальностей. Оставаясь при этом, как выражались в благородном XIX в., «печатным доносом».

Небезынтересен строй сознания, ассоциации. Перепевы мотивов, звучавших между 1934 и 1954 гг., очевидны. Есть призывы к либералам осознать «моральную ответственность» за дефолт. Здесь трудно не вспомнить, как в 1935 г., пытаясь избежать расстрела, Каменев

и Зиновьев признали свою «моральную ответственность» за убийство Кирова. Слова о том, что надо «оставить в прошлом космополитическое восприятие мира», навевают нечто из начала 1950-х. Призыв «Надо заставить большой бизнес поделиться с народом» напоминает булгаковское: «Сдавайте валюту!». Невнятица с тем, кто и где именно писал этот текст, показывает, что профессионализм кадров за последние десятилетия во многом утрачен. Трудно не согласиться с самокритичными словами авторского коллектива: «И, перефразируя знаменитые слова Сталина, сказанные в конце июня 1941 г., мы свое дело прос. . ли». Где уж тут поймать Басаева!

История, как писал Маркс, повторяется. И действительно в виде фарса. Правда, опыт полутора веков, прошедших со времени написания Марксом этих строк, показал, что и фарс может быть кровавым. Именно поэтому считаю своим долгом высказаться по существу вопроса.

В картине мира, нарисованной в письме, два жестко разграниченных периода. Период, когда президент Ельцин со своими реформаторами проводил антинародную политику. И период новой власти, когда жизнь наконец стала налаживаться. Вторая эпоха рождается прекрасной, как Афродита, — и непосредственно из морской пены. К сожалению, и люди, и экономико-политические системы рождаются мучительнее.

На деле периоды российской истории неразрывно связаны. Что-бы существовала эффективная рыночная экономика, в которой доминирует частная собственность, свободные цены, конвертируемая валюта и шестой год кряду продолжается экономический рост, нужно было провести либеральные реформы на руинах советской системы. Трудно представить себе мир, в котором возможен прыжок из осени 1991 г., когда Советский Союз обанкротился, признал себя неспособным выполнять обязательства по 100-миллиардному долгу, когда валютные резервы были равны нулю, — прямо в 1999/2000 г.

Любому трезвомыслящему человеку понятно, что структурные реформы дают позитивный результат с временным лагом. Сегодня очевидно, что экономический рывок США в 90-х гг. тесно связан с преобразованиями, проведенными за 10 лет до этого при Рейгане, — дерегулированием, налоговой реформой. Откуда убежденность, что мы в этом отношении исключение, — понять невозможно. Сколь ни различны личные качества, убеждения, приоритеты, политическая

Опубликовано в: Ведомости. 2004. 14 апреля.

¹ Сервильность — ангажированность, подхалимаж, холуйство, подбострастие, рабелепность, холопство, подхалимство, низкопоклонство, прислужничество, угодливость, лакейство. — Прим. ред.

стилистика первого и второго президентов России, все же ельцинский и путинский периоды нашей истории — часть единого процесса политико-экономической трансформации.

Один из ключевых тезисов письма — вина либералов. Некоторые участники дискуссии говорят о ней, потирая руки от восторга. Поражение всегда неприятно. Не снимаю с себя ответственности за него. Но делать из нашего поражения на выборах вывод о крахе либерализма в России — неумно.

Проигранная битва — не проигранная война. Сколько раз либерализм хоронили — и после поражения ДВР на выборах 1995 г., и во время правительства Примакова. Тогда тоже было опубликовано немало покаянных текстов. Но российский либерализм, как птица Феникс, все норовит восстать из пепла. Видимо потому, что спрос на политическую и экономическую свободу в России есть. Значит, будет и предложение.

В цикличности успехов и неудач либеральных сил Россия не уникальна. Польские демократы и либералы победили в 1989 г. и потерпели поражение в 1993-м, добились успеха в 1997 г. и опять проиграли в 2001-м. Все это, несмотря на то, что экономические реформы были успешными, а уровень жизни намного вырос. В 2001 г., после того как реформаторский «Союз свободы» не прошел в парламент, в Польше немало было написано о крахе либерализма. Через два года лидер, сформировавший правительство посткоммунистической партии, признал, что либеральному курсу нет альтернативы. Сама партия распалась. Обновленное либеральное крыло политического спектра — «Гражданский союз» — пользуется поддержкой 25 — 30% населения и имеет неплохие шансы на следующих выборах. Да, для этого польским коллегам пришлось перестроить партию, найти новых людей и другую стилистику. Кто сказал, что подобная реорганизация либеральной части политического спектра невозможна в России?

Удивляет утверждение, содержащееся в письме, что социальная стабильность только и может быть основой всякой долгосрочной реформы. От хорошей жизни никто реформы не проводит. Как правило, их начинают, когда отступать некуда, старые структуры общественного устройства теряют эффективность или просто разваливаются. Говорить о социальной стабильности как предпосылке реформ, начатых после краха социализма и банкротства СССР, мо-

гут лишь люди, формирующие миф о былом процветании. Или — хуже того — сами верящие в этот миф.

Реформы многих травмируют материально, кого-то — психологически. Одни выигрывают, другие проигрывают. При этом люди в демократическом мире склонны считать улучшение жизни своей личной заслугой, а ответственность за неудачи предпочитают возлагать на правительство. Отсюда регулярные приливы и отливы политических симпатий в периоды глубоких реформ.

Часть развернувшейся дискуссии посвящена навязшему в зубах «во всем виноват Чубайс». Я, как и Чубайс, лучше многих знаю об ошибках, которые совершал, о компромиссах, на которые вынужден был идти. Оглядываясь назад, много раз пытался взвесить цену компромисса, цену ошибок, возможные последствия альтернативных решений. Много из прошлого хотел бы поменять — и не раз писал об этом. Но каяться в чем-либо, тем более в сложившейся политической ситуации, считаю недостойным и контрпродуктивным.

До конца дней меня будут попрекать обесценившимися вкладами. Люди, потерявшие вклады, не обязаны разбираться в финансовой проблематике. Да и объяснять им все детали — занятие неблагодарное. Гораздо выгоднее указать виновного. Но кто-нибудь из авторов письма мог бы потрудиться и прочитать хотя бы два-три исследования по этой теме, вспомнить о «денежном навесе» — избыточном объеме денежной массы, порождающем дефицит в социалистической экономике. Нетрудно понять, что возможности спасения вкладов были ограничены спросом на деньги и унаследованными золотовалютными резервами, что с осени 1990 г. 16 центральных банков в республиках СССР имели возможность самостоятельно создавать ликвидность; можно поинтересоваться тем, где же на постсоветском пространстве удалось адекватно решить проблему вкладов. Выяснить, что — нигде. И лишь после этого пускаться в пафосные рассуждения о защите пенсионеров.

Могучая идея о том, что проблему решил бы выпуск государственных ценных бумаг, — продукт воспаленного воображения. В стране, объявившей себя банкротом, где доверие не только к госбумагам, но и к национальным деньгам равно нулю, новые ценные бумаги стоили бы дешевле тех листков, на которых они напечатаны. Государство еще долгие годы не могло бы их обслуживать. В по-

добной ситуации подавляющая часть населения за гроши избавляется от таких «филькиных грамот». Они быстро концентрируются в руках финансовых спекулянтов. Когда государственные финансы приходят в порядок, валютные резервы растут — выясняется, что вкладчики остались без сбережений, зато теперь налогоплательщики должны сотни миллиардов долларов владельцам нескольких крупных финансовых групп. Действительно, чтобы придумать такое, нужно было, говоря словами авторов письма, «пошевелить мозгами».

В России осенью 1991 г. угроза голода, подобного пережитому во время первой русской революции, была реальностью одного-двух месяцев. Я не раз подтверждал это цифрами и фактами. Благодаря реформам и запуску рыночных механизмов угроза была отведена. И благополучно забыта. Как забыты «табачные бунты», отказ принимать павловские сторублевки, талоны на еду и многое другое из той поры.

В письме сказано: «Мы (видимо, имеется в виду «ЮКОС») действительно реанимировали раздавленное последними годами советской власти производство, создали более 2 млн высокооплачиваемых рабочих мест». Понятно, все это произошло исключительно благодаря талантам менеджмента, вне связи с либеральными реформами.

Больше всего претензий к приватизации нефтяного сектора. Понятно почему: именно здесь сложилась исключительно благоприятная конъюнктура. Несправедливо! Но напомним, что в этом секторе добыча в СССР начала падать с ноября 1988 г. при полном государственном контроле и задолго до реформ. Скоро падение стало обвальным. Только за 1991 г. добыча сократилась на 54 млн т. Сейчас в нефтяном секторе России, где доминируют частные компании, годовой прирост добычи приближается к 50 млн т.

Сегодня в России рыночная экономика, конкуренция, конвертируемая валюта, частная собственность — укоренившаяся реальность. Участники дискуссии не ставят их под сомнение. Спор идет о том, не пора ли переделить добро, благо оно заметно подорожало. Естественно, переделить в пользу народа, хотя на деле подобные попытки всегда кончаются перераспределением в пользу элиты, близкой действующей власти.

Во времена Древнего Китая после смены династии земли, принадлежащие старой элите, обычно конфисковывались, нередко под предлогом того, что необходимо передать их крестьянам, чтобы восстановить уравнительную справедливость. Чудесным образом они вскоре оказывались в руках тех, кто близок к новому режиму. Как показывает тысячелетний опыт, результатом такого тесного союза собственности и власти, когда гарантии собственника определяются его лояльностью власти, всегда было торможение экономического роста.

Либерализм: Без демократии не получится

Важнейший неявно поставленный в ходе нынешней дискуссии вопрос — нужна ли демократия России и возможна ли она. Текст письма гласит: «Все эти люди — реже искренне, чаще фальшиво и по заказу, но от того не менее убедительно — говорят о крахе либеральных идей, о том, что в нашей стране, России, свобода просто не нужна. Свобода, по их версии, — пятое колесо в телеге национального развития. А кто говорит о свободе, тот либо олигарх, либо сволочь (что в целом почти одно и то же). На таком фоне либералом № 1 представляется уже президент Владимир Путин — ведь, с точки зрения провозглашаемой идеологии, он куда лучше Рогозина и Жириновского. И хочется задуматься: да, Путин, наверное, не либерал и не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны». Вроде бы авторы и не согласны с тем, что России не нужна демократия, но если человек, который, по мнению «группы товарищей», не является демократом, демократичнее 70% населения страны, то до демократии ли здесь? При всей очевидной фарсовости затеи это действительно серьезно. По этой теме считаю необходимым высказаться вдвойне ответственно.

Я по убеждению либерал, уверен, что свобода самоценна. Но обсуждаются не мои убеждения, а реальная ситуация в России. Поэтому отвечаю на явно или неявно сформулированные претензии.

Опубликовано в: Ведомости. 2004. 16 апреля.
Продолжение. Первая часть статьи опубликована в: Ведомости. 2004. 14 апреля.

Для большей части человечества то, что сегодня называют демократией, — установление новое. Еще три-четыре поколения назад оно было мало распространено в мире. То, что аграрные общества с низким уровнем доходов, доминирующей неграмотностью, неэффективной экономикой являются, как правило, традиционными монархиями или (реже) авторитарными режимами; то, что высокоразвитые постиндустриальные общества в подавляющем большинстве случаев — устойчивые демократии; то, что переменны, связанные с индустриализацией, урбанизацией, широким распространением образования, порождают политическую нестабильность, — все это известно давно и хорошо. Правда, не всем, а только тем, кто ценит факты выше идеологии. Именно на переходную стадию развития приходится время молодых, нестабильных демократий, социальных революций, неустойчивых авторитарных режимов. В России на эту фазу экономической эволюции пришлось две революции XX в.

Корни диктатуры

Простой ответ на вызовы, связанные с отсутствием демократических традиций, невысоким уровнем развития, — формирование авторитарного режима, основанного на личной власти диктатора. Иногда ему ставят прижизненные памятники. Власть туркменбаши, пожалуй, самая яркая иллюстрация того, как функционируют такие режимы в постсоветском пространстве. При более цивилизованных формах памятников не ставят, но суть дела от этого меняется мало. Беда такого решения во внутренней нестабильности и непродуктивности авторитарных режимов.

В условиях урбанизованного и образованного общества надолго убедить людей в том, что не ими избранный человек призван определять, как жить, — неразрешимая задача. Раньше или позже диктатор умирает, бежит или его убивают. Памятники сносятся. Разваливается вся политическая конструкция авторитарного режима, ставятся под сомнение ранее заключенные контракты, рушится сложившаяся структура распределения собственности. Созданные под предлогом обеспечения стабильности, авторитарные режимы сами оказываются источником потрясений. Автократ в современном урбанизованном, грамотном обществе, как прави-

ло, вынужден постоянно доказывать, что его режим — временная мера, переходный период, после которого он непременно восстановит демократию.

ЗАКРЫТЫЕ ДЕМОКРАТИИ

Альтернативный способ решения проблемы политической стабильности — формирование «закрытых», или, что-то же самое, «управляемых» демократий. Это политические системы, в которых оппозиция заседает в парламенте (а не сидит в тюрьме), регулярно проводятся выборы, нет массовых репрессий, есть свободная пресса (обычно это не относится к СМИ, имеющим выход на массовую аудиторию), правительство можно критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте. Нет пожизненного диктатора, политическая элита договорилась о механизмах передачи власти. В некотором смысле смена власти в условиях закрытых демократий напоминает устройство преемственности в Риме периода принципата. Там оно опосредовалось не контролируемые выборами, а усыновлением наследника. Для современного мира это все-таки экзотика.

Примеры таких режимов известны: это Мексика на протяжении десятилетий после революции, Италия после Второй мировой войны и до конца 80-х гг., Япония того же периода. Есть все элементы демократии за одним исключением — исход выборов predetermined, от избирателей на деле ничего не зависит. Гражданин может думать что угодно, но на выборах победит либерально-демократическая партия Японии, она же и сформирует правительство. В Мексике преемником президента станет тот, кого он назначил министром внутренних дел. В течение многих лет мексиканская и японская системы правления рассматривались в качестве примера для подражания соответственно в Латинской Америке и Азии. Неспособность обеспечить устойчивое функционирование такой системы нередко становилась базой формирования откровенно авторитарных режимов.

Развитие событий в России в последние годы позволяет думать, что значительная часть политической элиты именно такую модель считает образцовой или, по меньшей мере, пригодной на ближайшие десятилетия. Этот тезис достоин обсуждения. Да, подобные ре-

жимы позволяют надолго сохранять стабильность. Эрнесто Че Гевара, профессиональный революционер, писал, что революция не имеет шансов на успех, если речь идет о свержении правительства, которое пришло к власти на основе народного голосования, сколь бы достоверно оно ни было, и которое сохраняет хотя бы внешние формы конституционной законности. Именно сохранение видимости свободных выборов и конституционного режима — черта, отделяющая «закрытые» демократии от откровенно авторитарных режимов. Однако надо понимать и учитывать последствия такой стратегии. Характерная черта «закрытых» демократий — широкое распространение коррупции. Сам по себе демократический режим, разумеется, не является гарантией от коррупции. Но его отсутствие делает ее неизбежной деталью политического и экономического механизма.

Если учесть, что коррупция в российской власти — явление многовековое, если вспомнить о безуспешных попытках Петра I справиться с ней административными мерами, то легко понять, какую траекторию развития государственности на десятилетия вперед мы зададим, сформировав режим «закрытой» демократии. И никакими ритуальными кампаниями, никакими громкими процессами с этой проблемой не справиться. Она функционально связана с характером режима, организацией политического процесса, который развивается в ее рамках.

Еще одна характерная черта «закрытых» демократий — их склеротичность. Откровенно авторитарные режимы и эффективно функционирующие демократии бывают способны на проведение глубоких структурных реформ. Чили при Пиночете и Великобритания при Тэтчер — очевидные тому примеры. В «закрытых» демократиях с течением времени выстраиваются хорошо организованные группы, способные ради защиты частных интересов блокировать необходимые реформы. Пример Японии, столкнувшейся с одним из самых тяжелых экономических кризисов в развитой стране конца XX в. и оказавшейся не способной провести необходимые реформы в течение 15 лет, — наглядное тому подтверждение. В мире XXI в., где гибкость, способность менять установки и сложившиеся структуры, реагировать на вызовы времени — важнейший залог конкурентоспособности, выбор в пользу «управляемой» демократии — очевидная ошибка.

К тому же важнейший фактор конкурентоспособности национальной экономики в условиях постиндустриального развития (если Россия не собирается ориентироваться исключительно на сырьевые отрасли) — способность воспроизводить и сохранять высококвалифицированные кадры. Опыт показывает: люди, конкурентоспособные на мировом рынке квалифицированной рабочей силы, в большинстве своем хотят, чтобы их мнение было услышано при выборе будущего страны. Формирование «закрытой» демократии в России — прямой путь ускорения «утечки мозгов».

Муляж не поможет

Построить в России действующую демократию сложнее, чем ее муляж. Но эту задачу придется решать. Не надо иллюзий. Мы живем в XXI в., а не в XVIII. Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные социально-экономические изменения, современный характер общества не оставляют шансов на эффективное функционирование недемократических режимов.

В XX в. мы пережили две революции, каждая из которых дорого обошлась России. Обе были вызваны неспособностью режима провести необходимые реформы. Как человек, имевший прямое отношение к российской революции конца XX в., очень не хотел бы, чтобы кому-то пришлось повторять этот опыт в XXI в. России на многие десятилетия хватит революций.

По уровню развития Россия вплотную подошла к уровню, за которым формирование нормальных, стабильных демократических режимов и возможно, и неизбежно. Мне приходилось неоднократно обсуждать проблемы России и Китая с представителями китайской научной и политической элиты. Многие из них прекрасно понимают, что стратегическая проблема, которая стоит перед Китаем и решать которую все равно придется, — формирование реальных демократических институтов. Если не решить ее — политическая дестабилизация неизбежна. Для России, которая заплатила немалую цену за формирование пусть молодых, не оптимальных, но живых демократических институтов, отказываться от них — значит совершить стратегическую ошибку, за которую потом придется расплачиваться десятилетиями.

В переводе на язык практических дел это значит, что выход из сформировавшегося сегодня режима «закрытой» демократии, восстановление базовых демократических институтов, возрождение свободных СМИ, честных выборов, независимой от исполнительной власти судебной системы, реальной политической конкуренции — важнейшая задача, которую предстоит решать в ближайшие годы. В интервью, которое дал сразу после выборов президент Путин, в качестве приоритета второго срока президентства он назвал укрепление демократических институтов в России. В этом я с ним согласен. Надо стремиться к тому, чтобы это было воплощено на практике.

«Группа товарищей» сообщает: «Фактически сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов». Могли бы выразиться точнее: «хотели бы видеть». Наполеон на Поклонной горе тоже хотел видеть ключи от города. Не увидел. И они не увидят.

Марксизм: Между научной теорией и «светской религией»

ЛИБЕРАЛЬНАЯ АПОЛОГИЯ

Авторы выражают искреннюю благодарность С. Талботу, А. Ослунду, М. Домбровскому и Л. Арону за полезные комментарии, а также Т. Дробышевской, В. Новикову и О. Луговому за помощь при работе над статьей.

На протяжении минувшего столетия марксизм был одной из наиболее влиятельных научных доктрин, определявшей как проблематику теоретических дебатов, так и политическую практику в мире. Тиражи сочинений К. Маркса, его последователей опережали тиражи других книг, с ними были сопоставимы разве что тиражи Библии. Лозунги марксизма использовали и гуманисты, и кровавые диктаторы XX столетия. И вдруг все оборвалось. Поражение реаль-

Опубликовано в: Вопросы экономики. 2004. №5, 6. (В соавторстве с В. А. Мау.)
Мау Владимир Александрович — доктор экономических наук, ректор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. — Прим. ред.

ного социализма, ликвидация «социалистического лагеря» снизили влияние этого учения, общественный интерес к нему. Имя К. Маркса исчезло из общественных дискуссий. Даже нынешние российские левые имеют слабое представление об основателе научного коммунизма: в своих политологических построениях, не говоря уже о лозунгах, они опираются на что угодно, но только не на марксизм в его изначальном, классическом виде.

Отчасти это неизбежно. Происходит естественная реакция отторжения. То, что насильственно навязывалось на протяжении десятилетий, отходит на задний план, а то и вовсе исчезает из интеллектуальной жизни. О марксизме не хочет думать российская интеллигенция среднего возраста, которой это учение вбивалось на почти анекдотическом уровне — «всесильно, потому что верно». Марксизмом не интересуется молодежь, воспитанная в постсоветский период, и в лучшем случае не путает Маркса с шоколадными батончиками «Марс». Марксизмом мало интересуются российские коммунисты. Это, впрочем, неудивительно — слишком многое в оригинальных текстах основоположника противоречит теории и практике его нынешних официальных последователей. Противоречия эти находятся не на уровне цитат, они касаются фундаментальных проблем оценки тенденций мирового развития. И только некоторые правые интеллектуалы, как это ни странно, продолжают, хотя и не часто, обращаться к работам Маркса, видя в них методологические ориентиры, полезные для анализа современных общественно-экономических процессов.

Марксизм — явление многоплановое. Когда-то В. И. Ленин писал о «трех составных частях марксизма», имея в виду философскую доктрину, политическую экономию и теорию социализма («научный коммунизм»). С учетом опыта минувшего столетия можно уточнить, из каких компонентов складывается марксизм: точнее, какие аспекты марксизма как социального учения могут быть предметом самостоятельного анализа.

Марксизм — целостное мировоззрение, «светская религия», призванная дать однозначный, исчерпывающий ответ на все вопросы развития природы и общества. Эта роль была приписана марксизму не столько основоположниками, сколько последователями и вульгаризаторами в XX в., которые на базе ограниченного набора цитат пытались объяснить многообразие мира и общества. У такого подхода была объективная основа: философия марксизма, опирающаяся на

гегелевскую традицию, претендовала на универсализм, а политическое господство марксистских (коммунистических) партий позволяло навязывать своим гражданам это учение как единственно верное¹.

Й. Шумпетер в свое время обратил внимание на неразрывную связь в марксизме элементов научной теории и светской религии. Научный характер, опора на обширный фактический материал, теоретические построения придают марксизму убедительность. Элементы светской религии — объяснение мирового устройства, прогноз развития, руководство к практическим действиям, рассуждения на тему добра и зла — делают его особенно притягательным². Он же отмечал, что марксизм предлагает молодому человеку, который не обладает системными взглядами на взаимосвязи общественных процессов, целостное представление об устройстве мира, законах его развития, моральном долге. К. Поппер, в юности очарованный логикой К. Маркса, а затем посвятивший большую часть жизни полемике с ним, обращал внимание на завораживающее обаяние марксизма: его идеи создают ощущение, будто ты познал законы истории, увидел картину будущего. Они дают неявный моральный посыл — помочь свершиться неизбежному³. На этой почве выросла светская религия со всеми ее атрибутами, включая жестокое преследование еретиков⁴.

¹ Некоторые западные исследователи обращают внимание на то, что не только в коммунистическом мире, но и на Западе отношение к Марксу было близко к мистическому: «Для Запада времен «холодной войны» он был демоническим прародителем всего зла на земле, заложившим основы чудовищного культа, человеком, чье пагубное влияние должно быть ликвидировано. В Советском Союзе в середине XX века он приобрел статус светского Бога, у которого Ленин выступал Иоанном Крестителем, а товарищ Сталин, конечно же, был Мессией». См.: *Френсис У. Карл Маркс*. М.: АСТ, 2003. С. 6.

² См.: *Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy*. L.: Unwin Paperbacks, 1987. P. 5.

³ Подробнее см.: *Popper K. Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. L.: Routledge, 1992. P. 34.

⁴ Анализ марксизма (коммунизма) как религии в сравнении с католицизмом предложен А. Кестлером. Он писал: «Марксизм — закрытая система (как фрейдизм и католичество). Это, во-первых, универсальный метод, притягивающий на объяснение всех на свете явлений и на решение всех пугающих человечество проблем. Закрытая система не модифицируется в соответствии со вновь обнаруживаемыми фактами, а вырабатывает эластичные средства для нейтрализации этих фактов, с помощью высококоразвитой казуистики подчиняет их заданной схеме. Как только вы вступаете в магический круг закрытой системы, вы лишаетесь почвы для самостоятельного диалога с ней». См.: *Кестлер А. Автобиография. Фрагменты книги // Иностранная литература*. 2002. № 7. С. 210–211. Марксизм как светскую религию рассматривает М. Ротбард. См.: *Rothbard M. Classical Economics. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*. Cheltenham-Northampton MA: Edward Elgar, 1995. Vol. II. P. 319–321.

Как и всякая религия, марксизм состоит из разнородных элементов: символ веры — тезис, от которого нельзя отказываться, его можно лишь интерпретировать в зависимости от обстоятельств; ритуалы и символы; а также *научные компоненты*, отражающие реальный мир и помогающие его понимать.

Как наука об обществе марксизм включает следующие компоненты: экономическая теория, охватывающая микроэкономику (первые главы 1-го тома и некоторые главы 3-го тома «Капитала») и макроэкономику (2-й и 3-й тома «Капитала»); *философия истории*, или теория общественного развития, изложенная в таких работах, как «Манифест Коммунистической партии», «К критике политической экономии», отдельные главы 1-го тома «Капитала», а также в ряде работ Ф. Энгельса (прежде всего «Анти-Дюринг»); *теория классово-борьбы и революции* — этому посвящены «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», а также работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», «Крестьянская война в Германии» и др.; *теория экономической истории* как преломление философии истории и теории классово-борьбы к развитию экономических институтов и народного хозяйства как такового («К критике политической экономии», отдельные главы «Капитала», ряд статей и писем); *история экономической мысли*, изложенная в «Капитале» и особенно в «Теориях прибавочной стоимости». Приведенный список не полон, но он дает представление о марксизме как о социальной доктрине.

С точки зрения прошедшего столетия и накопленного человечеством опыта *наиболее интересными и актуальными компонентами марксовской теории являются, по нашему мнению, философия истории как метод исторического анализа и теория экономической истории*¹.

Экономическая теория К. Маркса в узком смысле (микро- и макроэкономика) менее интересна сама по себе, так как она, по существу, лишь стала логическим завершением рикардизма. Маркс, восприняв работы Д. Рикардо как последнее слово экономической

¹ Й. Шумпетер усматривал важнейшее достижение К. Маркса как раз в экономической интерпретации истории, в его видении «имманентной эволюции экономического процесса»: «Именно этот факт, и только он дает Марксу право на величие как экономиста-аналитика». См.: *Шумпетер Й. История экономического анализа*. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 578–580.

науки, высмеял некоторых последователей и вульгаризаторов классической школы и попытался применить классический анализ к описанию современной ему экономической системы. К моменту их публикации построения Маркса выглядели уже несколько устаревшими. К этому времени вышли в свет первые работы представителей австрийской школы, выполненные в рамках субъективной теории ценности, опубликованы продолжающие и развивающие классическую традицию труды Д. С. Милля, в которых он делает серьезный шаг за границы рикардианского мира. В этом смысле вообще марксистская политэкономия имела ограниченную научную значимость. Ее практический смысл состоял в создании доктринальной базы для обоснования «классовой борьбы пролетариата»¹.

Поэтому именно на марксистском методе исторического анализа и трактовке экономической истории мы сосредоточим внимание в данной статье. Речь пойдет как о принципах, которые были сформулированы в работах самого Маркса, так и об опыте творческого осмысления марксизма, его применения к последующему развитию событий. Мы намерены показать, какие из элементов общественной теории марксизма были ошибочными, утратили свое значение, а какие представляют ценность и в наши дни. Надеемся, что такой анализ будет способствовать упорядочению взглядов той части российского образованного класса, которая интересуется фундаментальными проблемами общественного прогресса. Это тем более важно, что осколки марксизма глубоко укоренились в сознании наших сограждан, причем по преимуществу не в виде научной теории, а в вульгаризованном, обращенном в культ наборе догм.

МАРКИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Философия истории в марксистском понимании — не только метод изучения прошлого, но и способ анализа тенденций развития отдельных стран и всего мира. Он основан на формулировании детерминант, определяющих изменения организации общественной

¹ Можно предположить, что сам Маркс осознал провал своей попытки создать оригинальную и непротиворечивую экономическую теорию. Иначе трудно объяснить потерю им интереса к работе над «Капиталом», который так и не вышел при его жизни за рамки 1-го тома.

жизни, закономерностей, вытекающих из самого факта наличия этих детерминант. Для понимания сути и места марксизма в интеллектуальном развитии человечества, его возможности влиять на современный общественный анализ необходимо принять во внимание особенности той эпохи, в которой формировались основы данной доктрины.

Особенности эпохи формирования марксистской доктрины

Возникновение учения К. Маркса было связано с определенным этапом развития общества вообще и его экономической базы в частности. Понимание особенностей этого периода принципиально важно для адекватного восприятия марксизма. Надо обратить внимание на следующие характеристики материальной и интеллектуальной среды, в которой формировалось марксово понимание истории¹.

Эта эпоха характеризовалась высоким динамизмом развития производительных сил и всей жизни общества. В первой половине XIX в. стало ясно, что старый мир, в котором поколения сменяли друг друга, оставляя неизменным уклад жизни, ушел в прошлое. Экономический рост превратился в характерную черту нового времени. В его основе лежал технический прогресс, внедрение в производство принципиально новых технологий. *Развитие промышленности стало важнейшим фактором экономического прогресса.* А. Смит, писавший свой знаменитый труд во второй половине XVIII столетия, еще не видел особой, приоритетной роли промышленности в обеспечении экономического роста; для него наиболее уважаемой отраслью было сельское хозяйство². Это неудивительно: в эпоху Смита хорошо организованные аграрные монархии были образцом сильных, процветающих государств. Отсюда либерализм классической школы: если структурных приоритетов не существует, то оптимальна та экономическая политика, которая обеспечивает развитие в каждой стране секторов, имеющих сравнительные

¹ О влиянии специфических условий первой половины XIX в. на формирование взглядов К. Маркса см.: Field A. The Future of Economic History. Boston-Pordrecht-Lancaster, 1987. P. 301; Rostow W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 157.

² См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.

преимущества. Рекомендации Смита лишены структурного компонента, не выделяют отраслевых приоритетов.

Иначе обстояло дело в середине XIX в. К этому времени ведущая роль промышленности стала для всех очевидной. Новые реалии обусловили два центральных вывода Маркса. Развитие промышленности — атрибут социально-экономического прогресса. На авансцену истории выходит промышленный пролетариат. Он становится ведущей социальной силой в общественном развитии.

Обнищание трудящихся как следствие развития капитализма представлялось одной из важнейших особенностей нового времени. Этот тезис — один из наиболее противоречивых в теории Маркса, но в то же время он и один из важнейших в марксистской идеологии. Ухудшение положения трудящихся считалось очевидным фактом на протяжении первой половины жизни Маркса, примерно до 1860-х гг. Именно в этот период закладывались основы и формировалось мировоззрение создателей нового учения. Вдумчивый исследователь не мог обойти данную проблему. Об обнищании трудящихся писали решительно все — публицисты, правительственные чиновники, ближайший друг и соавтор Маркса Ф. Энгельс¹. Обнищание хорошо вписывалось в гегелевскую диалектику при описании логики исторического прогресса (точнее, естественным образом следовало из этой логики) — трудящиеся через обнищание (отрицание собственности) приходят к новому положению, становясь господами своей жизни и даже истории (отрицание отрицания).

Нельзя с уверенностью говорить об абсолютном обнищании трудящихся даже на протяжении тех тридцати лет, которые предшествовали появлению главных работ К. Маркса. Скорее можно говорить об ухудшении положения городских низов (пролетариата), об очевидности новой социальной дезорганизации по сравнению с предыдущими десятилетиями. В прошлом бедность концентрировалась в деревне. В городах была велика доля более благополучных сословий (ремесленники, купцы). Проблемы бедности и безработицы были очень мало значимы как для политиков, так и для исследова-

вателей. При Марксе нищета перебралась в город. Она стала не просто более заметной для элиты, но, главное, резко контрастировала с бурным ростом производительных сил, великими открытиями, немыслимым прогрессом науки и техники.

Все экономические авторитеты того времени утверждают, что обнищание является «железным законом», оно естественно для общественного развития. Нищета трудящихся логически вытекает из экономической теории Д. Рикардо. Т. Мальтус статистически доказывает неизбежность голода и нищеты, базируясь на биологических законах. Н. Сениор обосновывает, почему зарплата должна быть низкой и скорее всего и далее будет понижаться. Из того, что уровень зарплаты ориентируется на удовлетворение минимальных потребностей рабочего, исходили К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах времени написания «Манифеста Коммунистической партии»¹.

Выводы исследователей, доказавших ошибочность взглядов об ухудшении положения рабочего класса на начальных стадиях индустриализации в Англии, объединены в работе «Капитализм и историки» под редакцией Ф. Хайека². Но и ее авторы согласны с тем, что в 1830–1840-е гг. мнение об углубляющейся нищете рабочих было широко распространено. Обратим внимание, что эти представления бытовали как раз в то время, когда происходили серьезные социальные перемены и беспрецедентное расширение экономических возможностей. В такой обстановке концепция, связывающая логику экономического развития, неотвратимость коренного изменения общественного устройства и сдвигов к улучшению жизни низших классов, не могла не появиться.

Ограниченность потребностей непривилегированного сословия (большинства населения) была важной особенностью доиндустриальной и индустриальной эпох. Потребности индивида рассматривались как простой и универсальный (присущий всем людям) набор условий, необходимых для поддержания их жизнедеятельности. Еда, одежда, средства для поддержания семьи — к этому в основном

¹ Работу «Положение рабочего класса в Англии», написанную в 1844–1845 гг., Маркс назвал гениальной. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 13. С. 8. Энгельс стал заниматься экономическими проблемами раньше Маркса, именно он пробудил у Маркса интерес к ним.

¹ «Умному буржуа нечего доказывать, что рабочий... получит не более высокую заработную плату, чем та, которая абсолютно необходима ему для поддержания самого скудного существования. Рабочий получает... ровно столько, сколько необходимо для сохранения его в качестве действующей рабочей машины». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 4. С. 65.

² См.: Hayek F. (ed.). Capitalism and the Historians. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 14.

сводилось то, что могло понадобиться человеку. В условиях прогресса производительных сил нехватка необходимых для жизни продуктов перестала быть результатом действия слепых сил природы — общество было способно производить столько, сколько требовалось (во всяком случае, при данном уровне народонаселения). Удовлетворение потребностей людей не требовало особых изменений в технической базе и представлялось вполне достижимым при ином общественном устройстве, обеспечивающем более справедливое распределение создаваемых благ. Материальный базис общества формировал предпосылки перераспределения.

Концентрация и централизация производства явно обозначились в XIX в. как доминирующие тенденции. Они подкрепили тезис о поляризации сил в капиталистическом обществе, пролетаризации большинства и обогащении меньшинства, подрыве политической базы капиталистического господства. Эти тенденции подводили к выводу о росте масштабов обобществления в недрах капиталистической системы, создании материальных предпосылок формирования общественной собственности. В условиях капитализма их продолжение означало бы образование «железной пяты» олигархии, которая способна противопоставить себя большинству общества.

Господство взглядов, предполагавших монизм мироустройства, было обусловлено великими открытиями XVIII–XIX вв. Прогресс науки свидетельствовал о принципиальном единстве мира, его эволюции в соответствии с универсальными законами природы. Это подталкивало к попыткам построить столь же универсальные законы общественного развития. Их поиском активно занималась немецкая философия. Аналогичную задачу поставил ее преемник — К. Маркс.

Наконец, нельзя забывать о *факторах практической политики*. В середине XIX в. на политическую арену западноевропейских стран выходят пролетариат, социалистические партии. Первые строки «Манифеста...» об объединении сил старой Европы «для священной травмы этого призрака»¹ не были преувеличением молодых энтузиастов. Революции 1848 г. потрясли основы европейского миропорядка. Во Франции социалисты были близки к захвату власти, переворот Луи-Наполеона 2 декабря 1851 г. предотвратил переворот социали-

стический¹. В контексте особенностей эпохи, ее материальных тенденций и идеологических поисков и надо оценивать главные доктринальные установки основоположников «научного коммунизма».

Принципы марксистской философии истории

Можно выделить следующие ведущие принципы марксистского видения истории развития общества.

1. Фиксация феномена социального прогресса, развития общества по восходящей линии — от низших и простых форм к более высоким. Этот принцип вытекает из гегелевской диалектики, он является неотъемлемым атрибутом философских систем XVIII — первой половины XIX вв., основанных на интеллектуальной базе эпохи Просвещения. В работах Маркса акцент делается на проблемах развития, перехода общества от одного состояния к другому.
2. Экономический детерминизм, вычленение фактора, определяющего движение всех форм общественной жизни, — развитие производительных сил.
3. Экономический детерминизм позволяет выявить «железные законы»², управляющие развитием общества. Задача исследователя состоит в раскрытии этих законов. «Железными» эти законы являются не потому, что они действуют вечно, а лишь в силу своей неотвратимости, объективности для человека и общества.
4. Наличие различных типов производительных сил позволяет выделить крупные фазы в развитии человечества — общественно-экономические формации: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм. Докоммунистические формации иногда рассматривались как «прогрессивные эпохи» одной «общественной экономической формации», которым противостоит коммунизм, означающий выход за пределы экономической формации и начало собственной истории человечества³. «Железные законы» с этой точки зрения имеют исторический характер, действуют только в рамках докоммунистической формации (или ряда формаций).

¹ Подробнее см.: Смирнов А. Империя Наполеона III. М.: ЭКСМО, 2003. С. 159–163, 183–190.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 23. С. 6.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7, 8.

5. Линейность и универсальность прогресса и определяющих его законов общественного развития задают методологическую базу прогноза тенденций общественного развития. Суть методологии прогноза — тезис о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹.
6. Развитие сложившейся в XVIII–XIX вв. капиталистической системы ведет к обострению ее внутренних противоречий, прежде всего конфликта между трудом и капиталом. Укрупнение производства, его концентрация, централизация укрепляют общественный характер производительных сил, все более противоречащий частной форме организации производства, что ведет к пролетарской революции. Ее результат — уничтожение частной собственности, переход от капиталистической системы к коммунистической.
7. Для марксистской доктрины характерно признание феномена «конца истории». Настойчиво (хотя и неявно) проводимое представление о конечном состоянии, к которому стремится человечество, заимствовано у г. Гегеля. У него это прусская монархия, у К. Маркса — коммунизм².
8. Активный характер историко-философской концепции, ее нацеленность не только на познание мира, но и на его преобразование: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»³. Это предполагало разработку теории классовой борьбы и революции.
9. Активный характер учения распространялся и на человека. Индивид выступает как продукт определенной социально-экономической среды (все тех же «железных законов»), природа человека может меняться по мере перехода от одной формации к другой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9

² На конечность истории у Маркса обращали внимание и его жесткие критики. См.: Rothbard M. Classical Economics. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. Cheltenham-Northampton MA: Edward Elgar, 1995. Vol. II. P. 317. Разумеется, эта традиция не может однозначно ассоциироваться с коммунистической моделью. Тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» укладывается в интеллектуальную традицию, идущую от г. Гегеля и К. Маркса. См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ-Ермак, 2004. С. 8–10. Подобный вывод обычно возникает в те моменты истории, когда торжество определенной идеологии кажется абсолютным.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 4.

В 1840-е гг. перед глазами К. Маркса проходит картина бурных изменений в производительных силах, связанных с ними перемен в организации общественной жизни. Они носят масштабный, системный характер, протекают на фоне растущих производственных возможностей и бедственного положения основной части населения. А экономическая теория твердит: жизнь рабочих лучше не будет — это невозможно, иного способа производства, кроме капитализма, придумать нельзя.

Какой вывод из этого сделает исследователь, готовый допустить возможность существования других способов производства? Догадаться нетрудно: капитализм, развиваясь, обостряет до предела внутренние противоречия между богатеющими и беднеющими и создает технологические возможности, позволяющие организовать производство и общество иначе. Сам капитализм, будучи продуктом общественной эволюции, не вечен. Этот вывод накладывается на гегелевскую диалектику, которая видит экономику и общество как развивающиеся системы, подкрепляется примером других менее развитых стран, где, хотя и позднее, чем в Англии, происходят схожие перемены. Сомнений быть не может: Англия показывает своим последователям картину их будущего. Еще нет четкой картины мирового развития в условиях современного экономического роста, никому не известно, что начался сложнейший исторический процесс, в ходе которого возможны неожиданные изменения, казалось бы, непоколебимых, прошедших испытание десятилетиями тенденций. Маркс опирается на опыт развития европейских государств, накопленный за несколько десятилетий. Ему кажется, что он понимает закономерности наблюдаемых перемен, а значит — открыл «железные законы истории», хотя и не любит это несколько выпященное сочетание слов.

Сам Маркс дал ясное описание своего видения закономерностей исторического процесса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы обще-

ственного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹.

Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на раскрытие универсальных законов истории вместе с активно-преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер. Это хорошо видно из «Манифеста Коммунистической партии». Его авторы и не пытались это скрывать. В наиболее развитом виде доктрина сформировалась к концу 1860-х гг., когда был опубликован первый том «Капитала» (1867).

К этому времени история современного капитализма насчитывала несколько десятилетий. Казалось, она подтверждала вывод о наличии универсальных закономерностей исторического прогресса. По пути Англии, вслед за Бельгией и Голландией пошли Франция, США и затем Германия. Они демонстрировали те же изменения в производительных силах, сходные социальные проблемы, аналогичные сдвиги в общественной структуре. Поскольку все это было ново, опыта развития в условиях современного экономического роста не существовало, никто не мог оценить сложность данного процесса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–7. Получившим марксистское образование приведенная цитата хорошо известна. Однако, поскольку число таких людей в России постепенно сокращается, мы позволили себе привести ее здесь.

Первые модификации и уточнения

Учение Маркса сразу после своего оформления начало уточняться и видоизменяться. Марксизм действительно оказался «живым учением» (как утверждала позднее советская пропаганда). Борьба велась не только с представителями иных течений общественной мысли, но и среди самих марксистов¹. Модификации и уточнения были связаны с новыми обстоятельствами, становившимися все более очевидными по мере развития капитализма.

Дифференциация положения рабочего класса и буржуазии, еще недавно казавшаяся стремительно нарастающей, ведущей к их лобовому столкновению, в наиболее развитых странах стала постепенно ослабевать. Вопрос о том, действительно ли заработная плата в 1820–1850 гг. имела тенденцию к понижению, навсегда останется спорным. Но то, что во второй половине XIX в. доходы рабочих начинают расти — очевидный и доказанный факт. Был найден социальный компромисс. Становилось ясно, что капитализм не исключает политическую интеграцию рабочего класса в структуры капиталистического общества. Расширяется избирательное право, введено фабричное законодательство, легализованы профсоюзы. Все труднее доказывать, что государство — лишь «аппарат по управлению делами буржуазии».

На протяжении длительного периода на это можно было закрыть глаза, пытаться доказывать, что улучшение положения рабочих является лишь видимым или временным. Ф. Энгельс пытался следовать логике «железных законов», стремился видеть в этом тенденции к усилению эксплуатации в странах «второй очереди» развития капитализма². Он же выдвинул тезис о появлении в Англии

¹ Разброс мнений среди учеников и последователей был таков, что, как говорят, сам Маркс по поводу некоторых интерпретаций adeptов своего учения как-то воскликнул: «В таком случае я знаю только, что сам я не марксист». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 491, 642.

² «Франция, Германия и особенно Америка — вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода, сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом; и в настоящее время — и это весьма любопытно — достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 году. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что

рабочей аристократии, чье положение улучшается на фоне роста нищеты основной массы рабочих: «Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше»¹. Тогда же возникла традиция идеологизированных объяснений улучшения положения рабочих как явления то ли временного, то ли вовсе несуществующего. Это хорошо видно из заявления Энгельса, сделанного в 1886 г.: «Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса»².

Но Маркс, один из наиболее серьезных и проницательных исследователей своего времени, не мог не заметить возникновения новых веяний в развитии капитализма по сравнению с первой половиной XIX в. Это понимание находит отражение в «Капитале», где зарплата пролетария определяется уже не минимально необходимым для его жизни и воспроизводства объемом средств, но некоторой средней стоимостью рабочей силы. Открывается возможность для признания факта роста благосостояния рабочих.

Когда читаешь поздние работы Маркса, нетрудно понять, что перспективы социалистической революции начинают вызывать у ученого определенные сомнения. Это состояние растущего пессимизма удается преодолеть во времена Парижской Коммуны, но поражение последней и укрепление во Франции режима Третьей Республики еще более усиливают скептические настроения по отношению к неизбежности пролетарской революции. Маркс перестает работать над «Капиталом». В то же время растет его интерес к менее развитым странам, прежде всего к России.

Наиболее существенные модификации историко-философской доктрины, сделанные самими ее основоположниками, касались условий осуществления социального переворота. Практика свидетельствовала, что революционные катаклизмы, стремление проле-

результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях, — системы, которые используются «боссами» как средство господства над рабочими». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 263.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 22. С. 336.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 262, 263.

тариата взять власть в свои руки не зависят линейно от прогресса капиталистических отношений. В противном случае следовало бы ожидать, что Англия покажет пример не только развития производительных сил, но и революционного движения, приближения общества к социализму. Между тем реальность демонстрировала, что революционные движения (и рабочие партии) активнее развиваются в более отсталых странах. Во Франции, а не в Англии периодически происходили революционные взрывы, причем если события 1848–1851 гг. еще можно было трактовать как продолжение буржуазной революции (хотя социалисты чуть было не пришли к власти), то в 1870–1871 гг. революция (и особенно Парижская Коммуна) носила выраженный пролетарский и социалистический характер.

В еще менее развитой, хотя и быстро растущей Германии сформировалась влиятельная социал-демократия, рассматривавшая себя как партию рабочего класса и основывавшаяся на марксистском учении. Наконец, что не могло не удивлять ортодоксальных марксистов, марксизм стал популярен в России, где набирало силу революционное движение под социалистическими лозунгами¹.

Напротив, не только в Англии, но и в США, где капитализм развивался невиданными доселе темпами, признаки нарастания революционного напряжения отсутствуют. Рабочие партии здесь остаются слабыми. Концентрация богатства на одном полюсе не приводит к социальному взрыву на другом. Рассуждения Маркса и Энгельса о США и Англии содержат двоякого рода утверждения. С одной стороны, в США пассивность рабочего движения объясняется постоянным притоком иммигрантов и обилием свободной земли², в Англии — ее монопольным положением в мировой промышленности, обеспечивающим рост благосостояния английских рабочих за счет рабочих других стран³. С другой — предпринимаются попытки доказать, что в конечном счете развитие идет по пути, предна-

¹ В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста...» его авторы писали: «Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов... В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен».

² См., например, написанное Ф. Энгельсом в 1886 г. «Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии»» См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 263, 264.

³ См.: там же. С. 204, 205.

чертанному еще в середине 1840-х гг., и в наиболее развитых странах должен, наконец, произойти революционный катаклизм. И за всем этим стоит плохо скрываемая обида на пролетариат наиболее развитых стран, не понимающий «общие условия освобождения»¹. Постепенно тенденция к росту реальной заработной платы рабочих проявляется и в идущих в кильватере Англии странах континентальной Европы. В конце XIX в. марксисты попытались спасти чистоту своего учения, утверждая, что у Маркса *de facto* речь идет не об абсолютном, а об относительном обнищании пролетариата², а ведь это противоречит работам самого Маркса³.

Продвижение марксистских идей на Восток потребовало уточнения еще одного принципиального вопроса: в какой мере универсальны закономерности, сформулированные Марксом? Неизбежно ли все страны должны будут повторить путь Англии, двигаться от феодальных к капиталистическим производственным отношениям и на основе последних — к социализму? Или, формулируя тот же вопрос в этических терминах, обязательно ли пройти через все тяготы и страдания капитализма, чтобы достигнуть всеобщего счастья и братства при социализме?

Ход событий подталкивал к выводу, что революция — не магистральное направление развития буржуазной цивилизации. Возможность революции нарастает на определенном, начальном этапе развития буржуазных отношений, когда происходит поляризация классов и положение трудящихся, переселяющихся из деревни в город, может ухудшаться. Недаром после Англии центр революционной борьбы смещается во Францию и в Германию (отстававших от Англии на 30–40 лет), а затем — в Россию (на 50 лет).

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 351.

² См.: Каутский К. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск: Основа, 1923. С. 60.

³ «Есть марксисты, которые действительно готовы занять смехотворную позицию и утверждать, что тенденция к снижению жизненного уровня рабочего класса наблюдается фактически. Другие ограничивались менее абсурдным предположением, что абстрактный закон Маркса не действовал вследствие уникально благоприятных условий, преобладавших в XIX в. (таких, как открытие новых источников продуктов питания и сырья благодаря значительному удешевлению перевозок), но что он в конце концов подтвердится, если уже не подтвердился в 1930-х гг. Есть и такие интерпретаторы, которые пытались объяснить, что закон Маркса предполагает лишь относительное обнищание, т. е. падение относительной доли живого труда, но это интерпретация не только несостоятельна, но к тому же нарушает смысл закона Маркса» См.: Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 903.

Отстальные страны демонстрируют, что революционное движение разворачивается в них даже при отсутствии классических для марксизма предпосылок, при сохранении традиционных форм организации социально-экономической жизни. В первую очередь речь шла о России, о возможности использовать общину как ячейку, исходный пункт социализма. Здесь среди немарксистских социалистов была распространена точка зрения, согласно которой община создает условия для перехода к социализму минуя капитализм. Положительный ответ на этот вопрос означал бы существенный пересмотр учения об общественно-экономических формациях. В последние 10–15 лет своей жизни Маркс обратился к этой проблеме, стал изучать русский язык, работал с российскими статистическими материалами. В его бумагах сохранились некоторые размышления по данному поводу. Характерно, что большинство из них не было предано гласности при жизни автора. В них он признает, что через развитие общины возможно в принципе прийти к социализму. Выясняется, что к социализму ведут несколько путей. Опыт западного капитализма не универсален. Маркс возражает против превращения его «очерка возникновения капитализма в Западной Европе» в некую «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются». Он призывает вместо построения универсальных исторических законов «изучать каждую из этих эволюции в отдельности» и затем сопоставлять их друг с другом¹.

Из этого вытекает ряд далеко идущих выводов. Применительно к отсталым странам вообще и к России в частности приходится признать, что марксова схема может в них действовать только в том случае, если страна пойдет по пути разрушения традиционных форм развития капиталистических отношений. Сохранение общины позволяет перейти к социализму, минуя буржуазную эксплуатацию. В определенной ситуации сохранившаяся община — это «элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя»². «Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 120, 121.

² Там же. С. 401.

ны. Но специальные исследования, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития». В черновике эта мысль нашла такое уточнение: «Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами»¹ (курсив наш. — Е. Г., В. М.).

Понимание нелинейности общественного развития в поздние годы его жизни заставляет Маркса внести коррективы в теорию общественных формаций. Впоследствии «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный под руководством И. Сталина, сведет эту теорию к пресловутой «пятичленке», по которой мир развивается, переходя последовательно от одной формации к другой, более высокой. У Маркса все обстоит сложнее. Он выдвигает гипотезу о существовании трех фаз развития общества: первичной (архаической) общественной формации, основанной на общественной собственности, наиболее развитой (и последней) формой которой является земледельческая община; вторичной формации, основанной на частной собственности; и формации, вновь основанной на общественной собственности, напоминающей архаичную, но уже предполагающей более высокую фазу развития производительных сил². Из этого тезиса следует ряд выводов принципиального характера:

- формации могут развиваться не только последовательно, сменяя одна другую, но и параллельно; различные страны, находящиеся примерно на одном уровне развития производительных сил, могут характеризоваться различными общественными формами (азиатский способ производства, рабовладение, феодализм);

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 415. Несколько иная точка зрения излагается в предисловии к «Манифесту Коммунистической партии»: возможность развития социализма из общины обуславливается синхронизацией русской революции с пролетарской революцией на Западе. См.: там же. С. 305.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 419.

- не обязательно все страны должны пройти через одни и те же фазы развития общества (одни и те же производственные отношения), даже если их производительные силы находятся на сопоставимом уровне;
- существует множество факторов помимо экономических, оказывающих влияние на формы общественной жизни данной страны.

В последние годы жизни Маркс стал скептически отзываться о «вечных, железных, великих законах»¹. Это означало существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение, вызов «светской религии», которая не может быть сложной и многозначной и которая должна давать простые рецепты. Обозначилось противоречие. Развитие научных основ марксизма предполагало усиление внимания к нюансам, исключениям из правил. Но марксизм как «светская религия» требовал сохранения непоколебимости догм, минимизации исключений, выпячивания «железных законов». Дальнейшее научное развитие марксизма заставляло признать, что значительная часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации. А «религия» требовала решительной борьбы против попыток пересмотра не только логических конструкций, но и самой буквы нового «писания».

Сам Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха. Маркс к концу жизни понял, что многое из написанного им перестает соответствовать действительности. Но предложенная им доктрина благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте уже «овладела массами». А как писал он сам, «идея, овладевая массами, становится материальной силой»². Маркс пытается модифициро-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 23, 24.

² Трудно переоценить влияние, которое оказали Маркс и его учение на осмысление логики и закономерностей мирового социально-экономического развития. Как воспринимали это учение его последователи, хорошо выразил признанный лидер марксизма в России конца XIX в. г. Плеханов: «Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника. Французы называли и называют все науки, имеющие дело с человеческим обществом, sciences morales et politiques (моральные и политические науки), в отличие от sciences, «наук», в собственном смысле этого слова, которые признавались и признаются единственными точными науками. И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была

вать некоторые элементы доктрины, но видит, что пересмотр отдельных фрагментов рушит все здание. А вокруг этого здания сформировались массовые партии, мировоззрение, цель жизни и судьбы сотен тысяч (и даже миллионов) людей. Все это может быть погребено под обломками, если здание рухнет. Да и соратники все менее склонны позволять потрясать основы учения, под знаменем которого строится их борьба и политическая карьера¹.

Читая поздние работы Маркса, легко заметить, что в последние годы жизни он чрезвычайно осторожно относится к публично произносимому слову. Он пытается внести коррективы, не посягая на суть учения, добавляет новые фрагменты, но не выходит за рамки писем и черновики. Все наиболее смелые гипотезы скрываются даже не в частных письмах, а именно в черновиках, не предназначенных не только для публикации, но даже для отправки корреспонденту. В дальнейшем эти наброски или остаются в столе («предоставляются грызущей критике мышей», как он сам однажды выразился по другому поводу²), или лишаются наиболее интересных пунктов, когда оказываются переписанными набело³.

Так возникает конфликт между религиозной и научной сторонами марксизма, который будет оказывать сильное влияние на интеллектуальные поиски XX в. Для стран, провозгласивших марксизм своей официальной идеологией («государственной религией»), этот конфликт будет иметь поистине трагические последствия, поскольку защита «чистоты марксизма» станет использоваться для оправдания политических репрессий и убийств.

и не могла быть точной». См.: Плеханов Г. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: ОГИЗ, 1938, С. 92.

¹ На конфликт между марксизмом как научной доктриной и политической идеологией обратил внимание еще Э. Бернштейн: «Социализм как воинствующее движение... не может ограничиться сферой науки и не заключать в себе элемента тенденциозности. Это положение создается самой природой вещей, так как первая цель социализма отнюдь не заключается в осуществлении научных постулатов». См.: Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм. [Ответ г. Плеханова] // Философское общество СССР. М., 1991. С. 35.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8.

³ Наиболее яркими примерами такого рода размышлений являются так и не отправленное письмо редактору «Отечественных записок», а также письмо В. Засулич в сравнении с тремя его черновыми набросками. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121, 250–251, 400–421. Стоит также обратить внимание и на «Историю секретной дипломатии», так никогда и не опубликованную на русском языке.

Марксизм в эпоху зрелого индустриализма

В XX в. наметились две линии развития марксизма. Условно их можно определить как ревизионистскую и ортодоксальную, хотя нельзя говорить, что сторонники первой развивали марксово учение, а сторонники второй — стремились сохранить его в первоизданной чистоте. Развивали марксизм и те, и другие. И те, и другие вносили в учение модификации, которые, вероятно, вызвали бы бурное несогласие основоположников. Различие состоит в другом. Одна группа исследователей и политиков пыталась вносить в доктрину изменения по мере появления новых реалий, вызовов современного мира. Другая группа, сохранявшая в неприкосновенности каждую букву текстов основоположников, стремилась к такой интерпретации Маркса, которая обеспечивала бы приход и удержание власти партией, исповедующей марксистскую идеологию. Реализация обоих подходов была делом непростым.

«Ревизионисты» сосредоточили свое внимание на анализе новейших реалий, предлагали новые идеи, соответствовавшие логике изначального учения, но при этом учитывавшие происходящие в развитых странах перемены. Последние требуют пересмотра многих классических постулатов, включая главные: об обнищании широких народных масс и поляризации богатства и бедности («закон капиталистического накопления»), об обязательности захвата власти пролетариатом в результате революции и установлении диктатуры пролетариата, об отмене частной собственности («экспроприацию экспроприаторов»), ликвидации государства. Пересмотр этих установок провоцирует обвинения в оппортунизме и ревизионизме, однако позволяет сохранять влияние на широкие слои населения, реализовывать марксистские в своей основе идеи при формировании социалистического правительства. Ряды ревизионистов в конце XIX в. расширяются, причем те, кто недавно обвинял коллег по партии в оппортунизме, позднее сами оказывались «врагами» в глазах ортодоксов. Классический пример подобной судьбы — К. Каутский, сначала под аплодисменты ортодоксов боровшийся с оппортунизмом Э. Бернштейна, а потом сам ставший жертвой аналогичных обвинений. Та же судьба ждала Г. Плеханова, многих других русских марксистов.

Ортодоксы в марксизме были склонны к его «творческому развитию» ничуть не в меньшей мере, но развитие это было про-

диктовано логикой борьбы за власть. Историю ортодоксального марксизма (или марксизма-ленинизма) можно разграничить на периоды — до и после захвата политической власти в 1917 г. Оппозиционная (подпольная) партия позиционировала себя как жесткого защитника марксизма в его неизменном виде. Большевики во главе с В. Лениным боролись с любыми попытками пересмотра марксистской доктрины в области философии, экономики или политической теории. Озабоченный интерпретацией очевидных фактов быстрого роста капиталистической экономики, Ленин доказывал, что этот рост не отменяет изначальных марксовых исторических выводов. Такой ход событий приводит к еще большему обострению противоречий и к загниванию быстро растущей системы¹.

После захвата власти большевиками марксистская доктрина претерпевает разительные превращения. Большевики как жесткие прагматики, не желающие повторить трагическую судьбу якобинцев, идут на любые политические шаги, чтобы удержать политическую власть. Позиции меняются быстро, подчас на противоположные. Подтверждается тезис Энгельса: «Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те, и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы»². Все это происходит с использованием словесной эквилибристики («пары фокуснических фраз»). Комбинация цитат позволяла доказывать, что основоположники вовсе не возражали бы против новаций своих последователей. Это видно из отношения большевиков к ключевым политическим вопросам, среди которых:

- аграрная реформа — принятие эсеровской программы в 1917 г., отказ от нее, затем фактическое возвращение к ней в 1921 г., насильственная коллективизация в 1929 г.;

¹ «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций... все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм». Однако «было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма... В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 422.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 197, 198. О прагматизме революционных радикалов вообще и о прагматизме большевиков в частности см.: Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. С. 133–136.

- организация промышленности — от фактического анархо-синдикализма в 1917 г. (попытка построить управление промышленностью через фабрично-заводские комитеты) к его критике в 1920 г. В дискуссии на IX съезде РКП(б);
- национализация — отказ от нее в конце 1917 г., национализация в 1918–1919 гг., частичная денационализация в 1921–1922 гг., тотальное огосударствление в 1928–1929 гг.;
- товарно-денежные отношения — их признание в переходный период в 1917–1918 гг., отказ от них в 1919–1920 гг., их признание в 1921 г., фактическая ликвидация системы в 1929 г., а затем постоянные колебания по вопросу о «действии закона стоимости при социализме»;
- тезис о победе пролетарской революции в отсталой стране и построении социализма в одной отдельно взятой стране;
- тезис об отмирании государства при социализме; об этом писали не только основоположники марксизма, но и В. Ленин. Когда выяснилось, что советский строй не может существовать без государства, подавляющего инакомыслие, коммунистические власти в Программе КПСС 1961 г. предложили «диалектическое» решение — отмирание государства будет происходить через его всемерное развитие.

Список можно продолжить. Но главное в ином — несмотря на борьбу за «чистоту» марксизма, ортодоксы, как и ревизионисты, были готовы пересматривать его суть. Вплоть до изобретения термина «реальный социализм», смысл которого заключался в простой идее: социализм — то, что существует в СССР и его сателлитах, никакого другого социализма нет, да и быть не может.

Первая половина XX в. стала эпохой торжества марксизма как политического учения, идеологической доктрины и «светской религии». Хотя многие детали прогноза развития, содержащиеся в работах Маркса и Энгельса, оказались неточными, генеральное направление социально-экономической динамики вроде бы пролегло вполне «по Марксу». Отчасти это было связано с реальными процессами, отчасти — с приходом к власти в ряде стран партий, провозглашавших себя марксистскими.

Развитие марксизма в этот период проявляется прежде всего в двух различных, хотя и взаимосвязанных процессах. Происходят революции, ведущие политические силы которых объявляют себя

последователями марксизма. Революции осуществляются не там, где предсказывали классики, и не совсем так, как это должно было бы быть по теории. Они случаются в неразвитых, отсталых странах мира. Наиболее яркие примеры — Россия, а затем еще менее развитые Монголия, Китай, Вьетнам, Куба. В ряде стран компартии приходят к власти при силовой поддержке извне (прежде всего из СССР и КНР). Правители ряда слаборазвитых стран заявляют о своих намерениях строить социализм. Однако кто будет обращать внимание на эти детали, когда коммунистическая идеология победоносно шествует по миру, а с коммунистическими режимами уже нельзя не считаться, они слишком сильны в военном и политическом отношении!

Да и в западном мире проявляются тенденции к концентрации и централизации производства. Бумы сменяются тяжелыми, невиданными экономическими кризисами. Пиковым стал кризис 1929–1933 гг. О важности централизованного регулирования производства и распределения все чаще говорят далекие от марксистской идеологии руководители капиталистических стран. В некоторых из них социалистические партии расширяют свое представительство в парламентах, формируют правительства (лейбористы в Великобритании, социалисты во Франции и т. п.).

Видные буржуазные политические деятели начинают относиться к марксизму как к серьезной научной доктрине, с которой нельзя не считаться. Они признают справедливым тезис о наличии «железных законов» истории, о реальности социалистической альтернативы. В конце XIX в. обер-прокурор российского Синода К. Леонтьев писал: «Все эти нации, все эти государства, все эти [европейские] общества сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смещения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. И в то же время они много «преуспели» на пути большего схождения с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде... Все идет к одному — к какому-то средневропейскому типу общества и господству какого-то среднего человека»¹.

¹ Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письмо к О. Фуделю. М., 1889. С. 17, 22.

Представление о «железных законах истории», которые задают тенденции в общественном развитии, становится весомым аргументом в принципиальных политических дискуссиях. Обосновывая историческую необходимость даровать народу свободу, С. Витте в 1905 г. писал Николаю II: «Ход исторического процесса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, — они будут неудачны, но они будут, несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права»¹.

Популярность марксизма в этот период связана с достижением капиталистической системой зрелой индустриальной фазы развития. Для индустриализма характерны широкое развитие массового производства, его концентрация и централизация, рост масштабов производства при сохранении относительной простоты потребностей, которые оно призвано удовлетворять.

Развитому индустриальному производству присущи:

- простота и однородность потребностей, которые можно удовлетворить, увеличивая выпуск товаров и выравнивая их распределение между населением;
- наличие машин, работу которых призван обслуживать человек;
- широкое развитие конвейерной формы организации труда, когда сотни и тысячи людей подчиняются ритму работы машин;
- экономия на масштабе, при которой концентрация производства обеспечивает сокращение издержек и удешевление продуктов труда.

Общественную систему, в основе которой лежат индустриальные технологии, легко сочетать с социально-политическими новациями марксизма. Рабочий класс здесь становится одной из ведущих сил общественной жизни и прогресса. Усиление централизованного контроля за производством позволяет избежать потерь ресурсов, неизбежных в результате конкуренции. Менее развитым странам концентрация ресурсов на приоритетных направлениях разви-

¹ Витте С. Записка о необходимости реформ, представленная императору Николаю II 9 октября 1905 года // Красный архив. 1925. № 4–5, С. 51–61. С. Витте воспринимал марксизм как основательную научную теорию.

тия производства дает возможность преодолеть отсталость, осуществить технологический прорыв.

Конкуренция и инновационный поиск предпринимателей представляются неразумной экзотикой вчерашнего дня. Кажется, что прогресс производительных сил позволяет сделать экономические отношения прозрачными, легко контролируемыми и оптимизируемыми. Все сложности привносятся в общество искусственно, вследствие существования товарно-денежных отношений («превращенных форм», по Марксу) и частной собственности. В случае обобществления (национализации) производительных сил отношения между людьми скинут вещную оболочку и станут прозрачными и понятными любому человеку. Представление об упрощении общественной организации как генеральном направлении его развития позднее переносится и на сферы интеллектуальной деятельности, что должно было свести всю сложность общественных отношений к организационным (техническим)¹.

Во многих событиях мировой истории 1920–1930-х гг. можно было видеть явное или неявное свидетельство торжества марксизма. Накануне Первой мировой войны идеи централизации и координации приобрели широкую популярность среди политиков и интеллектуалов отнюдь не только левого направления². На волне Великой депрессии к тем или иным формам прямого государственного вмешательства в экономику приходят правительства большинства развитых стран. Экономическая политика таких различных систем, как СССР И. Сталина, Германия А. Гитлера и США Ф. Рузвельта, имела ряд схожих черт³. Более того, менее развитые страны пыта-

лись копировать экономико-политические решения, марксистскую фразеологию СССР для выработки и обоснования своей экономической политики.

В это время раздаются и критические голоса, сомневающиеся в долгосрочной эффективности централизованной (социалистической) экономики. Разрабатывается новая система аргументов в поддержку тезиса о том, что конкуренция и связанная с ней неопределенность не являются механизмом бессмысленного разбазаривания ресурсов, а напротив, стимулируют инновационную активность индивидов¹. Однако эти аргументы не привлекают широкого внимания: социализм более устойчив, чем прогнозировали его критики (не верившие, что эта система может существовать на протяжении многих лет). Марксистские и близкие к ним режимы демонстрируют успехи как в экономической сфере (ускоренная индустриализация), так и в политической (победа во Второй мировой войне, расширение границ советской империи). Количество жертв, принесенных на «алтарь» этих побед, во внимание не принимается.

Практическая реализация марксистской доктрины позволяла сделать четыре вывода:

- концентрация производства действительно имеет место, это ведет к переустройству систем регулирования и распределения в развитых странах;
- налицо социалистические революции; они, правда, происходят не в самых развитых (и это не соответствует учению), но все-таки в больших странах и под марксистскими лозунгами, а приходящие к власти партии стремятся к реализации идей, сформулированных Марксом;
- социализм продемонстрировал устойчивость; более того, позволяет достигать высоких темпов роста; страны, в которых господствуют марксистские партии, оказываются способными побеждать в тяжелых войнах;
- в развитых странах события развиваются не совсем по Марксу — обнищание прекратилось, положение трудящихся не ухудшалось, а, напротив, улучшалось, классовые антагонизмы преодолеваются, революция маловероятна, но и здесь происходит концентрация

¹ Наиболее последовательно и полно идеи упрощения разрабатывались выдающимся марксистом России А. Богдановым. В своей знаменитой «Тектологии» он попытался дать синтез научного знания в единой «организационной науке», которая должна была заменить собой философию. См.: *Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука*. М.: Экономика, 1989. На этой основе Богданов утверждал, что со временем будет разработана синтетическая наука, которая будет достаточно простой для понимания любым человеком, что будет способствовать достижению социального равенства. См.: *Богданов А. Инженер Мэнни // Вопросы социализма*. М.: Политиздат, 1990.

² В России 1908–1913 гг. можно было нередко слышать призывы к введению государственной монополии на производство или распределение отдельных товаров (хлеб, уголь), предостережения против доверия к закону стоимости и рыночному ценообразованию. И даже правительство в 1913 г. поставило перед собой цель разработать «пятилетний план развития российской промышленности». См.: *Мау В. Реформы и догмы*. М.: Дело, 1993. С. 13–35.

³ См.: *Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина*. С. 333–339.

¹ *Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист*. 1922. № 1–3; *Мизес Л. Социализм*. М.: Catallaxy, 1994.

производства, сопровождающаяся усилением государственного регулирования экономики.

На этом фоне тезис о верности марксовых схем до середины XX в. практически не подвергался сомнению. Не только восточные революционеры, но и западные интеллектуалы (и даже некоторые буржуазные политики) признавали его правоту. Не во всем, конечно, но общая тенденция экономического прогресса, казалось, была Марксом предсказана правильно. Происходит концентрация производства и капитала, кризисы становятся все более разрушительными (причем кризисы не только экономические, но и военно-политические), общество требует усиления централизованного регулирования. В эти годы почти все соглашались, что необходимо государственное вмешательство в экономику для преодоления экономических кризисов, которые «широко воспринимались как признак конца капитализма»¹. За этим следовал вывод о «конце истории», в котором видели, правда, торжество не столько коммунизма, сколько тоталитаризма².

Пиком триумфа марксизма можно считать выход в 1942 г. работы Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия». В ней выдающийся экономист и в последующем автор фундаментальной «Истории экономического анализа» признает правоту выводов Маркса почти столетней давности. У Шумпетера уже не вызывает сомнения, что все разумные люди теперь — за социализм³. Это не является более предметом серьезного обсуждения. Победы советских войск на фронтах Второй мировой войны добавляют матери-

¹ Barkai A. Nazi Economics: Ideology, Theory, and Policy. Oxford, New-York, Munich: Berg, 1990. P. 98. Многие авторы отмечают также распространенные в США (особенно в левых кругах) представления о том, что экономический кризис означает смерть капитализма. См.: Ekirch A. Ideologies and Utopias: The Impact of the New Deal on American Thought. Chicago: Quadrangle books, 1969. P. 66, 179.

² Дж. Оруэлл вспоминал об этом времени: «Помнится, я как-то сказал Артуру Кестлеру: «История в 1936 году остановилась», — и он кивнул, сразу поняв, о чем речь. Оба мы подразумевали тоталитаризм». См.: Оруэлл Дж. Мысли в пути. М.: АСТ-Ермак, 2003. С. 16.

³ Й. Шумпетер писал буквально следующее: «Социализму перестали сопротивляться с той страстью, какую вызывает иной тип морали. Он стал тем вопросом, который обсуждают на базе утилитарных доводов. Остались, конечно, отдельные твердокаменные, но вряд ли они имеют достаточную поддержку, чтобы иметь политическое влияние. Это как раз и есть то, что висит в воздухе, — доказательство, что самый дух капитализма ушел в прошлое». См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 28.

альный аргумент к такому теоретическому выводу. Но пик популярности идеи часто несет в себе и зарождение глубокого кризиса. Символичен тот факт, что практически одновременно с книгой Шумпетера вышел памфлет Ф. Хайека «Дорога к рабству»¹. В данной работе, посвященной «социалистам всех стран», автор выдвигает стройную систему аргументов, подтверждающих, что социализм и марксизм обречены на поражение.

Выдвижение набора аргументов еще мало что значит в истории. В конце концов на протяжении 1920–1930-х гг. время от времени появлялись работы, убедительно критиковавшие коллективистскую систему хозяйственной организации. В соответствии с марксистской философией истории для кризиса социалистической идеи должны были созреть материальные предпосылки. И действительно: подлинный и глубокий кризис марксизма как теоретической базы социализма и коммунизма наступил только с кризисом зрелого индустриального общества, с формированием новой технологической базы. Иными словами, сам кризис марксизма стал подтверждением правоты его историко-философской доктрины.

Формирование постиндустриального общества, марксизм и социализм

Послевоенный бум, охвативший примерно двадцатилетний период, заложил основы глубоких изменений в материальной базе современного общества. Некоторые явления, казавшиеся неотъемлемыми чертами капитализма, уходят в прошлое, глобальные потрясения и кризисы 1920–1930-х гг. не повторяются. Ускоряются темпы экономического роста, расширяется мировая торговля. Продолжается быстрый рост благосостояния основной массы населения в развитых странах мира, увеличиваются расходы на социальные программы, вложения государства в «человеческий капитал» (прежде всего в образование и здравоохранение). Снижается доля доходов от собственности в ВВП развитых стран². Наметился радикаль-

¹ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

² Подробная характеристика послевоенных тенденций современного экономического роста предложена С. Кузнецом. См.: Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 186–190, 217–219, 424–426.

ный поворот в характере производительных сил, в организации производства.

Можно выделить следующие важнейшие особенности новой технологической базы, сформировавшиеся во второй половине XX столетия:

- происходят глубокие структурные сдвиги в экономике, суть которых в сокращении доли промышленности, росте доли сектора услуг (как в производстве, так и в занятости). Доля производства услуг к концу XX в. превышает половину объема национального производства в наиболее развитых странах мира. Это подрывает один из важнейших постулатов марксизма о «всемирно-исторической роли» промышленного пролетариата;
- повышается динамизм развития производительных сил, технологий, ускоряется обновление технологической базы, состава выпускаемой продукции. Это повышает уровень неопределенности в организации технологического процесса. Важнейшие характеристики, тенденции развития производства оказываются принципиально непредсказуемыми. Концентрация производства, стандартизация производственных процессов перестают быть важнейшими факторами, повышающими эффективность экономики. Они уступают гибкости, способности быстро перестраивать производство, систему оказания услуг, переориентировать их на меняющийся потребительский спрос. Это подрывает еще одну фундаментальную черту (и в представлении многих — преимущество) коммунистической системы — возможность долгосрочного планирования и координации действий хозяйственных агентов.
- происходит насыщение спроса продуктами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности человека. Проблема бедности (или неравенства) перестает быть проблемой физического выживания индивида. Потребности выходят на новый уровень, их удовлетворение прежде всего связано с индивидуальными склонностями человека. Это предопределяет сдвиги как технологического, так и социального характера: кризис конвейера, диверсификация потребностей.

Во второй половине XX в. становится ясно, как развитые общества адаптируются к новым вызовам. Главную роль в этом играет государство. В марксовом анализе оно лишь «комитет по управлению общими делами буржуазии», инструмент классового господ-

ства. А теперь государство демонстрирует самостоятельную роль, способность находить формы разрешения острых противоречий нереволуционным путем¹. Революции оказываются уделом менее развитых стран с жесткими общественными формами, не способными гибко реагировать на вызовы времени.

По мере роста благосостояния подавляющая масса граждан страны становятся собственниками, заинтересованными не в переделе созданного продукта, а в обеспечении стабильных условий роста благосостояния. Общество, достигшее благосостояния, в котором большинству граждан «есть, что терять», не любит нестабильности, тем более не склонно к революционным взрывам. Интерес к революционному марксизму, предполагающему радикальный передел собственности, ослабевает.

Начинается кризис системы советского коммунизма, официально основанной на марксистско-ленинском учении. Столкнувшись с вызовом постиндустриального мира, социалистические страны либо оказываются неспособными к нему адаптироваться, и тогда это приводит к кризису и краху (Советский Союз, страны Центральной и Восточной Европы), либо на индустриальной стадии начинают перестраивать свою экономическую систему, восстанавливают в ней рыночные элементы, отходят от автаркии, интегрируются в мировое хозяйство (Китай, Вьетнам). Лишившись поддержки со стороны СССР, терпят крах попытки «построения социализма» в слабо-развитых странах третьего мира.

Марксистское учение сталкивается с кризисом, который связан с двойственной природой марксизма, смешением в нем двух взаимоисключающих компонентов — социальной теории и «светской религии». Возникают общие вопросы: применимы ли марксовы подходы к анализу социально-экономического развития в принципе? Является ли то, что происходит в последние десятилетия, кризисом марксизма или его крахом? В какой мере методология Маркса способна быть полезной для современного исследователя? Для ответа на них необходимо рассмотреть, как выглядят элементы марксистской философии истории сквозь призму опыта XX в.

¹ Стародубровская И., Май В. Великие революции от Кромвеля до Путина. С. 332, 333.

*Историко-экономическая доктрина марксизма
сквозь призму современного опыта*

Тенденции развития современного мира, вызовы, с которыми сталкивается человечество на протяжении второй половины XX и в наши дни, предоставляют нам немало фактов, чтобы оценить, насколько актуален марксизм как научная доктрина, может ли он быть полезен для анализа долгосрочных тенденций развития современного мира. Обсуждать эту проблему можно под разными углами зрения: с одной стороны, с позиций ключевой гипотезы марксистской философии истории — о взаимодействии производительных сил, производственных отношений и политических институтов, об адекватности этого вывода реалиям последних десятилетий, с другой — в аспекте фундаментальных вызовов современности, таких, как глобализация, неравномерность развития отдельных стран и регионов мира. В какой мере при анализе данных процессов полезна марксистская методология? В какой мере марксизм сохранил свой прогностический потенциал? Ответив на эти вопросы, мы поймем, может ли марксистская доктрина служить аналитическим инструментом при изучении современных явлений.

Производительные силы и их влияние на социально-экономическое развитие

Важнейший тезис марксизма состоит в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его производственные отношения (экономические, социальные и политические институты). Это ключевой тезис, поскольку именно на нем основываются марксовы представления о законах общественного прогресса. Все остальные построения марксизма (включая теории общественно-экономических формаций и классовой борьбы, тезис о роли обобществления), какими бы важными они ни казались идеологам и политикам, — лишь более или менее адекватное приложение данного фундаментального принципа к анализу реалий этапов исторического развития.

Принципиальный вопрос: а как, по каким параметрам можно оценить уровень развития производительных сил? Технологи-

ческий прогресс непрерывен, его фазы удастся выделять лишь с определенной степенью абстракции. Одним из наиболее информативных показателей, с помощью которого можно попытаться оценить то, что Маркс называл *уровнем развития производительных сил*, выступает среднедушевой ВВП, конечно, рассмотренный в исторической ретроспективе и представленный в сопоставимом для межстранового анализа виде¹. Согласно современным исследованиям, определенная величина этого показателя достижима лишь при заданной технологической базе. Среднедушевой ВВП, характерный для индустриального общества, не может быть произведен на базе технологий традиционного (аграрного) общества. Для современного постиндустриального общества, в свою очередь, характерен более высокий уровень ВВП, нежели обеспечиваемый в условиях доминирования промышленности в структуре производства и занятости.

Даже поверхностного анализа исторической статистики достаточно, чтобы проследить связь среднедушевого ВВП с определенными формами политической и социальной организации общества. Страны с сопоставимым уровнем среднедушевого ВВП, как правило, имеют сходные политические системы, параметры, характеризующие другие сферы жизнедеятельности общества, у них близки (сопоставимы).

Исследования, проводившиеся в XX в., позволили выявить ряд закономерностей:

- несомненна связь среднедушевого ВВП и политического режима. Аграрные монархии, авторитарные режимы и современные демократии, как правило, характеризуются соответствующими (сопоставимыми для разных стран) уровнями экономического развития. Опираясь на работы А. Мэддисона, нетрудно убедиться, например, что государства со среднедушевым ВВП в 1200–1400 долл. обычно являются аграрными странами с авторитарными режимами (в XVII–XIX вв. это были аграрные монархии), с низким уровнем грамотности. Страны, душевой ВВП в которых составляет 2000–3000 долл., — индустриальные страны с грамотным населением и, как правило,

¹ В целях нашего анализа удобно использовать индикаторы среднедушевого ВВП, рассчитанные А. Мэддисоном за почти двухсотлетний период. См.: Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995. Сравнительные данные по странам даны в пересчете на доллары США 1990 г.

авторитарными (или тоталитарными) режимами. Страны, душевой ВВП в которых превышает 15000 долл., — высокоразвитые демократии с доминированием сектора услуг и с высоким потенциалом человеческого капитала;

- на определенном этапе технико-экономического развития начинается кризис традиционного общества, переход к индустриальному обществу. Революционные потрясения прошлого (знаменовавшие подобный переход) происходили в странах сопоставимого уровня экономического развития¹;
- формирование устойчивых демократий, как правило, связано с достижением достаточно высокого уровня экономического развития². Введение всеобщего избирательного права как стабильного института современного развитого общества, как правило, предопределяет выход среднедушевого ВВП на такой уровень³.

О ведущей роли производительных сил в формировании институтов современного общества говорит и сближение институциональных структур развитых стран, их конвергенция. У протестантской Великобритании, католической Франции, конфуцианской Японии можно найти больше общего в характере производительных сил, соответствующих им формам экономических и политических отношений, чем при сравнении каждой из этих стран с другими, более близкими им в культурно-историческом или этно-религиозном аспектах, но находящимися на существенно более низком уровне развития. Заметим, однако, что процессы институциональной конвергенции длительны и отнюдь не прямолинейны.

Можно указать и на иные процессы, демонстрирующие эволюцию общественных форм (институтов) по мере укрепления экономического фундамента общества. Налоговые системы разных стран, причем практически всех, проходят в своем развитии определенные этапы. Так, на ранних стадиях (примерно между концом XVI — серединой XIX вв.) существовали жесткие пределы увеличения на-

логовой нагрузки. И хотя она сильно колебалась по странам — от 4% ВВП в США до 12% ВВП в России (в зависимости от исторических традиций и специфических военно-политических потребностей), существенное повышение уровня налоговой нагрузки представлялось не только нецелесообразным, но и невозможным. С формированием индустриальных обществ этот ограничитель был снят. Как развитые страны, так и (особенно) страны догоняющей индустриализации пошли на резкое повышение роли перераспределительных трансфертов, расходы расширенного правительства стали достигать 40–60% ВВП. Однако выход за рамки возможностей индустриальных производительных сил ознаменовался сдерживанием роста налоговой нагрузки.

Опираясь на тот же индикатор развития производительных сил (среднедушевой ВВП), можно проследить устойчивую закономерность изменения принципов налогообложения с изменением уровня развития страны — низкие налоговые изъятия в странах со среднедушевым ВВП до 2000 долл., быстрый рост государственной доли на интервале 2000–8000 долл. И затем торможение и стабилизация (а по отдельным странам и снижение) данного показателя¹.

Эти взаимосвязи были подробно изучены в экономической литературе второй половины XX в., причем отнюдь не марксистской. Работы С. Кузнецца, М. Абрамовича, А. Мэддисона, Р. Барро, основанные на обширной социально-экономической и демографической статистике, которой во времена Маркса просто не было, показывают ключевую роль технологического прогресса (развития производительных сил — по Марксу) в трансформации социальных структур и социальных отношений. Эти исследования позволили выявить устойчивые, хотя и не жестко детерминированные связи между уровнем производства, структурой занятости, способом расселения, демографическими характеристиками, развитием образования, показателями здоровья нации². Используя ту же методоло-

¹ См.: *Стародубровская И., Май В.* Великие революции от Кромвеля до Путина. С. 62, 63.

² См.: *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991; *Barro R.* Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge, MA — L.: The MIT Press, 1997.

³ См.: *Май В.* Экономические реформы сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999. С. 51–52.

¹ The World Bank. From Plan to Market. World Development Report 1996. Oxford-NY: Oxford University Press, 1997. P. 114.

² См.: *Kuznets S.* Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 15; *Abramovitz M.* Thinking about Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; *Maddison A.* Monitoring the World Economy 1820-1992. Paris: OECD, 1995; *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001; *Barro R.* Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge, MA—L.: The MIT Press, 1997.

гию, политологи продемонстрировали зависимость между уровнем экономического развития и политической организацией общества¹.

Итак, в первой половине XX в. мир развивался почти «по Марксу» — хотя и не в деталях, но достаточно близко к указанной им траектории, чтобы многие интеллектуалы были склонны признать «торжество марксистских идей». Но в послевоенный период в связи с успехами западных стран отношение к марксистской методологии (и прежде всего к философии истории) становилось во все большей степени критическим: «Марксизм как теория, как последовательная доктрина оказался несостоятельным. ...История революций XX века... до сих пор подтверждает несостоятельность марксизма»². В работах этого времени акцент делался на провалах марксизма в области прогноза революций, которые произошли отнюдь не в тех странах, где должны были случиться в соответствии с ортодоксальными марксистскими представлениями. Кроме того, как указывают авторы, дальнейшее развитие производительных сил привело не к кризису и краху важнейших экономических и политических форм (собственности, государства), а к их трансформации, появлению новых экономических и политических форм.

Что же не подтвердилось в марксовской схеме исторического прогресса, основанной на примате развития производительных сил? Прежде всего Маркс и его последователи абсолютизировали тенденции развития производительных сил относительно форм производства и политической жизни. Они определили характер «болезни», но ошиблись в двух аспектах. В первую очередь они экстраполировали на долгие годы вперед современные Марксу

тенденции развития производительных сил (концентрация и централизация). Этот тренд представлялся им неизменным. Неверным оказался и рецепт лечения «болезни» — через системный кризис и полномасштабную революцию. Иными словами, предложив интересный анализ современных противоречий и проблем развития производительных сил и общественных форм, Маркс и марксисты сформулировали ошибочную гипотезу о механизме разрешения этих противоречий.

Как показала практика первой половины XX в., на индустриальном этапе наиболее развитые страны смогли адаптироваться к новым условиям без политических потрясений, изменив взаимоотношения между государством, бизнесом и наемным трудом с помощью комплексных и глубоких реформ. В тех же случаях, когда приспособление к новым условиям сопровождалось резкими сдвигами в политической и социальной структуре общества, эти сдвиги приводили не к социалистическим (пролетарским) революциям в марксовском понимании и торжеству гуманизма, а к установлению диктаторских, тоталитарных режимов (в России, Германии, Аргентине и т.д.).

Тем не менее кризис марксизма не стал крахом базовой гипотезы марксовской философии истории. Это — кризис интерпретаций и прогнозов, основанных на вульгарном и поверхностном приложении методологии, результат трех ошибок методологического и теоретического характера.

Во-первых, методологической ошибкой стало игнорирование диалектического метода, который составлял «живую душу марксизма». Это проявилось в утвердившемся представлении о «конце истории», достижении такого уровня развития производительных сил и соответствующих им общественных отношений, который обеспечивает в дальнейшем поступательное, бескризисное развитие («end state»¹). Материальным базисом «конца истории» виделись производительные силы зрелого индустриального общества. Они должны были привести к обобществлению, интернационализации, торжеству свободы, равенства и братства. На этом, согласно марксизму, движение истории через кризисы и противоречия завершилось. А ведь данный постулат закрыл возможность заглянуть

¹ См.: *Lipset S. M. Political Man: The Social Basis of Politics*. NY: Doubleday, 1960; *Huntington S. P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman and L.: University of Oklahoma Press, 1991; *Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered*//G. Marks, L. Diamond (eds.) *Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset*. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. P. 93–139; *Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries*. L., NY, Routledge, 1997.

² *Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 19. Даже те, кто в целом отмечает большое научное значение теории революции Маркса, считая ее «возможно, наиболее значительной из всех школ революционной мысли», подчеркивают тем не менее, что «как метод прогнозирования она не нашла подтверждения применительно к индустриальному обществу». См.: *Cohan A. Theories of Revolution: An Introduction*. NY: Halsted Press, 1975. P. 54, 68.

¹ Анализ понятия «end state» и его критика содержатся в работе: *Barry N. The Invisible Hand in Economics and Politics*. L.: IEA, 1988.

за пределы индустриализма — в отношении как материальной базы, так и соответствующих ей общественных форм¹.

Во-вторых, теория общественно-экономических формаций не позволяла адекватно анализировать соответствующие процессы. История искусственно разделялась на фазы, и разным технологическим укладам должны были соответствовать принципиально разные общественные (экономические, социальные и политические) формы. Но это не отвечало ходу истории. На деле схожий уровень развития производительных сил порождал (на более ранних стадиях общественного развития) разные общественные формы. Вместе с тем глубокие изменения в общественных отношениях происходили и в рамках того, что в марксизме считается одной формацией. Смена институтов по мере развития производительных сил — более сложный, дробный и многообразный процесс, нежели просто движение от одной формации к другой. В этом отношении «официальные марксисты» преуменьшили значение методологии Маркса, свели роль производительных сил к глобальным процессам смены формаций, проигнорировали текущую трансформацию форм организации общества, связанную с прогрессом производительных сил.

В-третьих, была недооценена активная роль общественных форм, которые не только находятся под влиянием материальной (технологической) базы, но и сами способны оказывать на нее значимое воздействие. Здесь работает механизм как прямой, так и обратной связи, и последняя должна была стать объектом серьезного изучения. Влияние производительных сил на конкретные общественные формы проявляется лишь *в конечном счете*, политические институты играют существенную роль, воздействуют на динамику производительных сил. На это обращали внимание и сами основоположники марксизма, особенно на последнем этапе их творчества². Именно это и об-

¹ Эта ошибка похожа на ошибку Т. Мальтуса, который абсолютизировал доступный ему технологический уровень и сделал на этой основе пессимистические прогнозы перспектив развития человечества. Но Мальтус не претендовал на владение методами диалектического анализа.

² «В историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно

условливает многовариантность, непредопределенность исторического процесса: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические, и т.п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»¹.

Вопрос о роли институтов в экономическом развитии, в том числе в обеспечении технологического прогресса, стал предметом пристального внимания в последней трети XX в. в связи с обсуждением различий в траекториях развития отдельных стран. По сути, это и был вопрос о роли экономических и политических форм. Термин «институты» покрывает то, что в марксовской схеме рассматривалось как общественные формы (производственные отношения и политическая надстройка). На этом сосредоточились исследователи, которых объединил неоинституциональный подход к анализу национальных экономик и экономической истории. И хотя далеко не все они были марксистами, их исследования могли внести существенный вклад в развитие марксова учения о механизмах исторического процесса. В этой связи прежде всего выделяются имена Р. Кэмерона и Д. Норта.

В центре внимания Норта и его коллег находятся вопросы о том, как институты влияют на экономический рост и социальное развитие, какие факторы определяют их эволюцию, в каких случаях может сформироваться система институтов, препятствующих экономическому развитию. Отвечая на последний вопрос, Норт приходит к заключению: важнейший фактор, определивший возникновение таких институтов, — противоречие интересов государства и общества. Отсюда всего шаг до вывода: социальная революция служит предпосылкой радикальной трансформации производственных отношений и крушения элит, препятствующих возникновению новой системы институтов. «Несмотря на то, что по истории технологии и связи технологии с экономическим процессом написано много прекрасной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо формального корпуса теории. Исключе-

форму ее различные моменты надстройки». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 37. С. 394.

¹ Там же. С. 395.

ние составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации»¹.

Несмотря на то что неоинституционалисты подчеркнута дистанцируются от марксова наследия, их взгляды на экономическое развитие близки к марксистским². Все их оговорки и уточнения не могут отменить тезиса о принципиальной роли технологической базы (производительных сил) в истории общественного прогресса и в определении специфических общественных (экономических, социальных и политических) форм. Тем самым производительные силы оказываются первопричиной как процессов развития, так и *функционирования* общественной системы.

Опыт развитых стран и проблемы догоняющего развития

Принятия тезиса о примате производительных сил недостаточно для практического использования марксовской философии истории в аспекте понимания и прогнозирования тенденций общественного развития и прежде всего применительно к отдельным странам. Для того чтобы конкретизировать общую схему общественного прогресса, необходимо рассмотреть несколько взаимосвязанных вопросов:

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 168. В другой работе он отмечал: «Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической традиции: институты, права собственности, государство, идеологию. Тезисы Маркса о критической роли прав собственности в эффективной экономической организации и роли противоречий между существующими правами собственности и производственными возможностями, создаваемыми новыми технологиями, являются его фундаментальным вкладом в исследование экономической теории». См.: North D. Structure and Change in Economic History. NY and L.: W.W. Norton & Company, 1981. P. 61.

² См.: Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней М.: РОССПЭН, 2001. С. 23–24.

- о возникновении самого феномена современного экономического роста;
- о роли общественных отношений (институтов) в возникновении и поддержании экономического роста;
- о возможности использования опыта наиболее развитых стран странами менее развитыми;
- о возможностях и механизмах конвергенции, т. е. приближения менее развитых стран к уровню более развитых.

Тезис, в соответствии с которым «наиболее развитые страны дают менее развитым пример их будущего»¹, рисовал упрощенную картину мира и был скорректирован еще самим Марксом. Он уточнил, что этот вывод имеет смысл только в том случае, если страна встала на путь капиталистического развития. Вопрос о том, должна ли страна пойти по этому пути, оставался открытым.

Более того, повторение пути развитых стран не тождественно прогрессу. Капиталистическое развитие в логике письма в редакцию «Отечественных записок» — лишь один из способов движения к социализму. Именно переход к нему — это подлинный прогресс. «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»². Путь к социализму через развитие крестьянской общины в черновике письма к В. Засулич выступал альтернативой развития капитализма со всеми его тяготами и кризисами. Иными словами, Маркс фактически выводит догоняющее развитие за рамки собственно капиталистической модели.

Ситуация с опытом развитых стран еще более запуталась с возникновением СССР, появлением теории построения социализма в одной стране, к тому же не самой передовой в технологическом отношении. Кто кому теперь должен показывать пример? Ответ на этот вопрос был зафиксирован как аксиома: советская общественная система — самая передовая, к ней неизбежно придут капиталистические страны. Подчеркивая это обстоятельство, коммунистиче-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 119.

ские идеологи приняли термин «технологически развитые страны», давая понять, что в социально-экономическом отношении «капиталистический Запад» отстает от «социалистического блока». Но в технологическом отношении СССР все больше отставал от индустриальных стран, стремился опереться на западные технологии, покупая их или получая по каналам промышленного шпионажа. Разрыв с Западом никогда не сокращался менее чем на одно-два поколения¹. Однако в 1950–1960-е гг. многим, в том числе западным лидерам, казалось, что быстро наращивающий свою индустриальную мощь Советский Союз в обозримом будущем сможет превзойти рыночные демократии и по уровню развития производительных сил.

Наступление постиндустриальной эпохи ознаменовало появление обратной тенденции: стал углубляться разрыв между развитыми капиталистическими странами и коммунистическим блоком. Затем крах советской системы поставил окончательную точку в рассуждениях о социально передовом, но экономически отсталом строе. Подтвердился тезис о влиянии производительных сил на характер экономических и политических институтов. Эпоха крупных индустриальных форм способствовала возникновению и укреплению отношений, основанных на централизации и огосударствлении. Выход за рамки индустриализма потребовал коренного изменения модели общественных отношений. Дело лишь в том, что отказ от них в высокоцентрализованной и жестко организованной коммунистической системе оказался более болезненным, чем «врастание» в постиндустриализм в условиях рыночной демократии.

Использование опыта развитых стран может быть полезным для отработки новой системы национальных институтов. Классический пример — успех исследований А. Смита, обсуждавшего применимость опыта Голландии, наиболее передовой и развитой страны конца XVIII в., к Великобритании. Он задавался вопросом: что должны делать Англия и другие страны континентальной Европы, чтобы выйти на уровень благосостояния, достигнутый в

¹ См.: Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. М.: ИЭПП, 2003. С. 15–18.

Голландии?¹ И, напротив, его не интересовали перспективы развития самой Голландии. Именно этот подход стал источником успеха смитовой теории в отличие, например, от построений Т. Мальтуса, который пытался делать выводы на основе экстраполяции сложившихся к тому времени тенденций развития стран-лидеров современного экономического роста.

К Марксу применим тот же вывод: его наиболее точные наблюдения и прогнозы связаны с анализом тенденций, характерных для британской экономической истории, но никак не с экстраполяцией этих тенденций применительно к самой Великобритании, США и другим развитым странам мира. Понимание этой особенности его подхода отчасти объясняет парадоксальную ситуацию, при которой серьезные социальные потрясения, более или менее укладывавшиеся в марксистскую схему, происходили в странах, находящихся на низком уровне развития. Передовые страны ушли от революционного взрыва. Следовавшие за ними страны догоняющего развития, вступающие в самую опасную с точки зрения сохранения политической стабильности полосу, в некоторых случаях не смогли избежать революционных потрясений. Причины формирования подобной ситуации могут быть выделены лишь при дополнительном исследовании особенностей институциональной структуры конкретных стран².

Прошедшие со времен Маркса полтора столетия подтвердили вывод о неравномерном развитии отдельных стран, в том числе и развитых³. Этот тезис требует постановки вопроса о догоняющем развитии, о возможности не только использования опыта наиболее развитых стран, но и преодоления разрыва в уровнях экономического развития. Постановка вопроса о способах решения задачи догоняющего развития не нова, однако окончательный ответ на него

¹ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. Т. 1. С. 381–386.

² Данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи. Более подробно см.: Стародубровская И., Май В. Великие революции от Кромвеля до Путина. Гл. 1, 11.

³ Более подробно этот тезис рассматривался В. Лениным, сделавшим вывод о том, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354. Из этого тезиса он делал вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих, но и даже в одной, отдельно взятой стране, тем самым дополняя проблему догоняющего развития социальным аспектом.

так и не найден. Тем не менее некоторые выводы общего характера можно сделать уже сейчас.

Первое. Догоняющее развитие возможно. На протяжении последних двухсот лет отдельным странам удавалось преодолеть отсталость и вступить в ряды наиболее развитых стран мира. Бывало и обратное, когда передовая страна в силу некоторых причин откатывалась назад. Яркие примеры первого случая — Япония, Финляндия, Ирландия, классический пример второго — Аргентина, входившая в начале XX в. в десятку наиболее развитых стран мира.

Второе. Успешность догоняющего развития не предопределена. Маркс указывал, что опыт наиболее развитых систем уместен для менее развитых стран, если последние встали на путь формирования капиталистического хозяйства. Но этого недостаточно для приближения к странам-лидерам.

Третье. Термин «догоняющее развитие» не совсем точен. Скорее, следует говорить о формировании стратегии прорыва, т. е. набора действий, позволяющих не повторять те же фазы, которые прошла более развитая страна, а перешагивать через отдельные технологические этапы¹. Это противоречит тезису Маркса об «облике будущего», однако отражает опыт последних двух веков.

Четвертое. Успешное догоняющее развитие связано с созданием адекватной системы институтов, положительно влияющих на трансформацию производительных сил. Институты отнюдь не являются пассивными формами, следующими за материальной базой, они играют активную роль, стимулируют или сдерживают развитие производительных сил. Целесообразно заимствование (импорт) институционального опыта более развитых стран менее развитыми, при этом прямолинейное перенесение институтов из более развитых стран в менее развитые может быть весьма непродуктивным. Необходим учет таких факторов, как: особенности исторической эпохи; дистанция, отделяющая догоняющую страну от лидеров; специфика культурно-исторического развития данной страны².

¹ См.: Shin J.-S. The Economics of the Latecomers: Catching-up, Technology Transfer and Institutions in Germany, Japan and South Korea. L., NY: Routledge, 1996.

² Подробнее см.: Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России.

Пятое. Стратегия догоняющего развития должна соответствовать характеру производительных сил, являющихся передовыми в мире. В этом вновь выражается роль материально-технической базы как детерминанты развития общественных институтов. Речь идет не о конкретной стране, а о глобальных тенденциях развития хозяйственных систем. Они задают формы организации мировой экономики, воздействующие на развитие любой страны, даже самой закрытой. Доминирует в мире золотой стандарт или система плавающих валютных курсов, протекционизм или либеральный внешнеторговый режим, — все это определяет рамки социально-экономического развития любой страны, особенно той, которая стремится совершить технологический рывок.

При осуществлении политики ускоренной индустриализации отсталые страны ориентируются на особенности данной фазы экономического роста — определяют отраслевые приоритеты, перераспределяют в их пользу ресурсы. В условиях, когда ведущие страны вступают в постиндустриальную эпоху, модель догоняющего развития оказывается принципиально иной, ориентированной на стимулирование адаптационных возможностей экономических агентов к меняющимся вызовам времени, построенной в логике либеральной экономики¹. Даже решение задачи выхода из традиционного общества (индустриализма) приходится искать с учетом особенностей постиндустриальной эпохи.

Шестое. Страны, вступающие на путь современного экономического роста, отделяет от стран-лидеров неодинаковая дистанция. Государства континентальной Западной Европы в начале — середине XIX в., как правило, отставали от Англии всего на одно поколение, южно- и восточноевропейские страны в конце XIX — начале XX вв. — на два-три. А Китаю потребовалось почти полтора века, чтобы сформировать предпосылки начала современного экономического роста. Теоретически все имели равные возможности, чтобы воспользоваться благами применения науки для развития новых технологий. Но в реальности первыми за лидером устремились те, у кого сформированные на стадии аграрного развития институты оказались в наибольшей степени адаптированными к

¹ Подробнее см.: Май В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7.

требованиям динамичного развития, быстрым структурным переменам. У вступивших в гонку стран, отставших в развитии от лидеров на два-три поколения, возникали серьезные трудности, но были и преимущества: их элиты знали, как трансформировались социально-экономические структуры в странах, шедших впереди, имели возможность предвидеть проблемы, которые неизбежно возникнут.

А. Гершенкрон обратил внимание на связь между отставанием от лидеров и уровнем государственного участия в экономике. Чем больше разрыв, тем, как правило, активнее действует государство, пытаясь обеспечить условия для начала современного экономического роста¹. С увеличением отделяющей от лидеров дистанции расширяются возможности технологических заимствований, которые поощряет и организует государство. Развитие событий в конце XX в. показало, что эта зависимость не универсальна, однако такая тенденция существует. Страны, вступившие в процесс современного экономического роста только в XX в., как правило, демонстрируют более высокие показатели государственной нагрузки на экономику, чем страны-пионеры на тех же уровнях развития.

Седьмое. Не последнюю роль в экономическом развитии играют историко-культурные и этно-религиозные традиции догоняющей страны. Конечно, этот фактор не следует преувеличивать, сводить все к пресловутой протестантской этике: представления, сформулированные М. Вебером, выглядят архаично в наши дни, когда вот уже полвека продолжается быстрый экономический рост стран с конфуцианской системой ценностей, а одной из самых динамичных стран Западной Европы стала католическая Ирландия². Но нель-

¹ Подробнее см.: *Gershenkron A. Europe in the Russian Mirror.* Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 98–99; *Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread.* New Haven: Yale University Press, 1966. P. 291–292.

² Стоит привести следующие рассуждения: «Когда-то утверждалось, что существует четкая иберийская традиция: «авторитарная, родовая, католическая, классовая, корпоративная и полуфеодалная до самых корней». Тащить Испанию, Португалию или страны Латинской Америки к стандартам Западной Европы или Соединенных Штатов — означало быть повинным в «этноцентризме». Но этих же универсальных стандартов придерживались сами люди иберийской традиции, и с середины семидесятых годов Испания и Португалия перешли в разряд стабильных демократий». См.: *Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек.* С. 96.

зя отрицать, что определенные особенности страны и народа могут как подталкивать к экономическому росту, так и сдерживать его.

Реальные возможности технологического прорыва — результат взаимодействия сложного комплекса факторов, здесь важны не только их формальный перечень, но и нюансы. Трудно прогнозировать то, что на деле может достигнуть страна. Это станет известно лишь экономическим историкам будущего. Сказанное не опровергает марксистский постулат о роли опыта передовых стран, но позволяет уйти от упрощенной интерпретации в его использовании.

Марксизм и проблемы глобализации

Глобализация — один из модных в настоящее время терминов. С процессами глобализации нередко пытаются связать явления социальной и экономической жизни, отставание одних стран и ускорение развития других. Вокруг проблемы глобализации идет нешуточная идеологическая борьба, причем одна из особенностей современного политического ландшафта — тенденция поддержки глобализации праволиберальными партиями. Наиболее жесткие критики ее — левые, в том числе коммунисты. Так обстоят дела на Западе, не представляет собой исключения и Россия. Здесь лидеры и идеологи КПРФ идут в первых рядах борцов с последствиями глобализации, выдвигают проекты ее сдерживания. В глобализации видят угрозу существованию коммунистического движения.

Между тем *антиглобалистская идеология и политика противоречат как букве, так и духу марксизма.* Все марксово учение пронизано идеей глобализации. Более того, именно предвосхищение процессов глобализации является одной из важнейших заслуг Маркса, показателем глубины его анализа, прогностической эффективности его историко-экономического метода. Марксизм сформировался и вырос как глобалистская доктрина. Тезис о глобализации в марксизме звучит двояко.

С одной стороны, он фиксирует понимание общего направления технологического и экономического развития цивилизованных стран. То, что на современном языке называется «глобализацией», выступает не чем иным, как частным случаем марксова термина «обобществление». Обобществление — это не только национализация (и даже совсем не национализация), но и процесс придания

экономическим процессам (как технологиям, так и производственным отношениям) международного характера. Вплоть до середины 1920-х гг. победа пролетарской революции и утверждение коммунистической системы мыслились только в международном масштабе, хотя бы в масштабе ряда ведущих европейских стран, создающих единую хозяйственную систему.

С другой стороны, анализируя характер и тенденции развития современного ему капиталистического строя, Маркс выступал как непримиримый противник протекционизма, всего того, что препятствует глобализации. Уже в 1847 г. он писал: «Протекционизм реакционен... Последним утешением протекционистов является то, что страна эксплуатируется не иностранными, а отечественными капиталистами... Я не буду больше говорить о протекционистах»¹. Анализ Маркса носит подчеркнуто классовый характер. Вопросы протекционизма и свободы торговли он рассматривает сквозь призму движения к революционному преобразованию мира. Дело не в том, что свобода торговли может способствовать улучшению положения рабочего класса — на этот вопрос однозначного ответа нет. Главное — в распространении современного капитализма с неизбежным усилением революционной борьбы пролетариата: «Система свободной торговли ускоряет социальную революцию»².

Позднее, когда настала эпоха бурного роста индустриализма, сопровождавшегося ослаблением свободы торговли и принятием большинством развитых стран покровительственных тарифов, Энгельс стал более благосклонно относиться к протекционистской политике как инструменту ускоренной индустриализации. Он положительно отзывался о покровительственных тарифах, использованных правительствами США и России для решения задач догоняющего развития. Но и здесь были необходимы существенные оговорки: «Покровительствуя одной отрасли промышленности, вы прямо или косвенно наносите вред всем остальным». «Самое худ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 42. С. 361, 362.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 418. Маркс также писал: «Мы стоим, за свободу торговли, потому что с введением ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата» См.: там же. С. 266, 267.

шее в протекционизме — это то, что раз он введен, от него нелегко избавиться»¹. Протекционизм идет рука об руку с монополистическими тенденциями в производстве и дестимулирует стремление национальной экономики к росту конкурентоспособности². Особенно опасен, по мнению Энгельса, протекционизм в странах, чьи конкурентные преимущества связаны с дешевизной рабочей силы.

Итак, мы можем зафиксировать по крайней мере три вывода по вопросу об отношении марксизма к глобализации.

Глобализация — прогрессивная тенденция, а, как писал Энгельс, «против экономических фактов ничего не поделаешь»³. Глобализация — один из «железных законов» общественного развития.

Протекционизм реакционен. Хотя он может рассматриваться как инструмент экономической политики на отдельных этапах развития производительных сил, проведение протекционистской линии вопреки общему тренду и логике развития производительных сил не соответствует ни духу, ни букве марксизма.

В глобализации, в формировании мирового рынка видели подтверждение правоты марксизма как в смысле направления социального развития ко все большему *обобществлению*, так и с точки зрения *обострения внутренних противоречий капитализма*.

К глобализации апеллировали ранние марксисты для доказательства правоты буквы своего учения. Энгельс утверждал, что тенденция к понижению заработной платы, не прослеживаемая в развитых странах, происходит в масштабах всей мировой капиталистической системы (хотя оставался открытым вопрос, можно ли колонии, находящиеся на докапиталистических стадиях развития, включать в этот анализ). В. Ленин именно в глобализации мирового рынка видел наступление «вышей и последней стадии капитализма», когда до предела обостряются непримиримые противоречия между империалистическими державами: «Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 377.

² Там же. С. 378, 380, 382.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 38. С. 265.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 422.

Р. Люксембург подчеркивала, что революционный кризис связан с формированием международного рынка¹.

Оставался открытым вопрос, ведет ли глобализация к обострению капиталистических противоречий или к их смягчению. В начале XX в. в связи с мировой войной и революционными потрясениями в Европе и Азии казалось, что эти противоречия обостряются, что они дестабилизируют капиталистическую систему до такой степени, что она скоро рухнет, неспособная справиться с порожденными ею процессами.

Проблема отношения к глобализации активно муссировалась в СССР в 1920-х гг., когда на повестку дня встал вопрос о перспективах пролетарской революции и социализма в стране и мире. Когда большевики брали власть, они рассчитывали на начало мировой революции, создание мирового коммунистического хозяйства. В него должны быть вовлечены если не все, то, по крайней мере, некоторые из наиболее передовых стран, где в соответствии с марксистской доктриной пролетарская революция назрела. На практике события разворачивались иначе. СССР остался единственной страной с коммунистической партией, находящейся у власти и претендующей на строительство новой, социалистической системы. Предстояло определить относительно его политической судьбы, принципов функционирования советской экономики.

Принятие ленинского тезиса о монополии внешней торговли в совокупности со сталинской линией на ускоренную индустриализацию стало непростым выбором. К таким действиям подталкивала логика индустриального мира, логика догоняющей индустриализации. Идея протекционизма была господствующей в мире с конца XIX до середины XX в. Как представлялось большевистским лидерам, единственная страна социализма не может допустить послабления в контактах с враждебным миром. Но была и другая сторона вопроса, на которую указывали некоторые экономисты и политические лидеры. В. Базаров — видный марксист, левый социалист — обращал внимание на то, что закрытие внутреннего рынка от ввоза импортных продуктов из капиталистических стран, стремление построить автаркическую экономику приведут к тому, что отечественные производители будут изготавливать «продукцию очень высокой себестоимости и очень низкого качества»².

¹ См.: Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М.: Госполитиздат, 1959.

² Базаров В. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 49.

С вопросами глобализации тесно связана и концепция «перманентной революции», разработанная Л. Троцким в 1905–1929 гг. Он пытается примирить реальное развитие событий с классической марксистской доктриной: победу «пролетарской революции» в отсталой, крестьянской стране с отсутствием мировой революции и мировой системы коммунизма. Дело не столько в доктрине, сколько в вопросах практического характера: может ли утвердиться социалистическая система в одной стране, какова будет ее хозяйственная система, каковы возникающие в этой ситуации риски? Причем в отличие от «красных профессоров» из сталинского окружения Троцкий не мог позволить себе ограничиться терминологическими манипуляциями (например, объявить Россию страной со «средним» уровнем развития капитализма).

Для Троцкого социалистическая (коммунистическая) система должна демонстрировать не только социально-политическое, то и технологическое превосходство, обеспечивать более высокий уровень развития производительных сил. В мире, где явно обозначились тенденции к глобализации (или, по принятой тогда терминологии, интернационализации), это требует включения страны в мирохозяйственные связи¹. Но в других странах сохраняется капиталистический режим, они враждебны СССР и вряд ли будут способствовать укреплению советского государства. Это противоречие ставит перед СССР две альтернативы: или страна политически эволюционирует в направлении капитализма и станет органичной частью его мировой системы, или она будет изолирована от мирохозяйственных связей, экономически деградирует и рухнет.

«Интернационализм не есть отвлеченный принцип, но лишь теоретическое и политическое отражение мирового характера хозяйства, мирового развития производительных сил и мирового развития классовой борьбы. Социалистическая революция только начинается

¹ «Переход власти из рук царизма и буржуазии в руки пролетариата не отменяет ни процессов, ни законов мирового хозяйства. Правда, в течение известного времени после Октябрьского переворота экономические связи Советского Союза с мировым рынком ослабели. Но чудовищной ошибкой было обобщать явление, которое представляло собой лишь короткий этап диалектического процесса. Мировое разделение труда и сверхнациональный характер современных производительных сил не только сохраняют, но будут удваивать и удесятерять свое значение для Советского Союза по мере его экономического подъема.» См.: Троцкий Л. Перманентная революция. 2-е изд. Cambridge, MA: Iskra Research, 1995. С. 220.

на национальной почве. Но она не может на ней закончиться... Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно было бы пасть жертвой этих противоречий», — писал Троцкий¹. Такое развитие событий было неприемлемо для теоретика и практика коммунистической революции. Он пытался найти выход в теории «перманентной революции». Но она была крайне уязвимой и с теоретической, и с практической точек зрения (чем, естественно, не преминуло воспользоваться сталинское руководство). На простой вопрос: что делать, если мировой революции не будет, у Троцкого не было убедительного ответа. Оставался только общий вывод: «Острые кризисы советского хозяйства являются напоминанием о том, что производительные силы, созданные капитализмом, не приурочены к национальным рынкам и могут быть социалистически согласованы и гармонизированы только в международном масштабе. Другими словами, кризисы советского хозяйства являются не только недомоганиями роста, своего рода детскими болезнями, но и чем-то неизмеримо более значительным — именно, суровыми одергиваниями со стороны международного рынка»².

История СССР подтвердила прогнозы Троцкого. Хотя, как это обычно бывает, кризис наступил позднее, чем ожидалось, и принял формы, существенно отличные от описанных. Но суть кризиса оказалась именно такой, какой ее видел теоретик «перманентной революции»: малая включенность в мировой рынок, наличие жестких институциональных барьеров для использования передовых технологий, нарастающее отставание СССР от капиталистического мира, затем крах «реального социализма». Другое дело, что в отличие от ожиданий Троцкого крах этот произошел уже на новой стадии развития производительных сил, когда сменились тенденции развития материальной базы общества. На индустриальной фазе СССР мог успешно адаптировать новые технологии и сокращать свое отставание от Запада. Это продолжалось вплоть до начала 1960-х гг.³

¹ Троцкий Л. Перманентная революция. 2-е изд. С. 231, 217, 218. См. там же: «Слабость советского хозяйства... — в его нынешней, послеоктябрьской изолированности, т. е. в невозможности для него пользоваться ресурсами мирового хозяйства». С. 221.

² Там же. С. 222.

³ Тезис Троцкого используется некоторыми левыми в качестве обоснования причин краха «реального социализма»: «Неимоверно прославленный тезис В. Ленина о возможности победы социализма

С аналогичными проблемами столкнулись позднее многие страны с низким уровнем экономического развития, пытавшиеся в XX в. (и особенно во второй его половине) решать проблемы индустриализации, встав на путь «социалистической ориентации». Их руководство полагало, что наличие «наиболее передовой» общественной системы позволит сконцентрировать ресурсы, получить поддержку СССР, создать автаркическое хозяйство и на этой базе совершить скачок. Практика опровергла подобные надежды. Большинство из этих стран так и не смогли вырваться из бедности, другие, более того, деградировали.

Изменились и теоретические представления об эффективных моделях «экономики развития». До последней трети XX в. в экономической науке доминировали марксистские или неомарксистские представления о способах решения проблемы отсталости, основанные на закрытии национальной экономики от иностранной конкуренции, централизации ресурсов в руках государства, их перераспределении в приоритетные сектора. Только в последние десятилетия широкое распространение получили взгляды, согласно которым открытая внешнеэкономическая политика, линия на интеграцию в структуры мирового рынка — важнейший фактор успешного экономического роста¹.

В этом пункте имеет место разрыв идеологии коммунистических партий (как в России, так и в других странах) с духом и буквой марксизма. Левые оказались в первых рядах антиглобалистского движения, вышедшего на политическую арену в 1990-е гг. Интернационализация политических сил — господствующая в мире доктрина — на деле обеспечивающая социально-экономический прогресс в постиндустриальном мире, основана на либеральной идеологии. Левые же силы более комфортно чувствуют себя в индустриальном мире с его крупными производственными формами и закрытыми

в одной, отдельно взятой стране оказался на поверку грубой ошибкой, которую исправила сама жизнь, называемая в марксистском научном обиходе объективной реальностью... Его ошибка... подтвердила истинность предвидений Маркса во всемирном масштабе». См.: Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века // К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М.: Вагриус, 1999. С. 6.

¹ См.: Sachs J., Warner A. Economic Growth and the Process of Global Integration. // Brookings Papers on Economic Activity, 1995. № 1; Aslund A., Warner A. EU Enlargement: Consequences for the CIS Countries // A paper presented to the conference «Beyond Transition: Development Perspectives and Dilemmas», Warsaw: CASE, 2002.

национальными экономиками. Отсюда и их позиция по отношению к глобализации¹.

Хотя в общем-то позиция современных коммунистов по отношению к глобализации достаточно противоречива. С одной стороны, они не могут не признать объективный характер процесса, предсказанного Марксом. Они гордятся прогнозами основоположника. С другой стороны, им трудно признать, что политические и экономические последствия глобализации связаны с ослаблением социальной борьбы в рыночных демократиях. Начинается поиск новых интерпретаций процесса, естественно, они пытаются провозглашать, что сейчас разворачивается «плохая» глобализация — империалистическая, противоречащая интересам большинства населения мира и особенно угрожающая России. Однако возможна и другая глобализация — «правильная», которая будет осуществляться в условиях социализма в интересах всего человечества. Как видим, здесь открыто проявляется конфликт между марксовской методологией исторического анализа и подходом, основанным на незыблемости догм «светской религии».

В своей борьбе с глобализацией коммунисты порывают с сутью марксизма, признающего наличие универсальных, объективных тенденций. Глобализация является сегодня одной из таких тенденций. Она противоречит левым настроениям и политическим предпочтениям, но от этого не перестает быть объективным процессом, характеризующим современный этап развития производительных сил.

Марксизм и современные марксисты

В современном мире официальный марксизм, представленный левыми политиками и теоретиками, чувствует себя некомфортно. Рухнуло то, что на протяжении десятилетий выступало пусть и не до конца убедительным, но наглядным подтверждением исторической правоты «революционного марксизма» — мировая коммунистическая система. Долгосрочные тенденции развития мира противостоят изначальным (равно как и вульгаризированным) положениям

¹ См.: Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? // Правда. 2001, 27–28 марта, № 33. С. 3; Зюганов Г. Глобализация и судьба человечества. М.: Молодая гвардия, 2002.

марксизма — во всяком случае, в том виде, в котором он воспринимался левыми на протяжении последних 100–120 лет. Действительно, в непростое положение попали официальные марксистские теоретики: многие фундаментальные тенденции мирового развития не укладываются в «прокрустово ложе» левой идеологии. Ясно, что для объективного анализа надо разделить методологию и веру. А сделать это трудно. Отсюда догматизм, невозможность полноценного анализа с использованием марксистской методологии.

Оказавшись в такой ситуации, «официальные марксисты» трансформируют свои взгляды по-разному: одни просто-напросто вульгаризируют доктрину в угоду политической практике (и тогда вслед за нападениями на глобализацию они демонстрируют откровенный национализм и ксенофобию), другие, напротив, предлагают содержательные интерпретации современного исторического прогресса. Если первый подход является чисто политическим и не имеет отношения к проблематике научной статьи, то второй заслуживает краткого рассмотрения.

Можно выделить три варианта интерпретации современных тенденций в логике марксистского анализа. Ортодоксальные марксисты пытаются доказать, что базовые прогнозы классиков (не только Маркса, но и Ленина) оказались верны и обнаруженные ими тенденции продолжают действовать в полной мере. Другие авторы пытаются расширить, универсализировать марксистские социальные прогнозы. Третьи стремятся переинтерпретировать марксизм, вернуться к его изначальным гуманистическим и демократическим традициям. Эти три подхода, конечно, взаимосвязаны, характерные для них элементы можно найти в работах одних и тех же авторов.

Несмотря на существенные изменения в мире, произошедшие за последние 100 лет, среди марксистов до сих пор встречаются ортодоксальные теоретики, по мнению которых «капитализм продолжает демонстрировать те же симптомы кризиса — эксплуатация, дискриминация, загрязнение окружающей среды, войны и враждебность»¹. Подобный подход характерен и для руководства нынешней КПРФ. Признавая ряд новых тенденций в развитии современных производительных сил, Г. Зюганов настаивает на том, что фундаментальные прогнозы, содержащиеся в работах Маркса и Ленина, продолжают реализовываться на практике. Это касается

¹ Sherman H. Reinventing Marxism. Baltimore-L.: The John Hopkins University Press, 1995. P. 12.

двух основных тенденций развития современного мира. Зюганов настаивает на актуальности ленинской интерпретации современного капитализма (империализма) как высшей стадии капитализма, как паразитического и загнивающего общества. Тезис о «высшей фазе» в принципе не нуждается в доказательствах, поскольку новейшая фаза всегда может интерпретироваться как высшая по отношению ко всем предыдущим. А «паразитизм» и «загнивание» выводятся из современных процессов глобализации, которые ведут к усилению эксплуатации менее развитых стран. В этом тезисе российские коммунисты повторяют размышления Р. Люксембург о капитализме, требующем «третьих лиц» или внешних рынков, которые могут эксплуатировать развитые капиталистические страны¹.

Вместе с тем выдвигается тезис о том, что «модернизация и гуманизация капитализма объяснялись влиянием СССР и его союзников. Только из-за глобального противостояния капитализма и коммунизма первый адаптировался к вызовам времени, демократические и социальные тенденции приобрели большой вес в капиталистических странах. Теперь же, после краха мировой системы социализма, капитализм вновь будет возвращаться к привычным способам эксплуатации труда и природных ресурсов»². А пока существует эксплуатация, будет существовать и марксизм «как учение о социалистической альтернативе капитализму»³. Укажем на то обстоятельство, что здесь имеет место отход от исходной марксовой философии истории, предполагающей, что анализ развития общественных отношений должен опираться на выделенные тенденции развития произ-

¹ Этот тезис принимают «зеленые», традиционно занимающие левые позиции. Так, Б. Коммонер (первый кандидат в президенты США от партии «зеленых») утверждал, что «предсказание Маркса о прогрессирующем обнищании рабочего класса при капитализме не сбылось, потому что капиталисты все это время эксплуатировали природу, и сейчас, когда природные ресурсы уже совсем подойдут к концу, тут-то обнищание и начнется». См.: www.prompolit.ru/132718

² Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? // Правда. 2001. С. 10, 14. См. также: Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века // К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. С. 7. В рассуждениях о решающей роли Советского Союза в повышении гибкости и трансформации капитализма остается, однако, открытым вопрос, почему капитализм активно трансформировался в политическом и социальном отношениях уже при жизни Маркса и Энгельса, задолго до возникновения «реального социализма».

³ Gorz A. Farewell to the Working Class. L.: Pluto Press, 1982; Bookchin M. Anarchism, Marxism and the Future of the Left. Edinburgh and San Francisco: A. K. Press, 1999; Munck R. Marx@2000: Late Marx Perspectives. L.: Zed Books, 2000. Ch. 4.

водительных сил. Характер материальной базы общества трактуется очень широко. Фактически признается, что один и тот же тип капиталистических производственных отношений порождается производительными силами, радикально отличными от тех, которые были характерны для капитализма XIX в. Если на ранних стадиях марксова доктрина столкнулась с проблемой существования радикально различных способов производства на одинаковом технологическом фундаменте, то теперь ситуация противоположная. Благодаря ускорению технического прогресса происходит динамичное развитие производительных сил, за которыми по идее должна следовать кардинальная трансформация общественных отношений. Признавая этот очевидный факт, марксист попадает в логическую ловушку, из которой нельзя выбраться, не отказавшись от одного из двух постулатов классиков. Нужно выбирать: или философия истории, или теория классовой борьбы и революции.

Если придерживаться марксовой теории исторического прогресса, то надо признать, что капитализм трансформировался, причем произошло это без обострения классовой борьбы и революции. Более того, даже крушение «реального социализма» следует объяснять в этой же логике: советская система была порождением индустриального строя, и ее крах был связан с неспособностью экономических и политических институтов (производственных отношений) этой системы адаптироваться к вызовам времени. Общественные структуры развитых рыночных демократий оказались более гибкими.

Если же стоять на позиции классовой борьбы и революции, то придется отказаться от историко-экономического метода анализа, считая, что «никакого качественного перелома в развитии мирового империализма за последние сто лет не произошло»¹. Разумеется, сторонники марксизма как «светской религии» не могут позволить себе отказаться от важнейшего компонента учения. Тем самым левые марксисты закрывают возможности исследования и прогноза перспектив развития современных рыночных экономик, вынуждены делать упор на нарастание противоречий капитализма и приближение подлинного социализма.

Разрыв между марксизмом как историко-философской доктриной и теорией классовой борьбы явно прослеживается в наблю-

¹ Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? // Правда. 2001. С. 14.

даемом в последнее время разделении двух основных направлений марксизма — (анти)научного и критического. Первое создает закрытую систему, основанную на метафизике и диалектическом материализме, второе — более открытую плюралистическую систему, характеризующую демократическим эгалитаризмом¹. Первое начинает восприниматься все более скептически — как неспособное нарисовать адекватную картину будущего, альтернативного капитализму. Отсюда вывод: следует отказаться от использования марксизма как теории будущего. Однако все, что касается критики капитализма, для второго направления не только сохраняет свою ценность, но и становится все более значимым². На самом же деле марксизм как историко-философская доктрина, позволяющая прогнозировать общественное развитие, оказывается ущербным только тогда, когда исследователь пребывает в узких рамках веры в «социалистический выбор» — этой альтернативы динамика производительных сил действительно не гарантирует. Однако если выйти за пределы левой ортодоксии, то выясняется, что прогностический потенциал теории Маркса остается весьма значительным.

Другая, более тонкая попытка адаптировать наследие Маркса к реалиям второй половины XX в. связана с выведением марксовской традиции анализа на международный уровень. Активные усилия в этом направлении предпринял И. Валлерстайн, позиция которого опирается на открытое признание тенденции к глобализации. Он доказывает, что в марксизме должна быть скорректирована одна из составляющих метода исследования социально-экономических процессов: речь идет о выборе уровня анализа. Еще в XVI в. мир стал интегрированной социально-экономической системой. Анализ мирового развития, основанный на исследовании феномена развития отдельных, вырванных из глобального контекста стран, непродуктивен. В мире есть богатое, сильное «ядро» и бедная, экономически слабая периферия. Та или иная страна способна изменить

¹ См.: Ryan M. *Marxism and Deconstruction: A Critical Articulation*. Baltimore, MA: John Hopkins University Press, 1982. P. XIII–XIV.

Эгалитаризм — концепция, исходящая из необходимости равенства всех членов общества в доступе к управлению и материальным благам. Противоположность элитаризму. — Прим. ред.

² См.: Makdisi S., Casarin C., Karl R. (eds.). *Marxism Beyond Marxism*. NY-L.: Routledge, 1996; Munck R. *Marx@2000: Late Marx Perspectives*. L.: Zed Books, 2000. Ch. 1.

свое положение в мировой системе, перебраться из периферии в «ядро». Но это мало что меняет в глобальном мире.

Тем самым противоречия между реальными траекториями национального развития и прогнозами Маркса не принципиальны. Пусть десятилетиями сотни миллионов людей жили при социально-экономической системе, которую ее лидеры нарекли социализмом, мировое хозяйство все равно оставалось капиталистическим. «Если мы говорим о стадиях — а мы должны говорить о стадиях, — то это должны быть стадии развития социальных систем, рассматриваемых как тотальность. В XIX и XX вв. была лишь одна мировая система — мировая капиталистическая экономика»¹. Как считает Валлерстайн, капитализм наделен большей внутренней энергией и устойчивостью, чем предполагал Маркс, но внутренние противоречия этой формации неизбежно приведут к взрыву, переходу к социалистической системе и созданию мирового правительства.

Схожие рассуждения типичны для многих современных левых марксистов, в том числе российских. Ключевая проблема для них — доказательство того, что основное направление развития капитализма остается таким же, как описал Маркс, что он лишь недооценил адаптивные способности капиталистического строя. Но весь адапционный потенциал этого строя не выходит за рамки национальных границ; капитализм в мировом масштабе недалеко ушел от системы, описанной классиками: «Те пороки реального капитализма, от которых оно стремилось убежать, вдруг вновь встретились ему на пути, причем в еще более тяжелых и уже глобальных формах. Буржуазное общество на рубеже второго и третьего тысячелетий оказалось гораздо ближе к образцу естественного, несколько эмоционально, хотя и предельно точно прозванного «диким», капитализма, который с неопровергнутой математической точностью описали Маркс и Энгельс, нежели к тем деформированным западным рабочим движением и воздействием несовершенного «реального социализма» вариантам, которые вызывали восторг ревизионистов»².

¹ Wallerstein I. *The Rise and Future Demises of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis* // *Comparative Studies in Society and History*, 1974. Vol. 16. № 4. P. 390.

² Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века // К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. С. 8–9.

Оценивая состояние современной мировой общественно-экономической системы, Валлерстайн отмечает: «Я не думаю, что она просуществует долго... Когда ее противоречия не позволят ей дальше функционировать, будет бифуркация, последствия которой невозможно предсказать... Историческая система, как и все исторические системы (соответствующие историческим стадиям Маркса) имеют не только начало (генезис), но... и конец. И только тогда будет ясно, какой станет следующая система, которая будет ее преемником»¹. Тем не менее главная проблема таких прогнозов в условиях сегодняшнего экономического роста состоит в том, что современники не могут проверить их точность.

Если принять на вооружение подобную систему аргументов, то нелогичной оказывается та борьба, которую современные левые силы ведут против процессов глобализации. Ведь из такой логики следует, что глобализация является важнейшим фактором революционизации общества, слома капиталистической системы. Специфика современного этапа развития левых движений — расхождение марксовской теории и политической практики коммунистических партий, в которых все более усиливаются националистические настроения в ущерб традиционному марксистскому интернационализму.

Подмена анализа национальных экономик оценкой всемирной экономической динамики неадекватна базовым принципам марксовской методологии. Выстроенная Марксом схема мирового развития жестка, но убедительна («более развитые страны показывают менее развитым лишь картину их собственного будущего»)², в интерпретации же Валлерстайна и других левых исследователей она становится мягкой, пластичной. Отказ от анализа национальных траекторий влечет за собой отрицание возможности использовать опыт социально-экономического развития более развитых стран при оценке перспектив более бедных. В отличие от многих марксовских построений, которые проходят тест Поппера на фальсифициру-

¹ Wallerstein I. World System versus World-Systems // A. Frank, B. Gills (eds.). The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L. and NY: Routledge, 1993. P. 295–296.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9.

емость¹, картина мира, представленная Валлерстайном, позволяет легко объяснить, включить в себя любое развитие событий.

Анализируя современные тенденции общественного прогресса, левые марксисты не могут обойти вниманием вопрос о судьбах СССР и «мировой системы социализма». Здесь налицо три принципиальных подхода.

Один связан с отказом признать опыт СССР и его союзников социалистическим. Социализм должен был бы являть собой сочетание экономической и политической демократии, что с очевидностью отсутствовало в советской системе. Поэтому опыт СССР, по мнению левых, не доказывает неверность идей Маркса — в СССР им никогда не следовали. Наоборот, анализ советского опыта демонстрирует критический потенциал марксизма как инструмента интерпретации не только капиталистических, но и других классовых отношений, в том числе такого уникального явления, как Советский Союз². В этой же логике советскую систему нередко характеризуют как разновидность государственного капитализма, признаки которого в СССР стали проявляться с какого-то момента его истории (здесь оценки находятся в диапазоне 1960–1980-х гг.). Несоответствие провозглашенных целей и действительности привело к кризису системы³. Крах СССР оказывается одним из звеньев кризиса и будущего краха капитализма.

В некоторых вариантах этой теории «реальный социализм» называют особой формацией, где общественные отношения структурировались по оси власти, сравнивают с деспотиями Месопотамии, Древнего Египта и других стран Востока, которые сам Маркс характеризовал как «азиатский способ производства»⁴. Этот вывод, будучи последовательно проведенным, предполагает отказ от тези-

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

² См.: Sherman H. Reinventing Marxism. Baltimore-L.: The John Hopkins University Press, 1995. P. 210–211.

³ См.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием; политэкономия государственного капитализма // За и против. Издание Союза марксистов. М., 2000. № 1 (34); см. также: Sherman H. Reinventing Marxism. Baltimore-L.: The John Hopkins University Press, 1995. P. 6.

⁴ См.: Мионов В. Марксизм в разломе эпох // К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. С. 12. Сопоставление экономической системы советского коммунизма с восточными деспотиями, хотя и без термина «азиатский способ производства», можно встретить и в работах правых либералов. См., например: Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 12. Правда,

са о взаимосвязи общественных отношений и производительных сил, т. е. коренной пересмотр важнейшего компонента марксистской доктрины. Хотя, разумеется, это не более чем аналогия. Для марксиста с гораздо большим основанием советская система является разновидностью общества времен развитого индустриализма, и в этом смысле гораздо более естественны ее сравнения с Германией первой половины XX в.

Еще одно объяснение причин краха СССР связано с тезисом о том, что страна двигалась по социалистическому пути развития, однако натолкнулась на естественное препятствие — национальную (или региональную) ограниченность. Развивая идеи Троцкого о «перманентной революции», сторонники этой позиции утверждают, что социализм не может существовать в одной отдельно взятой стране, поскольку товарно-денежные отношения все равно должны здесь сохраняться — по крайней мере, для взаимоотношений с другими странами. Социализм может устойчиво существовать лишь в глобальном масштабе¹.

Наконец, кризис социализма объясняют его внутренним перерождением, возникновением неэффективной, неправильной модели. «В конце XX века произошло не крушение социализма как такового, а распад одной из его конкретно-исторических форм, оказавшейся излишне монополизированной и догматизированной и потому плохо приспособленной к решению задач в условиях стремительных мировых перемен»². Правда, здесь никак не обосновываются причины такого развития событий. К этому объяснению примыкают и рассуждения западных сторонников «демократического социализма», в соответствии с которыми «не вполне правильный» советский социализм начал было двигаться в направлении демократических реформ при М. Горбачеве. Но это движение было прервано государственным переворотом, организованным обуржуазившейся элитой³.

здесь анализ ведется не в терминах «общественных формаций», а опыт Востока приводится лишь для иллюстрации.

¹ См.: Якушев Д. О прошлом и будущем социализма. Причины появления «теории» государственного капитализма // Марксизм и современность. 2000. № 2–3 (16–17).

² Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? // Правда. 2001. С. 22.

³ См.: Kotz D., Weir F. Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. NY: Routledge, 1997.

Отталкиваясь от своей интерпретации общественных формаций, левые марксисты склонны отождествлять наступление постиндустриального общества с коммунизмом — разумеется, не немедленно, но в конечном счете. Это приводит к серьезной трансформации доктрины. Выделяются три типа формаций: экономические, основанные на собственности (рабовладение, феодализм, капитализм), азиатские — на власти, а также коммунистическая, базирующаяся на информации¹. Недостатком этого тезиса является отсутствие достаточных обоснований для радикального отделения постиндустриального общества от других стадий современного роста.

Сегодня, имея за плечами опыт XX в. и абстрагируясь от идеологического противостояния левых марксистов и правых либералов, можно попытаться оценить, подтвердила ли жизнь законы исторического развития, сформулированные Марксом. Он выделил характерные для современного ему экономического роста изменения в производстве и социальной структуре, указал на динамичный характер общественной эволюции; продемонстрировал, что социально-экономическая структура не остается неизменной, находится в постоянном развитии. Это подтвердил опыт XIX и XX вв. Маркс выявил роль производства, роста технологических возможностей как динамичного фактора, который оказывает огромное влияние на развитие общества. Он продемонстрировал, что между производственными отношениями и развитием производительных сил есть обратная связь, что возможны ситуации, когда сложившиеся производственные отношения становятся тормозом развития производства. Современные неинституционалисты называют такие ситуации «институциональными ловушками».

В то же время Маркс переоценил возможность прогнозировать развитие общества в условиях современного экономического роста, не понял, да и не мог понять, располагая доступной ему информацией, какими непредсказуемыми и резкими могут быть изменения, казалось бы, устойчивых, проверенных опытом тенденций, характерных для

¹ См.: Миронов В. Марксизм в разломе эпох // К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. С. 18.

стран-лидеров. «Гений Маркса, секрет притягательности его идей лежит в том, что он был первым, кто сконструировал социальные модели, ориентирующиеся на долгосрочное развитие. Но эти модели были слишком простыми и неизменными. Им придали силу закона и начали использовать как готовые автоматические объяснения процессов, протекающих в любом месте и в любом обществе... Именно это ограничило эффективность использования наиболее сильных средств анализа социальных процессов в течение последнего века»¹. Основоположник марксизма был убежден, что закономерности, которые он наблюдал с середины XIX в. в Англии, «носят всеобщий характер и в дальнейшем не только сохранятся, но и будут усиливаться»².

В этом заключается одна из важнейших проблем, ограничивающих использование марксова аналитического инструментария. Сложность кроется здесь в самой природе феномена экономического роста. Это незавершенный, продолжающийся процесс динамичных и глубоких преобразований, не имеющий прецедентов в мировой истории. Для него характерны масштабные изменения того, что кажется прочно устоявшимся. Поэтому ни один из законов, описывающих характерные для роста тенденции, нельзя признать вечным и абсолютным.

Многие десятилетия экономический рост отождествляли с индустриализацией. Он сопровождался быстрым ростом доли промышленности в ВВП и структуре занятости. Во второй половине XX в. выяснилось, что индустриализация — лишь одна из стадий современного экономического роста, ей на смену приходит другая: за счет промышленности растет доля сферы услуг. В те времена, когда Маркс работал над своими трудами, еще не проявился коварный характер экономического роста, его способность преподносить сюрпризы тем, кто счел себя знатоком его логики. Маркс, используя доступный ему теоретический и фактический материал, пытался постичь законы развития капиталистического способа произ-

¹ Braudel F. *History and the Social Sciences*//P. Burke (ed.) *Economy and Society in Early Modern Europe*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1972. P. 38, 39.

² «Если бы Энгельс и Маркс подождали десять лет — до того времени, когда признаки экономического прогресса и существенного роста реальной заработной платы станут очевидны, трудно предположить, что «Положение рабочего класса в Англии» и «Коммунистический манифест» были бы написаны». См.: Hayek F. *Capitalism and the Historians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 91.

водства, выявить его противоречия, механизмы крушения. Теперь мы знаем об этом росте больше. Именно поэтому современный исследователь должен разграничивать методологические принципы анализа общественного прогресса и законы (тенденции) развития данного общества. Если методологические принципы марксизма являются и сегодня мощным инструментом анализа, то наши знания о закономерностях социально-экономического развития в условиях современного экономического роста ограничены. Это обусловлено плохо предсказуемыми тенденциями развития производительных сил.

Располагая сегодняшним опытом, мы вынуждены осторожнее подходить к анализу долгосрочных закономерностей, и взаимосвязей социально-экономического развития. Историческая практика показала, насколько динамичен и нестационарен современный экономический рост, как опасно прогнозировать грядущие экономические и политические события и процессы в странах-лидерах. Не случайно даже в самых интересных работах, посвященных долгосрочным тенденциям социально-экономического развития, последние разделы, содержащие анализ настоящего и прогнозы на будущее, выглядят слабее других¹. Лишь значительная историческая дистанция позволяет адекватно оценивать происходившее².

Из этого вытекает отношение к конкретным закономерностям, выявленным Марксом. Так, марксова теория прибавочной стоимости, которая сегодня кажется столь архаичной и оторванной от жизни, — неплохо описывала известные его современникам реалии аграрных

¹ См.: Kuznets S. *Economic Growth and Structure: Selected Essays*. NY: W.W. Norton&Company, 1965; Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press, 1966; Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. Oxford-NY: Oxford University Press, 1991; Maddison A. *Phases of Capitalist Development*. Oxford-NY: Oxford University Press, 1982; Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001.

² «Таким образом, нет единого пути, нет закона развития. Каждая страна, которая сталкивается с задачами индустриализации, страна догоняющего развития, вне зависимости от того, в какой степени она находится под влиянием британского опыта, в какой-то степени вдохновлена им, в какой-то степени напугана, вырабатывает свой собственный путь к современному обществу. Если это правильно для стран ранней индустриализации, то это в еще большей степени правильно сегодня. Все зависит от времени... Развивающиеся страны неизбежно будут пытаться миновать отдельные стадии развития». См.: Landes D. *The Wealth and the Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. NY-L.: W.W. Norton&Company, 1999. P. 236.

и раннеиндустриальных обществ. По словам Й. Шумпетера, теория прибавочной стоимости Маркса ошибочна, но гениальна¹.

Классовый конфликт — реальность Англии во время создания «Манифеста Коммунистической партии» — положен в основу концепции классовой борьбы как важнейшего процесса мировой истории. Маркс прогнозировал обострение этой борьбы. Социальная дезорганизация, присущая ранним этапам индустриализации, превращается у него в закон абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. Подмеченную тенденцию концентрации зарождающегося капитала он объявляет общим законом развития капитализма.

Вопреки представлениям Маркса и его последователей на одном и том же уровне развития производительных сил исторически долгое время могут сосуществовать радикально отличающиеся друг от друга системы экономических и социальных институтов. В странах с разными институциональными и культурными традициями на близких уровнях развития наблюдаются схожие структурные перемены, встают одни и те же проблемы. Поэтому на вопрос, который сформулирован в начале данной статьи, можно ответить так: опыт XX в. не дает оснований отказываться от апробированного метода анализа долгосрочных проблем. Те, кто исследовал и анализировал подобные проблемы в начале XX столетия, считали этот метод естественным и добротным. Учтем их мнение. Изучая отечественные реалии, не станем абстрагироваться от опыта стран — лидеров современного экономического роста, проблем, возникавших в процессе их развития.

Важнейшей особенностью рубежа XX–XXI вв. с точки зрения перспектив развития прогностического потенциала марксизма является радикальная смена политических сил, готовых опираться на марксистские традиции. Левые фактически отказались от марксизма как методологии, базы своего учения. Это неудивительно, поскольку фундаментальный марксистский тезис о соответствии (пусть и *в конечном счете*) экономических и политических отношений уровню развития производительных сил не внушает оптимизма левым партиям — сторонникам активного перераспределения, централизации и государственного вмешательства в экономику.

На рубеже XIX–XX вв. господствовало представление, что признание правоты марксова тезиса о роли производительных сил в

формировании общественных институтов равнозначно историческому оправданию тоталитаризма. Технологический прогресс разворачивался в направлении крупных индустриальных форм, над которыми должны были возвышаться экономическая централизация и политический тоталитаризм. Ф. Хайек отмечал: «Практически все социалистические школы использовали философию истории как способ доказательства преходящего характера разных наборов экономических институтов и неизбежности смены экономических систем. Все они доказывали, что система, которая основана на частной собственности на средства производства, является извращением более ранней и более естественной системы общественной собственности»¹.

Либералы середины XX в. искали свои пути противодействия теории «исторической неизбежности». Они апеллировали к единственному, что оставалось в их распоряжении, — тезису о непредсказуемости технологического прогресса. Тем самым они отказывались признать то, что казалось тогда очевидным, — неизбежность смены рыночной демократии централизацией и тоталитаризмом. Важнейшим этапом либерального противостояния «железным законам» стала книга К. Поппера «Нищета историзма», главная идея которой — доказательство невозможности прогноза истории человечества на основе научных или иных рациональных методов². Главный аргумент либералов — ключевая роль в социально-экономическом развитии новых достижений науки и технологий. На человеческую историю всегда оказывал влияние общий, постоянно растущий багаж знаний, а отнюдь не методы, позволяющие предсказать количественные и качественные характеристики потока инноваций даже в недалеком будущем. Поэтому дать научный прогноз дальнейшего развития человеческой истории тоже невозможно³.

¹ Hayek F. (ed.). *Capitalism and the Historians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 22.

² См.: Popper K. *The Poverty of Historicism*. L.: Routledge&Kegan Paul, 1957. P. 135. См. также: Berlin I. *Historical Inevitability*. L.: Oxford University Press, 1954.

³ См.: Popper K. *The Logic of Scientific Discovery*. L.: Hutchinson, 1972. P. 136. Сам Поппер признавал, что предпринятая им критика представлений о существующих исторических законах — его вклад в борьбу против фашизма и тоталитаризма. См.: Popper K. *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. L.: Routledge, 1982. P. 135.

¹ См.: Schumpeter J. *Economic Doctrine and Method: A Historical Sketch*. L.: George&Unwin, 1954.

Либералы середины XX в. оказались правы. Современные производительные силы требуют либерализма и демократии¹. Наиболее успешные примеры развития в последней трети XX в. демонстрируют страны, которые смогли снизить бремя государства, лежащее на экономике². Это же можно сказать о странах, успешно решающих задачи догоняющего развития в постиндустриальном мире. Практические выводы из марксистской философии истории оказались далекими от прогноза победы коммунизма.

В такой ситуации правые либералы рубежа XX–XXI вв. склонны воспринимать марксистскую философию истории как один из центральных компонентов своей мировоззренческой и методологической базы. Это имеет место в России, где по понятным причинам все воспитывались в рамках марксистской традиции. Но постепенно подобное восприятие утверждается и на Западе, где ряд видных мыслителей обращаются к марксизму. Наиболее ярким примером здесь стали работы Ф. Фукуямы. Рассматривая политические и идеологические тенденции конца XX в. и приходя к выводу о принципиальном торжестве либерализма, он основывается на марксистской традиции. Речь идет о наличии таких тенденций социального развития, когда с переходом на новый уровень производительных сил происходят схожие изменения в системе общественных институтов разных стран. Эти тенденции могут приводить к конвергенции политических форм, причем подчас в самых неожиданных сферах, задолго до формального политического сближения стран и вопреки любым политическим декларациям³.

В последние годы вновь появились сторонники тезиса о наличии некоего «конечного состояния» общественного прогресса, достижение которого создает оптимальные для человека и производи-

тельных сил условия для безграничного прогресса. В качестве такой универсальной и конечной системы рассматривается либеральная демократия. В значительной мере этот вывод опирается на анализ волны демократизации последней трети XX в., связанной с возникновением постиндустриальных производительных сил. Социализм, принятый Марксом и его последователями за конечное состояние исторического прогресса, на самом деле есть часть старой, индустриальной истории, и в этом смысле остается лишь этапом (хотя и не неизбежным) на пути к распространению свободы и демократии во всемирном масштабе¹.

Здесь следует сделать ряд оговорок относительно устойчивости либеральной тенденции, возможности рассматривать ее как «конец истории». Во-первых, даже признавая этот вывод справедливым, нельзя абсолютизировать тенденцию, прямолинейно выводя господство демократических институтов из современного уровня развития производительных сил. Нетрудно заметить, что сами эти технологии могут использоваться в интересах консервативных сил. Во-вторых, либеральная тенденция пробивает себе дорогу лишь в конечном счете, а потому нельзя исключить колебания и движения вспять. Существуют внешние угрозы либерализму в виде радикальных тоталитарных течений. Существуют и внутренние угрозы, связанные с противоречиями самого либерализма. «Но видеть в поражении либеральной демократии в любой конкретной стране или в целом регионе свидетельство общей слабости демократии — признак серьезной зашоренности взгляда»². В-третьих, теория «конечного состояния» («конец истории», «end state») опасна, поскольку создает искушение ее абсолютизировать. Нельзя говорить о поступательном и гарантированном торжестве либерализма отныне и навеки. Прогресс производительных сил не стал более прогнозируемым, чем пятьдесят, сто или двести лет назад. Скорее, наоборот — их динамика становится сейчас еще менее предсказуемой.

На ренессанс либерализма и активное использование методологии Маркса правыми либералами указывают и исследователи левого толка, ранее полагавшие, что обладают монопольным правом на марксизм. Одни видят в обращении либералов к марксизму

¹ См.: *Rosser J., Rosser M. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism // Review of Political Economy, 1997. Vol. 9. № 2.*

² См.: *Barro R., Lee J.— W. Losers and Winners in Economic Growth // NBER Working Paper No 4341, April 1993; Alesina A. The Political Economy of High and Low Growth. Washington, DC, IBRD, 1997; Пути экономического роста. Международный опыт. М.: Деловой экспресс, 2001; Илларионов А., Пивоварова Н. Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 1996, № 9.*

³ Вот любопытный пример: «Хотя тоталитаризм сумел разрушить видимые институты дореволюционных России и Китая..., элита обеих стран, возникшая в эпоху Брежнева и Мао, оказалась куда больше похожа на элиту западных стран со сравнимым уровнем экономического развития, чем кто-либо мог предположить». См.: *Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 78–79.*

¹ См.: *Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 118.*

² Там же. С. 95.

силу учения и не выходят в этом за рамки идеологического штампа¹, другие — более глубокую основу данного процесса, обуславливая ренессанс либерализма характером постиндустриальных производительных сил².

Дальнейшее освоение марксовской методологии поможет лучшему пониманию истоков доминирования либеральных тенденций в экономике современных развитых стран, равно как и в посткоммунистической России. Она позволяет исследовать современные общественные феномены, в том числе объяснить, почему на рубеже XX–XXI вв. восторжествовал либерализм. Это надо открыто признать, равно как и признать естественность и даже необходимость углубления исследовательской традиции, которая может быть охарактеризована как *либеральный марксизм*.

Социально-экономический прогресс и трансформация системы комплектования вооруженных сил

В России широко обсуждаются проблемы реформы комплектования вооруженных сил, перехода к контрактной армии, сокращения срока службы по призыву. В 2002–2003 гг. они неоднократно были предметом рассмотрения на заседаниях Правительства России. Разработана и утверждена целевая программа, направленная на комплектование контрактниками частей постоянной боевой готовности, сокращение срока службы по призыву до одного года.

При анализе имеющихся альтернатив, возможных вариантов решений важно учитывать, что те проблемы, с которыми Россия сталкивается в области комплектования вооруженных сил рядовым и сержантским составом, не случайность, не просто следствие недостаточности финансовых ресурсов или патриотических чувств у молодежи. Это результат глубоких изменений социальных и демо-

Опубликовано в: *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 8.

¹ Уин Ф. Карл Маркс. М.: АСТ: 2003. С. 10.

² Дегтярев А. Предисловие к последнему русскому изданию XX века // К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. С. 7–8.

графических характеристик общества, произошедших в последние десятилетия. От этих проблем нельзя отмахнуться, надеясь на то, что в изменившихся условиях методы комплектования вооруженных сил, которые были эффективными, больше того — практически неизбежными в XIX — первой половине XX в., можно сохранить в XXI в. Такое заблуждение опасно и для армии, и для общества. Именно потому, что речь идет о долгосрочных и глубинных тенденциях развития, связывающих систему комплектования вооруженных сил и социально-экономические изменения, анализ проблемы целесообразно вести с точки зрения длительной исторической ретроспективы.

Чтобы лучше понять эти процессы, попытаемся коротко проанализировать этапы трансформаций военной организации на протяжении веков, предшествующих современному экономическому росту.

Со времен сражения при Адрианаполе (378 г. н.э.) закат римских легионов — ранее наиболее эффективной формы организации вооруженных сил, по меньшей мере в Средиземноморье, основанной на использовании организованной, обученной совместным действиям пехоты как основной ударной силы армии, — становится очевидным. Период V–IX вв. н. э. — время доминирования кавалерии в Евразии. Эти перемены были вызваны изобретением стрелы, которое позволяло всадникам уверенно и метко стрелять из лука, использовать тяжелое копьё и меч.

Если не вдаваться в детали, организация конницы в Евразии идет по двум направлениям, соответствующим разным географическим и социальным ситуациям. С одной стороны, это степная конница, главное преимущество которой — мобильность. С другой — конница, возникшая как ответ оседлых аграрных цивилизаций: сначала в Иране, затем — на других оседлых территориях Евразии, тяжеловооруженная, использующая крупных лошадей, несущих на себе закованных в доспехи рыцарей. До XIV в. н. э. эти формы военной организации, совместимые с различными институтами аграрных обществ (от централизованной аграрной империи в Иране до феодальной системы в Западной Европе), доминируют.

Как не раз было в истории аграрных обществ, именно в военной сфере эффективные инновации оказываются востребованными, быстро получают распространение. Использование, начиная с XIV в., тяжелого лука, арбалета, затем огнестрельного оружия изменяют ситуацию в военном строительстве. Тяжесть брони, необ-

ходимой для эффективной защиты от этих видов вооружений, оказывается несовместимой с ограниченной физической силой даже крупной, хорошо обученной лошади¹. Победы англичан в сражениях Столетней войны над французской рыцарской конницей, успехи ополчения швейцарских крестьян-горцев в борьбе с рыцарскими отрядами² обозначили начало заката господства конницы в Евразии. На протяжении двух веков (между XIV и XVI вв.) доля кавалерии в численности европейских армий снижается с 50 до 15%³. Она становится одним из вспомогательных видов войск. Возрастает роль родов войск, требующих специальной подготовки, таких как артиллерия, саперное дело.

Социальная структура, традиции военной организации консервативны. Потребовалась Столетняя война, несколько тяжелейших поражений, чтобы правящая французская знать осознала неизбежность радикальных перемен в организации военного дела, бесперспективность попыток в изменившихся условиях опираться на феодальную конницу. Лишь к середине XV в. необходимость таких изменений становится очевидной.

В XIV — XV вв. политические элиты стран континентальной Европы сталкиваются с тяжелой проблемой. Феодальная конница как способ организации ведения военных действий устарела. Но вся структура социальных установлений, сформировавшихся на протяжении столетий, в соответствии с которой рыцарь обязан сюзерену сорока днями службы в году, разделение на пеших и конных воинов, проводящее грань между простонародьем и знатью, делает невозможным переход от рыцарского ополчения к рыцарским же, комплектуемым за счет мобилизации привилегированного сословия, организованным, включающим специализированные рода войск пехотным армиям.

В большинстве стран западной континентальной Европы на протяжении веков укоренилась традиция, запрещающая крестьянам —

¹ См.: *Mitchell W. A. Outlines of the World's Military History*. Harrisburg: Military Service Publishing Company, 1931. P. 243–245.

² Швейцарские крестьяне нанесли тяжелое поражение рыцарским отрядам в 1315 г. под Моргартном, в 1339 — под Лампеном и в 1386 — под Зампахом.

³ См.: *Farrar L. L. (ed.) War: A Historical, Political, and Social Study*. Santa Barbara — California — Oxford: ABC — Clio, 1978. P. 107–109.

подавляющему большинству населения — хранить или носить оружие. Линия на четкое отделение специализирующегося на насилии привилегированного меньшинства и мирного, не привыкшего применять оружие крестьянства — одна из важнейших черт эпохи¹. Доминирующий на протяжении XV–XVII вв. способ разрешения этого противоречия — распространение наемных армий, часто формируемых за счет привлечения профессиональных солдат-иностранцев или их отрядов. Швейцарские крестьяне-горцы, в XIV–XV вв. неоднократно показывавшие эффективность своей военной организации, становятся в это время одними из самых востребованных наемников в Европе². Наемников поставляет не только Швейцария, на этом рынке присутствует и Северная Германия, в частности города-государства Ганзейского союза, а также страны, где сохранилась традиция совмещения ролей крестьянина и воина (Испания, Португалия).

Наемные армии в этот период демонстрируют очевидные преимущества по сравнению с феодальным ополчением. Они лучше организованы, способны использовать эффективные по меркам своего времени военные технологии. Но у них есть и слабости. Отряды наемников разнородны, недисциплинированы, проводят произвольные реквизиции, применяют насилие по отношению к местному населению, в том числе и тех государств, которым служат. Эти армии дорого стоят. При перебоях с финансированием, нередких в этот период, легко разбегаются или переходят на сторону неприятеля. Высшая точка эпохи распространения наемных армий в Западной Европе — Тридцатилетняя война с характерными для нее беспрецедентными масштабами жертв среди мирного населения, мародерством, разорением крестьян.

Испанская армия XVI–XVII вв. была наемной, но, в отличие от армий многих других европейских государств, национальной. Ее основу составляла кастильская пехота. Национальный характер армии позволял сделать ее необычно, по стандартам времени, дисциплинированной и выученной. В XVI в. она, безусловно, одна из лучших в Европе³.

¹ О своеобразных установлениях в Англии см. ниже.

² Швейцарская гвардия папы римского — реликт этого времени.

³ См.: *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. NY: Random House, 1987. P. 44.

Первой постоянной армией, комплектовавшейся не из наемников, а из солдат-профессионалов, принимавшей участие в европейских войнах, был корпус янычаров в Османской империи.

В Европе ответ на вызовы, порожденные доминированием наемников в военном деле, находит король Швеции Густав Адольф. Почему это произошло в Швеции, понять нетрудно. В этой стране феодальная система, господствовавшая в континентальной Европе, была более мягкой. Традиция совмещения ролей крестьянина и воина, унаследованная от нормандского периода, не исчезает окончательно. Четвертое сословие (крестьянство), хотя и слабо, но представлено в парламенте. Именно это облегчило Густаву Адольфу возможность введения первой в Европе системы рекрутского набора, при которой местные сообщества обязаны были поставлять определенное количество призывников для службы в армии с заданного количества крестьян.

В Швеции все мужское население страны в возрасте от 15 лет было занесено в списки военнообязанных. Набор производился местными властями на основе королевских распоряжений. Льготы имели шахтеры, оружейники, крестьянские семьи, в которых один сын уже служит в армии¹.

Военная служба была долгосрочной, по существу пожизненной. В армии сохранялась жесткая дистанция между привилегированным сословием, занимавшим офицерские и генеральские должности, и простонародьем, выходцы из которого служили рядовыми и сержантами. Численность шведской армии, составлявшая в 1590-х гг. 15 тыс. чел., с введением системы рекрутского набора к 1650-м гг. увеличивается до 70 тыс. Постоянный характер службы позволял обеспечить высокий уровень боевой подготовки, дисциплину, поддерживаемую жесткими наказаниями. Постоянная рекрутская армия никогда не была единственным элементом шведских вооруженных сил. Она дополнялась набором иностранных наемников. Однако наличие организованного ядра, формируемого на основе рекрутчины, обеспечило Швеции победу в Тридцатилетней войне, успехи в первые годы Северной войны².

С конца XVII в. необходимость использовать шведский опыт комплектования вооруженных сил, систему рекрутского набора и больших, постоянных армий становится очевидным в континентальной Европе. Именно эта модель была взята за основу Петром I в его реформах российской армии. Постоянные армии, основанные на рекрутском наборе, доминируют в Европе до конца XVIII в.

В это время проявляются как сильные стороны, так и ограничения в организации вооруженных сил и военного дела, порожденные опорой на рекрутский набор, дополняемый привлечением иностранных наемников. Армия этого времени — сословная. Между условиями жизни, прохождения службы офицера-дворянина и рядового, мобилизованного по рекрутскому набору крестьянина — пропасть.

Для крестьянина, которому выпало несчастье стать рекрутом, это жизненная катастрофа, возврат к реалиям отношений периода крепостничества, давно отмершего или смягчившегося в Западной Европе. Отсюда массовые случаи дезертирства — важнейшая проблема армий, сформированных на основе рекрутского набора. Это определяет и ограничение выбора способов ведения боевых действий. Чтобы избежать дезертирства, приходится применять малоподвижные, но позволяющие постоянно держать рядовых под контролем офицеров воинские порядки, такие, как *каре*¹. Самостоятельность, инициатива солдат, децентрализованная организация боя исключены. Известный принцип, сформулированный Фридрихом II Прусским: «солдат должен бояться своего офицера больше, чем боится врага» — отражает проблемы сословных рекрутских армий².

Исследователи военного дела отмечают, что одним из факторов, сделавших российского солдата одним из лучших в Европе XVIII в., была органичность системы рекрутского набора социальным институтам царской России этого периода, жесткому крепостническому режиму. Поставка рекрутов была обязанностью крестьян, мещан, солдатских детей и других лиц податных сословий. С 1793 г. срок службы был установлен в 25 лет (вместо существовавшего ранее пожизненного), призывной возраст — в интервале от 20 до 35 лет³. Для

¹ См.: Прокопьев В. П. Армия и государство в истории Германии X–XX вв. Историко-правовой очерк. Л., 1982. С. 49.

² См.: Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560–1718. Cambridge — L. — NY — Melbourne: Cambridge University Press, 1979; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. NY: Random House, 1987. P. 64–65.

¹ *Карэ* — особое построение пехоты в форме четырехугольника, чтобы можно было обороняться со всех сторон против неприятеля, особенно против кавалерии. — *Прим. ред.*

² См.: Fuller J. F. C. The Conduct of War 1789–1961. L.: Eyre & Spottiswoode, 1961. P. 311–312.

³ См.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 18.

русского крепостного крестьянина рекрутчина означала личную беду, но не воспринималась как радикальное изменение социального статуса, а лишь как изменение формы несения повинностей перед государством и привилегированным сословием. В этом причина ограниченного распространения дезертирства в российской армии, возможность более гибкого управления вооруженными силами. По мнению некоторых исследователей, русские солдаты в конце XVIII в. выучкой и отношением к военной службе превосходили солдат армии Фридриха II, одной из лучших армий Западной Европы¹.

Специфичность прусской военной организации, обусловленная ограниченностью ресурсов государства и военными амбициями прусской элиты, стала ответом на вызов времени, связанный с доминированием дорогостоящих постоянных армий. Со времен Фридриха Вильгельма I Пруссия сочетает небольшую постоянную армию, в значительной степени формирующуюся из иностранных наемников, но организуемую, обучаемую и дисциплинируемую по принципам, характерным для рекрутских армий, с массовой подготовкой военнообученного резерва, который может быть мобилизован в случае войны или ее угрозы. Резервные полки закрепляются за территориальными округами. Центры пехотных полков — города, кавалерийских — сельская местность. Резервисты обязаны проходить военную подготовку (примерно 5 недель) ежегодно. Остальное время они свободны для мирных занятий. Система военной подготовки организована так, чтобы в минимальной степени мешать сельскохозяйственному производству. Такой способ организации вооруженных сил позволил Пруссии во время Семилетней войны выставить армию, примерно равную армии Франции (170 тыс. чел.), при территории, населении и финансовых ресурсах в несколько раз меньших². В конце XVIII в. прусская система комплектования вооруженных сил не получила широкого распространения. Однако в XIX в. она стала одним из элементов, заложивших основу немецкой военной реформы 1813–1814 гг., базой доминирующей в мире XIX — первой половины XX в. системы обеспечения массовых армий людскими ресурсами.

Здесь не место говорить о роли Великой французской революции в крахе старого режима в Западной Европе, создании предпосылок распространения современного экономического роста. Однако то, что она стала переломным этапом в способе комплектования вооруженных сил и военного дела, очевидно и общепризнано.

Ломка традиционной социальной структуры, отделяющей привилегированную знать от массы населения, открыла дорогу переходу к эпохе массовых армий, формируемых на основе призыва, уже не разделенных на привилегированных офицеров и бесправных солдат, а внутренне интегрированных, объединенных патристическими, гражданскими чувствами. Большинство маршалов и генералов наполеоновской эпохи не были выходцами из дворянских семей, вышли из простонародья, начинали службу в армии рядовыми или унтер-офицерами. Слова «плох тот солдат, который не носит в ранце маршальский жезл» были гиперболой, но отражали характерные черты французской армии эпохи революций и империи.

Это радикально отличало ее от рекрутских армий феодальной Европы. Изменение отношения к военной службе, призыву, отсутствие проблемы дезертирства как массового явления и необходимости жесткого контроля офицера за каждым шагом рядового, палочной дисциплины, позволили внести серьезные изменения в организацию военного дела. Можно было перейти от малоподвижных и уязвимых для артиллерийского огня каре к мобильным и маневренным колоннам, широкому использованию действий в рассыпном строю. Это делало французскую армию более гибкой, мобильной по отношению к противостоящим ей феодальным армиям¹. Возможность массового призыва прокладывала дорогу созданию вооруженных сил, численность которых по отношению к численности населения Франции была выше, чем в других странах Европы, полагавшихся на постоянные армии, комплектуемые рекрутами². Сочетание численности, мобильности и социальной сплоченности — важнейшие предпосылки успехов армии Наполеона.

¹ См.: Mitchell W. A. *Outlines of the World's Military History*. Harrisburg: Military Service Publishing Company, 1931. P. 311–312.

² См.: Duffy C. *The Army of Frederick the Great*. L.: Newton Abbot, 1974. P. 15–17.

¹ См.: Бирюкович В. *Армия французской революции (1789–1794)*. М., 1943.

² Численность французской армии возрастает со 180 тыс. чел. в 1789 г. до 600 тыс. в 1812–1814 гг. См.: Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. P. 99.

Всеобщая воинская обязанность была введена во Франции в 1793 г. как экстренная мера, чтобы противостоять войскам австрийско-прусской коалиции. Но потребность в ресурсах для борьбы с феодальными государствами Западной Европы оказывается долгосрочной. Призыв институционализируется, становится привычным. К 1798 г. он трансформируется из чрезвычайной меры в постоянную практику. Наполеон не вводил призывную систему, он получил ее в наследство от республиканского периода, но в полной мере сумел воспользоваться ее преимуществами.

Неаполитанский публицист В. Куоко в статье, опубликованной в 1802 г., писал, что из всех идей, которые родились, были опробованы, иногда оставлены или изменены на протяжении предшествующего десятилетия, наибольшее влияние на будущее Европы окажет идея всеобщей воинской обязанности¹.

Введенная во Франции система призыва не была всеобщей. С самого начала в нее была включена система самовыкупа, при которой подлежащий призыву молодой человек или его семья могли за деньги нанять того, кто заменит его на военной службе, или выплатить денежный взнос государству². Был набор льгот по призыву для отдельных категорий населения по семейным обстоятельствам (женатые, единственные сыновья, на содержании у которых находится их мать, и т. д.). Существовали категориальные льготы, в том числе для профессий, необходимых для военного дела. Ни финансовые возможности, ни военная необходимость на протяжении правления Наполеона не требовали мобилизации всего призывного контингента.

С распространением французских завоеваний в Европе система призыва по французскому образцу формируется в подконтрольных Франции провинциях и вассальных государствах. Наполеон ввел такую систему в Итальянской республике в 1802 г., в 1806 г. — в Неаполе, 1807 г. — в Вестфалии, 1810 г. — в Голландии. Система призыва в эти годы работает с перебоями, порождает проблемы. Широкое распространение получают различные формы уклонения от военной

службы, злоупотребления льготами. Особенно массовыми эти явления становятся в странах, завоеванных Францией, там, где нельзя было полагаться на патриотические чувства. В Италии входят в моду фиктивные браки. Бурно растет число семинарий (учащиеся семинарий не подлежали призыву). Нередки были случаи отрубания пальцев на правой руке (необходимых для стрельбы), взыскания в органах, ответственных за призыв, дезертирства¹. Во Франции — центре империи — также не обходилось без проблем уклонения от призыва, сходных с итальянскими, но масштабы их распространения были меньшими². Однако даже в условиях, когда национальная традиция противоречила установлениям, связанным со всеобщей воинской обязанностью, а о патриотических чувствах говорить было трудно, за 3–4 года, после отработки организационной системы, обеспечивавшей призыв, удавалось сделать ее эффективным способом мобилизации контингентов для армии. В 1807 г. итальянская армия, практически не существовавшая к моменту наполеоновского завоевания, уже насчитывала 70 тыс. чел.

Предпосылка эффективности системы всеобщей воинской обязанности в сочетании с правом самовыкупа — ее соответствие социальным условиям периода создания предпосылок современного экономического роста и его ранней фазы. Большая часть населения живет в деревне, занята сельским хозяйством. Семья многодетная, смертность высокая. Для выходцев из крестьянской семьи призыв — это возможность интеграции в меняющийся мир, дополнительного образования, социальной адаптации. В условиях войны, к тому же победоносной, это и возможность получить военную добычу, доступ к военной карьере. Для многодетной крестьянской семьи гибель сына — беда, но беда обыденная. К тому же общество только выходит из рамок традиционного аграрного общества с характерными для него натуральными повинностями крестьянского населения. Для немногочисленной привилегированной верхуш-

¹ См.: *Grab A. Army, State, and Society: Conscription and Desertion in Napoleonic Italy (1802–1814)* // *The Journal of Modern History*. Vol. 67. №1. March 1995.

² См.: *Bohigas N. S. De. Some Opinions on Exemption from Military Service in Nineteenth-Century Europe* // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. X. №3. 1968. P. 262–263.

¹ Льгота для женатых стимулировала широкое распространение женитьбы призывников на женщинах 60–70-летнего возраста, которых они никогда не видели. *Grab A. Army, State, and Society: Conscription and Desertion in Napoleonic Italy (1802–1814)* // *The Journal of Modern History*. Vol. 67. №1. March 1995. P. 27.

² См.: *Woloch I. Napoleonic Conscription: State Power and Civil Society* // *Past and Present*. 1986. №111; *Forrest A. Conscripits and Deserters: The Army and French Society during the Revolution and Empire*. NY and Oxford, 1989.

ки система сохраняет возможности освободить сыновей от военной службы (право самовыкупа).

Французская система всеобщей воинской обязанности для определенных возрастных групп мужского населения с правом самовыкупа и набором льгот по семейному положению и категориальных льгот после наполеоновских войн становится нормой в континентальной Западной Европе. Успехи Наполеона, несмотря на его конечное поражение от войск общеевропейской коалиции, сделали сохранение рекрутских или наемных армий непозволительной роскошью для континентальных государств. Как правило, формирующаяся после наполеоновских войн система комплектования предполагала сочетание короткой службы для тех, кто проходил ее по призыву (2–3 года), и долгосрочной для тех, кто был либо поставлен вместо военнообязанного сына обеспеченной семьи, способной заплатить выкуп, либо нанят государством за счет доходов от выкупа (6–8 лет). Если учесть существовавшие семейные и категориальные льготы, система всеобщей воинской обязанности на деле не была таковой.

Исключением стала Пруссия. После поражения прусской армии при Йене и Ауэрштедте по условиям мирного договора Наполеон ограничил ее численность 42 тыс. чел. Это, вместе со сформированной со времен Фридриха Вильгельма I традицией массовой военной подготовки, подтолкнуло прусские власти к распространению краткосрочной мобилизации значительной части подходящих по возрасту контингентов мужского населения, позволило в случае необходимости быстро включить военнообученный контингент в состав действующей армии. После русской кампании 1812 г. именно эта система дала возможность за несколько месяцев нарастить численность прусской армии до величины, вдвое превосходящей установленную по договору с Наполеоном.

Наследие эпохи Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, опыт 1807–1813 гг. подталкивают прусскую элиту к введению в 1813–1814 гг. всеобщей воинской обязанности, формы призыва, в рамках которой самовыкуп невозможен¹. При этом срок службы ограничен двумя-тремя годами². Важнейшая задача прохождения службы —

военная подготовка. И в Пруссии выбирался не весь военнообязанный контингент. Существовали категориальные льготы, а также льготы, связанные с семейным положением. Финансовые ресурсы Пруссии не позволяли иметь армию с численностью, которая предполагала бы мобилизацию всех мужчин призывного возраста. Но распространение воинской обязанности в Пруссии, по европейским меркам, было необычно широким. Это, в сочетании с коротким сроком службы и сохранением обязанности пребывания в резерве, прохождения воинской подготовки и воинских сборов после завершения регулярной двух или трехлетней службы, позволяло Пруссии, затем Германии, на которую после объединения была распространена прусская система комплектования вооруженных сил, иметь аномально высокое соотношение мобилизуемой, подготовленной армии военного времени по отношению к постоянной армии.

Когда франко-прусская война стала реальностью, выяснилось, что мобилизационный потенциал Германии позволяет сформировать армию военного времени, которая примерно в три раза больше той, которую способна выставить Франция. Исход франко-прусской войны 1870–1871 гг. был предопределен до ее начала¹. Одним из факторов успешного функционирования немецкой системы формирования вооруженных сил, предполагавшей относительно краткосрочную службу, был высокий (по стандартам времени) уровень начального образования в Германии. Это способствовало тому, что краткосрочная военная подготовка позволяла получать качественный рядовой и сержантский состав.

После войны 1870–1871 гг. необходимость использовать прусский опыт комплектования вооруженных сил для обеспечения обороноспособности становится очевидной для руководства подавляющего большинства стран континентальной Европы, особенно тех, которые территориально близки к Германии. Во Франции подобная система была введена в 1872 г.

¹ См.: *Coblentz S. A. Marching Men: The Story of War.* NY: The Unicorn Press, 1927. P. 347–372.

² Продолжительность срока службы (от двух до трех лет) на протяжении десятилетий была предметом острых политических дискуссий в Пруссии.

¹ Пруссия и ее германские союзники за две недели начала боевых действий в 1870 г. оказались способны мобилизовать 1 млн 180 тыс. солдат. Франция смогла выставить лишь 330 тыс. чел., если исключить войска в Алжире и гарнизоны, которые нельзя было использовать в боевых действиях. См.: *Mitchell W. A. Outlines of the World's Military History.* Harrisburg: Military Service Publishing Company, 1931. P. 530–531.

Органичная связь крепостного права и рекрутской армии в России проявилась во время, когда необходимость перехода от рекрутского набора к всеобщей воинской обязанности в Европе стала очевидной. Увеличить контингент призываемых за счет сокращения срока службы, чтобы создать кадры запаса, необходимые для развертывания армии в случае войны, было невозможно. Рекруты, зачисляемые в армию, освобождались от крепостного права. В условиях сохранения крепостничества увеличить количество призываемых, создать обученные кадры запаса было нереально. С середины 1860-х гг. здесь идет тяжелая внутривластная борьба вокруг военной реформы, еще сохраняется рекрутский набор, хотя и с сокращенными сроками службы. Результаты франко-прусской войны становятся одним из важнейших аргументов сторонников военной реформы. Именно его использует военный министр граф Д. Милютин в дискуссии с представителями старого генералитета по вопросу о радикальных изменениях системы комплектования вооруженных сил, отказе от рекрутского набора, введении всеобщей воинской обязанности. Он доказывает, что Россия, содержащая большую и дорогостоящую постоянную армию мирного времени, пополняемую на основе рекрутского набора, в условиях войны столкнется с превосходящими по численности армиями военного времени Германии и Австро-Венгрии и не будет иметь возможности нарастить вооруженные силы из-за недостатка обученного резерва¹. Этот аргумент стал решающим доводом в пользу начала глубокой военной реформы, введения всеобщей воинской обязанности в России в 1870-х гг.

Эволюция систем комплектования вооруженных сил в Англии, в английских колониях, образовавшихся на их основе независимых государствах, отличалась от характерной для континентальной Европы. В Англии с IX в. укореняется традиция воинской обязанно-

сти свободных мужчин, распространяющаяся как на знать, так и на простонародье. Это не всеобщая воинская обязанность в смысле, используемом в Европе в XIX в. Речь идет о возможности мобилизации милицейского ополчения для отражения норманнских набегов. Практика призыва ополчения сохраняется и после норманнского завоевания. В Англии не укореняется норма, запрещающая тем, кто не принадлежит к привилегированному сословию, носить оружие. Эта традиция позволяет Англии во время Столетней войны дополнять рыцарскую конницу ополчением, укомплектованным из простонародья. Островное положение дает Англии возможность на протяжении столетий в военном строительстве обходиться сочетанием сильного флота, феодальной конницы, народной милиции и малочисленной наемной армии.

Первая крупная, хорошо организованная постоянная армия, финансируемая из государственного бюджета, возникает в Англии в XVII в. в ходе гражданской войны. Скоро выясняется, что эта армия не только инструмент, обеспечивающий парламенту победу в войне, но и самостоятельная политическая сила. Ее невозможно ни адекватно финансировать за счет налогов, ни распустить, когда она перестает быть нужной в ее прежних масштабах. Бюджетные неплатежи армии — ключевая проблема политики и финансов Англии периода революции¹. Армию этого периода нередко называют армией Кромвеля. Но и для него риски, связанные с попытками распустить армию, очевидны. Он понимает безвыходность финансовой ситуации, но не может решиться на такой шаг. Лишь с реставрацией Стюартов, во время постреволюционной стабилизации, роспуск постоянной армии открывает дорогу улучшению финансового положения, ликвидации бюджетных неплатежей². Этот урок на столетие привил английской элите недоверие к постоянным армиям.

Английские традиции организации вооруженных сил были перенесены и в английские колонии, в том числе североамериканские. В колониальный период формируется система всеобщей воинской обязанности, понимаемая как обязанность участвовать в отражении нападений индейцев. Речь идет не о регулярной армии, а о территориальных милицейских формированиях.

¹ Еще в 1856 г. Д. Милютин пишет обстоятельную записку «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и средствах устранения оной». Основной порок существующей военной организации он видит в необходимости содержать в мирное время крупную армию, которую нельзя развернуть во время войны из-за отсутствия обученных кадров. Причина этого — крепостное право, которое не позволяет ни сократить сроки службы, ни увеличить число бессрочно демобилизуемых. Д. Милютин подчеркивает, что большинство армий западноевропейских стран, напротив, имеет возможность значительно увеличить свои силы в случае войны. Так, прусская армия, численностью в 200 тыс. чел., в случае войны легко развертывается до 695 тыс., австрийская — с 280 тыс. до 625 тыс. См.: *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. С. 50–53.

¹ См.: *Стародубровская И., Мау В.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. М., 2001.

² См.: там же.

В ходе Войны за независимость, когда возникает необходимость в постоянной и организованной армии, Дж. Вашингтон, пытаясь мобилизовать силы местной милиции для постоянной службы в армии федерации, сталкивается с тяжелыми проблемами. После победы в Войне за независимость дискуссия о постоянной армии становится одной из ключевых тем при обсуждении конституции США. Широко распространенной была позиция, в соответствии с которой в конституции необходимо прямо и однозначно запретить создание и содержание постоянной армии в мирное время. Она может стать угрозой свободам граждан¹. Контраргументы авторов конституции состояли в том, что при важной роли милиции как сообщества вооруженных граждан ограниченная по численности, находящаяся под гражданским контролем постоянная армия необходима для отражения неожиданно возникающих угроз, позволяет выиграть время, необходимое для мобилизации милиции². Позиция федералистов возобладала. Конституция США не запрещает содержание постоянной армии в мирное время. Но под влиянием опасений оппонентов в конституцию со временем была внесена вторая поправка, гарантировавшая гражданину право хранить оружие и выступать с оружием в руках в защиту свободы и демократии.

Вплоть до 1861 г. армия, построенная по модели близкой к английской, основанная на милицейской системе при ограниченных постоянных вооруженных силах, оставалась базой системы военной организации США. Масштабные военные действия периода Гражданской войны были несовместимы с ее сохранением. И на севере, и на юге формируются массовые армии, созданные на базе милиции, добровольческие, но организованные, постоянные. Недостаток добровольцев, готовых нести не милицейскую службу вблизи дома, а участвовать в широкомасштабной войне вдали от него, побуждают сначала в южных штатах, обладающих более ограниченными людскими и материальными ресурсами (в 1862 г.), затем и в северных (в 1863 г.) ввести всеобщую воинскую обязанность уже не

¹ О связи дискуссии о возможности создания постоянной армии в мирное время, влияния на ее ход опасений, унаследованных от гражданских войн периода Английской революции XVII века см.: *Griffith R. K. Men Wanted for the U. S. Army//Americas experience with an all volunteer army between the world wars. Greenwood Press, 1982.*

² См.: *Cooke J. E. (ed.). The Federalist. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 1961.*

как обязанность участия в вооруженной милиции, а как право властей мобилизовать соответствующие возрастные контингенты населения в действующую армию. И на юге, и на севере успехи мобилизационной кампании были ограниченными¹.

Воинская обязанность в то время была далека от того, чтобы быть всеобщей, предполагала право самовыкупа, льготы. Мобилизация противоречила традициям, воспринималась как несправедливая, произвольная мера. Известны массовые случаи уклонения от воинской службы, дезертирства, восстаний против призыва, уничтожения призывных списков. До конца войны большую часть армий Конфедерации и северных штатов составляли добровольцы.

После Гражданской войны организация вооруженных сил США возвращается к довоенной модели. Несмотря на дискуссии в американской военнополитической элите конца XIX — начала XX в. о том, в какой степени такая система соответствует реалиям современного мира, когда в Европе существуют массовые призывные армии, она в общих чертах остается неизменной вплоть до начала Первой мировой войны. Основные перемены в военной организации в это время — масштабная программа строительства флота, не противоречащая англо-саксонской традиции, постепенное увеличение численности постоянной армии, комплектуемой на добровольческой основе.

С началом Первой мировой войны, когда германский флот стал регулярно атаковать суда нейтральных стран, в том числе американские, ограниченность численности сухопутных войск и обученного призывного контингента были факторами, которые заставили власти США на годы отложить вступление в войну. Лишь в 1917 г. в США вводят систему всеобщей воинской обязанности и объявляют войну Германии.

В Англии также лишь через два года после начала войны вводится всеобщая воинская обязанность. Малочисленность армии Великобритании мирного времени, ограниченность призывного контингента были важнейшими факторами, не позволившими ей в короткие сроки прийти на помощь Франции в начале войны. Это поставило Францию в 1914 г., накануне битвы на Марне, перед угрозой военного разгрома.

¹ См.: *Clifford J. G. and Spencer S. R. The First Peacetime Draft. University Press of Kansas, 1986. P. 32.*

Первое столетие современного экономического роста сделало данностью введение всеобщей воинской обязанности, по меньшей мере, во время войны. В первую очередь речь идет о крупных странах, претендующих на участие в мировой политике, сохранение территориальной целостности. Это фундаментальное изменение установлений, доминирующих в мире аграрных обществ. В аграрном мире было принято считать, что соотношение тех, кто регулярно занят военным делом, к численности населения, как правило, не может превышать одного процента¹. Были исключения (горские народы, кочевники, античный мир). Но это — аномалии на фоне логики функционирования аграрных цивилизаций, охватывающие незначительную часть населения мира. Низкий уровень продуктивности традиционного аграрного хозяйства, деградация земледелия при попытках избыточных налоговых изъятий, слабость налоговых систем ограничивали возможность в течение длительного времени финансировать крупные постоянные армии. Можно продемонстрировать связь краха античных институтов с военным перенапряжением государства. Так, соотношение численности 500–600-тысячной армии Рима² и населения Римской империи (55 млн чел.)³ было близко к одному проценту.

Современный экономический рост изменяет ситуацию. В странах, вовлеченных в этот процесс, душевой ВВП значительно превосходит объем ресурсов, необходимых для поддержания жизни. Расширяется потенциал мобилизации финансовых средств государства, совместимый с сохранением налогового потенциала. Появляется возможность резко увеличить и численность граждан, мобилизуемых для участия в долгосрочных военных действиях, и масштабы ресурсов, направляемые для их обеспечения.

Во время наполеоновских войн, даже после введения всеобщей воинской обязанности во Франции и подконтрольных Франции территориях, доля европейского населения, участвовавшего

в войнах, вряд ли превышала 2%. В ходе Второй мировой войны в основных государствах-участницах она поднимается до 10%.

Даже в США, где традиция всеобщей воинской обязанности как необходимости служить в постоянной армии, отсутствует, а первый опыт применения призывных систем во время Гражданской войны был малоэффективным, призыв 1917 г. идет организованно. Правда, в англосаксонской традиции призыв еще рассматривается как исключительная мера, связанная с крупными войнами. Сразу после окончания Первой мировой войны эта система отменяется в Великобритании и США. Они возвращаются к традиционным контрактным системам комплектования армии. Но понимание того, что в случае новой крупной войны вновь придется прибегнуть к призыву, укореняется и здесь. Поэтому в 1940 г., когда более чем за год до вступления США в войну американские власти принимают решение о первом призыве на воинскую службу в мирное время, это решение не встречает серьезного сопротивления.

В континентальной Европе, где нет моря, отделяющего страны от потенциального агрессора, позволяющего выиграть время для перехода к армии военного времени, всеобщая воинская обязанность сохраняется и между мировыми войнами.

После окончания Второй мировой войны реальности времени (начало «холодной войны», Корейская, Вьетнамская войны) заставляют США, где нет традиции призыва в мирное время, на десятилетия сохранить призывную систему комплектования вооруженных сил. По доминирующим в 1950–1960 гг. представлениям военной элиты ведущих развитых стран (за исключением Англии, Канады, Австралии) в современном мире система призыва стала естественной и неизбежной. Как часто бывает, в условиях радикальных перемен, связанных с современным экономическим ростом, это представление оказалось ошибочным.

За годы, прошедшие после введения всеобщей воинской обязанности в странах — лидерах современного экономического роста, произошли глубокие изменения в социальной структуре. Теперь доля сельского населения не превышает 5%. Доминирует малодетная семья с высокой продолжительностью предстоящей жизни детей. Для подавляющей части образованного населения два-три года принудительной, практически бесплатной службы в армии — уже не социальная адаптация и дополнительное образование, а потеряян-

¹ Вычислено, что у цивилизованных народов новой Европы не более чем одна сотая населения какой-либо страны может быть солдатами, без разорения страны, оплачивающей расходы на их службу. См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.–Л., 1931. Т. 2. С. 289.

² См.: *Грант М.* Крушение Римской империи. М., 1998. С. 40.

³ См.: *Goldsmith R. W.* An estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire// *Income and Wealth*. Sept. 1984. № 3. P. 263.

ное время, помеха в социальном и профессиональном росте. Для малодетных семей отправка единственного сына в армию, тем более на войну — катастрофа.

Способности демократического государства постиндустриального мира навязать обществу то, чего оно не хочет, ограничены. Молодежь в массовых масштабах уклоняется от воинской службы. Растет доля призывников, имеющих отсрочки и освобождения. Призыв становится несправедливым натуральным налогом, возлагаемым на наиболее бедные, низкостатусные группы населения, не имеющие возможности обеспечить своим детям отсрочку от воинской службы¹. В элитарном обществе XIX в. эти проблемы решались на базе системы самовыкупа. Богатые платили за то, чтобы в армии служили бедные. В демократическом высокоиндустриальном и постиндустриальном обществе такая практика становится невозможной.

Если значительная, больше того, доминирующая часть общества категорически не принимает принудительной службы своих детей в армии и нет простых и прозрачных способов освободить их от нее, неизбежно распространение разнообразных форм легальных или полулегальных привилегий, коррупция в системе рекрутирования призывников, системе их медицинского освидетельствования. Механизм отбора призывников, формально эгалитарный, на деле становится все более коррумпированным и несправедливым.

Во время Второй мировой войны мобилизация мужчин в возрасте с 18 до 26 лет в США была практически всеобщей. После окончания Корейской войны призыв становится все более избирательным. Призывные комиссии получают право определять, нужен ли молодой человек родине больше на своем нынешнем месте работы, учебы или в армии. Постепенно призыв становится системой, в которой лучше подготовленные, лучше образованные молодые люди считаются слишком ценными, чтобы призывать их на воинскую службу. Те же, чьи достижения или квалификация ниже, подлежат призыву. Следствием стало расширение разрыва между социальными группами, располагающими различными уровнями доходов².

¹ См.: *Anderson M.* The Military Draft. Stanford—California: Hoover Institution Press, 1982. P. 592–593.

² См.: *Helmer J.* Bringing the War Home: The American Soldier in Vietnam and After. NY: The Free Press, 1974. P. 6–7.

В рамках такой системы тяжесть призыва все в большей степени падает на низкостатусные и малообеспеченные группы населения, на тех, кто не способен профинансировать фиктивное образование детей, привести достаточные аргументы призывной комиссии, что их дети принесут больше пользы обществу, занимаясь гражданской деятельностью. Фиктивное высшее образование, ранние браки и рождение детей, временная эмиграция становятся широко распространенными формами уклонения от призыва.

Выясняется, что в условиях постиндустриального общества с развитой демократией, всеобщим избирательным правом сложно, более того — практически невозможно использовать призывной контингент для ведения длительных войн, если речь не идет об очевидных угрозах для общества, жизни страны¹.

Первым крупным развитым государством, которое столкнулось с этой проблемой, была Франция в ходе войны в Индокитае. Несмотря на тяжесть войны, которая кончилась поражением, власти не решились послать во Вьетнам ни одного призывника из Франции. Войну вели офицеры и унтер-офицеры — профессионалы, солдаты из французских колоний и Иностраный легион².

Проблема невозможности длительного участия призывников в войнах, необходимость которых не очевидна обществу, в полной мере проявилась во время участия США во Вьетнамской войне. Американская военная элита вопреки предшествующему неудачному опыту участия призывных контингентов в войнах с партизанами была убеждена в высоком качестве американских призывников, возможности использовать их для организации эффективной военной машины. Реальности оказались иными. Выяснилось, что мобилизованные по призыву, социально несправедливого (в отличие от призыва во время Первой и Второй мировых войн, который был равномерно распределен по социальным группам), американские солдаты во Вьетнаме не имели

¹ Израиль — лишь подтверждение этого правила. Здесь внешняя угроза воспринимается обществом как очевидная и реальная. Это обеспечивает национальное согласие по вопросу сохранения системы призыва и использования призывных контингентов в длительных военных действиях.

² См.: *Hartke V.* The American Crisis in Vietnam. Indianapolis — NY: The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1968. P. 22–27; *Helmer J.* Bringing the War Home: The American Soldier in Vietnam and After. NY: The Free Press, 1974. P. 6–7.

малейшего желания воевать¹. Между 1966 г. и 1970 число случаев дезертирства из армии США увеличилось втрое². Исследование, проведенное социологом Дж. Уэббом среди выпускников одного из наиболее престижных в США Гарвардского университета, окончивших его между 1964 и 1972 гг. (и соответственно подпадавших под действие закона о призыве), показало, что из 12 565 молодых людей лишь девять оказались во Вьетнаме. В целом же манкирование военной службой представителями обеспеченных слоев населения выступает устойчивой, исторически сложившейся американской традицией³.

Проводимые во время Вьетнамской войны социологические исследования показали, что при всей яркости студенческих протестов против войны наиболее жесткую антивоенную позицию занимали представители наименее обеспеченных и образованных групп населения, тех, за счет которых и формировался призывной контингент для отправки во Вьетнам⁴. Вместе с тем именно понимание того, что средний класс, категорически отказывается отправлять своих детей воевать во Вьетнам, сделало продолжение войны, призыва политически невозможным. Представители среднего класса знали, как поговорить со своим конгрессменом, повлиять на позицию местного сообщества, на тех, кто финансирует избирательные кампании. Средний класс дал четкий сигнал властям предрержащим: или уходите из Вьетнама или — свалим вас с ваших выборных постов⁵.

¹ Один из американских военных журналистов, многократно бывавших во Вьетнаме, так описывает свой первый опыт общения с американскими призывниками, направленными туда в 1967 г.: «Один из солдат догадался, что я журналист. Он крикнул: «Скажите людям там, дома, чтобы они забрали нас отсюда. Мы теряем слишком много людей в этой бесполезной, глупой войне». Это было совсем не то, что я ожидал услышать от американских солдат. Я хотел узнать, что это — лишь один испугавшийся парень или чувства всего подразделения? Примерно 12 солдат, артиллеристы батареи «Альфа» 6-го батальона собрались вокруг меня. «Вы согласны с тем, что он сказал?» — спросил я. «Конечно, согласны», — сказал еще один солдат, остальные закивали». См.: *Boyle R. The Flower of the dragon. San Francisco: Ramparssts Press, 1972. P. 43.*

² О формах уклонения от призыва во время Вьетнамской войны см.: *Anderson M. The Military Draft. Stanford—California: Hoover Institution Press, 1982. P. 534.*

³ См.: *The Military Balance. 1988—1989. IISS. L., 1988. P. 224.*

⁴ См.: *Helmer J. Bringing the War Home: The American Soldier in Vietnam and After. NY: The Free Press, 1974. P. 9—12.*

⁵ См.: *O'Sullivan J. and Meckler A. M. (eds.). The Draft and Its Enemies: A Documentary History. Urbana—Chicago—L.: University of Illinois Press, 1974. P. 224—228.*

К началу 1970-х гг. факт невозможности дальнейшего использования американской призывной армии во Вьетнаме стал очевидным американской политической элите, как и то, что в изменившихся социальных условиях система комплектования вооруженных сил по призыву изжила себя. В США начинается серьезная дискуссия по вопросу о ее реформе.

Позиция руководства Министерства обороны, выражающая мнение военной элиты, была сформулирована в докладе Конгрессу США, подготовленном летом 1966 г. В письме заместителя министра обороны Д. Марриса говорится о том, что систему призыва необходимо сохранить. Отказ от нее неоправдан, будет дорого стоить. К тому же служба в армии — патриотический долг. Переход к профессиональной армии породит серьезные административные проблемы ее комплектования. Если удастся укомплектовать рядовой состав вооруженных сил контрактниками, — это будет сделано за счет выходцев из низкостатусных групп, приведет к непропорционально большой доле представителей этнических меньшинств в составе вооруженных сил¹. Но фон, созданный Вьетнамской войной и неприятием призыва, сделал военную реформу политической данностью. В 1969 г. Р. Никсон, бывший тогда президентом страны, создал комиссию, возглавляемую бывшим министром обороны Дж. Гейтсом², и поставил перед ней задачу проанализировать возможность и целесообразность перехода к добровольческой армии. 20 февраля

¹ В докладе, представленном 30 июня 1966 г. Конгрессу США министерством обороны, говорится: «В целом теоретически возможно «купить» добровольческую армию, заплатив за это цену, доходящую до 17 млрд долл. в год (конкретная сумма зависит от уровня безработицы)». См.: *Department of Defence Report on Study of the Draft, 1966 by Thomas D. Marris; Anderson M. The Military Draft. Stanford—California: Hoover Institution Press, 1982. P. 560.*

По данным заместителя министра обороны США Р. Келли реальные годовые расходы на переход к добровольческой армии составили в 1974 г. 3,1 млрд долл. Те, кто отстаивал сохранение системы призыва, в том числе бывший специальный помощник министра обороны Р. Макнамары Дж. Калифано, доказывали, что расчеты министерства обороны занижают реальную стоимость перехода к добровольческой армии. На деле, по оценке Дж. Калифано, она составила 4,1 млрд долл. в год. Даже если принять эти оценки, оказывается, что расчеты министерства обороны, представленные в 1966 г. Конгрессу (с учетом индекса инфляции), были завышены в 6,2 раза. См.: *Anderson M. The Military Draft. Stanford—California: Hoover Institution Press, 1982. P. 522, 536.*

² В состав комиссии, наряду с другими ее членами, входили М. Фридман, ставший впоследствии лауреатом Нобелевской премии, и нынешний директор Федеральной резервной системы А. Гринспен.

1970 г. комиссия представила президенту доклад, в котором эта идея была поддержана¹.

М. Фридман, один из членов комиссии, выработавший предложения по реформе комплектования вооруженных сил и отказу от призыва в США, привел следующий набор аргументов в пользу такого решения:

Добровольческая армия формируется из людей, которые сами выбрали военную карьеру, а не из призывников, думающих лишь о том, как отслужить положенный срок. Переход к ней позволит повысить боевой дух армии, сократить текучесть кадров, экономить средства, расходуемые на подготовку рядового и сержантского состава.

Добровольческая армия позволит сохранить свободу граждан выбирать служить или нет, уйти от ситуации, когда призывные комиссиям произвольно определяют, кто из молодых людей должен провести несколько важных лет своей жизни на воинской службе, а кто нет, избежать ситуации, при которой угроза призыва ограничивает права молодых людей на свободу слова, собраний и выражение протеста.

Один из результатов предоставления свободы выбора — возможность избежать дискриминации отдельных групп населения, уйти от тех привилегий, которыми пользуются более обеспеченные социальные группы, имеющие возможность предоставить своим детям платное образование.

Устранение неопределенностей, связанных с призывом, позволит молодым людям — и тем, кто служит, и тем, кто не служит — планировать карьеру, семейную жизнь.

Введение контрактной армии позволит учебным заведениям выполнять образовательные функции, освободит их от необходимости учить сотни тысяч молодых людей, для которых учеба лишь способ уклонения от воинской службы².

В своем выступлении, посвященном отмене призыва в США (1970 г.), президент Р. Никсон сказал: «21 февраля я получил отчет Комиссии по переходу к добровольческой армии, возглавляемой бывшим министром обороны Дж. Гейтсом. Члены Комиссии пришли единогласно к выводу, что интересам нации в большей степени

соответствует добровольческая армия, чем смешанная армия, состоящая из добровольцев и призывников, и что необходимо предпринять шаги в направлении перехода к ней. Мы все видели, какое влияние призыв оказывает на нашу молодежь, нормальное течение жизни которой сначала нарушается годами неопределенности, а потом — самим призывом. Мы знаем о несправедливости нынешней системы, как бы мы ни старались делать ее справедливой. После тщательного рассмотрения всех связанных с этим факторов я поддержал выводы комиссии. Убежден в том, что мы должны двигаться в направлении отмены призыва. С настоящего момента целью этой Администрации является сокращение призыва до нуля»¹.

Переход американской армии на контрактное комплектование вооруженных сил при сохранении регистрации контингента, подлежащего мобилизации в условиях чрезвычайного положения или большой войны, произошел в 1973 г., на пять месяцев раньше, чем это планировалось.

Военная организация традиционно консервативна. В США сочетание призыва и длительной войны вдали от Америки, основания для которой были малопонятны большей части общества, стало важным фактором отмены призыва, перехода к контрактной армии. В других постиндустриальных странах этот процесс шел медленнее. Но и здесь повсеместно проявляются проблемы несовместимости сохранения сформированной на раннеиндустриальном этапе развития системы всеобщей воинской обязанности с реалиями современного общества.

Сама технология современной войны на постиндустриальной стадии радикально меняется по сравнению с войнами XIX — первой половины XX в. Ускоряются темпы технологического развития. Эпоха массовых пехотных армий уходит в прошлое. Растут требования к уровню подготовки тех, кто способен управлять военной техникой. Поддается и социальный консенсус, позволявший в предшествующие десятилетия сохранять систему всеобщей воинской обязанности и потребности армии в ней.

Одна из реакций на новые реальности — сокращение срока службы по призыву. Если после Второй мировой войны он, как правило, составлял 2–4 года, то к 1980–1990 гг. в развитых странах, сохранивших

¹ См.: O'Sullivan J. and Meckler A. M. (eds.). *The Draft and Its Enemies: A Documentary History*. Urbana — Chicago — L.: University of Illinois Press, 1974. P. 254–256.

² См.: там же.

¹ См.: O'Sullivan J. and Meckler A. M. (eds.). *The Draft and Its Enemies: A Documentary History*. P. 573, 574.

систему призыва, он сокращается до 9–12 мес.¹ Однако это тот срок, за который можно обеспечить лишь начальную боевую подготовку, но не укомплектовать годные к ведению боя, слаженные воинские части.

Когда президент Франции Ж. Ширак обосновывал необходимость военной реформы во Франции, отказа от призыва, перехода к комплектованию армии на контрактной основе, одним из его аргументов было то, что кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. продемонстрировал: многочисленная на бумаге французская призывная армия не способна в обозримые сроки выделить даже 10-тысячный контингент для направления в зону боевых действий².

Есть постиндустриальные страны, в которых, несмотря на продолжающуюся дискуссию о необходимости реформы системы комплектования вооруженных сил и отказа от призыва, пока не принято такого решения. Значимый пример здесь — Германия. До 1983 г. система призыва в Германии предполагала сочетание обязательной воинской службы (в течение 10 месяцев) и альтернативной гражданской службы в течение периода, на треть превышающий срок воинской службы. Граждане, пожелавшие проходить альтернативную службу, должны были доказать основания своего выбора в органах призыва. Примерно 50% из тех, кто хотел проходить альтернативную службу, получали отказ. К 1983 г. невозможность сохранения такой системы стала очевидной. Реформа 1983 г. создала основу действующей в настоящее время в Германии системы комплектования вооруженных сил. С этого времени подлежащий призыву молодой человек должен направить в органы призыва письмо с указанием того, хочет он проходить воинскую службу или альтернативную гражданскую службу. 99 % ходатайств о прохождении альтернативной службы удовлетворяются. Один процент отклоняется в силу технической не-

¹ В постсоциалистических странах процесс сокращения срока службы идет особенно быстро. В Польше осенью 1990 г. продолжительность службы по призыву была сокращена с 24 до 18 мес., с января 1990 г. — до 12 мес. После 2004 г. польское правительство предполагает сократить ее до 9 мес. В Венгрии продолжительность службы по призыву была в 1989 г. сокращена с 12 до 9 мес., в январе 2002 г. до 6 мес. См.: Forster A., Edmunds T. and Cottey A. (eds.) *The Challenge of Military Reform in Postcommunist Europe*. Palgrave Macmillan, 2002. P. 27, 73.

² В телеинтервью 22 февраля 1996 г. Ж. Ширак так сформулировал суть предлагаемой программы реформ: «Перед нами не стоит угроза вторжения, нашествия наземных захватнических орд. Зато наши жизненные интересы могут быть поставлены под угрозу в любой части земного шара... Франция должна иметь возможность быстро и организованно отправить за границу значительное число людей, 50–60 тысяч, а не 10 тысяч, как сегодня».

правильности оформления документов. Примерно половина тех, кто проходит альтернативную службу, работает в организациях здравоохранения. Срок военной службы — 10 месяцев, альтернативной — 11. По существу речь идет о добровольной воинской службе¹.

Аргументы сторонников призыва в Германии своеобразны. Они отмечают, что при сохранении хотя бы частично призывной армии, риск того, что политики допустят втягивание страны в военный конфликт за пределами ее границ — минимален. К тому же альтернативная гражданская служба — важный источник рекрутирования кадров для малопrestижных профессий. Отказ от нее создаст дополнительные финансовые проблемы.

Для контрактных армий постиндустриального мира одна из важнейших развилочек — выбор приоритета модели контракта. Американская система комплектования вооруженных сил опирается на короткие контракты. Предполагается, что контрактники — молодые люди в возрасте, как правило, 18–20 лет, которые подписывают контракт на 3–5 лет, иногда возобновляют его. К окончанию срока службы они получают набор привилегий, в том числе образовательных, связанных с поступлением на государственную и муниципальную службы. Преимущество такой системы — мобильность рядового состава вооруженных сил, возможность быстрой переброски в горячие точки, выполнение армией роли института, открывающего дорогу социального продвижения выходцев из низкостатусных семей, являющихся обычно источником комплектования кадров контрактников. Недостатки — значительное время, необходимое для подготовки солдат, способных обращаться с современным оружием, повторные затраты при наборе новых контрактников.

Противоположную систему использует Канада. Здесь министерство обороны делает ставку на длительные контракты, на то, что занятость рядового, сержантского состава в армии распространяется на большую часть трудовой деятельности, охватывает 20–25-летний период. Преимущества и недостатки здесь симметричны. Немолодых, обремененных семьей контрактников трудно быстро перебрасывать в горячие точки и долго держать там. Но при этой системе можно экономить средства на подготовку контрактников, дольше использовать их, что позволяет им накапливать опыт.

¹ См.: Klein P. *Military Service and Civilian Service in Germany*. SOWI, 2001. P. 4–6.

Выбор системы комплектования вооруженных сил определяется в каждом государстве национальными приоритетами, характером доминирующих угроз.

Вне зависимости от существенных деталей форм организации контрактной армии, развитие государств — лидеров современного экономического роста на протяжении последних десятилетий убедительно показало, что массовые призывные армии, адекватные усилиям периода индустриализации, доказавшие свою необходимость в мировых войнах XX в., соответствующие социальным, технологическим условиям полутора веков между началом XIX и серединой XX в., уходят в прошлое. Насколько устойчива эта тенденция, покажет время. Прогнозировать долгосрочные тенденции развития стран — лидеров современного экономического роста — занятие опасное и непродуктивное. Но, по меньшей мере, один фактор, задающий область допустимых значений — демографическая динамика, в значительной мере определяющая отношение общества к призыву, — носит долгосрочный характер.

Для стран догоняющего развития представляется важным понимание того, что существующие трудности функционирования системы призыва — не случайные порождения общественной неосознанности, недостатка финансовых ресурсов, а глубокая, стратегическая проблема, связанная с долгосрочными тенденциями общественного развития и требующая решения.

Украина и Россия: Что дальше?

Похоже, Виктор Ющенко имеет все шансы победить на назначенных на 26 декабря выборах на Украине. Если это так, украинским гражданам можно поздравить. Он умный, порядочный человек, высококвалифицированный экономист, остановивший гиперинфляцию, немало сделавший для создания предпосылок устойчивого экономического роста. Любой стране мира можно только пожелать иметь такого президента. Но это одновременно и сокрушительное, больше того, унижительное поражение всех тех, кто вырабатывал российскую политику по отношению к Украине на протяжении последних месяцев. Ведь ее сутью было любой

Опубликовано в: Итоги. 2004. 23 декабря.

ценой не дать Виктору Ющенко выиграть. Причем «любой», в данном случае, не фигура речи. Теперь самое время понять, почему это поражение состоялось, попытаться извлечь уроки.

Почему Украина — не Россия

Первое и очевидное — была неправильно выбрана цель. Я знаю Виктора Ющенко с начала 90-х гг., со времени, когда он работал председателем Национального банка Украины, а я первым вице-премьером Правительства Российской Федерации. Он никогда не был антироссийски настроен. Это прагматик, хорошо понимающий, что для Украины хорошие отношения с Россией — благо. К тому же (хотя я не считаю, что западноукраинское происхождение кого-нибудь дискредитирует), он выходец из Сумской области Восточной Украины, исторически и культурно тесно связанной с Россией. Если все это перевешивает то, что его жена американка украинского происхождения и, исходя из этого факта вырабатывается российская политика по отношению к Украине, пенять остается только на себя.

Второе — даже если поставленная цель была бы осмысленной (хотя у меня не хватает воображения поверить в это), средства, избранные для ее достижения, были поразительно неадекватными. Без экивоков и политесов показывать, что Москва сама решит, кто будет управлять Украиной, — провокация к каштановой революции.

После произошедшего не дурно бы ответить на традиционный российский вопрос: «Кто виноват?». Иначе легко можно продолжить триумфальное шествие от одного поражения к другому. Конечно руководство страны отвечает за все, что делается российскими властями. Но это не повод считать, что те, кто предлагает подобные решения и столь «успешно» их реализуют, не отвечают ни за что. Но при всей значимости первого традиционного российского вопроса, важнее определиться с другой, столь же традиционной для нашей страны проблемой: «Что делать?».

Если предельно упростить ситуацию, надо признать, что после завершения выборов развитие событий будет зависеть от трех ключевых участников процесса: это Украина и ее новое руководство, Запад и в первую очередь Европейский союз, как один из важнейших соседей Украины, и Россия, также один из крупнейших ее соседей.

Проще всего с Украиной. Да, мы сделали все возможное и, даже, невозможное, чтобы Виктор Ющенко стал врагом России, или, по меньшей мере, ее нынешнего руководства. Но хорошо зная его, убежден: интересы Украины для него выше собственных чувств и справедливых личных обид. Думаю, он сделает все возможное, чтобы отвратительный эпизод в истории отношений России и Украины остался в прошлом, наши страны восстановили стабильные, дружественные, корректные отношения.

Запад. Он плюралистичен. Хорошо знаю, что среди западных политиков можно найти тех, кто патологически ненавидит Россию и сейчас с удовольствием потирает руки, наблюдая за нашими, мягко говоря, неудачами, мечтает сделать Украину одним из оплотов антироссийской политики. Но все это на обочине реального процесса принятия политических решений. Подавляющее большинство западных лидеров прекрасно понимают, что и Украина, и Россия будут и останутся важнейшими соседями Европейского союза, значимыми партнерами в борьбе с международным терроризмом. Дестабилизация наших взаимоотношений никому не выгодна.

И наконец, самое сложное — Россия. Конечно можно, потерпев сокрушительное поражение, решить, что все это результат происков врагов России, антироссийского заговора США и Западной Европы, мстительно думать о том, как мы сейчас накажем и Украину, и Запад. Надо только понимать, что сильнее всех мы накажем себя. Можно сделать иное. Извлечь уроки из допущенных ошибок. Научиться уважительно относиться к соседям, добиваться своих политических целей принятыми в цивилизованном мире средствами. И в первую очередь сделать все возможное для восстановления дружественных, корректных отношений с Украиной и ее новыми властями.

Бывает, что соседи ссорятся. Потом ведь все равно приходится жить рядом. От того, в какой мере российские власти это поймут, зависит судьба всего постсоветского пространства, стабильность в Европе, отношения России с Западом, долгосрочные перспективы развития и Украины, и России.

Почему Россия — не Украина

События последних месяцев в Украине еще раз показали, что если у народа есть готовность защищать свои права и свободу, желание

жить в условиях демократического государства, то манипуляции с подсчетом голосов, контроль над СМИ, использование силовых структур в развитом, урбанизированном, образованном обществе помешать этому не могут. Прогнозы дальнейшего развития событий в такой ситуации — дело неблагоприятное, но похоже, что Украина имеет шанс стать одной из немногих стабильных, реально функционирующих демократий на территории СНГ.

Все это ярко контрастирует с развитием событий в России в последние годы. Между декабрем 1993 г. (принятие конституции) и примерно 2002–2003 гг. о российском политическом устройстве можно было говорить как о нестабильной, молодой, крайне несовершенной, но функционирующей демократии с существующими сдержками и противовесами в органах власти. Сейчас о системе, сложившейся в России, так сказать трудно.

Некоторые называют сложившийся режим авторитаризмом, некоторые мягкой диктатурой. Я предпочитаю термин «закрытая демократия». Это система, при которой есть легальная оппозиция, есть малотиражные независимые СМИ, нет массовых репрессий против политических оппонентов, существует свобода въезда и выезда из страны. Проходят выборы. Только их результаты почему-то определены заранее. Подобная система существовала в Мексике на протяжении десятилетий после революции. Похожие системы (хотя и без сильной президентской власти) были характерны для Италии между Второй мировой войной и концом холодной войны, Японии того же периода.

Россия и Украина — страны с общим историческим прошлым, близкими традициями у преобладающих в составе населения этносов, на протяжении столетий жившие в составе одного государства. Резонный вопрос — в чем причина столь радикального расхождения траекторий политического развития этих государств? Дефинитивный ответ на него смогут дать историки, которые будут анализировать политические процессы, происходившие на постсоветском пространстве несколько десятилетий спустя, когда картина приобретет завершенность, будет ясно, каким странам удалось, а каким не удалось сформировать устойчивые демократии. Могу сформулировать лишь несколько гипотез, позволяющие, как мне представляется, объяснить очевидное различие политической динамики.

Первая. Россия в 1990–1993 гг. пережила полномасштабную революцию с характерным для развитого индустриального общества

ограниченным применением насилия, но тем ни менее революцию. При всей разнице исторических эпох, это было нечто подобное «великому бунту» (*great rebellion*) середины XVII в. в Англии. После такого «великого бунта» общество, уставшее от беспорядков, слабой власти, несоблюдаемых законов, бюджетных неплатежей страстно хочет порядка и нередко готово заплатить за этот порядок свободой.

Для Украины события 1990–1993 гг., происходившие в России, были скорее тем, что происходит по соседству. То, что случилось на протяжении последних месяцев — первая революция в Украине. Надеюсь, что учитывая различия стартовых ситуаций, она будет больше похожа не на «большой бунт», а на «знаменитую революцию» (*the famous revolution*) в Англии 1688–1689 гг.

Вторая. Украина ближе к Европе. В работах последних лет, посвященных экономическому развитию постсоциалистических стран, различиям в масштабах трансформационной рецессии, ее продолжительности, нередко используется условный показатель, который называется «среднее расстояние до Дюссельдорфа», аппроксимирующий географическую близость к Европе. Похоже в анализе политических процессов так же имеет смысл его использовать.

Перспектива, пусть отдаленная, членства в Европейском союзе была важнейшим фактором, позволяющим стабилизировать демократические режимы в странах Восточной Европы и Балтии. Украине никто никогда формально не обещал возможности членства в Европейском союзе. Тем ни менее значительная часть украинского общества понимает: если дверь в Европу, хотя бы потенциально, в долгосрочной перспективе, открыта для Турции, она не может быть навсегда заколочена для Украины. И это важнейший фактор, влияющий на украинский политический процесс.

Россия слишком велика для объединенной Европы. Вопрос о ее членстве в Европейском союзе не обсуждался даже на самых абстрактных «мозговых штурмах», посвященных долгосрочной стратегии развития этой организации. Россия не имела возможности импортировать из Европы стабильность демократических институтов. В жизни есть вещи, которые приходится делать самому. Борьбу за создание функционирующей демократии нам придется вести без серьезной внешней поддержки.

И, наконец, третья. Да, мы столетия жили в одном государстве, и культурно и языково близки. Но роль Украины и России и в со-

ставе царской, и впоследствии советской империй была разной. Украина — на протяжении столетий была подчиненной провинцией, управляемой из центра, Россия — метрополией. Миллионы украинцев мечтали увидеть свою страну независимой. Многие из них за это сражались. Для Украины крах СССР был обретением национальной независимости. На референдуме осенью 1991 г. подавляющее большинство украинских граждан высказалось за независимость.

Для России крах СССР был одновременно крушением империи. СССР — отнюдь не первая крупная империя, распавшаяся во второй половине XX в. Скорее наоборот, последняя. Но и обществу, и политической элите метрополии приспособиться к тому, что империи больше нет, не просто. Для этого нужны годы. Во время адаптации к новым реалиям перед политическими авантюристами открываются возможности легкой наживы: апелляция к бывшему имперскому величию, рассуждения о том, что во всем виноваты инородцы, что ведущие страны мира в заговоре против нас: «Мы не были побеждены на поле брани, нам нанесли удар в спину». Все это хорошо известно по опыту Веймарской Германии.

Как показывает опыт, в долгосрочной перспективе это смертельно опасно для тех, кто пользуется подобными политическими технологиями, опасно для стран, в которых такие приемы входят в моду. Это опасно для современной России. Если вспомнить, что Россия по-прежнему одна из двух крупнейших ядерных держав, не трудно понять — это опасно для мира. Чтобы справиться с этой угрозой, нужна высокая ответственность национальной политической элиты, понимание угроз, связанных с имперской риторикой и заигрыванием с радикальным национализмом.

Важно время. Как показывает опыт, оно позволяет излечиться от комплексов, связанных с утратой империи. Объяснить сегодня нормальному английскому студенту, почему собственно Великобритания на протяжении двух веков управляла Индией, трудно, практически невозможно.

Борьба с имперскими амбициями и радикальным национализмом в России — задача непростая. Успех украинской революции, демонстрирующей способность братского славянского народа выбрать и защитить политические ориентиры и ценности, в которых нет имперскости и ксенофобии, в этой борьбе — серьезное подспорье.

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Вероятная победа Виктора Ющенко на декабрьских выборах в Украине позволяет надеяться на стабилизацию демократии в одной из крупнейших стран постсоциалистического мира. Вопрос о том, станет ли одна из европейских стран устойчивой демократией, сам по себе важен. Но ответ на него имеет последствия, далеко выходящие за границы Украины.

До сих пор линия водораздела между молодыми, не всегда совершенными демократиями и теми странами, в которых демократические институты либо не существуют, либо крайне неустойчивы, проходила примерно по границам СССР 1939 г. Если в Украине демократия устоит, это окажет серьезное воздействие на политический процесс во всех государствах СНГ, включая Россию, на десятилетия вперед. Попросту говоря, объяснить молодому образованному русскому, что украинцы имеют право сами определять свою судьбу, а за нас это будут делать мудрые начальники — непросто. И это в любом случае нельзя делать долго.

Вряд ли нужно доказывать: то, будут ли ближайшие соседи Европейского союза устойчивыми демократиями — стратегически важно для будущего Европы. Это значит, что выработка активной и конструктивной политики по отношению к Украине должна быть важнейшим приоритетом Запада.

Украина сегодня не нуждается в прямой финансовой помощи: списании долгов, масштабных кредитах международных финансовых организаций. Ее финансовое положение устойчиво. Речь о другом: внимании, корректности, усилиях по снятию торговых барьеров, улучшению условий доступа к рынкам, содействию инвестициям в украинскую экономику. К сожалению, как показывает опыт, это нельзя гарантировать. Достаточно вспомнить сколько раз один из величайших политиков второй половины XX в. Нельсон Мандела был вынужден ездить в Брюссель, что бы добиться смягчения ограничений на импорт южноафриканских вин в страны Евросоюза.

Самый большой риск во всем, что связано с выработкой политики Запада и, в первую очередь, Европейского союза по отношению к Украине, состоит в том, что легко можно проспать исторический шанс, использование или игнорирование которого во многом определяет то, в каком мире мы будем жить в XXI в.

Такой риск реален. Хорошо знаю это по собственному опыту. В 1991–1994 гг. я работал в российском правительстве, некоторое время возглавлял его. Это было сразу после того, как рухнул коммунистический тоталитарный режим, развалился Советский Союз, возникли 15 новых независимых государств. В большинстве из них начались глубокие рыночные реформы, в некоторых были приняты попытки создания демократических институтов. Речь шла о процессе, который происходил на территории, где размещалось примерно 30 тыс. ядерных боеголовок (11,5 тыс. стратегические и оперативно-тактические, остальные тактические). О том, что будет на территории страны, на противостояние которой Запад потратил триллионы долларов. Внятной политики, хотя бы отдаленно напоминающей план Маршала после Второй мировой войны, Запад тогда выработать не сумел.

Нельзя сказать, что у западных лидеров не было симпатии к происходящему в России. Но общая тональность обсуждения российских проблем, хотя это никогда не говорилось прямо, в переводе на простой язык звучала примерно так: «Мы не просили вас устраивать революцию, не просили свергать тоталитарный режим, не просили распускать Советский Союз. Вы сделали это сами по своему выбору. Вот теперь и разбирайтесь с последствиями, а мы будем с симпатией следить за вашими усилиями».

Глубоко уважаю и высоко ценю коллег из МВФ, организации, на которую страны «большой семерки» в начале 90-х годов возложили ответственность за содействие российским реформам, знаю, что многие из них делали все возможное, чтобы помочь. Но МВФ просто не та структура, которая способна организовать управление кризисом, с банкротством экономики ядерной сверхдержавы и ее политическим крахом. Она создавалась не для этого.

В Ираке все по-другому. Никому поручать решение иракских проблем МВФ в голову не приходит. Да, здесь серьезные вопросы с обеспечением безопасности. Но есть и пристальное внимание Запада, масштабные инициативы по списанию внешнего долга, координации международной помощи. Понятно почему. Не иракцы заварили эту кашу. Теперь Западу в целом и США в первую очередь приходится ее расхлебывать.

Украина, в этой связи, куда ближе к российскому примеру начала 90-х гг., чем к иракскому. Только клинические идиоты могут ве-

ритель, что произошедшее в последние месяцы на Украине — результат заказного заговора западных спецслужб. Все проще. Это выбор украинского народа. Именно отсюда опасность того, что и политика Запада по отношению к Украине будет похожа на ту, которая проводилась по отношению к России в начале 90-х годов: «Вы сами сделали это. Сами и решайте теперь ваши проблемы».

На протяжении последних месяцев российские власти поставили рекорд по числу грубых ошибок, которые можно сделать по отношению к своему соседу. Надеюсь, что Запад не вступит в соревнование с нами на этом поле.

Контраргументом против активной позиции Запада по содействию Украине после каштановой революции могут быть ссылки на то, что такая политика может ухудшить отношение с Россией, стратегически важные в условиях реально идущей войны с мировым терроризмом. Но после всего произошедшего Россия объективно, вне зависимости от симпатий и антипатий отдельных политиков, заинтересована в нормализации отношений с Украиной. Важно лишь сделать Россию не оппонентом, а партнером, задействовать в этой связи существующие каналы коммуникации, в том числе механизмы взаимодействия в рамках «большой восьмерки». При наличии политического такта эта задача разрешима.

Реформы делают не для удовольствия

Избранные места из размышлений Егора Гайдара

Правый лидер

Что же было с Родиной и с нами?

Рухнул социалистический строй. Рухнула последняя крупная территориально интегрированная империя. И то, и другое было неизбежно. Социалистическая экономическая система и тесно связанная с ней тоталитарная политическая система были слишком жесткими структурами для быстро меняющегося мира XX в. Они

лишь казались твердыми, стабильными. На деле оказались хрупкими. С середины 70-х гг. советские финансы, бюджет, платежный баланс, потребительский рынок, снабжение населения продовольствием — все это зависело от экспорта нефти, нефтепродуктов и газа, ситуации на мировом рынке энергетических ресурсов. После того как цены на нефть между 1981 и 1986 гг. упали в несколько раз, экономический механизм краха Советского Союза был запущен. Дальше стоял лишь вопрос о формах и цене этого краха. Потребовалось немало усилий, чтобы уйти от большой крови, с которой обычно связаны крахи территориально интегрированных империй (очевидный пример — кровавая история крушения одной из микроимперий — Югославии). То, что между Россией и Украиной не произошло конфликта по вопросу о границах, подобного тому, который имел место в начале 90-х гг. между Сербией и Хорватией, на мой взгляд, одно из важнейших событий XX в. Потребовалось время, чтобы после крушения институтов прежнего социалистического режима сформировать предпосылки восстановления динамики экономического роста на принципиально иных, рыночных основаниях экономики. Рост пришел не сразу. На постсоветском пространстве он начался позже, чем в странах Восточной Европы. Но оказался динамичным и устойчивым. Даже финансовая катастрофа 1998 г., связанная с существенно меньшим, чем в 80-х гг., снижением цен на нефть (в данном случае двукратным), остановила его лишь на один год.

К сожалению, проблемой России (впрочем, отнюдь не уникальной, характерной для многих метрополий) стал постимперский синдром. Когда экономика развивается прилично, реальные доходы растут, безработица отступает, так приятно вечером вернуться с неплохо оплачиваемой работы, посмотреть фильм, где наши разведчики всегда лучше, чем их шпионы, где мы всех побеждаем, где нас все боятся. Где и сегодня наши бандиты круче их бандитов. После этого порассуждать о том, что нас никто не победил на поле брани, нам нанесли удар кинжалом в спину. В такой ситуации всегда находится немало политических проходимцев, готовых поиграть на подобного рода чувствах. Как показывает опыт, кончают они плохо. К сожалению, платить за подобный политический товар приходится не только им.

Опубликовано в: Томский вестник. 2005. 30 марта.

20 лет назад я был кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Всесоюзного института системных исследований Государственного комитета по науке и технике СССР и Академии наук СССР. Вместе с рядом моих друзей и коллег (среди них такие хорошо известные сегодня фигуры, как П. Авен, А. Чубайс, С. Игнатъев, С. Васильев и многие другие) по поручению комиссии Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию управления написал программу постепенных, медленных реформ, ориентированных на формирование рыночной экономики в СССР. Научная секция комиссии, в которую входили руководители ведущих экономических исследовательских институтов, эту программу поддержала. Сама комиссия весной 1985 г. ее категорически отклонила. Руководителю научной секции Д. М. Гвишиани, зятю А. Н. Косыгина, директору моего института, было сказано, что формирование системы рыночного социализма выходит далеко за рамки политической повестки дня. А потом были 20 лет, которые мы прожили.

Что же будет с нами и Россией?

Обсуждение вопросов развития России на следующие полвека имеет политический смысл. Это нетривиально для сегодняшней России, где все время что-то очень острое происходит и где внимание властей и политической элиты сконцентрировано на том, что происходит с сегодня на завтра. Например, сейчас — проблемы со льготами, демонстрациями, что-то все время случается на Северном Кавказе... И есть страшный соблазн сказать, чтобы не приставали с глупостями насчет того, что будет в стране в следующие 50 лет, так как сейчас нужно разбираться с сегодняшними делами. На самом деле принципиально важно думать о том, какие ключевые, стратегические проблемы встанут перед страной через два поколения, чтобы знать, как выстраивать политику в ближайшее время. Ибо есть инерционные процессы, с которыми надо начинать разбираться заранее.

Америка не сталкивалась с российскими проблемами, но наша страна сталкивается уже сейчас и столкнется на протяжении следующего полувека с американскими. Пример — здравоохранение, являющееся важнейшей проблемой постиндустриального общества. Когда формировались контуры американской системы здравоохранения,

американское общество было молодым, доля пожилого населения была незначительной, это было индустриальное общество, основной спрос был на продукты питания и промышленные товары массового потребления. Доля расходов на здравоохранение была крайне ограничена. Сейчас американское общество радикально меняется. Резко растет доля старших возрастных групп, в Америке сегодня на последний год жизни людей приходится треть всех расходов на здравоохранение. Есть отчетливая корреляция между долей старших возрастных групп и расходами на здравоохранение. Они с каждым годом становятся выше. Есть также известная в постиндустриальных обществах тенденция роста общего спроса на медицинские услуги у всех возрастных групп, потому что, когда у человека с хлебом насущным все в порядке, он начинает думать о здоровье. Плюс к тому есть тенденция возрастания возможностей по предоставлению услуг здравоохранения. Именно вследствие этих факторов доля расходов на здравоохранение в ВВП Америки за последние 60 лет выросла в 6 раз. Доля, а не общие расходы, которые в свою очередь выросли в десятки раз. И при этом выясняется, что у государства не безграничные возможности финансировать здравоохранение. Причем происходит это в богатой Америке.

Надо полагать, что и России не избежать такого рода проблем и думать об этом следует уже сейчас, а не когда гром грянет. Да, Америка опережает Россию по развитию примерно на 50-60 лет, однако по демографическим проблемам эта дистанция меньше по комплексу исторических причин, связанных с индустриализацией и более ранним вовлечением женщин в работу вне крестьянских хозяйств.

Не готов давать прогнозы, но готов обсуждать ключевые проблемы, которые встанут перед Россией. Есть одна важная социально-экономическая область, в которой долгосрочные прогнозы работают, — это демография. Но демографические прогнозы имеют очевидные экономические последствия. Уверен, что будут радикальные изменения возрастной структуры населения, числа пенсионеров, приходящихся на одного работающего. В связи с этим возрастут потребности в медицинских и образовательных услугах и ограничения, связанные с тем, что государство не всеильно и не способно мобилизовать доходов больше, чем есть. Все это явится фоном для других существенных проблем, возникающих в условиях экономического роста в России на протяжении ближайших 5-20 лет.

Существует устойчивая зависимость между социально-экономическим и политическим развитием страны. В этой связи я глубоко уверен, что через 20 лет в России будет реально функционирующий демократический режим. Потому что в урбанизированном, грамотном, прилично образованном обществе, где у большей части населения есть высшее образование, долго внушать людям, что есть мудрые власти, которые за них решат все проблемы, невозможно. Некоторое время можно, но недолго. Не знаю, как точно будут развиваться события на Украине, но долго объяснять грамотному, образованному молодому человеку, включенному в глобальный мир, подключенному к Интернету, что украинцы имеют право решать, как они будут жить, а у него такого права не будет, не получится. Это не получалось почти ни у кого в мире, вряд ли получится и в России.

Я понимаю, что реформы не делаются для удовольствия. Как человек, который провел некоторое количество реформ, могу сказать, что для удовольствия реформы могут делать только идиоты. Реформы — это всегда тяжело, всегда конфликт и всегда больно. Делают их, как правило, тогда, когда не делать их нельзя.

Откладывать реформу местного самоуправления — значит устраивать хаос в России

Реформа местного самоуправления в России — одна из самых важных из начатых в последние годы. От ее успеха зависит наша ежедневная жизнь: как будут учить детей, кто за это будет отвечать, как будет обеспечено теплоснабжение домов, насколько чисты будут улицы. Серьезное обсуждение проблем муниципальной реформы стартовало в 2001–2002 гг. Осенью 2003 г. было принято законодательство, определяющее важнейшие направления преобразований. С 1 января 2006 г. реформа должна была стать реальностью. В последние дни в Государственной Думе активно обсуждается идея отложить эту реформу до 2010 г. Если перевести на простой русский язык — отсрочить навсегда.

Опубликовано в: Известия.РУ; Комментарии. 2005. 7 июля.

Понимаю аргументы сторонников этого решения. Когда читаешь принятый закон о реформе местного самоуправления, поневоле думаешь о сцене военного совета перед Аустерлицем, описанного Львом Толстым: «Первая колонна... вторая колонна... третья колонна...». Или вспоминаешь русскую песню: «Гладко было на бумаге. Да забыли про овраги, а по ним ходить». Авторы закона явно недооценили разнообразие России, трудность выстроить ее по единому стандарту.

Полагать, что в России подобные реформы можно проводить по правилам строевого устава, — ошибка. Не раз говорил об этом разработчикам программы перестройки системы местного самоуправления. Есть и другие аргументы в пользу отсрочки муниципальной реформы. Те экономические преобразования, которые были проведены в России в 2000–2002 гг., являются предметом восхищения во многих странах мира. Знаю лидера одной из мировых держав, который в своем известном кабинете, комментируя российскую налоговую реформу, говорил: «Если бы я мог сделать что-нибудь подобное». С 2003 г. дело с реформами в России как-то не заладилось. Провести преобразования, которые стоят бюджету более 15 млрд долл. в год и при этом выводят на улицы десятки тысяч людей, — мировой рекорд, случай, параллели которому трудно найти в экономической истории.

Понимаю, что стало важнейшим фактором снижения качества проводимых реформ в России начиная с 2003 г. Систему сдержек и противовесов изобрели не самые глупые люди в мире. Ее демонтаж в России привел к ухудшению качества проводимой экономической политики. Можно понять позицию тех, кто говорит: «Не умеете проводить реформы, так забудьте о них».

Однако игнорировать тот факт, что российские органы власти два года назад, разработав и приняв соответствующее законодательство, объявили, как будет реконструирована система местного самоуправления в России с 1 января 2006 г., нельзя. Под то, что это намерение серьезно, были перестроены: Бюджетный, Налоговый, Жилищный, Градостроительный кодексы, запущен бюджетный процесс на 2006 г., перестроены налогообложение земли, система финансового выравнивания муниципалитетов. После всего, что уже сделано для подготовки реформы местного самоуправления в 2003–2005 гг., надо понимать, что отсрочка введения закона означает, что авторы серьезной реформы не удосужились проана-

лизировать ее последствия. Уже принятыми решениями прежняя система муниципального устройства России во многом демонтирована или, по меньшей мере, дестабилизирована. Теперь предлагается не вводить новую. Лучшего пути обеспечить хаос в ежедневной жизни российских граждан на ближайшие годы трудно себе представить.

В десятках российских регионов проведены выборы новых местных органов власти. Миллионы людей, которые в них участвовали, исходили из гипотезы, что сказанное российским руководством не является шуткой, а руководители страны не клоуны. Сегодня сказать, что мы поторопились, все это было несерьезно, значит, нанести тяжелый удар по репутации российской власти.

Руководство, политическая элита десятков российских регионов сочли, что принятое в 2003 г. законодательство по реформе местного самоуправления, к которому, еще раз подчеркну, я отношусь критически, — это серьезно. Они развернули подготовку к прокламируемой муниципальной реформе. В части регионов руководство сочло, что это очередной московский анекдот и ничего меняться не будет. Откладывая сейчас на неопределенный срок зафиксированную в законодательстве реформу местного самоуправления, мы даем четкие сигналы и тем, и другим — не будьте идиотами, не воспринимайте всерьез что-либо написанное в российских законах. Лучшего способа дискредитировать федеральную власть трудно придумать.

Такое решение можно принять в состоянии паники. А паника, как известно, худший способ ведения боя. Еще ни одно сражение не было выиграно при ее использовании. Пойти по этому пути — значит, продемонстрировать слабость российских властей, непредсказуемость их действий.

Разумеется, закон, и особенно главу 12, посвященную введению его в действие, можно и необходимо корректировать, сделать более гибкими, адаптированными к многообразию российских реальностей. Есть разные варианты того, как это сделать. Они требуют обсуждения, предполагают ответственность за принятые решения. Но это решение взрослых, ответственных людей. Отложить закон до 2010 г. — это истерическая, детская реакция на реальную проблему.

Легче всего, столкнувшись с вызовами, закрыть глаза и заплакать. Но даже в детском мире такая реакция не поднимает авторитет. Во взрослом мире она предельно опасна для страны.

Бизнес не любит неясности

С сегодня на завтра из-за приговора Михаилу Ходорковскому и его товарищам по несчастью ничего особенного с бизнесом не произойдет. Примерно такой исход суда давно ожидался, и выводы были включены в инвестиционные риски для России — идет ли речь об отечественных компаниях или о зарубежных.

Самое плохое (с точки зрения реакции бизнеса) произошло два года назад, после ареста Платона Лебедева, и дальше только развивалось. Развивалось по мере развертывания атаки на ЮКОС — тут и все новые налоговые претензии, и события вокруг «Юганскнефтегаза», и многое другое. Это были внятные сигналы, в каком мире мы живем. И каждый человек, работающий в бизнесе, если только он не клинический идиот, давно эти сигналы воспринял.

До июля 2003 г. в бизнесе преобладало представление, что атмосфера для предпринимателей в России — с коррупцией, с зависимой судебной системой — далеко не идеальная, но терпимая и меняющаяся к лучшему. Были понятны некоторые правила, и к ним можно было приспособиться. После ареста Лебедева в среде деловых людей возникло и все более крепло ощущение, что понятных для бизнеса правил игры больше нет, что они меняются от раза к разу. Вот только казалось, что освоили, поняли — нет, оказывается, что правил, по сути, не существует.

Это самый худший для экономики сигнал, какой только может быть. Ведь бизнес по природе прагматичен, там работают не только убежденные либералы или сторонники демократических свобод. Но он не любит неясных правил, не выносит их непостоянства.

Мы увидим, как это повлияет на развитие российской экономики. Еще никому не удавалось остановить постсоциалистический экономический рост после того, как он начался, более чем на год. У нас он начался в 1997 г., был прерван кризисом 1998 г., а с 1999 г. возобновился и был устойчивым.

Но сейчас властью делается все возможное и невозможное, чтобы добиться спада деловой активности. Как знать, если так стараться — может быть, и удастся.

Взаимосвязь экономического и политического развития в России

Взаимосвязь экономического и политического развития до сих пор влияет на развитие событий в России

За последние годы в России были проведены важные экономические реформы. Речь идет о легализации частной собственности на землю и обороте земли, налоговой реформе, позволившей радикально снизить налоговое бремя и повысить объемы собираемых государством доходов. Но в то же время шаг за шагом демонтировалась та несовершенная, но все-таки функционировавшая к началу 2000-х гг. система демократических институтов. Она включала выборы, от которых что-то зависело, свободную и влиятельную прессу, лояльного президента, независимый парламент, относительно автономные в решении местных проблем региональные власти, влиятельные предпринимательские организации. База идеологии, лежащая в основе такого развития событий, понятна. В мире опубликованы сотни книг и тысячи статей, в которых описаны преимущества «китайского пути» перед «русским» в решении проблем посткоммунистического развития. Считаю сформулированные в них мнения о правильности пути Китая, разделившего экономические и политические реформы, и о неправильности пути Советского Союза, пытавшегося эти реформы объединить, существенно упрощает реальное развитие событий.

Насилие как основа социалистической системы

Социализм — это система, в которой тесно переплетены политика и экономика, государственное устройство и функционирование ежедневной экономической жизни. В рамках стабильной социалистической системы, сформированной в конце 1920-х — начале 1930-х гг., наличие в продаже, например, хлеба в соседнем магазине зависит не от интереса производителя или продавца хлеба (по Ада-

му Смитту), а от того, что и производитель, и продавец хлеба знают, что если хлеба в магазине не будет, они будут жестко наказаны. До тех пор, пока власти и участники экономической системы убеждены в неограниченной способности властей применять насилие и заставлять людей делать то, что в условиях рыночной экономики они бы делать не стали, например, даром работать за трудодни или сдавать хлеб по нерыночным ценам, — система работает. Как только возникает сомнение и власти, и общества, способна ли она использовать силу для принуждения населения к поведению, противоречащему его экономическим интересам, — система перестает работать. После этого хлеб в магазинах исчезает.

Проблема социалистической системы в том, что само экономическое развитие после индустриализации подрывает основы стабильности власти. Убить несколько сот тысяч человек и отправить миллионы в лагеря в аграрной стране с подавляющим большинством неграмотного сельского населения, при наличии политической воли, жестокости и мессианской идеологии, как показывает опыт, — задача разрешимая. Сделать тоже самое в грамотной, развитой, урбанизированной стране сложнее. По мере роста уровня развития и власть, и общество, и органы насилия теряют уверенность в том, что солдаты в случае беспорядков будут стрелять в народ, выполняя приказы режима, который на деле они не выбирали.

В 1989 г. в Пекине (столице в то время вполне аграрной и не очень образованной страны) во время демонстрации на площади Тяньаньмэнь пекинский гарнизон был сочтен властями недостаточно надежным. Чтобы заставить танками давить собственный народ, им пришлось перебрасывать войска с советских границ. В СССР в 1991 г. войск, готовых давить танками собственных сограждан, не нашлось. То, что такое может случиться, было осознано советским руководством гораздо раньше, во время новочеркасских событий 1962 г. Тогда после сравнительно скромного повышения цен (на 30%) в городе начались беспорядки, власти утратили контроль над ситуацией. Войска братались с народом, не хотели применять силу. Лишь переброшенные из Ростова части внутренних войск, получившие официальный приказ, открыли огонь на поражение. То, что коммунисты пришли к власти потому что солдаты отказались стрелять в народ в феврале 1917 г., и это открыло дорогу той смуте, из которой они вышли победи-

телями, руководство СССР помнило. Поэтому, как свидетельствуют многие доступные той поры документы, страх перед тем, что подобное повторится с нами был важнейшим фактором, влиявшим на принятие ключевых политических решений. Например, после событий в Новочеркасске, тема повышения розничных цен на базовые потребительские товары в течение десятилетий была табуирована.

ОТ КРУПНЕЙШЕГО ЭКСПОРТЕРА ДО КРУПНЕЙШЕГО ИМПОРТЕРА

Ключевым вопросом для советского руководства в последние десятилетия, как показывают архивные материалы заседаний политбюро, было то, сколько можно мобилизовать зерна и сколько его необходимо стране. Как только стало очевидным, что способность применять насилие, ограничена, количество зерна, контролируемого государством, начинает уменьшаться. В 1980-е гг. Советский Союз превратился в крупнейшего в мире импортера зерна — и это фундаментальный экономико-политический поворот, определивший развитие событий в СССР в последние годы существования коммунистического режима. Советское руководство, вынужденное обеспечивать растущий спрос урбанизированного общества на продовольствие, было вынуждено решать эту проблему в условиях хронического кризиса сельского хозяйства и неконкурентоспособности отечественного машиностроения на мировом рынке. В объеме советского экспорта на конвертируемую валюту доля машиностроительной продукции составляла примерно 3%. Когда валютный кризис в Советском Союзе стал очевидным, тема наращивания экспорта машиностроительной промышленности всерьез советским руководством даже не обсуждалась. Все понимали что это нереально.

«Палочкой-выручалочкой» стало открытие в Западной Сибири богатейших нефтяных месторождений с уникальными дебитами скважин и неглубокими залежами нефти, их освоение шло на фоне аномально высоких цен на нефть. Сложившиеся в 1973–1985 гг. объемы нефтяного экспорта в номинальном исчислении выросли более чем в десять раз. С этого времени продовольственное снабжение крупных советских городов становится заложником ситуации на мировом рынке нефти и советской нефтедобычи.

«ТРИ КИТА» СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

К 1985 г. советская экономика была зависимой от трех факторов:

- погоды на целинных землях и соответственно урожая;
- состояния дел на нескольких крупнейших нефтяных месторождениях;
- мировых цен на нефть и непредсказуемой конъюнктуры нефтяного рынка.

В условиях внешнеэкономического шока, падения цен на нефть выяснилось, что в грамотных, индустриализованных сообществах с высоким уровнем образования населения у кажущихся прочными тоталитарных режимов не так много ресурсов, позволяющих обеспечивать их устойчивость. С многократным падением цен 1985–1986 гг. столкнулся не только СССР. Для всех нефтедобывающих стран этот период был нелегким. В Мексике начался демонтаж режима управляемой демократии, а в Венесуэле, наоборот, развалился демократический режим. Однако кризиса такого масштаба, с которым столкнулся Советский Союз, не было нигде.

В стране, зависящей от колебаний цен на сырье, внешний экономический шок — это ухудшение условий внешней торговли не на несколько процентов, а в несколько раз. Это сказывается на финансировании армии, образования, здравоохранения, науки и культуры. Государственный аппарат, тем не менее, к этому можно приспособить, и многие страны в своей истории это делали. Но в основе легитимации социалистического режима — идея о том, что мудрые, оснащенные инструментарием марксистской идеологии руководители лучше чем народ знают, куда надо вести страну. Для такого режима признание властью собственной несостоятельности — за гранью всех политических возможностей, равнозначно его демонтажу. Хорошо видно по архивным материалам, что советское руководство никогда даже не обсуждало такой возможности. Это объясняет то, что советский режим, столкнувшись с крупномасштабным внешним шоком, шел к своей гибели, к государственному банкротству, как агнец на заклание, почти не пытаясь даже ничего сделать, чтобы остановить катастрофу, наблюдая за тем, как сокращаются валютные резервы, прекращаются выплаты по внешним долгам, нарастает кризис потребительского рынка, истощаются запасы зерна — т.е. за всем

тем, что предшествовало его гибели. В августе 1991 г., как и в феврале 1917 г., солдаты отказались стрелять в народ. С этого момента режим был просто обречен, он перестал существовать. С этого времени обсуждать всерьез то, можно ли разделить по времени политические и экономические реформы, стало бессмысленно. Крах социалистической политической системы делал сохранение экономической невозможным. Сразу после того, когда стало ясно, что ни одна рота не двинется по приказу союзного руководства, чтобы кого-то и чем бы то ни было принудить, государственная система принудительных хлебозаготовок по нерыночным ценам — с 1928 г. основа советской экономики — перестает функционировать.

Я остановился на этих факторах, приведших к распаду СССР, именно потому, что вижу опасные тенденции в российской политике, свидетельствующие, что мы рискуем повторить ошибки прошлого. Впервые за последние годы цены на нефть в реальном исчислении приблизились к уровню 1985 г., кануна краха советской экономики. Принять на себя множество бюджетных обязательств, проекты повышения зарплат госслужащих, социальные программы в условиях высоких цен на нефть легко. Отменить их, если цены резко падают, — трудно или невозможно. По меньшей мере руководству СССР это не удалось. Еще раз наступать на те же грабли неразумно. Но похоже удержаться от этого трудно. Это проблема всех стран, зависимых от мировых цен на ресурсы, не только России. Но нам от этого не легче. Осознание серьезности рисков, связанных с волатильностью сырьевых цен, их влияния на отечественную экономику, необходимая предпосылка того, что нам вновь не придется проходить через тяжелый экономический кризис.

Уроки политической ответственности

Российские органы власти извлекли уроки из того, что произошло с советской экономикой. Это видно по ответственной бюджетной и денежной политике, проводившейся в 2000–2004 гг. на фоне высоких цен на нефть и связанных с ними дополнительных высоких,

Опубликовано в: ИзвестияRU. 2006. 8 февраля. — <http://www.izvestia.ru/comment/article3069497>

но неустойчивых доходов. Проводилась консервативная бюджетная политика, были обеспечены профициты бюджета, позволившие значительно сократить внешний долг, который остался в наследство от СССР, и расходы на его обслуживание. Создав Стабилизационный фонд, сформированный по четко определенным правилам, российское правительство и российский парламент пошли по пути ответственных государственных органов тех стран, финансы которых в значительной степени зависят от конъюнктуры рынков сырьевых ресурсов.

В 2000–2004 гг. российский бюджет мог без серьезных издержек создания крупных дисбалансов приспособиться к уровням исторических цен на нефть, характерным для периодов относительно низких цен 1987–1990 гг., 1999–2001 гг. Однако долго удерживать такую ответственную финансовую линию крайне сложно. Это показывает богатый мировой опыт, в том числе и опыт развитых демократий. С 2005 г. стало ясно: возможность правительства продолжать политику, позволяющую минимизировать риски острого финансового и валютного кризиса, с которым может столкнуться страна при падении цен на нефть, становится все более ограниченной. Объяснить обществу, что государство не способно выделить деньги на ту или иную реальную общественную потребность, потому что их нет, еще можно. Объяснить, что этого нельзя сделать потому, что экономика страны окажется крайне уязвимой, зависящей от непредсказуемых факторов, что это обернется тяжелым экономическим кризисом, — крайне сложно. Шаги, предпринятые по наращиванию бюджетных обязательств, базирующихся на дополнительных нефтяных доходах, пока довольно ограничены.

Однако устойчивость финансовой системы в перспективе снижается. Россия, как раньше СССР, становится все более зависимой от сохранения цен на нефть на уровне, который является исторически аномальным.

Все реалистичные прогнозы показывают: при накопленных валютных резервах Стабфонда Россия даже при неблагоприятном развитии событий в 2006–2008 гг. не столкнется с серьезным финансовым кризисом. Максимум, что может произойти, — замедление темпов экономического роста. Однако, обсуждая подобные долгосрочные риски, важно думать не только о короткой политической перспективе. Принимая сегодня важные экономические решения, создавая бюджетные

обязательства, мы определяем контуры, в которых придется работать российским органам власти в ближайшие 10-15 лет. Это сродни тому запасу стабильности, который обеспечивали высокие цены на нефть брежневскому политбюро вплоть до Черненко.

Правда, потом проявились заложенные в конце 70-х — начале 80-х гг. проблемы — в масштабах, которые трудно было себе представить. Решения о том, как регулировать эти риски, пришлось принимать другим. Вряд ли мы хотим, чтобы Россия повторила в этом отношении судьбу Союза.

Конечно, по состоянию на сегодняшний день риски дестабилизации положения в России значительно ниже, чем те, что существовали в СССР в начале 1980-х. Политический режим можно назвать мягким авторитаризмом, в нем еще немало элементов свободы и гибкости. Доля русских в России несопоставимо выше, чем в СССР, что делает регулирование межнациональных отношений задачей, в большей степени разрешимой. В России функционирует неизмеримо более гибкая, чем социалистическая, позволяющая легче адаптироваться к изменениям мировой экономической конъюнктуры рыночная экономика. Сама логика ее не предполагает, что вся ответственность за любые изменения экономической жизни немедленно ложится на существующие власти. Но есть риски, связанные с утратой адаптационной гибкости, ростом зависимости страны от динамики параметров, которые ее руководство не может контролировать. Это как раз тот случай, когда, как показывает опыт, осторожность — признак ответственной политики.

Задела экономической стабильности России хватит на два-три года

Состояние российского бюджета позволяет утверждать, что в ближайшие несколько лет страна будет успешно контролировать экономическую ситуацию и сможет избежать серьезных кризисов. Об этом свидетельствует и достаточно ответственная и консервативная финансовая политика предшествующих лет. В пользу этого те-

зиса говорит и то, что последний период высоких цен на нефть мы прошли без бурной экспансии бюджетных обязательств. Это и накопленные резервы, которые многократно превышают резервы, которыми когда-либо располагал Советский Союз. Все это создает задел прочности на ближайшие два-три года. Разумеется, речь идет именно о двух-трех годах. Советский Союз в 1985 г. имел безупречный валютный рейтинг. И мог привлекать кредитные ресурсы в практически неограниченных масштабах. После того как цены на нефть упали в шесть раз, это помогло ему ровно на три года. С 1988 г. ситуация стала очевидно неуправляемой.

Мы сегодня находимся в более комфортном положении. Мы не являемся крупнейшим в мире импортером зерна. В этой связи каждодневная жизнь не зависит от колебаний платежного баланса в краткосрочной перспективе. Экономика куда более гибкая по сравнению с советской. Но все это, разумеется, не избавляет от рисков в более длительной перспективе, которые существуют у всех стран, зависящих в значительной степени от колебаний сырьевых рынков. В том числе и таких развитых и таких богатых, как, скажем, Норвегия.

Истекающий срок полномочий действующего президента в этом смысле — не более чем фон. Мы не видим серьезных факторов риска для дестабилизации экономической ситуации в России до 2008 г. Разумеется, это не означает, что их вовсе нет. Риски связаны с объективными ограничениями мощностей инфраструктуры. Скажем, добыча газа на крупных месторождениях, мощности электроэнергетики. Это дополнительный самостоятельный фактор риска.

Не проходит года, чтобы кто-то из экспертов не заговорил об угрозе нового дефолта. Хочу сказать, что подобного риска в краткосрочной перспективе не существует. У государственных компаний нет короткого долга. Нет серьезных рисков, связанных с невыполнением Россией своих финансовых обязательств. В среднесрочной перспективе, скорее, речь может идти не о дефолте по российским государственным обязательствам, а о проблемах с финансовым обслуживанием, с финансированием долгов крупных отечественных государственных компаний. Я не вижу этого риска в ближайшие два-три года, но стратегически — да, это угроза, которую надо иметь в виду.

Если вернуться от среднесрочных перспектив к дню сегодняшнему, то есть несколько основных проблем, доставшихся нам в наследство от 2005 г. Прежде всего высокая инфляция и инфляцион-

ная инерция. Да, инфляция в 10,7% — это совсем не то, что в сотни процентов. Понятна ее база. Это, конечно, высокие цены на нефть, сильное сальдо платежного баланса, которые лишь частично компенсируются увеличением стабилизационного фонда. Ограниченная способность экономики принимать поток доходов, необходимый для стерилизации потока валют, который приходит в страну на фоне экстремально высоких цен на нефть. Надо понимать, что это факторы дискомфорта и риска, следствием которых становятся нестабильный фон для экономической деятельности и недостаточно высокие темпы роста инвестиций. Они довольно высоки по мировым стандартам. Сказать, что 9–10% в год мало, было бы неправильно. Только дело в том, что российские потребности в инвестициях после длинного периода инвестиционного голода, который был связан с крахом советской экономики, потом с тяжелым периодом рецессии, создали очень большой спрос на инвестиции. И поддержать нынешние темпы роста в районе 6–7% ВВП, имея темпы роста инвестиций всего 9–10% ВВП, к сожалению, невозможно. Здесь, конечно, ключевая проблема, это права собственности. И все, что происходило с правами собственности в последние три года, мало помогало обеспечению устойчивых темпов роста.

Жизнь с нефтью

Кризис, следующий за падением цен на нефть, не могут пережить ни авторитарный режим, ни демократический.

Казалось бесспорным, что ресурсное богатство, обеспеченность страны запасами важных для индустриализации полезных ископаемых, обилие плодородной земли помогают обеспечить высокий уровень благосостояния, однако опыт XX в. показал, что эти взаимосвязи сложнее.

Венесуэла и Мексика к началу 1970-х — государства с уровнем душевого ВВП, сопоставимым с показателями, достигнутыми в СССР в то же время.

В Мексике экономический рост десятилетий предшествующих 1970-м гг. с нефтью связан не был. Венесуэла в начале 1970-х — одно из крупнейших нефтедобывающих государств мира. Для доходов бюджета нефть, ее экспорт принципиально важны. Но и здесь на протяжении десятилетий, предшествующих скачку цен 1973–1981 гг., производство в секторах, не связанных с нефтью, быстро росло.

Мексика на протяжении десятилетий была закрытой демократией, с 1929 г. сохраняла политическую устойчивость. Венесуэла до начала 1990 гг. — одна из немногих стабильных демократий в Латинской Америке. И в той, и в другой стране министерства финансов имели репутацию высокопрофессиональных институтов. В течение многих лет ими руководили люди, понимающие риски, связанные с непредсказуемостью цен на сырьевые ресурсы.

Мексика: нефть — популизм — кризис

Скачок цен на нефть в 1973–1974 гг. наложился в Мексике на открытие новых крупных месторождений. Со второй половины 1970-х гг. резко растут и объемы добычи нефти, и доходы бюджета от их использования. К 1970 г. нефтяной сектор производил 2,5% ВВП Мексики и обеспечивал федеральному правительству 3,5% доходов. К 1983 г. доля этого сектора в ВВП возросла до 14%. До 1974 г. доля нефти в экспорте Мексики составляла примерно 0,5%, в 1980 г. нефть и газ обеспечивали 67,3% экспортных поступлений страны. Доля обрабатывающих отраслей в экспорте сократилась до 16,5%.

Все это накладывается на кризис модели импортозамещающей индустриализации, замедление роста мексиканской экономики в первой половине 1970-х годов. Пришедший к власти в 1976 г. президент Мексики Л. Портильо решает использовать поступившие в распоряжение правительства финансовые ресурсы, чтобы подстегнуть развитие экономики. Начинается реализация набора масштабных инвестиционных проектов. Многие из них оказываются — при ограниченных возможностях эффективно использовать нефтяные деньги, низком качестве государственного аппарата — либо незавершенными, либо малоэффективными.

Доля государственных расходов в ВВП, составлявшая в конце 1960-х гг. примерно 20%, к 1982 г. приближается к 50%. Темпы ро-

ста инвестиций, финансируемых за счет добычи нефти и внешних займов, составляли в 1978–1981 гг. примерно 20%, темпы роста ВВП — 8,4%. Если бы такая экономическая политика была устойчивой, этого было бы достаточно для удвоения ВВП за десять лет. К сожалению, опыт еще раз показал, что попытки подстегнуть темпы роста, используя средства, опасные для долгосрочной устойчивости развития, дорого обходятся и экономике, и обществу.

В это время проявляются и характерные черты распространения «голландской болезни» на мексиканскую экономику — быстрое укрепление реального курса национальной валюты. Правительство наращивает внешний долг. Кредиторы, убежденные в том, что высокие цены на нефть — гарантия сохранности вложений, охотно предоставляют займы. В 1981 г. внешний долг государственно-го сектора Мексики достиг 40 млрд долл., частного сектора — примерно 20 млрд долл.

К началу 1980-х гг. доходы Мексики от добычи нефти достигли примерно 20% валового внутреннего продукта страны. Руководство было убеждено в том, что повышение нефтяных цен в 1979–1981 гг. отражает долгосрочные тенденции развития, их уровень не будет снижаться на протяжении многих лет. В 1981 г. правительство Мексики приняло решение перейти к еще более агрессивной финансовой политике. В ее основе предположение, что рост доходов от добычи и экспорта нефти в среднесрочной перспективе составит 12% в год. Как нередко бывает, это произошло в самое неподходящее время.

В 1981–1982 гг. конъюнктура изменяется. Рост цен на нефть остановился. Усилия властей США, направленные на сдерживание инфляции, повышение процентной ставки, увеличивают стоимость обслуживания внешнего долга во всем мире, в том числе в Мексике. Неуверенность в его возврате стимулирует отток капитала. В феврале 1982 г. мексиканское правительство было вынуждено на 70% девальвировать национальную валюту. Это усугубило проблемы, связанные с платежами по государственному внешнему долгу. Власти предпринимают ряд опасных шагов: вводят систему двойного валютного курса, отказываются возвращать взятые кредиты, ужесточают контроль за движением валюты, национализируют банки. Все это происходит на фоне продолжающегося снижения нефтяных цен.

С 1983 г. правительство пытается стабилизировать финансы, останавливает незавершенные проекты, повышает налоги, сокращает бюджетные обязательства. И все это приходится делать на фоне снижения нефтяных цен 1983 — 1986 гг. Отсюда череда начатых и незавершенных стабилизационных программ, остановка экономического роста. Среднегодовые темпы роста душевого ВВП в Мексике 1980-х гг. находились в области отрицательных значений (–0,54 %).

Накануне открытия новых нефтяных месторождений Мексика давно была интегрированной в глобальный финансовый мир рыночной экономики. Последствия авантюрной политики Л. Портильо проявились быстро. Правда, власти сумели сохранить политическую стабильность, но кризис развития 1980-х гг. стал важнейшим фактором, сделавшим сохранение режима закрытой демократии невозможным.

ВЕНЕСУЭЛА: НЕФТЬ — ИНВЕСТИЦИИ — СТАГНАЦИЯ

Власти Венесуэлы, на протяжении десятилетий имевшие дело с нефтяным рынком, инициировавшие формирование ОПЕК, создавшие стабилизационный фонд, были лучше, чем руководство Мексики, подготовлены к тому, чтобы справиться с вызовами, связанными с повышением бюджетных доходов, следующим за ростом цен на нефть. Они хорошо понимают роль нефти в экономике стран.

Сразу после скачка цен 1973 г. они проводят осторожную бюджетную политику, не допускают быстрого укрепления национальной валюты. Однако в условиях демократии еще труднее, чем при авторитарном режиме, противостоять волне популизма, возникающей на фоне возросших бюджетных доходов. Отсюда поток идей, связанных с тем, как использовать средства стабилизационного фонда на разнообразные расходные программы. Именно с такой платформой яркий популист Карлос Андрес Перес побеждает на выборах в 1974 г. Он начинает реализацию набора инвестиционных проектов, призванных диверсифицировать экономику Венесуэлы, улучшить состояние инфраструктуры, расширяет социальные обязательства государства, снижает налоги, не связанные с добычей нефти. Изменение мировой конъюнктуры с середины 1980-х гг. делает продолжение такой политики невозможным. Отсюда череда тяжелых непопулярных мер, которые приходится предпринимать.

С 1950 по 1980 г. валовой внутренний продукт на душу населения в Венесуэле вырос на 234%. Между 1980 и 1989 гг. он сократился на 18,1%. Курс национальной валюты, относительно стабильный на протяжении десятилетий, за период 1980-х годов упал в 10 раз. К 1989 г. годовые темпы инфляции достигли 84%. Внешний долг, которого практически не существовало в 1974 г., в 1989 г. составлял 54% валового внутреннего продукта и был равен трехгодovому объему экспорта. В течение 60 лет, предшествовавших 1980 г., в Венесуэле средние темпы роста производительности труда в секторах, не связанных с нефтью, составляли 6,7%. В 1920–1979 гг. среднегодовой рост душевого ВВП составлял 6,4% в год. В течение 20 лет после 1980 г. в секторах экономики, не связанных с нефтью, производительность труда снижалась. К концу 1990-х она достигла уровня, соответствующего показателям 1950 г. В 1978 г. кредитный рейтинг Венесуэлы составлял тройное «А». В 1983 г. она объявила о прекращении выплат по внешнему долгу.

После нескольких лет политики «затягивания поясов» избиратели в 1989 г. вновь приводят к власти К. Переса. С ним ассоциируется период благополучия. Но ситуация изменилась. Сам президент понимает, что другого выхода, кроме проведения жесткой бюджетной политики у него нет. Он предупреждает, что если правительственные расходы не будут резко сокращены, страна столкнется с жесточайшим бюджетным дефицитом. Это отнюдь не то, что от него ждали. Попытка переворота, предпринятая в 1992 г. У. Чавесом, подводит черту под периодом стабильности венесуэльской демократии. Как и многие другие страны, Венесуэла — пример того, как трудно справиться с вызовами, связанными с колебанием цен на сырьевые товары.

Нередко крупнейшими заемщиками на мировых финансовых рынках оказываются не сами государства — экспортеры сырья, а их национальные ресурсодобывающие предприятия. Так, уже в 1974 г. долг индонезийской государственной нефтяной компании «Петромине» превышает внешний долг индонезийского правительства.

Есть и другие, противоположные примеры. Так, к концу 1970-х чилийский платежный баланс и государственный бюджет зависели от динамики цен на медь. В 1976 г. доходы от экспорта меди составляли более 50% объема экспорта. В 1980-х гг. эта доля составляла примерно 40%. До начала 1990-х гг. платежи государственной

меднорудной компании в бюджет равнялись 20% его общих доходов. Чилийское правительство отказалось проводить регулируемую государством политику диверсификации национальной экономики, реализовывать масштабные инвестиционные проекты; оно создает институциональные основы развития конкурентоспособных производств в отраслях, не связанных с медью, формирует хорошо управляемый стабилизационный фонд, не допускает резкого укрепления курса национальной валюты, обеспечивает условия беспрецедентного в Латинской Америке конца XX в. экономического роста. Но это редкое в истории исключение.

КАК УСИДЕТЬ НА МЕШКЕ С ДЕНЬГАМИ

То, что поток сырьевых товаров, цены на них — величины нестабильные, известно не со вчерашнего дня. Многие богатые ресурсами страны пытались найти пути решения проблем, связанных с этой нестабильностью. Один из возможных — хеджирование рисков, заключение форвардных контрактов. Однако политически этот путь опасен. Если динамика цен окажется более благоприятной, чем та, которая предусмотрена сделками, объяснить обществу, почему бюджет понес потери, трудно. Всегда найдутся охотники доказать, что контракты были заведомо вредными для национальной экономики.

Наиболее распространенные решения предполагают формирование стабилизационных фондов, пополняемых во время благоприятной конъюнктуры и используемых, когда цены падают. Это не значит, что такие проблемы неразрешимы. Чили — страна, в значительной степени зависящая от конъюнктуры рынка меди, создала стабилизационный фонд в 1985 г., чтобы ограничить влияние изменений конъюнктуры рынка меди на обменный курс национальной валюты и бюджетные поступления. Управление Норвежским стабилизационным фондом считается образцовым, является предметом подражания для других ресурсобогатых стран. Фонд штата Аляски, Кувейтские резервный фонд и фонд будущих поколений, Оманский государственный резервный фонд — примеры подобного рода институтов. Мотивы создания их правительствами, понимающими масштабы и серьезность рисков, связанных с нестабильностью бюджетных доходов в богатых ресурсами странах, очевидны.

Существуют два основных вида таких институтов: фонды, предназначенные для защиты экономики страны от колебаний цен, и фонды будущих поколений, созданные чтобы поддержать благосостояние на длительную перспективу, в период, когда запасы природных ресурсов будут исчерпаны. Иногда они функционируют по определенной законом формуле, устанавливающей зависимость масштаба отчислений от цены на экспортные ресурсы; в других случаях объемы поступлений определяются при утверждении бюджета. Опыт показал, что это эффективный инструмент регулирования рисков, связанных с нестабильностью цен на ресурсы. Но преувеличивать его надежность нельзя.

В том, что касается укрепления реального курса национальной валюты, связанных с этим проблем развития несырьевых отраслей, действенность стабилизационных фондов ограничивается тем, что рост финансовых резервов, вложенных в высоколиквидные, надежные международные активы, повышает инвестиционную привлекательность национальных ценных бумаг, стимулирует приток краткосрочного капитала.

Острее, однако, оказываются политические противоречия, связанные с функционированием стабилизационных фондов. В демократических странах, а к таким из богатых ресурсами относятся многие, велики риски, что средства будут вложены в неэффективные проекты, финансируемые государством, а значительная часть из них разворована. История нигерийского стабилизационного фонда — классический пример такого развития событий.

В демократических странах крупные финансовые ресурсы стабилизационных фондов делают трудной задачу ограничения экспансии бюджетных обязательств. Компетентный и ответственный министр финансов Венесуэлы в октябре 1978 г. сказал: «Самым важным оружием министра финансов, который сталкивается с многочисленными бюджетными запросами, — его способность сказать «нет денег», но как я мог сказать это при таком количестве денег в наличии?». Объяснить руководителям ведомств, расходующих бюджетные средства, политическим лобби, парламентариям, что правительство не может выделить ассигнования на те или иные цели из-за того, что денег нет, — задача решаемая, но, конечно же, очень нелегкая. Доказать, что оно не может этого сделать потому, что это окажет влияние на укрепление реального курса

национальной валюты, подорвет конкурентоспособность несырьевых отраслей, создаст обязательства, выполнить которые при неблагоприятной конъюнктуре рынка сырья невозможно, как показывает опыт, еще труднее.

Норвегия — страна разумно и ответственно распоряжающаяся нефтяными доходами. Через двадцать лет после открытия нефтяных ресурсов Северного моря Норвегия по-прежнему сохраняла долю государственных расходов ВВП более низкую, чем Дания, Финляндия и Швеция. Норвежский стабилизационный фонд имеет репутацию прозрачного, ответственно управляемого. Однако со времени его создания ни одна правящая коалиция не выигрывала выборы. Риторика, связанная с тем, что правительство, сидящее на мешках с деньгами, отказывается решать важные для общества проблемы, — сильное оружие в политической борьбе. В начале сентября 2005 г. Организация Объединенных Наций назвала Норвегию страной с самым высоким уровнем жизни. Это не помогло в том же месяце правящей коалиции выиграть выборы. Главные темы предвыборной кампании оппозиции были связаны с тем, как расходовать доходы в условиях высоких цен на нефть, то, в каких масштабах их можно использовать в различных социальных программах. Конкурирующие политические партии в Норвегии имеют длинную историю, политически ответственны. Выиграв выборы, сформировав правительство, они объясняют избирателям, что переоценили возможность расходования средств стабилизационного фонда, недооценили связанные с этим риски. Оппозиция может обвинить их в невыполнении предвыборных обещаний, построить на этом платформу следующих выборов. В условиях стабильной экономики и эффективной демократии это не так страшно. К сожалению, не все богатые ресурсами страны имеют такие политические системы.

Современный экономический рост — процесс беспрецедентный в истории, труднопрогнозируемый. Изменения условий мирового развития ставят перед государствами новые проблемы, требуют выработки адекватных ответов, способности менять социальные институты, формы организации общественной жизни. В странах, экономики которых зависят от сырьевых товаров, непредсказуе-

мость цен на них осложнит ситуацию. От динамики цен на ресурсы зависит уровень инфляции, доходы населения, возможность оплачивать внешний долг. Это серьезный вызов. Не все богатые ресурсами страны оказываются способными на него ответить. В этом — одна из причин того, что темпы экономического роста в них более низкие, чем в странах, не обладающих ресурсным богатством. Опыт решения проблем, порождаемых нестабильностью сырьевых рынков, не дает простых рецептов. Что он показывает несомненно — это значимость готовности национально-политической элиты к изменениям мировой конъюнктуры, понимания ею того обстоятельства, что здесь таится реальная угроза.

Во второй половине XX и в начале XXI вв. войны стали скорее исключением, чем правилом. Вооруженных конфликтов между крупными державами в последние 60 лет не было. Но военная традиция, идущая от штабной культуры XIX в., заставляет иметь то, что называется «планом боевого применения вооруженных сил», — проработанную программу мероприятий, осуществляемую в случае нападения или угрозы нападения потенциального противника. Опыт XX в. показал, что для богатых ресурсами стран, сталкивающихся с рисками неблагоприятной конъюнктуры, важно иметь нечто подобное такому плану для четкого понимания, что правительства будут делать в случае падения цен на сырье, какие последствия это будет иметь для бюджета, платежного баланса, потребительского рынка, обслуживания внешнего долга, стабильности банковской системы. Советский Союз в начале 1980-х гг. такого плана не имел. Последствия этого оказались тяжелыми.

Ядерный баланс: Опасные игры

Иногда лучше разобраться в проблеме, прежде чем писать статьи.

Доцент Университета Нотр-Дам Кейр Либер и адъюнкт-профессор Пенсильванского университета Дэрил Пресс опубликовали в американском журнале *Foreign Affairs* статью «Подъем ядерного превосходства США». В ней изложены результаты расчетов, получен-

ных в рамках разработанной ими модели. Они демонстрируют, что Соединенные Штаты создали ядерный потенциал, достаточный для гарантированного уничтожения России и Китая, позволяющий не опасаться ответного удара.

В статье российскому и китайскому руководству подробно объяснили, в чем смысл разрываемой США системы противоракетной обороны. Речь, по мнению авторов, идет не о предотвращении угроз, исходящих от стран-изгоев, а о другом — мерах, позволяющих свести к минимуму риски ответного удара России и Китая, который может последовать за ядерным ударом со стороны США.

Америка — свободная страна. Что написали доцент с адъюнктом — их дело. Беда в том, что, когда берешься за столь деликатную тему, хорошо бы понимать ответственность, которую ты на себя принимаешь.

Я профессиональный экономист, в свое время руководил правительством ядерной державы. И в моделях, и в ядерном оружии кое-что понимаю. Когда читаю пассажи о том, что американские крылатые ракеты, запущенные с американских бомбардировщиков Б-52, вероятно, невидимы для средств российских ПВО, меня восхищает слово «вероятно». Хочется спросить авторов модели: кому, в случае если их догадка о невидимости окажется неправильной, они будут объяснять причины своих ошибок?

Мир был ближе всего к ядерной войне в 1962 г., во время кубинского кризиса. Развитие событий происходило в 100 км от побережья США. Американское военное планирование базировалось на гипотезе, что на этом острове нет советских тактических ядерных средств. Об этом свидетельствовали данные ЦРУ и американской военной разведки. Исходя из этого разрабатывались планы бомбардировки Кубы, высадки американского десанта. Напомню, что все эти события происходили в стране, которая почти в 155 раз меньше, чем современное российское государство. О том, что в это время на острове было более 100 советских тактических ядерных боезарядов, американские власти узнали 27 лет спустя. Если знаешь историю холодной войны, убежденности авторов в том, что они все понимают в организации ядерных сил потенциального противника, руководстве ими, можно позавидовать. Повторюсь: у разработчиков модели есть неоспоримое преимущество — если она окажется неточной, об этом им никто не скажет.

Опубликовано в: *Ведомости*. 2006. 30 марта.

Все это можно было бы оценить как невинную игру ума, если бы не политические последствия, важные для мира. И в нашей стране немало тех, кто разделяет подобные взгляды на происходящее и уверен, что США готовят ядерный удар по России. Однако публикация подобного набора идей в авторитетном американском журнале произвела эффект разорвавшейся бомбы. Даже журналисты и аналитики, не склонные к истерике и антиамериканизму, оценили ее как выражение официальной позиции американских властей (см., в частности, редакционную статью «Помет ястреба» в газете «Ведомости» от 22.03.2006). В силу большей информационной закрытости Китая определить реакцию властей этой страны сложнее. Боюсь, что она будет подобной.

С советских времен не люблю слово «провокация». Но если бы кто-то захотел спровоцировать Россию и Китай на тесное сотрудничество в области ракетных и ядерных технологий, направленное против Соединенных Штатов, ему трудно было бы сделать это с большим умением и изяществом.

В основе советского военного планирования лежала концепция «ответно-встречного удара». Речь шла о нанесении ядерного удара при появлении угрозы со стороны противника. Шансы на то, что эта доктрина в России вновь войдет в моду, за последние дни увеличились. Вряд ли это поможет укреплению мировой безопасности.

На протяжении последних лет я и многие мои коллеги вели нелегкую борьбу за сохранение в России ответственной финансовой политики на фоне экстремально высоких цен на нефть. Элементом этой борьбы был Стабилизационный фонд. Боюсь, что борьба проиграна. Куда теперь пойдут средства Стабилизационного фонда, догадаться нетрудно.

Мир столкнулся с тяжелой проблемой, связанной с иранской ядерной программой. Единство действий Соединенных Штатов, Европы, России, Китая — ключевая предпосылка, дающая надежду на то, что с ней удастся справиться. В этой ситуации взаимные подозрения в подготовке ядерного удара — худший фон для подобного сотрудничества. Если бы я был одним из иранских руководителей, то заплатил бы немалый гонорар за такую публикацию.

Когда тебя провоцируют, важно сохранять трезвый рассудок, понимать, кому нужно, чтобы ты вышел из себя. Будем надеяться, что у российского и китайского руководства хватит здравого смысла, чтобы это понять.

Страна и нефть: Цена металла в голосе

Недавно, в одном из своих выступлений, вице-президент США Дик Чейни заметил, что демократия для нашей страны полезна. Реакция российских аналитиков и комментаторов оказалась болезненной. Заговорили о том, что мы можем применить к США экономические санкции, отказаться от закупки американских «Боингов», ограничить участие американских компаний в инвестиционных проектах, связанных с добычей нефти и газа.

То, что демократию в России никто, кроме нас, построить не может, — очевидно. То, что влияние из-за рубежа на развитие внутриполитических процессов в нашей стране ограничено, — также. Лидеры западных государств это понимают. Сказанное Чейни, с точки зрения западного общественного мнения, — тривиальность. Свобода воспринимается в ведущих демократических странах мира как вещь самоценная. Это не значит, что правительства стран Запада всегда на практике действуют исходя из этой парадигмы. Но отклонения от нее воспринимаются как аномалия, чреватые поражением на выборах. Россия, а не Китай, — член «восьмерки» именно потому, что с начала 1990-х гг. она рассматривалась в мире как государство, медленно, с отступлениями, но идущее по пути формирования свободного общества.

Сила действия сырья

В чем причина столь болезненной реакции на повторение общеизвестной позиции? Позволю себе сформулировать гипотезу: как и во многих поворотах российской политики и экономики и здесь не обошлось без влияния цен на нефть.

Значительная доля сырья в экспорте, ресурсных платежей в доходах бюджета — не порок. Такая структура экономики бывает характерна и для высокоразвитых стран. Норвегия — наглядный тому пример. Проблема не в том, что экспорт сырья — занятие постыдное, а в самой природе экономики сырьевых отраслей и рынков.

Амплитуда колебаний цен на сырьевые ресурсы больше, чем на продукцию обрабатывающих отраслей. Для крупнейшей в мире эко-

номики (США) на протяжении последних 35 лет максимальное годовое изменение условий торговли (соотношение экспортных и импортных цен) было связано с резким повышением цен на нефть и составило 14% (1974 г.). Американская экономика тяжело адаптировалась к новым условиям, вошла в период «стагфляции» с характерным для него сочетанием высокого уровня безработицы и темпами инфляции. Напомню, речь шла об изменении условий торговли на 14%.

Ресурсозависимые страны живут в ином, менее стабильном мире. Цены (здесь и далее — в долларах 2000 г.) на важнейший сырьевой товар — нефть на протяжении тех же 35 лет колебались в диапазоне от менее 10 долл. до более 80 долл. за баррель. Переход от периода экстремально высоких цен к средним многолетним (примерно 20 долл. за баррель в течение более 140 лет активной добычи этого ресурса) или их выход на более низкие уровни происходил за короткий, измеряемый месяцами промежуток времени. Подавляющее большинство аналитиков, власти стран-производителей и потребителей нефти предвидеть его не смогли. Приближение периода необычно высоких цен на нефть точно предсказать также до сих пор не удавалось.

Масштабные колебания цен несут за собой набор взаимосвязанных последствий для национальных финансов, платежного баланса, внутренней политики. Приведу лишь один пример. Для периода аномально высоких цен в богатых ресурсами странах характерны популярные или, по меньшей мере, стабильные правительства. Бывает и по-другому (Иран 1979 г.), но это исключение. Правительства, приходящие к власти на фоне падения ресурсных цен, вынуждены осуществлять непопулярные меры: сокращать социальные программы, снижать объем дотаций, повышать регулируемые государством цены, сокращать инвестиции. Такая политика поддержки избирателей не прибавляет. Общество не обязано понимать, что эти решения не прихоть властей, они заданы изменившимися условиями, в которых существует национальная экономика. Иногда трудности адаптации к новому уровню сырьевых цен прокладывают дорогу кризису политического режима. История краха советской экономики и самого СССР после падения цен на нефть в 1985–1986 гг. — наглядная иллюстрация этому.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Колебания сырьевых цен оказывают серьезное влияние и на выбор внешнеполитического курса. Опыт показывает: сырьевые доходы — ненадежный фундамент для имперских амбиций. Это известно не со вчерашнего дня. Взаимосвязь притока золота и серебра из Америки в Испанию и развертывания внешнеполитических процессов в Европе во второй половине XVI — первой половине XVII вв. наглядно иллюстрирует данное положение. Суть урока, который полезно извлечь из этого опыта, — в том, что на фоне растущих ресурсных доходов принять имперские обязательства легко; а отказаться от них, когда финансовый поток сокращается, трудно. К концу 1640-х гг. Испания утратила европейские владения вне Пиренейского полуострова, контроль над Португалией, оказалась на грани потери Каталонии и Арагона. При этом испанская армия, по общему признанию, оставалась сильнейшей в Европе. Ко времени, когда она потерпела первое за десятилетия поражение в крупном сухопутном сражении (1643 г., битва при Рокруа), империя лежала в руинах. Причиной краха стали не военные неудачи, а сокращение потока ресурсных доходов, невозможность отказаться от принятых внешнеполитических обязательств, расстройство финансов, череда государственных банкротств, вынуждающих испанские власти просить о мире страны, которые совсем недавно казались слабыми противниками.

Во время предшествующего периода высоких цен на нефть (1973–1985 гг.) СССР ввязался в активные военно-политические операции в Африке, потратил сотни миллиардов долларов на поддержку вассальных режимов, способствовал своей политикой формированию широкой неформальной коалиции, направленной против экспансии советского влияния, включающей не только страны Запада, но и Китай. После начала Афганской войны к этому союзу присоединились ведущие арабские нефтедобывающие страны. Тон диалога Саудовской Аравии с США в том, что касается и безопасности и действий на рынке нефти, со времени советского вторжения в Афганистан изменился. Падение цен на нефть в середине 1980-х гг. было предопределено ситуацией на рынке. Но быстроту и масштабы их снижения трудно понять вне контекста диалога между США и Саудовской Аравией, тон которого определялся опасениями того,

что происходящее в Афганистане — первый шаг советских властей, направленный на экспансию влияния на Ближнем Востоке.

В 1985 г. советскому руководству и в страшном сне не могло придумать, что страна через несколько лет будет вынуждена просить о политически мотивированных кредитах, пытаться обменять их на беспрецедентные внешнеполитические уступки. После падения цен в середине 1980-х гг. такой обмен стал не просто возможен, по убеждению руководства СССР, он был жизненно необходимым. К началу 1989 г. то, что лишь крупные государственные кредиты дадут шанс отсрочить катастрофу, советское руководство осознавало. Шаги, которые М. Горбачев в 1988–1991 гг. делает навстречу Западу, если рассматривать их через призму происходившего с валютными резервами, внешним долгом, государственными финансами СССР, предстают не результатом свободного выбора, а следствием глубокого кризиса экономики страны, безуспешно пытающейся адаптироваться к сократившимся нефтяным доходам. На протяжении 1987–2000 гг. цены колебались в пределах, близких к средним многолетним (исключение — 1998 г., когда цены упали по отношению к этому уровню примерно вдвое). Экономика постепенно приспосабливается к новым реалиям. Это процесс болезненный, не лучший фон для бряцания шпорами и имперской риторики. На долгие годы они выходят из моды. В начале 2000-х гг. цены на нефть начинают повышаться, хотя и остаются на уровне, близком к средним многолетним. Даже это создает благоприятные условия для развития экономики, стабильности финансов и денежной системы. С 2004 г. цены на нефть выходят на уровни, лишь немногим более низкие, чем в период максимума конца 1970-х — начала 1980-х гг., расцвета брежневской эпохи.

Нежданный поток доходов кружит голову. Руководству нефтедобывающей страны, столкнувшемуся с периодом высоких цен, легко уверить себя в том, что дела идут в гору потому, что пришли новые люди — энергичные, сильные, не склонные пасовать перед трудностями. Они покажут и соседям, и миру, что политика компромиссов и уступок, характерная для предшествующего периода — недоразумение, если не предательство. Партнерам по переговорам придется привыкать к жесткому тону диалога. В нашей стране, в которой адаптация к периоду низких нефтяных цен проходила на фоне глубокого экономико-политического кризиса, благоприятная конъюнктура делает поворот во всем, что касается внешнеполитической

риторики и практики, почти неизбежным. Однако, принимая решения о выборе внешнеполитического курса страны, важно оценивать связанные с ним риски.

СИЛА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Во внешней политике сила действия обычно равна силе противодействия. Имперский тон в разговоре с соседями объективно подталкивает их к формированию коалиций, направленных на сдерживание внешнеполитического влияния страны, руководство которой его себе позволит, поиск тех, кто может поддержать в нарастающем противостоянии. На это глупо обижаться. Так устроен мир.

Подобные союзы инерционны. Преодолеть укоренившееся недоверие непросто. Когда у государства, претендующего на имперский статус, кончаются деньги, оно не может, как мальчик в песочнице, сказать: «Мирись, мирись и больше не дерись». Имперская политика по отношению к соседям задает фон, на котором придется долго строить отношения с ними. То, что с течением времени российское руководство само или под влиянием заданных обстоятельств осознаёт тупиковость, контрпродуктивность проводимой сегодня по отношению к соседям политики, сразу дело не поправит. Расхлебывать последствия столь приятных сегодня стальных интонаций придется долго.

Неразумно забывать о том, что вся внешнеполитическая активность, тон, которым мы обозначаем свои интересы за рубежом, по-прежнему основаны на ненадежном фундаменте — аномально высоких ценах на нефть, параметре, который ни мы, ни кто бы то ни было в мире прогнозировать не умеет. Да, сегодня способность российской экономики приспособиться к снижению цен на нефть выше, чем у СССР середины 1980-х гг. Экономика рыночная, действуют автоматические механизмы адаптации к новому уровню нефтяных цен, валютные резервы несопоставимо больше, чем тогда. Но переоценивать уровень устойчивости нашей экономики опасно. В случае падения цен, сопоставимого с тем, которое произошло в середине 1980-х гг., отмеченные факторы позволят без серьезного кризиса пройти 2–3 года. Гарантий, что за это время цены вернуться к аномально высоким уровням 2005–2006 гг., не существует. Советское руководство в середине 1980-х гг. полагало, что

низкие цены — явление временное, его можно пережить, наращивая заимствования. Теперь мы знаем: ждать пришлось бы 17 лет.

Советским руководителям в 1985 г. трудно было представить себе, что важнейшей темой в международных переговорах 1990 г. станет вопрос о том, какие объемы гуманитарной помощи, обычно направляемой в беднейшие страны мира, западное сообщество будет готово выделить СССР, а предметом оживленной межведомственной переписки в начале 1991 г. будет то, как эту помощь распределять, какую долю ее выделить в распоряжение Советских Вооруженных Сил, чтобы накормить солдат и офицеров.

На чужих ошибках учатся редко. Хотелось бы научиться извлекать уроки хотя бы из собственных. Тем более что для десятков миллионов россиян последствия решений, принятых в период предшествующего максимума нефтяных цен, задали фон, на котором прошли многие годы их жизни.

Флирт России с угрозой фашизма

Хорошая новость заключается в том, что тех людей, которые всерьез хотят видеть в России фашистский режим, которого добивается правительство, не так уж много.

Сегодняшний Кремль полагает, что демократия в России была построена слишком быстро. Правительство напрямую не говорит, что оно против демократии, просто демократия является несвоевременной и должна быть отложена; эта логика проявляется в большинстве решений принимаемых властью.

Таким образом, демократическая система политических сдержек и противовесов, которая была создана в 1990-е гг., стала постепенно демонтироваться в начале текущего десятилетия. До 2000 г. существовали влиятельные и независимые пресса и парламент, хотя и лояльные президенту, но все же независимые. Совет Федерации (верхняя палата Думы) также в целом был лоялен президенту, как и губернаторы регионов, но в тоже время и они оставались независимыми. К тому же существовали влиятельные организации предпри-

нимателей, вовлеченные в процесс принятия решений. В результате исчезновения этих сдержек и противовесов качество принимаемых правительством решений резко упало.

Печально известный закон о монетизации социальных льгот, который заменяет различные льготы на денежные компенсации, — типичный тому пример. Несмотря на фундаментальный характер такого шага, закон было плохо подготовлен и приведен в исполнение, а правительство серьезно недооценило его воздействие на национальный бюджет. Кроме того, закон спровоцировал массовые социальные протесты, которые правительство, несомненно, не предвидело.

В своей текущей формулировке закон никогда бы не прошел через предыдущий состав Государственной Думы. Члены парламента бы его внимательно прочитали и проанализировали, задали бы министрам множество вопросов, а в случае необходимости настояли бы на изменении некоторых таблиц, представленных в проекте. Они бы сами поняли, что представленные расчеты во много раз расходятся с реальностью, и подумали, что с этим делать.

Если нет независимой прессы, способной предупредить об ошибках, и парламента, способного сделать то же самое, тогда ошибки, в конечном счете, найдут свое проявление на улицах. Демократия была выдумана не самыми глупыми людьми. Опыт показывает, что если не выпускать пар из кастрюли, то она взорвется. Но когда мы шаг за шагом зажимаем все, что осталось от свободной прессы, когда даже малые телевизионные каналы, пускающие в эфир информацию не прошедшую цензуру, кажутся нам опасными, значит мы плотно держим крышку на кастрюле. Я бы сказал, это хуже преступления. Это — ошибка.

Как человек, который имел некоторое отношение к политике, я понимаю стратегию правительства сегодня: создать крайнюю угрозу, прежде всего через незримую связь с фашистскими организациями, а затем заявить гражданам: «Вы же сами с этой угрозой не справитесь, поэтому доверьте это нам, мы с ней как-нибудь разберемся». Затем это заявление должно постоянно подкрепляться картиной мира, сформированной СМИ.

Я понимаю реальность угрозы фашизма, но я также понимаю и то, к каким выводам власть хочет нас подвести, чтобы использовать ее с выгодой для себя. Я твердо полагаю, что мы не должны позволять себе участвовать в таких играх, как и не должны верить в то,

что фашистские организации в России не имеют какого-либо отношения к правительству.

Думаю, что когда власти задумывают подобные стратегии, они полагают, что результат будет управляемым. В действительности это не всегда так. Когда вы открываете ящик Пандоры, никто не сможет предсказать, что случится. Очень рискованно создавать опасную ситуацию для достижения политических целей, потому что часто бывает так, что ситуация становится неконтролируемой.

Действительно, угроза фашизма реальна. Но чем в большей степени те, кто не принимает фашистскую альтернативу, будут политически мобилизованными, тем меньше будет эта угроза. Наиболее важный вопрос — это не перспективы правительства, т.е. его желание привить страх и заменить систему сдержек и противовесов на свою власть. Что действительно важно, так это действия тех, кто не желает видеть фашизм в России, а вместо этого просто хочет, чтобы Россия была свободной. Таких людей много — десятки миллионов, но они не всегда политически мобилизованы и объединены.

Хорошая новость заключается в том, что тех людей, которые всерьез хотят видеть в России фашистский режим, которого добивается правительство, не так уж много. Нам нужно не опускать руки, а быть политически активными и объединяться. В конце концов Советский Союз был тоталитарным государством, которое полагалось на мощную и вездесущую тайную полицию. И только посмотрите, чем все это закончилось.

О «Гибели империи»

В 2004 г. Е. Т. Гайдар был в Екатеринбурге, где презентовал книгу о демографической политике. Она, по его словам, была ориентирована на долгосрочные стратегические проблемы российской экономики. Возможно, он был услышан? На сей раз Егор Тимурович прибыл в Екатеринбург представить вторую свою книгу, вышедшую летом этого года. Она называется «Гибель империи: уроки для современной России» и посвящена «проблемам краткосрочным» и не менее насущным. Возможно, эта книга тоже будет услышана? Сам Егор Тимурович поразительно напоминает доктора. Даже не доктора экономики, коим является, а — врача...

Опубликовано в: УралWebПерсона. 2006. 25 октября.

РЕФОРМАТОРЫ: КЛИНИЧЕСКИЕ ИДИОТЫ ИЛИ АГЕНТЫ СПЕЦСЛУЖБ

«Гибель Империи» посвящена тому, как произошло крушение Советского Союза, советской экономики. Я начал работать над книгой под давлением двух обстоятельств: первое — цены на нефть в реальном исчислении вышли на уровень, характерный для расцвета брежневской эпохи. Мы его еще не достигли, но близки. В этой связи очень важно, чтобы российские органы власти не повторили те ошибки, за которые мы уже в свое время дорого заплатили. И второе — тот факт, что в России на протяжении последних лет сложился миф о том, что у нас происходило в последние двадцать лет. Этот миф абсолютно очевиден, присутствует в СМИ — от аналитических статей и программ и до мыльных опер, которыми нас кормит телевидение. Картина этого мира предельно простая: жил-был могучий СССР, мировая сверхдержава. Разумеется, там были свои проблемы (а где их нет?), потом пришли какие-то странные люди — либо клинические идиоты, либо агенты вражеских спецслужб — и начали какие-то реформы. Результаты этих реформ оказались катастрофическими. И только когда, наконец, к власти пришли люди, думающие о государственных интересах, жизнь потихоньку начала налаживаться. Это миф, не имеющий никакого отношения к реальности, но привлекательный и опасный. Ведь мифы, как показывает история, иногда оказывали катастрофическое влияние на развитие событий в стране и в мире. Пожалуй, самый типичный, яркий и кровавый пример — мифология Германии между I и II мировыми войнами. Сейчас несоответствие ее действительности изучено и общепринято и, но раньше...

Легко ли продаются сказки...

Из-за сложных переговоров по репарациям германские социал-демократические власти не могли опубликовать документы о начале войны: о том, что убийство эрц-герцога было лишь поводом начать войну тогда, когда это было удобным генеральному штабу. Скрывали, как немецкие военные власти осенью 1918 г. информировали граждан о том, что война проиграна, и перемирие необходимо заключать на любых условиях и немедленно, иначе катастрофа неизбежна.

Все это до 50-60-х гг., когда это было опубликовано, оставалось тайной. В результате создавался миф о невинной войне, непобежденной Германии, которой предатели — социалисты, евреи — нанесли в спину удар и которая теперь, наконец, оправилась от предательства и покажет всему миру свою подлинную мощь и силу, докажет, что она имеет право быть мировой супердержавой. Эта сказка легко продавалась на политическом рынке Германии. Так же легко продается сегодня сказка о том, каким великим был СССР и как его могущество подорвали либо идиоты, либо предатели. Сейчас доступ к архивным материалам становится все более проблемным. Но, к счастью, многое было рассекречено в 90-е, и мне кажется, что правда о том, что с нами произошло — это не вопрос истории и нашего прошлого. Это вопрос нашего будущего.

Откуда кризис или где коренятся корни...

Корни тех проблем, с которыми столкнулся СССР в 80-х гг., были заложены много десятилетий раньше. Те, кто хорошо знают экономическую и политическую историю СССР, наверняка в курсе дискуссий 1928-1929 гг., предопределивших путь экономического развития СССР и — формирование тех проблем, которые в конце концов привели империю к краху.

К этому времени СССР находился строго на том же уровне развития, что и Китай в конце 70-х гг.. Если предельно коротко формулировать суть дискуссии, то ряд видных деятелей компартии, в том числе главный идеолог партии Бухарин, выступали за реализацию в России пути, который потом, десятилетия спустя, получил название китайского — развитие частного крестьянского хозяйства, добровольная кооперация в деревне, совершенствование рыночных механизмов, сохранение финансовой стабильности. (Все, что сделал потом, в 1979 г. Дэн Сяо Пин). А их главный оппонент Иосиф Сталин говорит, что нет, не надо нам частного благосостояния, финансовой стабильности, мы силой отберем хлеб у крестьян. Дебаты были многослойные, частично публичные, частично — нет. Бухарин и Рыков утверждали, что невозможно в крестьянской стране заставить крестьянскую армию силой отобрать у крестьян хлеб. Сталин спорил. И в краткосрочном плане он оказался прав. Помните «Съезд победителей» в 1933 г.? Так и получилось. Они сумели отобрать хлеб.

Но как это бывает в жизни, в истории за подобного рода решения приходится платить. То, что у нас произошло в сельском хозяйстве после выбора сталинской модели коллективизации, в мировой экономической истории не имеет аналогов. На самом деле в странах, более развитых, чем Россия, индустриализация начиналась с аграрной революции. Она еще была не связана с массовым применением машин. Но старались существенно повысить продуктивность сельского хозяйства и кормить растущие города. Сельская занятость рассматривалась как весьма престижная. Старший сын крестьянина оставался и наследовал хозяйство. А младшие как-то устраивались в городе. Массовая миграция из западной Европы за океан была связана с тем, что крестьяне хотели сохранить свой статус и по-прежнему быть крестьянами. В России, в рамках сталинской модели, мы создали уникальную ситуацию, при которой подавляющее большинство населения страны оказалось откровенно дискриминировано: у него нет паспортов, оно не имеет права уехать и сменить работу, ему не платится пенсия. Реальный уровень зарплаты крестьянина оказался в 10 раз меньше, чем у его брата, уехавшего в город. И как вы думаете, какие стимулы это создает для молодого, толкового парнишки, который живет в деревне? Он понимает, что у него в жизни есть одна цель — любой ценой отсюда уехать. А есть комсомольские стройки, армия. И мы получаем ситуацию, когда всех социально продвинутых и толковых выпихивают из деревни. Чего же потом удивляться, что эффективность сельского хозяйства снижается за 25 лет на 25%? Ни в одной крупной стране в XX в. не происходило ничего подобного.

Вы получаете долгосрочный хронический аграрный кризис.

Идея освоения целины родилась в 20-х...

Суть проблем, с которыми столкнулось советское руководство, очень хорошо описана в письме Хрущева в Президиум ЦК КПСС, посвященном ситуации с зерном. У нас быстро растет городское население, и 15 лет не увеличивается объем хлебозаготовок. За счет чего мы собираемся кормить города?

На этапе середины 1950-х гг. полемика вокруг этого вопроса вылилась в выбор между двумя возможными сценариями. В свое

время Молотов и ряд других членов ЦК отстаивали идею необходимости подъема нечерноземной зоны деревни. Сталин и Хрущев — идею освоения целинных и залежных земель. Собственно, идея освоения целинных и залежных земель возникла на рубеже 20-30-х гг., понравилась Сталину, в какой-то степени начала реализовываться.

Идея подъема Нечерноземья, разоренного предшествовавшими четвертью веками советского хозяйства, по меньшей мере требовала радикальных изменений в экономической политике, видимо, роспуска колхозов. Это было за гранью серьезного обсуждения в середине 50-х гг. Короче, мы начинаем масштабную программу освоения целинных и залежных земель и, в общем, она приносит результаты. Заготовки все же выросли — и в среднем на 20 млн т в год. Но есть проблема — они выросли, но они исчерпаемы, а население продолжает расти. В 1963 г. — неурожай. И вот СССР впервые выходит на мировой рынок в качестве крупнейшего покупателя зерна. Покупает 12 млн т зерна, платит за это одну треть золотого запаса. Хрущев в это время вынужден проинформировать руководство восточноевропейских компартий о том, что мы больше не можем их поддерживать. Он пока еще рассматривает происшедшее как вселенский позор, как признак уязвимости СССР. Но фундаментальная проблема не решена. Характерно, что ту же цифру в 65 млн т мы видим в начале 60-х и — в конце 80-х. А городское население растет. Как прикажете их кормить? Но выход находится — Россия накануне I мировой войны была крупнейшим экспортером зерна: мы поставляли больше зерна, чем США с Канадой вместе взятые. К концу 70-х — началу 80-х СССР становится крупнейшим импортером зерна. Намного большим, чем следующие за нами Япония и Китай вместе взятые. Это все результат выбранной нами модели индустриализации за счет разорения сельского хозяйства.

Вот потому мы вывозим в основном сырье...

Собственно, мы не любили чего бы то ни было покупать за конвертируемую валюту и предпочли бы этого не делать. Но в сельском хозяйстве был набор вещей, без которых мы обойтись не могли. И ранний Горбачев на одном из совещаний довольно откровенно говорил: мы покупаем потому, что жить без этого не можем. Но интересно узнать, чем же мы расплачиваемся? Коли СССР ограбил деревни, вложил

столько денег в создание индустрии обрабатывающей промышленности, так давайте продавать продукцию обрабатывающих отраслей? Но эта интересная идея не приходила в голову советским руководителям, ибо они понимали, что она абсолютно нереализуема. Потому что продать продукцию советских обрабатывающих отраслей кому бы то ни было за конвертируемую валюту было невозможно. Реально в объеме нашего экспорта на конвертируемую валюту продукция, скажем, машиностроения никогда не превышала трех процентов. Да из них еще надо вычесть бартер с Финляндией.

Рыжков откровенно формулирует отношение советского руководства: «Вот потому мы и вывозим в основном сырье».

На момент снятия Хрущева ситуация казалась неразрешимой. Причем она тесно была связана как раз с неурожайным 1963 г., когда мы впервые закупили в массовых масштабах зерно, заплатив за него золотым запасом.

Золотой Ключик

или «ДАЙ ТРИ МИЛЛИОНА НЕФТИ СВЕРХ ПЛАНА»...

И вдруг мы находим золотой ключик. Недалеко от вас — он называется «золотые месторождения нефти в Западной Сибири». Причем уникальные, огромные, с небольшой глубиной залегания, ну просто чудо, а не скважины. И дальше начинаем их массово вводить в эксплуатацию и наращивать экспорт нефти в обмен на конвертируемую валюту. В 1970 г. Западная Сибирь была уже нефтяной провинцией, где добывалось около 30 млн т нефти. На протяжении следующих 12 лет добыча растет в 12 раз — беспрецедентные в истории темпы. На этом фоне идут острые дискуссии между руководством нефтяной отрасли, нефтедобытчиков в Тюмени и ЦК КПСС, Совета министров, Госплана. От них требовали роста добычи, несовместимого с нормальным функционированием месторождений. А им говорили: «надо». Алексей Николаевич Косыгин, вполне компетентный советский руководитель, имел обыкновение звонить руководителю советской нефтяной отрасли Мальцеву со следующими словами:

— Дай три миллиона нефти сверх плана, а то с хлебушком совсем плохо.

Ну, за подобного рода стратегию освоения месторождений тоже приходится платить. А значит, вложения в добычу 1 млн т нефти растут в разы, текущие расходы растут в разы. Некоторое время все это удастся покрывать за счет динамики цен на нефть на мировом рынке. В силу специфики сырьевых отраслей, в том числе нефтяной, колебания цен на нефть необычно велики. Скажем, крупнейшая в мире американская экономика — на протяжении последних 50 лет столкнулась с шоком в 1974 г. как раз в связи с повышением цен. Масштабы этого внешнего шока составляли 15% — неблагоприятные изменения в соотношении импортных и экспортных цен. Американская экономика вошла в режим кризиса, из которого выходила несколько лет. Смотрите — 15% или 800%.

Цены растут, цены падают: школа Саломанки

Вообще, советское руководство могло понимать, что если цены на важнейший экспортный товар выросли в 8 раз, то ведь они могут и упасть в те же 8 раз. Но эта идея казалась абсолютно несерьезной. Хотя я читал записки из Академии наук, где в мягких выражениях советскому руководству говорили, что никто не гарантирует, что такие аномально высокие цены на нефть — это навсегда. Тема проблемы экономико-политического развития страны, зависящей от такого трудно прогнозируемого параметра, как ресурсные доходы, начала впервые исследоваться не в 70-80-х гг. XX в. В первый раз она была подробно исследована экономистами школы университета Саломанки в XVII в. на примере испанской экономики и ее зависимости от доходов американского золота и серебра.

Суть проста — если вы строите политику, исходя из гипотезы, будто эти свалившиеся на вас с неба доходы стабильны, вы имеете обыкновения брать на себя обязательства, которые вы не можете выполнять, когда эти доходы падают. Когда у вас растут поступления от золота-серебра — очень хорошо втянуться во все войны, идущие в Европе, попытаться установить европейскую империю. А потом все падает. Была сильнейшая армия в Европе, не терпевшая ни одного поражения на протяжении полувека, и вдруг вы утрачиваете все свои владения вне Пиренейского полуострова, контроль над Португалией, с огромным трудом сохраняете контроль над Каталонией с Арагоном.

КГБ СОТРУДНИЧАЕТ С АРАБСКИМИ ТЕРРОРИСТАМИ

Еще раз подчеркну — ни разу не потерпев поражения ни в одном крупном сражении.

Мы, подобно Испании, теряющей свои владения вне Пиренейского полуострова, теряем свои владения в Восточной Европе, не потерпев ни одного поражения на суше. Потому что империя была выстроена под один уровень доходов, а потом выяснилось, что его нельзя поддерживать. Надо сказать честно, что заподозрить советское руководство в том, что оно внимательно читало труды Школы Саломанки, было трудно. Интеллектуальный уровень руководства не совсем для этого подходил. Когда я читал архивные материалы, нашел одну строчку из материалов ЦК КПСС, которая замечательно объясняет интеллектуальный уровень нашего руководства:

— О товарище Засядько говорят — «Перестал пить». Тогда его министром на Украину...

Рынок нефти — рынок своеобразный.

Шеф КГБ Андропов пишет Генеральному секретарю Брежневу — о том сотрудничестве, которое осуществляет КГБ с арабскими террористами в подготовке диверсии на нефтепромыслах и нефтетанкерах — естественно, чтобы поддержать высокую цену на нефть. Там Андропов говорит, в частности, о нанесении ударов по крупным нефтехранилищам разных районов мира. Говорит о том, что целесообразно положительно отнестись к просьбам арабских товарищей, оказав Народному фронту освобождения Палестины помощь в специальных средствах. Таким образом играли на этом рынке.

Цены на нефть и Афганистан

Мы используем аномально высокие цены на нефть для того, чтобы внедриться в Афганистан. А это не просто наши погибшие и раненые, это радикальное изменение всей геополитической ситуации на Ближнем Востоке. Еще в 1973 г. Саудовская Аравия вводила эмбарго на поставки нефти США, обещала сократить добычу на 80% и взорвать нефтепромыслы, если американцы попробуют применить силу. Когда мы пришли в Афганистан, саудовское руководство сочло, что мы ведем подготовку к тому, чтобы взять под контроль нефтепромыслы их Персидского залива. Их отношения с американ-

цами тут же радикально меняются: в них появляются нежность и любовь. А кто еще защитит-то?

И назначенный тогда на эту должность уникально компетентный и влиятельный шеф ЦРУ Уильям Кейси был вполне подготовлен — руководил во время войны отделом, который занимался экономическим вредительством по отношению к Германии и ее союзникам. Кейси сказал арабам:

— Вам нужна защита, а нам нужны более низкие цены на нефть.

Вся ситуация делала снижение цен на нефть неизбежным. Но то, какими темпами произошло это снижение, в каких масштабах, трудно объяснить без данного американо-саудовского дела.

О ТОЧНОЙ ДАТЕ КРАХА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Крах советской экономики имеет абсолютно конкретную дату. И это никакой не август 1991 г., это 12 сентября 1985 г., когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии, шейх Имани заявил, что СА радикально меняет свою нефтяную политику, прекращает сдерживать добычу для поддержания высоких цен и начинает наращивать свою долю на рынке. За следующие полгода Саудовская Аравия увеличила добычу примерно в четыре раза, и во столько же раз упали цены на нефть. С этого времени экономически игра была сыграна.

Дальше встал вопрос о том, как будут проведены похороны.

Существовало три варианта:

1. Полностью прекратить импорт продовольствия, а значит, посадить, скажем, Екатеринбург на карточное снабжение по нормам II мировой войны. Причем не для рабочих, а для иждивенцев. И это на 70-м году советской власти, после того, как мы всему миру рассказали, какие мы самые умные... Это была политическая катастрофа, вопрос никогда не обсуждался всерьез.
 2. Сократить до нуля военное производство, инвестиции, остановить закупки комплектующих и многие моногорода — это был бы прямой конфликт со всей элитой и значительной частью общества.
 3. Немедленно распустить восточноевропейскую империю:
- Никого газа-нефти вам не поставим, гуляйте, куда хотите.

Экономически это был самый безобидный вариант. Но политически в 1985 г. сказать элите: давайте отдадим все завоевания Второй мировой войны? Ясно, что генсек ЦК, который с этим придет на пленум ЦК КПСС, обратно с этого пленума Генсеком уже не выйдет...

НЕ БУДЕТ НЕФТИ — НЕ БУДЕТ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

И вот, столкнувшись с фундаментальным изменением условий жизни, требующим немедленных решений, советское руководство принимает достаточно ответственное решение... Оно решает крепко закрыть глаза, делать вид, что ничего не происходит и ждать, что пронесет. Что и происходит в 1985-1987 гг. Однако никто по-прежнему не поставит необходимых 45 млн т зерна. Крупных валютных резервов СССР никогда не создавал.

Надо занимать. К счастью, у нас прекрасная кредитная история — после того, как Советский Союз отказался от всех царских долгов, он всегда неизменно выполнял все свои кредитные обязательства. И мы начинаем занимать в массовых масштабах. А в конце 1988 г. нам говорят — друзья, отдавайте-ка долги! Да плюс надо покупать зерно...

И все начинает разваливаться. И первой начинает разваливаться становой хребет советской экономики — нефтяная промышленность, в большой степени зависящая от поставок комплектующих из-за рубежа. На совещании в советском правительстве в сентябре 1990 г. мы столкнулись с этой проблемой — нефтяная промышленность резко теряет добычу, поскольку не получает необходимых импортных комплектующих. Все понимают, что единственный источник валюты — нефтяной источник.

Не будет нефти, не будет экономики страны, говорит Рыжков. В переписке министра внешнеэкономических связей о катастрофическом положении с добычей нефти сначала возникает слово «кризис», потом «острый кризис», потом «катастрофа», потом «неизбежная катастрофа».

Вот что у нас происходит с внешней торговлей.

Напомню, что никто при этом не отменял проблемы с необходимостью закупки 45 млн т хлеба, чтобы кормить людей.

О ЧЕМ УМОЛЯЛИ БУДУЩЕГО «ПРЕДАТЕЛЯ» ШЕВАРДНАДЗЕ

В данной ситуации коммерческие банки других стран, к которым обращались за кредитами, говорили:

— Мы не можем — идите уже к правительству, разговаривайте там.

И вот когда мне рассказывают, какой был Шеварднадзе страшный предатель СССР, как он там все сдал, мне это особенно интересно слышать. Ведь я видел письма к нему — советские министерства и ведомства умоляют его любой ценой договориться о политически мотивированных кредитах от стран Запада Советскому Союзу. Это когда ты приходишь к правительству другой страны и говоришь:

- Дайте мне средства ваших налогоплательщиков, потому что мне позарез надо.
- А с какой стати наши налогоплательщики станут давать тебе деньги, — резонно спрашивают они...
- А я буду вести себя хорошо, — отвечаешь.
- Ну давай тогда обсудим, как ты будешь себя вести.

На самом деле, как только вопрос о политических кредитах встал в практической плоскости, судьба империи была решена полностью.

Скажем, вся восточноевропейская империя держалась на том, что все знали, что если будет надо, Советский Союз всех задавит своими танками. Это ГДР в 1953 г., Венгрия в 1956 г., Чехословакии в 1968 г. Дальше демонстрировать было уже не надо. А теперь этот СССР ходит с протянутой рукой... Собственно дальше начинается разговор только о форме и сроках передачи власти.

После того, как мы получили в Польше недружественный нам режим, было бы полным идиотизмом думать, что мы и дальше сможем держать крупнейшую группировку войск в Восточной Германии, не имея с ней прямых наземных коммуникаций...

ПОЧЕМУ МЕТАЛСЯ ГОРБАЧЕВ

В марте 1989 г. на Мальте Горбачев сказал Бушу-старшему, что мы ни при каких обстоятельствах не применим силу в Восточной Европе для сохранения вассальных режимов. Это было очевидно.

Выясняется, что Горбачев находится в положении, когда нет решений. Он не может распустить империю и сохранить власть, потому что все советское руководство категорически против этого. Он не мо-

жет сохранить империю, не используя насилие в массовых масштабах. Он не имеет шансов получить западные политические кредиты, если станет использовать насилие. Он не имеет шансов сохранить власть, если не получит политически мотивированные кредиты. Отсюда все его метания 1990-1991 гг. Попытка союза с Ельциным, разрыв с ним, закрытие глаз на ситуацию в Прибалтике...

ЧУТЬ-ЧУТЬ О ПУТЧЕ...

Приближается август. Та часть советского руководства, которая думает, что проблемы разрешимы, а Горбачев просто слабак, начинает действовать. За три дня выясняется, что ничего сделать нельзя. Дело не только в нерешительности, в отсутствии лояльных войск. Даже если бы энергичные Вареников с Макашовым с кем-нибудь сели бы в танк и передавили тех, кто собрался перед Белым домом, это не привело бы к появлению денег. И появлению зерна.

Понятно, что рано или поздно начнутся массовые продовольственные беспорядки. Как в Петербурге в 1917 г... Премьер-министр Павлов не зря напился вечером 18 числа — он хорошо понимал: ну передадим народ завтра, но что делать послезавтра?

История Союза была закончена. Если читаете газеты, они пестрят публикациями о конце Союза. Все республики стали независимы, суверенны, не признают советского законодательства. СССР не получал налоговых поступлений, не контролировал собственную денежную систему. Дальше вопрос простой — о формах цивилизованного распада. К этому времени это прекрасно понятно всем нашим партнерам по переговорам. Нам по-прежнему нужно зерно, мы ведем переговоры, чтобы получить его у американцев, и Внешэкономбанк докладывает, что никто из американских банков не готов давать нам кредиты даже под 90% правительственную комиссию. Потому что они считают, что это слишком большой риск.

О РАСПАДЕ С МИНИМАЛЬНЫМ УЩЕРБОМ...

КАРТА МИЛОШЕВИЧА

С этого времени вопрос стоит не о том, распустать ли СССР, а о том, как это сделать с минимальным ущербом. Это еще одна важная тема, заслуживающая обсуждения.

Если бы в 1989 г. проницательного наблюдателя, знающего Югославию, спросили: когда и, если произойдет крах социалистических режимов в СССР и Югославии, где начнется кровавая каша, подавляющее большинство наблюдателей сказали бы, что в Советском Союзе. Югославия к этому времени — страна с рыночной экономикой, существующей 40 лет, ближе всех подошедшая к вступлению в Евросоюз, к свободному выезду и въезду. Там относительно либеральный политический режим.

Возникает вопрос — а почему все-таки кровь пролилась в Югославии? Я могу сформулировать гипотезы. Принимал некоторое участие в процессе принятия решений. Первое, мне кажется, что Милошевич, будучи лидером сербских коммунистов, очень прилично образованным человеком с хорошим английским, с опытом работы в рыночной экономике, экономическим либералом, при этом прекрасно понимал, что если социалистическая идеология валится, у него есть лишь одна игра, которая позволит ему остаться руководителем Сербии. Это игра в сербский радикальный национализм. И если ты не займешь эту нишу, ее займет кто-то другой. Поэтому ты выходишь на первый канал сербского телевидения и говоришь:

— Сербия была и будет великой, мы никому и никогда не дадим обижать сербов. Границы Сербии, которые установил хорват Тито, исторически несправедливы, и мы их изменим. Сербские меньшинства в Югославии нуждаются в нашей защите... Прекрасно. Миллионный митинг в поддержку в Белграде и т. д. Но надо понимать, что если ты играешь в эту игру, через день кто-то выступит по первому каналу телевидения и скажет:

— Наша родина невелика, но она наша. Мы никому не отдадим ни одного сантиметра хорватской территории. Никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела. Полумиллионный митинг в Загребе, 90% поддержка на референдуме, дальше — война. Сотни тысяч искалеченных судеб, миллионы беженцев.

КАРТА ЕЛЬЦИНА

Ельцин, конечно, был выходцем из советской политической элиты. И воспринимался как человек, который постоял за народ. Поэтому у него была иная альтернатива — не разыгрывать карту российско-

го радикального националиста — например, мы бы начали махать пашками с Украиной и не сидели бы за этим столом... У него была возможность разыграть карту ненависти к обрыдшему, непопулярному коммунистическому режиму, номенклатуре, ее тупости, привилегиям и т. д. Это позволило ему выстроить политическую стратегию. Конечно, сыграл роль фактор наличия ядерного оружия. В известном смысле он сыграл ту же роль, что и фактор сдерживания в мире после II мировой войны. После реального краха СССР ядерное оружие было в России, на Украине, в Белоруссии, Казахстане. Причем ядерный арсенал на Украине многократно превышал арсенал Франции, Англии и Китая вместе взятых. Ну а в Казахстане и Белоруссии? Часть этого оружия был реально не очень хорошо контролируется, особенно тактическое ядерное оружие. Если абстрагироваться от той чуши, которую вам рассказывают по телевидению, суть соглашений в Беловежской пуще была предельно проста: мы, Россия, не предъявляем никаких территориальных претензий, принимаем совершенно идиотские границы страны. Вы, Украина, Белоруссия, Казахстан — без всяких ссор отдаете нам ядерное оружие, расположенное на вашей территории. Так и получилось.

Я думаю, что это было поразительно ответственное решение. Когда мы сейчас слушаем про Ким Чен Ира, стоит представить себе Лукашенко с нынешними ядерными ракетами, которые Ким Чен Иру не снились...

ЧЕМ ГРОЗЯТ НАМ «ЗАСТОЙНЫЕ» ЦЕНЫ НА НЕФТЬ ИЛИ ТЕМНА ВОДА В КОЛОДЦЕ...

Прогнозирование цен на нефть — задача поразительно бесперспективная. Попыткам этим посвящены тысячи хороших книг и статей. Вывод: темна вода в колодце.

Никто из нас не умеет прогнозировать эти цены. Это слишком своеобразно устроенная отрасль. Самое умное, что я слышал по поводу цен на нефть, сказала моя хорошая знакомая, первый заместитель директора ВМФ, Ани Крюгер: «До тех пор, пока все считают, что высокие цены на нефть — это на короткое время, они остаются высокими. Когда большинство участников рынка решат, что они надолго — они рухнут».

Сейчас я слышу все больше разговоров, что высокие цены на нефть — это навсегда. Но я прекрасно помню ситуацию образца конца 70-х — начала 80-х гг. Когда тогда советскому правительству пытались что-то объяснить, правительство хохотало этим людям в лицо и отвечало: «Вы думаете, что машины станут ездить на воде? Или Китай с Индией испарятся?». И я не прогнозирую эти цены. Говорю лишь, что мы должны быть готовы к тому, что они могут упасть. Есть такая штука — план боевого применения вооруженных сил. Она есть в любом культурном генеральном штабе. Это элемент штабной культуры. Так вот это то же самое. Нужно знать, что будешь делать, если цены упадут с нынешних 60 до 20 долл., скажем. Мы пытаемся помочь в этом правительству. Но подобный план ни в сейфе министра финансов, ни в сейфе Центробанка не лежит.

Ключевые направления экономической политики

Российские финансы устойчивы. Бюджет сводится с профицитом. Государство сократило расходы на обслуживание внешнего долга. По золотовалютным резервам страна вышла на третье место в мире, отстает лишь от Китая и Японии. Можно подумать, что финансовые потрясения, подобные реалиям конца 1980-х — начала 1990-х гг., России больше не грозят, этот страшный сон остался в прошлом. Проведенные ИЭПП совместно с ЦСР¹ расчеты показывают: созданный запас прочности позволяет пройти период 2007–2009 гг. без экономических трудностей, сопоставимых по масштабам с кризисом 1998 г., даже при неблагоприятном сценарии развития мировой экономики. Но жизнь в 2009 г. не заканчивается. Бюджетный горизонт, охватывающий три года, недостаточен, чтобы оценить стратегические проблемы отечественных финансов.

Опубликовано в: Российская экономика в 2006 году. Тенденции и перспективы // Обзор Института экономики переходного периода за 2006 год. М.: ИЭПП, 2006. Вступительная статья.

¹ ЦСР — Центр стратегических разработок.

УРОКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ

В 2000 г. Россия приходила в себя после кризиса, связанного с банкротством Советского Союза, постсоциалистическим переходом, — кризиса, усугубленного травмой дефолта 1998 г. Ограниченность финансовых ресурсов, зависимость бюджета от иностранных кредитов были очевидными. Сейчас об этом многие забыли, но в тот период широко обсуждалась проблема 2003 г. Пик выплат по внешнему долгу, приходившийся на этот год, считался стратегическим вызовом стране.

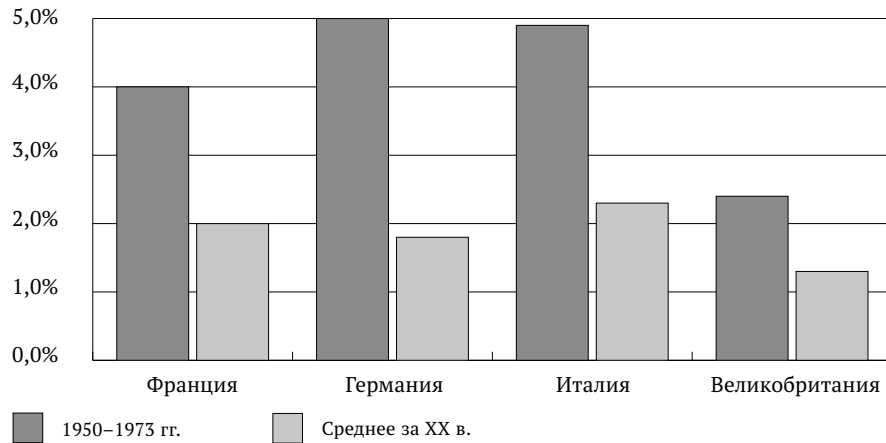
Основное содержание экономико-политической дискуссии начала 2000 г. — выбор между сокращением доли государственных расходов в ВВП и улучшением качества экономических институтов. Это были альтернативы, но не антиподы: улучшение экономических институтов может создать условия для сокращения государственных расходов, сокращение доли государственных расходов требует улучшения качества институтов. Но дискуссия была острой. Победу в споре ни одна из сторон не одержала. Однако курс на сдерживание доли расходов бюджета в ВВП стал одним из важных элементов экономической политики.

Во время первого срока президентства В. Путина выросшие государственные доходы шли на увеличение профицита бюджета, пополнение валютных резервов. Рост бюджетных расходов, как правило, не превышал темпы роста ВВП. Бюджетная политика соответствовала стандартам консерватизма, напоминала реалии XIX в. Почему такая аналогия? Потому что, обсуждая долгосрочные финансовые проблемы, полезно помнить о длительной исторической ретроспективе.

В наиболее развитой стране мира XIX в. — Англии, задававшей тон во всем, что связано с финансами, господствовало представление, что частные лица лучше распорядятся своими доходами, чем чиновники — государственными. Чтобы обосновать необходимость увеличения государственных расходов, нужны были весомые аргументы. То, что в условиях мирного времени правительство не должно принимать финансовые обязательства, по которым будут отвечать преемники, было одним из принципов бюджетной политики.

В XX в. ситуация изменилась. Правительства стали часто принимать решения, не слишком дорогостоящие в краткосрочной перспективе, но создающие серьезные проблемы в будущем. Период

роста государственных доходов создавал фон, благоприятный для наращивания бюджетных обязательств. Наглядный пример — Западная Европа 1950-х — начала 1970-х гг. Темпы экономического роста в это время по историческим меркам были аномально высоки (см. рис. 1).



ПРИМЕЧАНИЕ. Для расчетов использовались данные о ВВП на душу населения в международных долларах 1990 г.

Источник: Расчеты по: Maddison A. The World Economy. Historical Statistics. Paris, OECD. 2003.

Рис. 1. Темпы экономического роста в 1950–1973 гг. и средние значения за XX в. в некоторых странах Западной Европы

Введение новых налогов (НДС, налоги на заработную плату, обеспечивающие финансирование систем социального страхования) позволило обеспечить высокие темпы роста бюджетных поступлений. Во Франции, задававшей тон налоговой политике Европы, доходы государства в реальном исчислении в 1950–1973 гг. увеличивались на 8,4% в год (см. табл. 1).

Таблица 1. Темпы прироста государственных доходов во Франции в 1950–1980 гг. (средние значения за десятилетия)

Годы	Темпы прироста, %
1950–1960	7,2
1960–1970	5,7
1970–1980	10,1

Источник: International Financial Statistics, IMF 2006. P. 121.

В таких условиях принимаемые социальные обязательства кажутся выполнимыми. Политики, предлагающие программы государственных расходов, не задумываются о том, смогут ли их профинансировать следующие поколения налогоплательщиков.

Когда обнаруживалось, что налогоплательщики не готовы платить возрастающие налоги, приходилось проводить реформы, сокращать бюджетные обязательства. Это вызов политической элите развитых стран мира. Черeda поражений правящих партий Западной Европы задана тем, что демонтаж систем социальной защиты, сформированных в период, когда возможности государства мобилизовать средства казались безграничными, экономически неизбежен, но политически конфликтен.

Россия 2000-х столкнулась с вызовом, заставляющим вспомнить о проблемах Западной Европы 1950–1973 гг. Восстановление экономического роста, успешная налоговая реформа 2000–2002 гг. обеспечили высокие темпы роста доходов бюджета. С 2004 г. решающее влияние на развитие финансовой ситуации оказывает конъюнктура нефтяного рынка. Цены на углеводороды приблизились к аномально высоким значениям 1970-х — начала 1980-х гг. Темпы роста государственных доходов (в среднем в 2000–2006 гг. 13% в год в реальном исчислении) стали аномально высокими по любым историческим стандартам.

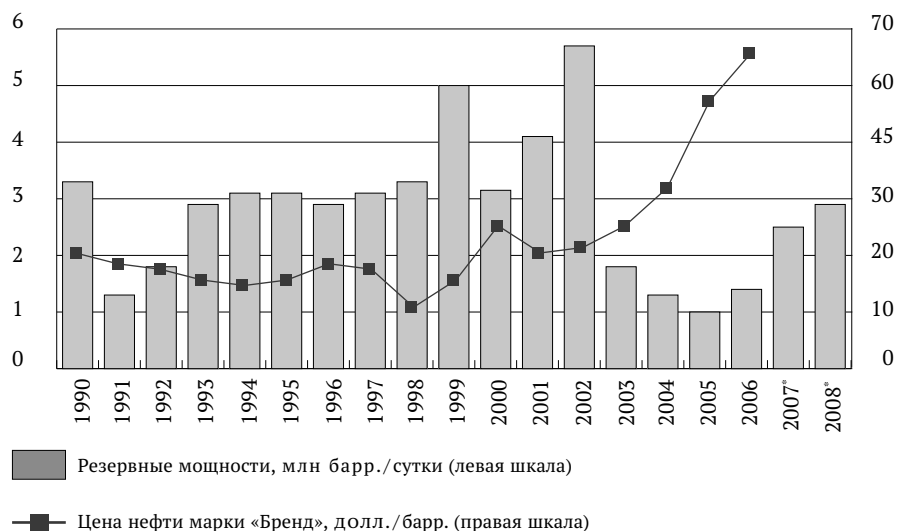
НЕФТЯНОЙ ВЫЗОВ

Россия не единственная страна, руководство которой смогло на собственном опыте понять, что непредсказуемость цен на нефть — данность, с которой приходится считаться, и извлечь уроки из опыта 1980-х гг. Нефть — с точки зрения действия рыночных механизмов — товар специфический. Многие показатели мировой экономики можно предсказывать, используя инерционные модели, суть которых — экстраполяция происшедшего ранее, учет набора факторов, способных отклонить развитие событий от привычной траектории. Это дает неплохие результаты. Ошибки в прогнозе темпов роста экономики крупнейших стран мира на следующий год, превышающие 1%, — повод для обвинения их авторов в профессиональной непригодности.

Однако никого не удивило, когда одна из авторитетных международных финансовых организаций — МВФ радикально пересмотрела прогнозы цен на нефть на 2007 г. Отставки руководителей не

последовали. Специалисты привыкли к тому, что надежно прогнозировать цены на нефть никто не умеет. Эти цены — значимый для анализа экономической динамики фактор, на который общее правило не распространяется.

Важная характеристика рынка нефти — его зависимость от наличия свободных мощностей, позволяющих изменять объемы поставок. Повышение цен в 2003–2005 гг. было меньшим, чем в 1973–1974, 1979–1980 гг. (соответственно 113, 250 и 180%)¹, но сопоставимым по масштабам. Фактор, способствовавший росту цен на нефть в эти годы до аномально высокого по историческим меркам уровня, — убежденность участников рынка в том, что свободных мощностей нет (см. рис. 2).



* Прогноз.

Источник: US Energy Information Administration, Short-Term Energy Outlook. Jan. 2007 — <http://www.eia.doe.gov/emeu/steo/pub/contents.html>

Рис. 2. Резервные мощности в добыче нефти и цены на нефть в 1990–2008 гг.

Со второй половины 2006 г. ситуация меняется. Столкнувшись с обозначившейся летом 2006 г. тенденцией снижения цен на нефть, ОПЕК приняла решение сократить с 1 ноября 2006 г. квоты на добычу на 1,2 млн баррелей в день, затем, с 1 февраля 2007 г., — еще на 0,5 млн барре-

лей. Это сигнал, что свободные мощности появились. Договоренность о снижении квот легче принять, чем воплотить. Страны — члены организации сталкиваются с острыми бюджетными проблемами, не все из них готовы согласиться сократить экспортные доходы.

Оценки того, в какой степени решение о снижении добычи с 1 ноября 2006 г. реализовано на практике, ненадежны. Большинство наблюдателей полагают, что уровень производства на 0,4–0,7 млн баррелей больше согласованного¹.

Россия более устойчива к колебаниям нефтяных цен, чем Советский Союз середины 1980-х гг. В стране есть механизмы, позволяющие приспособиться к изменениям конъюнктуры. На падение цен можно ответить не государственным банкротством, а девальвацией рубля, позволяющей повысить конкурентоспособность обрабатывающих отраслей промышленности. Собственно так и произошло в 1998–1999 гг. В отличие от СССР, перед Россией не стоят проблемы неуправляемого государственного долга. Валютные резервы создают «подушку безопасности», позволяющую при падении цен на нефть избежать катастрофической ситуации, подобной той, в которой оказался в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Советский Союз. Однако и с учетом этих факторов зависимость российского платежного баланса, государственного бюджета от цен на углеводородное сырье создает риски, которые надо трезво оценивать.

Предшествующий опыт подтолкнул многие нефтедобывающие страны к проведению осторожной бюджетной политики². Несколько лет это удавалось делать и нам. Однако ключевые слова здесь — «несколько лет». Чем продолжительнее период высоких нефтяных доходов, тем труднее следовать такой линии.

¹ OPEC to keep growth plan as prices fall: Saudi says group expects a rise in global demand // Associated Press. 2007. 18 January. .

² В Алжире, Азербайджане, Бахрейне, Иране, Казахстане, Кувейте, Ливии, Омане, Катаре, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах правительства потратили в 2003–2005 гг. на увеличение государственных расходов в среднесрочном исчислении 30% роста доходов от повышения нефтяных цен. Средний размер профицита государственных финансов в процентах ВВП в этих странах повысился с 2% в 2002 г. до 15,5% в 2005 г. (См.: Regional Economic Outlook. September 2005: Middle East and Central Asia Department. IMF, 2005.) Как правило, нефтедобывающие страны в 2003–2005 гг., сумев извлечь уроки из опыта 1970-х — начала 1980-х гг., закладывали в бюджетные проектные осторожные прогнозы уровня цен на углеводородное сырье. Многие из них создали специальные фонды для сглаживания последствий колебаний нефтяных цен на доходы бюджета.

¹ Расчеты МВФ.

При растущих финансовых возможностях государства трудно удержаться от участия в соревновании, суть которого — конкурс наиболее популярных расходных программ. Чтобы рассказать, как потратить средства Стабилизационного фонда, достаточно нескольких секунд. Чтобы объяснить, почему это опасно для экономики, требуются время и аудитория, готовая воспринимать содержательные и непростые аргументы.

Принятые бюджетом обязательства, тенденции демографического развития подталкивают к увеличению доли государственных изъятий в ВВП. В этом Россия не уникальна. Специфика нашей страны в ином — в зависимости бюджетных доходов от нефтегазового сектора экономики. Даже при постоянных ценах эти доходы имеют тенденцию к понижению. Сказывается влияние набора факторов. Темпы увеличения добычи нефти и газа ниже, чем рост экономики. Оснований полагать, что эта тенденция изменится, нет. По мере увеличения душевого ВВП уровень цен в национальной экономике приближается к тому, который характерен для более развитых стран. Объем ВВП по курсу в мировых резервных валютах сближается с его объемом, рассчитанным по паритету покупательной способности. Это задает траекторию снижения доли доходов от нефти и газа в ВВП.

Важнейшая составляющая бюджетных доходов, связанных с нефтегазовым сектором, — экспортные пошлины на энергоносители. В 2006 г. из этого источника они составили 7% ВВП. Опережающий рост национальной экономики по отношению к производству энергоносителей ведет к росту спроса на нефть и газ в стране. Это ограничивает ресурсы углеводородов, которые можно экспортировать.

Оценки запасов нефти и газа почти столь же ненадежны, как и прогнозы цен на углеводородное сырье. В 1960-х гг. были сделаны расчеты, согласно которым к настоящему времени они (эти запасы) иссякнут. Эти прогнозы не оправдались. Но исчерпаемость ресурсов углеводородного сырья — реальность, от нее нельзя отмахнуться. Опыт стран, сталкивающихся с последствиями падения добычи углеводородного сырья, наглядное тому свидетельство. Из официальных прогнозов следует, что возможности увеличения добычи нефти в нашей стране к началу 2020-х годов будут исчерпаны¹. Речь идет о представлении российских

¹ Министерство природных ресурсов прогнозирует снижение добычи нефти на 1% в год с 2021 г. и стабилизацию добычи газа с начала 2030-х гг.

властей о будущем ресурсодобычи в стране. Его нельзя игнорировать, обсуждая долгосрочные перспективы российского бюджета.

Расчеты влияния доходов от нефтегазового сектора на российские финансы проводили Министерство финансов РФ, МВФ, ИЭПП. Полученные результаты схожи. Эти доходы составляют более трети поступлений федерального бюджета России. Снижение доходов от добычи углеводородного сырья в ВВП и повышение социальной нагрузки на экономику определяют контуры финансовых проблем, которые встанут перед страной в ближайшие десятилетия.

СУДЬБА СТАБИЛИЗАЦИОННОГО ФОНДА

В России обсуждение проблем, связанных с целесообразностью создания Стабилизационного фонда, сглаживающего влияние нефтяных цен на государственный бюджет, началось в 2001–2002 гг.¹ В это время ничто не предвещало, что эти цены могут вновь, как это было на рубеже 70–80-х гг., выйти на аномально высокий уровень.

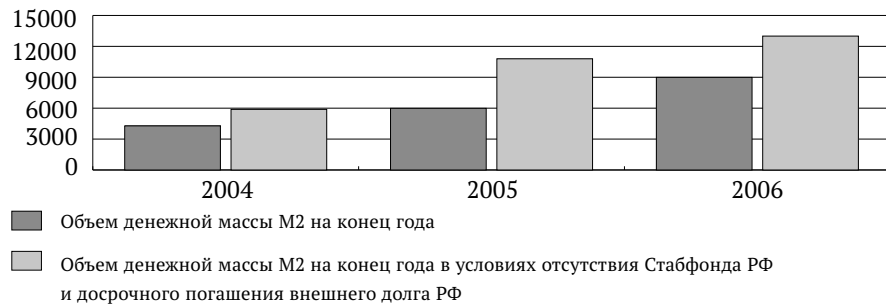
Это случай, когда необходимый для проведения ответственной финансовой политики инструмент был создан, когда потребность в нем была наибольшей. Аккумулированные в фонде средства наряду с погашением внешнего долга позволяют ограничить рост денежной массы, связанного с монетизацией активного сальдо торгового баланса. Но даже при их использовании темпы роста денежного предложения в 2004–2006 гг. были высокими (см. табл. 2).

Таблица 2. Темпы прироста денежной массы (M2)

Год	Темпы прироста, %
2000	61,5
2001	39,7
2002	32,4
2003	50,5
2004	35,8
2005	38,6
2006	48,8

Источник: ЦБ РФ.

¹ См.: Дробышевский С., Золотарева А., Кадочников П., Синельников С. Перспективы создания Стабилизационного фонда в РФ // Научные труды. М.: ИЭПП, 2001. № 27Р.



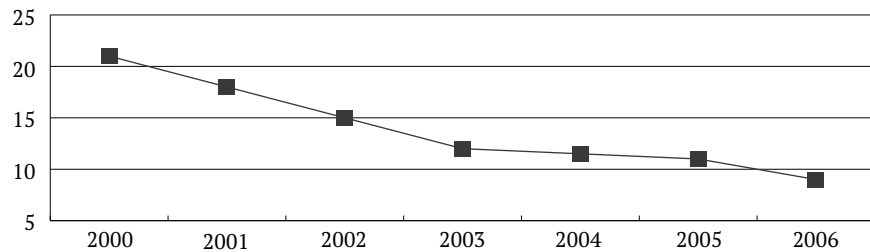
Примечание. Темпы возможного прироста денежной массы (M2) в условиях, если бы не было Стабилизационного фонда и досрочного погашения внешних долгов, рассчитаны исходя из предпосылки о неизменности величины денежного мультипликатора.

Источник: Расчеты ИЭПП.

Рис. 3. Объемы денежной массы (M2)

Без этих инструментов рост денежного предложения стал бы опасным (см. рис. 3)¹. По расчетам Министерства финансов, при использовании доходов Стабилизационного фонда на финансирование расходов государственного бюджета инфляция в 2004 г. составила бы 16%, в 2005 г. — 20%².

Но и Стабилизационный фонд не позволил в условиях скачка нефтяных цен 2004 г. сохранить наметившуюся тенденцию снижения темпов инфляции, характерную для 2000–2003 гг. (см. рис. 4). Это снижение замедлилось. Укрепление рубля по отношению к корзине валют основных торговых партнеров страны ускорилось (см. рис. 5).

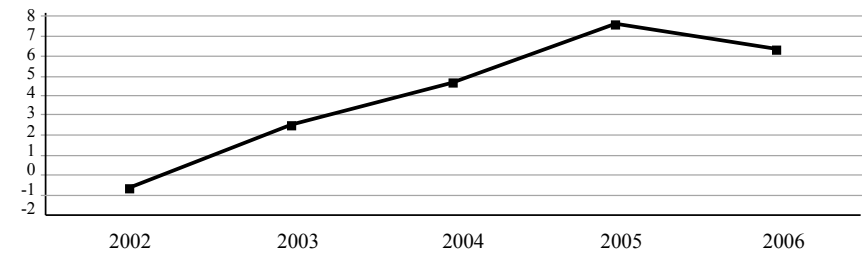


Источник: Росстат.

Рис. 4. Темпы роста потребительских цен, 2000–2006 гг., %

¹ В этом отношении Россия разделяет судьбу нефтедобывающих стран в условиях высоких цен на этот ресурс. Темпы роста широкой денежной массы в нефтедобывающих странах Ближнего Востока и Центральной Азии в 2003 г. составляли в среднем 56,5%, в 2004 г. — 57,9%, в 2005 г. — 56,7%. См.: Regional Economic Outlook. September 2005: Middle East and Central Asia Department. IMF, 2005.

² Газета. 2006. 11 декабря.

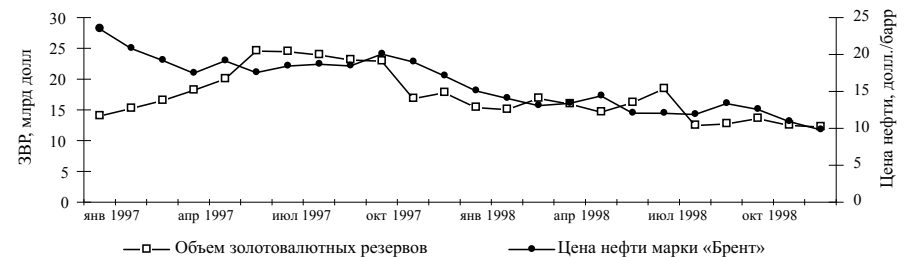


Источник: ЦБ РФ.

Рис. 5. Динамика реального эффективного курса рубля по отношению к корзине валют в 2002–2006 гг., % (область положительных значений — укрепление рубля, отрицательных — его ослабление)

Российская политическая элита, общество не привыкли к тому, что у страны есть значительные финансовые резервы. Более того, не видели в них необходимости. Советский Союз, потративший в 1960-х гг. большую часть золотого запаса на оплату закупок зерна, даже в период аномально высоких цен на нефть 1970-х — первой половины 1980-х гг. крупных золотовалютных резервов не создавал. Это один из факторов, сделавших крах советской экономики после падения цен на нефть в 1985–1986 гг. неизбежным.

Даже в 1997 г., когда начало экономического роста стало реальностью, объем золотовалютных резервов оставался скромным. Наряду с бюджетными проблемами, связанными с управлением внутренним долгом, это не позволило стране адаптироваться к падению цен и избежать катастрофических последствий (см. рис. 6).



Источники: ЦБ РФ; IMF IFS.

Рис. 6. Золотовалютные резервы России и цены на нефть в 1997–1998 гг.

Казалось бы, финансовая катастрофа конца 1980-х — начала 1990-х гг., а также меньшие по масштабам, но более близкие по времени проблемы 1998 г. могли научить нас тому, что понимал Иосиф Прекрасный: за тучными годами могут последовать тощие. Тратить сегодня все, что есть, забывая о рисках завтрашнего дня, — политика опасная.

Между тем выбор наиболее привлекательных направлений расходования средств Стабилизационного фонда — одна из самых популярных тем в экономико-политических дискуссиях в России. Здесь мы не уникальны. В условиях всеобщего избирательного права политика — это во многом соревнование в том, кто сумеет предложить наиболее популярные программы расходования средств налогоплательщиков¹.

Когда страна располагает Стабилизационным фондом, необходимости обсуждать вопрос о том, где взять деньги на реализацию тех или иных программ, не возникает. Министр финансов, даже тот, за которым закрепилось традиционное прозвище «господин «нет», не может всегда отвечать на просьбы традиционной фразой: «Ваше предложение прекрасное, но денег на него у правительства нет!». Он услышит от оппонентов контраргумент, суть которого в том, что средства, накопленные в Стабилизационном фонде, беспрецедентно велики, дальнейшее их наращивание на фоне острых социально-экономических проблем не имеет разумных оснований.

По состоянию на 1 февраля 2007 г. накопления Стабилизационного фонда России составляют 2,6 трлн руб., или 9,9% ВВП 2006 г. Это немало. Но картина выглядит радужно, лишь если забыть о влиянии на российский бюджет цен на нефть, нефтепродукты и газ. Расчеты, проведенные ИЭПП совместно с ЦСР, показывают, что при снижении цен на нефть с 50 до 25 долл. за баррель, т. е. до величины более высокой, чем та, которая еще недавно, в 2000–2002 гг., воспринималась как естественная точка отсчета при финансовом планировании, доходы расширенного правительства снизятся бо-

¹ У отцов-основателей Соединенных Штатов были подозрения, что так и будет. Дж. Адамс писал: «Если в стране введут всеобщее избирательное право, то первым делом будут отменены все долговые обязательства, затем установят высокие налоги на богатых, остальные от налогов будут освобождены, и, в конце концов, большинство избирателей проголосует за всеобщий раздел имущества». См.: *Adams J. Defence of the Constitutions of the United States. L.: Minted For C. Dilly, in the Poultry, 1787–1788. Vol. 1.*

лее чем на 8% ВВП. При таком развитии событий средства, накопленные в Стабилизационном фонде, будут исчерпаны за три года.

Предшествующий период низких цен на нефть, начавшийся в 1985–1986 гг., длился 15 лет. На протяжении трех лет Советский Союз мог регулировать проблемы платежного баланса, привлекая частные кредиты. Когда этот источник иссяк, крах советской экономики стал неизбежным. Об этом стоит помнить, обсуждая, насколько нынешний «запас прочности», гарантированный Стабилизационным фондом, достаточен для обеспечения надежности функционирования российской экономики.

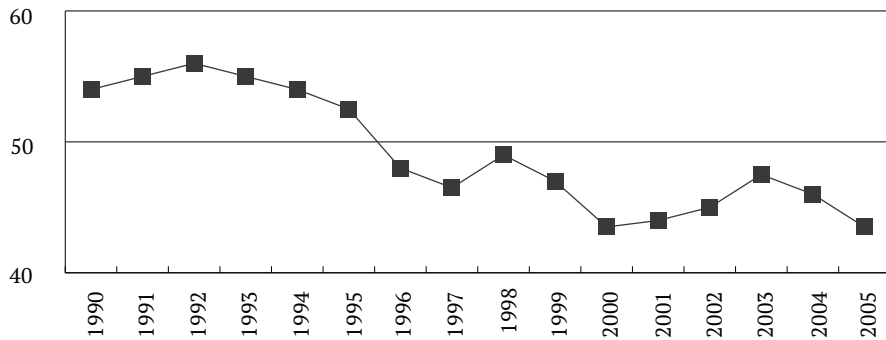
Чужой опыт слепо копировать не стоит. Но помнить о нем, принимая ключевые экономико-политические решения, полезно. По показателю, характеризующему качество жизни, — по индексу человеческого развития в мире лидирует Норвегия¹. Это одна из стран, экономика которых, как и экономика России, зависит от конъюнктуры рынка углеводородов. Поверить в то, что таких результатов добилось государство, проводящее безответственную, противоречащую национальным интересам политику, трудно. Со времени создания Нефтяного фонда стране удалось не только остановить тенденцию роста доли государственных расходов в ВВП, но и добиться ее снижения (рис. 7).

Проблемы пенсионной системы, перспектива снижения доли нефтегазовых доходов в ВВП подтолкнули власти страны к тому, чтобы трансформировать Нефтяной фонд, предназначенный для сглаживания колебаний бюджетных доходов, в накопления, обеспечивающие стабильность функционирования национальной системы социального страхования. В доходы фонда направляется от 60 до 100% государственных поступлений от добычи нефти и газа. Его объем по состоянию на 1 февраля 2007 г. составил 280,9 млрд долл., по прогнозам на 1 января 2008 г. — 299,5 млрд долл. В 2005 г. ВВП Норвегии составил 283,9 млрд долл.² Доходы от размещения средств фонда (по оценкам норвежских властей — примерно 4%

¹ Индекс человеческого развития — показатель, рассчитываемый ООН, он определяется набором параметров, характеризующих ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения. По этому показателю в 2005 г. Норвегия занимала 1-е место в мире. Исландия и Австралия следовали за ней. Россия была на 65-м месте.

² Данные Пенсионного фонда Норвегии и Мирового банка.

ВВП) создают базу, необходимую и достаточную для устойчивости пенсионной системы страны.



Источники: БД ОЭСР; <http://stats.oecd.org/wbos>

Рис. 7. Доля расходов расширенного правительства Норвегии в 1990–2005 гг., % ВВП

НЕФТЯНЫЕ ДОХОДЫ И ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Бюджетные обязательства принять легко. От них трудно отказаться. Политические проблемы, связанные с разумной по замыслу, но неудачно проведенной мерой — монетизацией льгот, наглядное тому подтверждение. В последнее время российские власти стали позволять себе по отношению к принятым обязательствам «легкость в мыслях необыкновенную»¹. Но даже советское руководство, полностью контролировавшее средства массовой информации, опиравшееся на эффективную тайную полицию, понимало, что система стабильна до тех пор, пока не нарушены условия соглашения с обществом, суть которого проста: мы не спрашиваем вас, почему вы правите страной, а вы гарантируете нам привычные условия существования, не устраиваете эксперименты, радикально меняющие жизнь. Этот компромисс оставался в силе до конца 1980-х гг., когда падение цен на нефть сделало сохранение условий контракта власти с обществом невозможным.

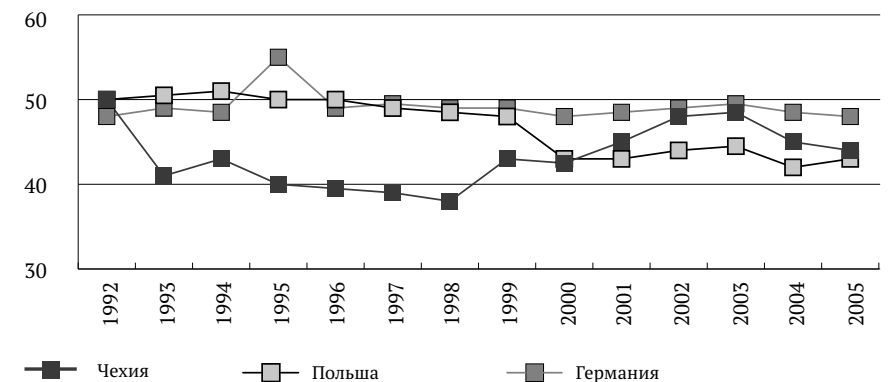
Для большей части населения Советского Союза в начале 50-х гг. XX в. идея, что люди имеют право на пенсионное обеспечение, была экзотикой. Колхозники в то время пенсионных прав не имели. Созданные в России институты социальной защиты, действие которых

¹ Свидетельство этому — предложение Министерства здравоохранения и социального развития изъять из Внешэкономбанка пенсионные накопления (по состоянию на 1 января 2007 г. — 267 млрд руб.).

распространяется на десятки миллионов людей, — элемент повседневной жизни. Сегодня отказаться от них, не порождая серьезных социально-политических потрясений, нельзя.

Принятые в 2005–2006 гг. решения (национальные проекты, материнский капитал, инвестиционные программы), демографическая динамика, увеличение числа пенсионеров, приходящегося на одного работающего, делают повышение доли расходов расширенного правительства в ВВП на ближайшие десятилетия, по меньшей мере, вероятным. При проведении разумной экономической политики, реформ, направленных на стимулирование частных расходов на пенсионное обеспечение, здравоохранение, образование, повышение эффективности государственных расходов, направленных на обеспечение обороны, безопасности, эту тенденцию можно затормозить, но остановить — вряд ли. На этом фоне отставание темпов роста добычи нефти и газа от темпов роста ВВП, укрепление курса рубля, удорожание добычи нефти и газа задают траекторию сокращения доходов, связанных с добычей углеводородного сырья.

Постсоциалистические страны, более развитые, чем Россия, раньше нее начавшие переход к рыночной экономике, сталкивающиеся с аналогичными проблемами пенсионной системы, вышли на уровень расходов расширенного правительства, сопоставимый с тем, который характерен для большинства стран — членов ОЭСР (см. рис. 8).



Источники: Данные по Польше и Чехии из EBRD Transition Reports; данные по Германии: БД ОЭСР; <http://stats.oecd.org/wbos>

Рис. 8. Расходы бюджета расширенного правительства в 1992–2005 гг., % ВВП

В России уровень государственной нагрузки на экономику ниже, но демографическая динамика свидетельствует: сближение соответствующих показателей нашей страны с показателями более развитых восточноевропейских стран — вопрос времени.

Популярность распределительных пенсионных систем в первые годы их введения была связана с тем, что выходящим на пенсию не приходилось за нее платить. Ее финансировали за счет налогов, которые платили следующие поколения работающих. При переходе от распределительной к накопительной пенсионной системе возникает ситуация, когда работающие вынуждены не только платить нынешним пенсионерам, но и накапливать средства, необходимые для финансирования собственной старости. Направление нефтегазовых доходов на капитализацию накопительной части пенсии позволяет решить проблему двойного платежа. И здесь опыт Норвегии может пригодиться.

Набор долгосрочных финансовых проблем, стоящих перед Норвегией и Россией, сходен. В Норвегии больше продолжительность жизни, но выше и пенсионный возраст¹. Специфика демографического перехода в России (быстрое снижение в период индустриализации числа рождений, приходящихся на одну женщину) задавала траекторию раннего старения населения, быстрого увеличения доли возрастных групп пенсионного возраста по отношению к числу работающих. Те проблемы пенсионной системы, с которыми Россия должна была бы столкнуться лишь несколько десятилетий спустя, стоят перед страной уже сегодня.

Коэффициент замещения² в России в 2005 г. составил 27,6%. При инерционном варианте развития событий, не предполагающем внесения изменений в пенсионное законодательство, его значение снизится к 2015 г. до 20,2%, к началу 20-х гг. — до 16,4%³. Чтобы сохранить этот показатель на привычном для страны уровне, потребуются ресурсы, составляющие примерно 4% ВВП, т. е. средства, сопоставимые с доходами Глобального пенсионного фонда Норвегии.

Норвежский пенсионный фонд задает стандарты финансовой ответственности, к которым может стремиться страна, зависящая от конъюнктуры рынка углеводородов¹. Оценки масштабов проблем, с которыми связано обеспечение устойчивости российской пенсионной системы, дают сходные цифры. Мобилизация ресурсов, позволяющих обеспечить сопоставимые по масштабу устойчивые доходы, — ключевая проблема финансовой стратегии России.

РЕЗЕРВЫ ПРИВАТИЗАЦИИ И ДОХОДЫ ПЕНСИОНЕРОВ

Насколько долго продлится период благоприятной конъюнктуры на рынке нефти и газа — не знает никто. Его цена — разница между накопленными 10% ВВП в Стабилизационном фонде и не менее 50% ВВП, необходимыми для того, чтобы обеспечить устойчивость национальной пенсионной системы.

Источник ресурсов, позволяющий компенсировать дефицит пенсионных накоплений, — государственное имущество. Приватизация в России происходила на фоне банкротства Советского Союза, отсутствия валютных резервов, политической нестабильности. Крупные предприятия, ставшие объектом приватизации, были должниками и бюджета, и своих работников. Многомесячные задолженности по зарплате были привычным элементом ежедневной жизни. Надежды мобилизовать крупные финансовые ресурсы за счет реализации таких государственных активов были малореалистичными. Тогда задачей было другое — обеспечить контроль частных собственников, заинтересованных в эффективном функционировании предприятий, за их хозяйственной деятельностью.

На совещании, прошедшем 18 апреля 1996 г. в Министерстве топлива и энергетики России, обсуждался вопрос о вероятности падения нефтедобычи в стране к 2000 г. до уровня 150–190 млн т в год и ее превращении в нетто-импорта нефти². Примерно в то же время решали,

¹ Средняя продолжительность жизни в Норвегии — 79,3 года, в России — 65,4, пенсионный возраст в Норвегии — 67 лет.

² Соотношение средней пенсии и средней заработной платы.

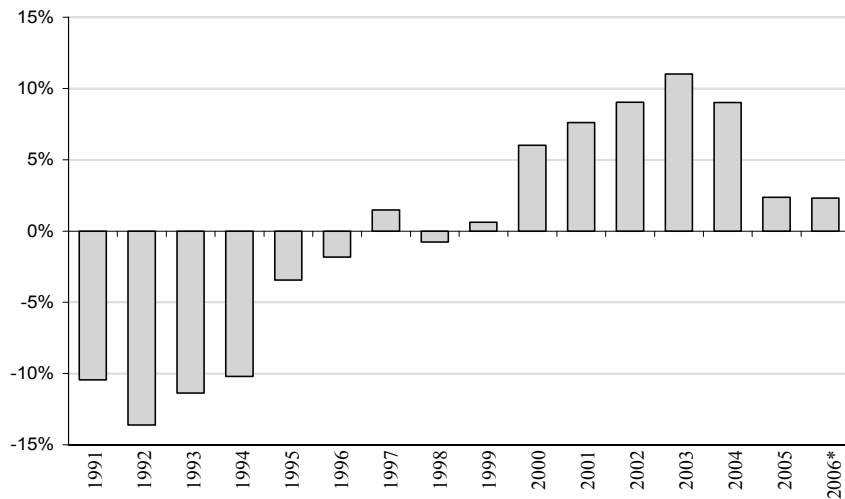
³ Расчеты ЦСР.

¹ Прирост среднегодовых доходов Нефтяного фонда Норвегии с момента перечисления в него средств правительства страны (1997 г.) составил 6,3% в международных резервных валютах, с корректировкой на уровень инфляции и исключением административных расходов — 4,5% в год.

² См.: Коммерсант. 1996. 18 апреля.

что делать, когда к 2000 г. добыча нефти в объединении «Нижневартовскнефтегаз», эксплуатирующем крупнейшее в России Саяногорское месторождение, сократится до нуля, а 200 тыс. жителей Нижневартовска придется переселять¹. Эту проблему решать не пришлось. После приватизации ТНК, основным активом которой был «Нижневартовскнефтегаз», 50% ее собственности за 6,75 млрд долл.² приобрела компания «Бритиш Петролеум». Рис. 9 показывает, как после приватизации изменились показатели динамики нефтедобычи в России.

Повышение факторной продуктивности народного хозяйства, задающей тенденцию долгосрочного роста ВВП, началось тогда, когда доминирующая часть российской экономики стала частной³. Экономический рост, финансовая стабильность, снизившееся отношение государственного долга к ВВП, выросший кредитный рейтинг страны и ее крупнейших компаний привели к пересмотру представления о том, сколько стоит собственность в России (см. рис. 10).



* В первом полугодии по отношению к первому полугодью 2005 г.

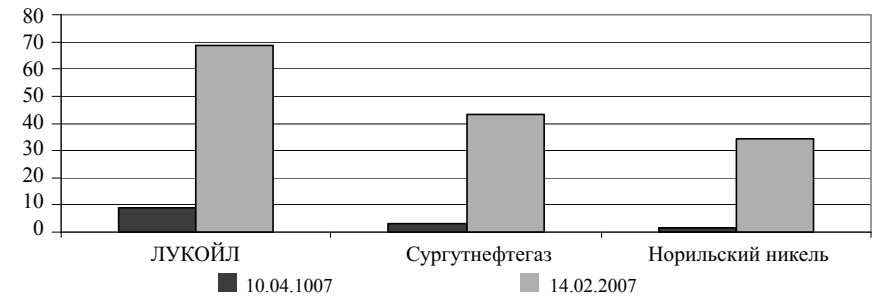
Источник: Федеральная служба статистики РФ - <http://gks.ru>

Рис. 9. Темпы прироста добычи нефти в России в 1991–2006 гг., % в год

¹ См.: Коммерсант. 1996. 17 июля.

² С сайта ТНК ВР.

³ См.: Энтов Р. М., Луговой О. В. и др. Факторы экономического роста российской экономики // Научные труды. М.: ИЭПП, 2003. № 70Р.



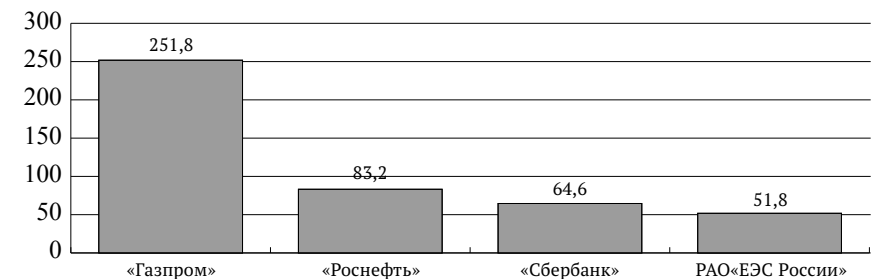
Примечание. Первые данные по капитализации «Норильского никеля» приведены по состоянию на 30 мая 2001 г.

Источник: РТС.

Рис. 10. Капитализация ЛУКОЙЛа, «Сургутнефтегаза» и «Норильского никеля» в 1997 и 2007 гг., млрд долл.

С 2003 г. российские власти начали проводить курс на ренационализацию. Примером стала судьба одной из крупнейших компаний — ЮКОСа. Фактов, свидетельствующих, что это привело к повышению качества управления нефтяной отраслью, не видно.

Финансовые результаты компаний российского нефтегазового сектора трудно считать аргументом в пользу преимуществ государственной собственности. Задолженность государственных предприятий в 2006 г. примерно в 20 раз превысила аналогичный показатель у частных. Российский опыт подтверждает: государство — неважный менеджер, коррумпированное государство — тем более. Но сконцентрированные в руках государства активы сопоставимы со средствами, необходимыми для обеспечения устойчивости пенсионной системы (см. рис. 11).



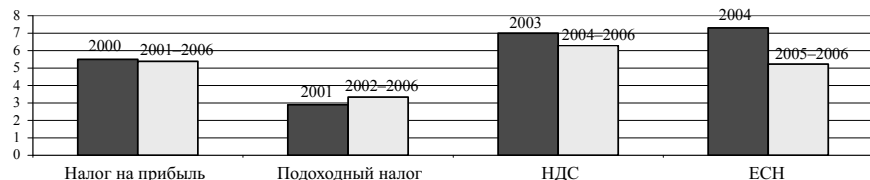
Источник: РТС.

Рис. 11. Капитализация «Газпрома», «Роснефти», «Сбербанка», РАО «ЕЭС России» (данные на 14 февраля 2007 г.), млрд долл.

По оценкам Альфа-Банка, котирующиеся на финансовых рынках акции российских государственных предприятий к началу 2007 г. стоили 369 млрд долл. (примерно 35% российского ВВП 2006 г.)¹. Аргументы в пользу того, что сохранение этих компаний в руках государства служит национальным интересам, привести не просто. Устойчивость пенсионной системы, которую можно обеспечить на основе неспешной, приуроченной к благоприятной рыночной конъюнктуре приватизации активов государственных компаний, — задача, от решения которой отмахнуться трудно. Выбор этого направления экономической политики позволит мобилизовать ресурсы, необходимые для финансирования пенсионной системы страны в XXI в.

ЦЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЩЕДРОСТИ

Экономический рост, устойчивость которого к 2003–2004 гг. стала очевидной, в условиях повышения нефтяных цен изменяет фон проводимой финансовой политики. В 2003–2004 гг. правительство России, поверившее в то, что снижение налоговых ставок — путь к легализации бизнеса, к росту собираемости налогов, снизило ставки по двум важным источникам поступлений в бюджет: по налогу на добавленную стоимость (с 20 до 18%) и единому социальному налогу (снижение базовой ставки с 35,6 до 26%). Эффект легализации доходов был близок к нулю. Бюджет потерял более 2% ВВП, примерно столько, сколько приносил подоходный налог до введения его плоской ставки. Различия в последствиях реформы подоходного налога и налога на прибыль, с одной стороны, и снижения ставок ЕСН и НДС — с другой, иллюстрирует рис. 12.



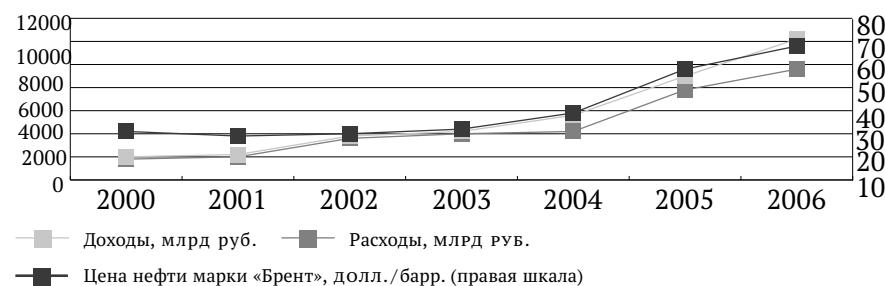
Примечание. По 2006 г. — данные за январь — октябрь.
Источник: Министерство финансов РФ.

Рис. 12. Поступления отдельных налогов в бюджет расширенного правительства России, % ВВП

¹ Мониторинг активности инвесторов в России. Альфа-Банк. 2007. 12 февраля.

Структурная составляющая налоговых доходов федерального бюджета, не связанная с конъюнктурой нефтяных цен, достигла максимума в 2002 г. (18,9%). Потом она сократилась (2006 г. — 15,2% ВВП)¹. Конъюнктурная компонента, обусловленная высокими ценами на нефть, начиная с 2003 г. росла. В 2006 г. она составила примерно 7% ВВП.

В 2005–2007 гг. сочетание ставших привычными высоких цен на нефть и газ и экономического роста делает экспансию государственных финансовых обязательств неизбежной. Отсюда — национальные проекты, инвестиционный фонд, меры, связанные с финансированием демографической политики. Министерству финансов РФ удавалось поддерживать темпы роста расходов бюджета в пределах, близких к темпам роста ВВП, более того, добиться снижения доли расходов расширенного правительства в ВВП (см. рис. 13; табл. 3).



Источники: IMF IFS; Минфин РФ.

Рис. 13. Доходы бюджета расширенного правительства и цены на нефть в номинальном выражении в 2000–2006 гг.

Таблица 3. Исполнение бюджета расширенного правительства в 1999–2006 гг., % ВВП

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Доходы	33,8	38,3	38,4	37,8	37,1	37,5	39,7	40,0
Расходы	35,3	34,3	35,2	36,3	36,0	32,9	31,6	31,5
Профицит	-1,5	4,0	3,2	1,5	1,1	4,6	8,1	8,5

Источник: Расчеты ИЭПП по данным Минфина РФ.

¹ Расчеты ИЭПП. Структурная составляющая доходов бюджета оценивается на базе средней цены на нефть за 1990–2006 гг.

К объему бюджетных обязательств это не относится. Национальные проекты рассчитывались на 2–3 года. Но они создают долгосрочные бюджетные обязательства. Трудно возражать против оснащения школ электроникой, их подключения к Интернету. Принимая это решение, разумно подумать, что речь идет не о разовых вложениях. Электронику придется обновлять, за доступ к Интернету — платить.

Средства инвестиционного фонда в приоритетном порядке направляются на финансирование инфраструктурных объектов — против чего нет возражений. Такие объекты придется не только строить, но и эксплуатировать. Содержание скоростной магистрали Москва — Санкт-Петербург стоит дорого. Оценок долгосрочных бюджетных последствий принятых решений не существует.

Вложение средств в проекты, связанные со здравоохранением, предполагает значительные ассигнования на закупку высокотехнологического оборудования. Его эксплуатация потребует расходов на приобретение запасных частей, технологических материалов. Средства на эти цели в проект не заложены. Доступная информация не позволяет предположить, что кто-либо просчитывал финансовые последствия реализации проекта материнского капитала для российского бюджета хотя бы на 10 лет вперед. Планируется выделение кредитов на 8 лет на строительство современных животноводческих комплексов с субсидированием государством процентной ставки (2/3 ставки рефинансирования ЦБ). Проект рассчитан на 3 года. Льготы на кредиты — на 8 лет. Долгосрочные бюджетные последствия, по-видимому, не просчитаны.

Подобные решения определяют перспективы бюджетной политики на годы вперед. Не все это, к сожалению, понимают.

Сигнал, который получила экономика, очевиден. Линия на ограничение доли государственных расходов в ВВП осталась в прошлом. На повестке дня — разработка новых программ бюджетных ассигнований. Чтобы противостоять тенденции роста государственных расходов в ВВП, нужны политическая воля и последовательность усилий. В 2005–2007 гг. власти продемонстрировали, что их резервы исчерпаны. Отсюда последствия для налоговой политики.

К БЮДЖЕТНОМУ КОНСЕРВАТИЗМУ

В XIX в. представление о том, что увеличение расходов бюджета надо подкреплять повышением налогов, было аксиомой. Руководителям английских финансов того времени идея, что можно проголосовать за закон о бюджетных обязательствах и не сказать, за счет увеличения каких налогов удастся их профинансировать, в голову не приходила.

Две принципиальные новации XX в.: представление о бюджете, который должен быть сбалансирован с учетом циклических колебаний, связанных с рынком, и экономической конъюнктуры, и о том, что решения по расходам, за которые придется отвечать тем, кто придет в правительство позже, — элемент эффективной экономико-политической тактики. Они позволили уйти от жесткой логики финансового консерватизма XIX в. Но общие правила игры принципиально не поменялись. Как и семейный бюджет, государственный в долгосрочной перспективе приходится сводить так, чтобы расходы соответствовали доходам. Даже в 1950-х — 1960-х гг. на фоне экспансии государственных финансовых ресурсов тот факт, что руководители правительства, намеревающиеся повысить расходы, должны подумать, за счет повышения каких налогов это придется обеспечить, был аксиомой.

Нараставший с 1970-х гг. кризис государственных финансов изменил положение. Политические проблемы, связанные с сокращением государственных расходов, на фоне непопулярности роста налоговых ставок сделали модной идею, что доходы бюджета можно увеличить, не повышая, а снижая налоги. То, что высокие налоги могут вести к сокращению поступлений бюджета, известно, по меньшей мере, со времен классической работы Адама Смита «О причинах и природе богатства народов». Для ее автора вопрос о бремени налогов был равнозначен вопросу о государственных расходах.

В 70–80-х гг. XX в. становится популярным другой вариант трактовки связи уровня ставок налогообложения и доходов государства. Тезис о возможности путем снижения налоговых ставок компенсировать потенциальные потери бюджета, добившись сокращения уклонения от налогов, получает широкое распространение. С точки

зрения здравого смысла он внушает доверие. Государство, пытающееся изъять из экономики слишком много, может снизить объемы легальной экономической деятельности. Однако связь между уровнем налогообложения и доходами в конкретных странах по данным налогам надежно оценить никому не удавалось.

Накопленный в последнее десятилетие опыт налоговых реформ позволяет если не точно предсказать, то хотя бы предположить связанное с ними развитие событий в государственных финансах. Если в результате реформы снижаются налоговые ставки и устраняется их прогрессия, налоговая система упрощается, сокращается число налоговых льгот, то с высокой степенью вероятности итогом может стать увеличение налоговых сборов. Но это гипотеза, которую каждый раз приходится проверять на практике.

В 2000–2002 гг. такая реформа была проведена в России. Ее элементами стали введение плоского подоходного налога, регрессивного социального налога, отмена оборотных налогов, налога с продаж, снижение ставки налога на прибыль, сокращение налоговых льгот. Результатом стало увеличение бюджетных поступлений. Анализ поступлений подоходного налога по регионам подтвердил, что реформа стала фактором повышения доходов бюджета¹. Но делать из этого вывод, что снижение налоговых ставок гарантированно приводит к росту собираемости доходов, — грубая ошибка.

В финансовой истории реформы, позволившие совместить снижение ставок и рост государственных доходов, — скорее, исключение, чем правило. То, что потенциал повышения доходов на основе подобной стратегии после реформы 2000–2002 гг. в России сохранился, — неочевидно. Для надежды на успех налоговых новаций, связанных со снижением ставок, нужна решимость сделать серьезные шаги по унификации налогового режима, отказу от его специальных, льготных элементов, таких, например, как режимы налогообложения в свободных экономических зонах, упрощенные системы налогообложения малого бизнеса. Это конфликтные меры. Убедительных свидетельств того, что российские власти готовы встать на этот путь, нет. Значит, в финансовой политике пора возвращаться к здравому смыслу.

Если руководство страны взяло курс на наращивание доли государственных доходов в валовом внутреннем продукте, разговоры о снижении ставок основных налогов, о выборе того, что лучше сократить — ставки НДС или ЕСН, стоит ли вообще отказаться от НДС, заменив его налогом с продаж, сознательно пойти на связанное с этим сокращение государственных доходов, пора прекратить. Речь стоит вести о том, за счет повышения каких налогов, поступления от которых в наименьшей степени зависят от конъюнктуры нефтяного рынка, будут финансироваться программы наращивания государственных расходов.

Подведем некоторые итоги. Динамичный экономический рост, последовавший за постсоциалистической рецессией, успехи налоговой реформы 2000–2002 гг., изменение конъюнктуры нефтегазового рынка, повышение доходов российского бюджета проложили дорогу для быстрого по стандартам финансовой истории увеличения государственных доходов. Рост возможностей государства привел к экспансии его обязательств. Это имеет долгосрочные последствия. Заданные принятыми решениями проблемы будут определять альтернативы российской финансовой политики на десятилетия вперед.

Ключевая проблема российских финансов — обеспечение устойчивости национальной пенсионной системы, сохранение привычных соотношений средней пенсии и заработной платы в условиях стареющего общества, где на одного работающего приходится все больше пенсионеров. Вместе с принятыми обязательствами по другим направлениям это задает тенденцию повышения доли государственных расходов в ВВП. Специфика России в том, что эти проблемы накладываются на тенденцию снижения доли нефтегазовых доходов в ВВП. Именно в этом вызов финансовой стабильности нашей страны.

Решать эту проблему лучше сегодня, а не тогда, когда ситуация станет неуправляемой. Речь идет о следующих стратегических решениях:

1. Направление доходов, обусловленных высокими ценами на углеводородное сырье, на укрепление финансовой базы накопительной

¹ См.: Синельников-Мурылев С., Баткитбеков С., Кадочников П., Некителов Д. Оценка результатов реформы подоходного налога в Российской Федерации // Научные труды. М.: ИЭПП, 2003. № 52 Р.

части пенсионной системы. Это предполагает включение в нее и тех граждан России, которые сейчас права на накопительную пенсию не имеют.

2. Реализация программы приватизации государственного имущества, направление мобилизуемых доходов на финансирование накопительной пенсионной системы.
3. Стабилизация налоговых поступлений, в наименьшей степени связанных с доходами от нефти и газа, отказ от снижения ставок по налогам, в минимальной степени зависимых от конъюнктуры рынка углеводородов, который не подкреплен решениями по ограничению расходных обязательств бюджета.

Есть смысл — по примеру Норвегии — преобразовать Стабилизационный фонд в Пенсионный фонд для будущих поколений пенсионеров, гарантировав тем самым выполнение основных социальных обязательств государства независимо от колебаний нефтяной конъюнктуры на долгие годы. Разумеется, необходимо предусмотреть и выделение из него резерва на случай форс-мажорных обстоятельств.

На фоне высоких нефтяных доходов от долгосрочных финансовых проблем легко отмахнуться. Опыт Советского Союза продемонстрировал: за такую политику приходится дорого платить.

Мы сидим на пороховой бочке

Даже те, кто еще год назад прогнозировал сохранение высоких цен на нефть, сегодня допускают снижение цен до уровня 40 долл. и даже 30 долл. за баррель в 2007 г. Один из ведущих российских экономистов Егор Гайдар, директор Института экономики переходного периода, предупреждает: «Мы сидим на пороховой бочке».

16 января 2007 г. цена на нефть марки «Бренд» опустилась до уровня менее 50 долл. за баррель. Столь дешево нефть стоила всего несколько минут. Вскоре котировки повысились.

Оснований, позволяющих предполагать, что произошедшее — сигнал к устойчивому изменению тренда, пока нет. Тенденция

повышения цен в первом квартале текущего года может восстановиться. Но нельзя забывать о том, что обозначившаяся в начале 80-х гг. тенденция к снижению нефтяных цен проложила дорогу полномасштабному кризису советской экономики. Тем более, что падение цен между июнем 2006 г. и январем 2007 г. было большим, чем в марте 1983 г. Потому есть смысл абстрагироваться от деталей и оценить масштаб вызовов, с которыми может столкнуться страна.

Нефть, с точки зрения действия рыночных механизмов, — товар специфический. Многие показатели мировой экономики можно анализировать, используя инерционные модели, суть которых — экстраполяция на будущее того, что происходило раньше, учет набора факторов, способных отклонить развитие событий от привычной траектории. Этот метод дает неплохие результаты. Ошибки в прогнозе темпов роста экономики крупнейших стран мира, превышающие 1%, — повод для скандала.

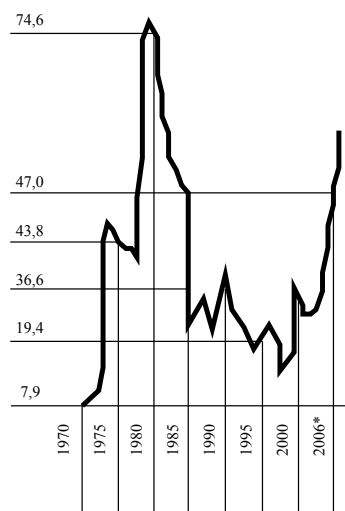
Важный для анализа экономики фактор, на который это правило не распространяется, — цены на нефть. Недавно одна из авторитетных международных финансовых организаций, МВФ, радикально пересмотрела прогнозы цен на нефть на 2007 г. Это никого не удивило, отставки ответственных руководителей не последовали. Специалисты привыкли к тому, что надежно прогнозировать цены на нефть никто не умеет. Не буду вдаваться в детали, описывать проблемы, порожденные различиями эластичности спроса и предложения по цене в долгосрочной и краткосрочной перспективе.

Если вы привыкли ездить на работу на автомобиле (с бензиновым двигателем), то и двукратное повышение цен на бензин не заставит вас изменить привычный стиль жизни. Возможно, вы задумаетесь о приобретении более экономичной машины, рассмотрите варианты покупки автомобиля, использующего газовое или растительное топливо, но это случится не сразу.

Компания, вложившая миллиардные средства в проект на шельфе, для которой текущие издержки составляют незначительную долю от совокупных, столкнувшись с падением цены, десять раз подумает о том, стоит ли сокращать добычу. Текущая себестоимость невелика, к тому же снижение объема производства не всегда технологически легко обеспечить. Лишь масштабные, измеряемые не процентами, а разами корректировки текущих цен могут заставить

и потребителей, и производителей нефти радикально изменить параметры спроса и предложения.

Влияние беспорядков в Иране, постепенно переросших в революцию 1978–1979 гг., на уровень производства топлива в мире было ограниченным. Экспортные поставки Ирана в 1979 г. по сравнению с началом 1978 г. сократились примерно на 2 млн баррелей в день. Мировая добыча составляла 63 млн баррелей. Даже без учета компенсирующих мер, предпринятых Саудовской Аравией и Ираком, объем выпадающего производства, связанного с событиями в Иране, составил менее 4% мирового выпуска. Начавшаяся в 1980 г. ирано-иракская война увеличила масштабы падения добычи примерно вдвое. Цена выросла почти в 3 раза. В реальном исчислении она достигла исторического максимума, не превзойденного и во время следующего рекордного роста цен летом 2006 г. (см. рис. 1).



* 2006 г. с января по сентябрь

Источник: IMFIFS 2006

Рис. 1. Динамика цен на нефть в реальном выражении в 1970–2006* гг., доллары США 2000 г.

После прекращения боевых действий и Иран, и Ирак попытались восстановить свою долю в мировой добыче нефти на довоенном уровне. К этому времени избыток предложения нефти был очевид-

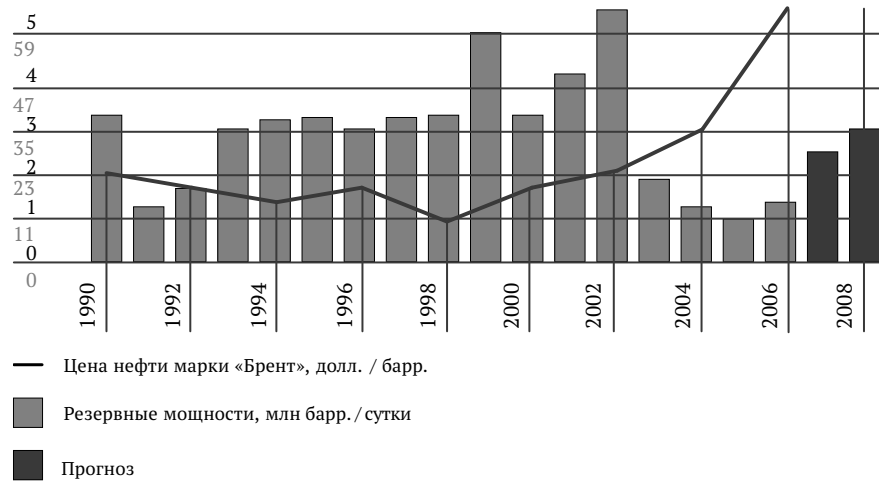
ным. В марте 1983 г. ОПЕК принимает решения о снижении базовой цены нефти с 34 долл. до 29 долл. за баррель (в текущих ценах), введении более жестких квот на добычу. Однако бюджетные обязательства входящих в организацию стран уже соответствовали уровню нефтяных цен 1979–1981 гг. Сократить их оказалось непросто.

Как это бывало в практике ОПЕК, груз ответственности за сокращение добычи, необходимое для стабилизации цен, взяла на себя Саудовская Аравия. На фоне снижения ее доли на рынке нефти объем производства в других странах ОПЕК в 1983–1985 гг. почти не сократился. Саудовская Аравия оказалась в положении игрока, вынужденного платить за все. В сентябре 1985 г. власти Саудовской Аравии проинформировали общественность, что страна намерена восстановить свою долю на рынке. Этот шаг сделал резкое падение цен неизбежным.

С 1985–1986 гг. в мировой экономике начинается период низких цен на нефть. В 2000–2001 гг. никто из влиятельных участников обсуждения перспектив нефтяного рынка резкого роста цен не прогнозировал. Изменение тенденций в начале 2000-х гг. не столь драматично, как на рубеже 1979–1980 гг. Мир сталкивается с последовательностью локальных, но с течением времени накапливающихся проблем, заставляющих усомниться в стабильности поставок нефти. Иранская ядерная программа, риски, связанные с тем, что для ее остановки США и Израиль могут применить силу; беспорядки в Нигерии; американская операция в Ираке и непредсказуемость ее последствий; проблемы в нефтедобывающей промышленности Венесуэлы и Индонезии — увеличивают риски, с которыми вынуждены считаться страны-импортеры.

Прогнозы, базирующиеся на текущих рыночных тенденциях, оказались не слишком точными. Высокие цены на нефть, в долгосрочную устойчивость которых поверили ключевые инвесторы, подтолкнули к росту инвестиций в проекты, ранее считавшиеся малоперспективными. Активизировалась работа по поиску альтернативных нефти источников энергии.

Ключевая характеристика рынка нефти — его зависимость от наличия или отсутствия свободных мощностей, позволяющих при колебаниях спроса изменить объем поставок. Фактор, способствовавший росту цен на нефть в 2004–2006 гг. до аномально высокого по историческим меркам уровня, — убежденность участников рынка в том, что резервных мощностей нет (см. рис. 2).



Источник: USEnergy Information Administration, Short-Term Energy Outlook. Jan. 2007.

Рис. 2. Резервные мощности добычи нефти и цена нефти в 1990–2008 гг.

Со второй половины 2006 г. ситуация меняется. Столкнувшись с обозначившимся летом 2006 г. понижательным трендом динамики цен на нефть, ОПЕК принимает решение о сокращении с 1 ноября 2006 г. квот на добычу на 1,2 млн баррелей в день, затем, с 1 февраля 2007 г., на 0,5 млн баррелей. Это сигнал, что свободные мощности есть, они растут и аналитики прогнозируют их увеличение в 2007–2008 гг. Решения о снижении квот легче принять, чем выполнить. Страны — члены организации, сталкивающиеся с бюджетными проблемами, нередко не могут допустить падения экспортных доходов. Оценки того, в какой степени снижение добычи, которое должно было начать осуществляться с 1 ноября 2006 г., реализовано на практике, ненадежны. Но большинство наблюдателей согласно в том, что текущий уровень производства на 0,4–0,7 млн баррелей больше согласованного.

Если исключить из рассмотрения страны, в которых неиспользованные мощности не результат осознанного решения правительства, а следствие внутренних беспорядков и технологических факторов (Нигерия, Ирак, Индонезия, Венесуэла), нетрудно понять: большинство стран ОПЕК снова полагает, что основное бремя падения доходов ляжет на Саудовскую Аравию. Сегодня большая часть свободных мощностей приходится на ее долю.

В 1985–1986 гг. ввод в Саудовской Аравии в эксплуатацию мощностей, обеспечивающих дополнительно добычу 1 млн баррелей нефти в день, обещание при необходимости ее наращивать и дальше, было достаточным, чтобы переломить ситуацию на рынке, дисциплинировать других участников картеля. В Саудовской Аравии принята рассчитанная до 2010 г. программа увеличения нефтедобычи более чем на 3 млн баррелей в день. Страна ценит свою роль ключевого участника рынка нефти, уступать ее никому не готова.

Россия зависит от конъюнктуры сырьевых рынков. Так было во времена империи Советского Союза. Принципиально ситуация не изменилась и в настоящее время. Сегодня Россия более устойчива по отношению к колебаниям нефтяных цен, чем Советский Союз середины 1980-х гг. У страны есть рыночные механизмы адаптации к изменению рыночной конъюнктуры. На падение нефтяных цен можно ответить не государственным банкротством и коллапсом экономики, а девальвацией национальной валюты, позволяющей повысить конкурентоспособность обрабатывающих отраслей. В отличие от СССР, перед Россией не стоит проблема неуправляемого краткосрочного государственного долга. Накопленные валютные резервы создают подушку безопасности, позволяющую в случае падения нефтяных цен избежать катастрофической ситуации, подобной той, в которой оказался в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Советский Союз. Однако и с учетом этих факторов зависимость российского платежного баланса, бюджета от цен на нефть создает риски, которые надо трезво оценивать.

Падение цен на нефть до уровня средних многолетних (примерно 20 долл. за баррель в современных долларах) приведет к исчерпанию ресурсов Стабилизационного фонда в течение менее чем двух лет. Распространенное в сознании политической элиты представление о надежном фундаменте финансовой безопасности Российского государства не точно. Мы по-прежнему сидим на пороховой бочке и не знаем точно, когда она взорвется.

Повторю: прогнозирование цен на нефть — занятие, опасное для профессиональной репутации. Делать долгосрочные выводы на основе произошедшего между июнем 2006 г. и январем 2007 г. невозможно. Тенденция снижения уровня нефтяных цен, обозначившаяся в последние месяцы, может оказаться краткосрочным колебанием конъюнктуры. Однако, вырабатывая экономическую по-

литику страны, важно иметь в виду и сценарий неблагоприятного развития событий, знать, что делать в случае, если он реализуется. Полезно помнить и о том, что на нефтяной рынок оказывают влияние не только экономические, но и политические факторы. Там, где речь идет о нефти, экономику и политику разделить трудно.

Сегодня, например, для властей Саудовской Аравии важнейшую потенциальную угрозу представляет Иран. Укрепление шиитского контроля над соседним Ираком, за которым нетрудно увидеть следы иранского влияния, власти Саудовской Аравии рассматривают как вызов безопасности. Иранская политическая и экономическая система, как в 1980-х гг. советская, в меньшей степени, чем саудитская, устойчива к ценовым шокам на рынке нефти. Саудиты¹ в условиях высоких нефтяных цен обеспечивают профицит бюджета, превышающий 15% валового внутреннего продукта. Они сократили соотношение государственного долга и внутреннего валового продукта. Иранскому руководству проводить такую политику было труднее. С середины 1980-х гг. власти Саудовской Аравии знают, как, договорившись с Соединенными Штатами Америки, поставить в сложное положение важнейшего конкурента на рынке нефти, создающего угрозу безопасности. Решат ли они воспользоваться этим опытом, покажет время. Но не быть готовым к такому варианту развития событий неразумно.

Начало острого кризиса советской системы связано не с августом и тем более не с декабрем 1991 г. Точка отсчета — 13 сентября 1985 г., день, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Ахмад Заки Ямани объявил, что его страна меняет нефтяную политику, вводит в действие резервные мощности, начинает наращивать добычу. Об этом стоит помнить, анализируя сигналы, поступающие из Эр-Рияда.

В 2000–2001 гг. страны ОПЕК, пытаясь остановить тенденцию к снижению цен, приняли решение о сокращении квот.

Тогда позиция России, приватизированная нефтяная промышленность которой наращивает добычу нефти примерно на 20 млн т в год, стала важнейшим вызовом для нефтяного картеля. Власти нашей страны формально выражали готовность обсудить совместные действия по стабилизации цен. На деле они закрывали глаза на

рост добычи частными компаниями. Лишь осознание того, что российская экономика, адаптировавшаяся после кризиса 1998 г. к аномально низким ценам на нефть, способна пережить ценовую войну легче, чем экономика Саудовской Аравии, предотвратило соревнование в наращивании объемов добычи, способное проложить дорожку краху нефтяных цен по сценарию 1985–1986 гг.

Теперь ситуация иная. В 2000–2001 гг. Россия могла приспособиться к цене на нефть на уровне 15 долл. за баррель без катастрофических бюджетных последствий. Сейчас при мысли о том, что цены на этот ресурс вернуться на средний в долгосрочной перспективе уровень (20 долл. за баррель), у руководителей экономического направления в правительстве волосы встанут дыбом.

Хочешь мира — готовься к войне. СССР не потерпел поражения на поле брани. Его крах стал результатом ценовой войны на рынке нефти. Извлекать уроки из чужих ошибок непросто. Хорошо бы учиться хотя бы на своих.

Бегство от барреля. Финансовой стабильности России угрожает опасность

Когда я начал работать в российском правительстве полтора десятка лет назад, Центральный банк проинформировал меня, что валютные резервы страны составляют примерно 4 млн долл. Сейчас, когда они превышают 300 млрд, финансовая ситуация в стране куда более комфортна. Можно подумать, что ей ничего не угрожает. На мой взгляд, считать так — ошибка.

ТРЕВОЖНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Мы сегодня сталкиваемся с проблемой, которая стояла перед Западной Европой в 50-х — 60-х гг. прошлого века. Это быстрое увеличение государственных доходов. Темпы экономического роста в Западной Европе после завершения Второй мировой войны были

¹ Саудиты — правящая королевская династия в Саудовской Аравии. — Прим. ред.

необычно высокими. Государства вводили новые налоги с широкой базой. Именно в это время сначала во Франции, а потом и по всей Европе появляется налог на добавленную стоимость. В это же время возникают аналоги нашего единого социального налога, используемого для финансирования проблем социальной защиты. Темпы роста государственных доходов в реальном исчислении в 1950–1973 гг. были необычно высокими по любым историческим меркам. Скажем, во Франции средние за 1950–1973 гг. темпы роста реальных доходов бюджета составляли 8,4%. На этом фоне казалось, что можно принимать любые социальные программы, брать любые обязательства, связанные с пенсионной системой, образованием, здравоохранением. Именно тогда принимались расходные обязательства, которые на протяжении последних двадцати лет составляли основную головную боль для правительств западноевропейских стран. Именно из-за трудности их выполнения меняются правительства.

Когда в России в начале 2000 г. формировали экономическую программу, страна выходила из тяжелого периода постсоциалистической рецессии, усугубленной кризисом в Юго-Восточной Азии, дефолтом 1998 г. Ограниченность финансовых ресурсов была понятна. Ключевой для страны считали проблему 2003 г., на который приходился пик выплат государственных долговых обязательств. Финансовый консерватизм был данностью. Шла дискуссия между теми, кто считал, что ключ к экономическому росту — снижение доли расходов расширенного правительства в ВВП, и теми, кто полагал, что ключевая проблема — качество экономических институтов страны. Обе точки зрения прямо не противоречили друг другу. Победы в этой дискуссии не было, но идея, что осторожная политика государственных расходов — важнейшая предпосылка обеспечения стабильности политического режима, возобладала.

Уздечка для расходов

Три фактора изменили ситуацию в России. Это восстановительный экономический рост — динамичный и устойчивый, успехи налоговой реформы 2000–2002 гг., которые привели к росту государственных доходов, не связанных с нефтью, а затем в 2004 г. — резкий скачок цен на нефть, который на фоне налоговой реформы и создания

НДПИ увеличивал налоговые поступления. После этого мы получили темпы роста налоговых поступлений, которых не видела даже Западная Европа в 1950–1970 гг.: в среднем 13% в год в реальном исчислении за последние 7 лет.

Министерство финансов сделало все, чтобы на фоне беспрецедентного роста доходов удержать расходы бюджета на разумном уровне. Но долго проводить ответственную расходную политику в условиях, когда у государства быстро растут доходы, — дело тяжелое. Всегда возникает желание принять популярные расходные программы.

Можно принять программу материнского капитала. За нее в течение трех лет платить не придется. Можно одобрить строительство скоростной магистрали Москва — Санкт-Петербург. Расчеты того, сколько будет стоить ее эксплуатация, не видел. Можно одобрить программы создания животноводческих комплексов, финансируемых за счет льготных кредитов, две трети процентов по которым покроеет государство. Программа рассчитана на два года, кредит — на восемь лет. Кто будет покрывать разницу в процентных ставках в оставшиеся годы? Хорошая идея — компьютеризация, оснащение Интернетом школ в сельской местности. А когда кончится проект, можно будет списать электронику и отключить школы от Интернета? Кто-нибудь считал, сколько эксплуатация этой техники будет стоить в дальнейшем? Принятые расходные обязательства имеют долгосрочные последствия. Их, по меньшей мере, надо трезво оценивать.

По локоть в нефти

На это накладываются две серьезные для нашей страны тенденции. Первая — быстрое снижение числа работающих, приходящихся на одного пенсионера. На этом фоне низкий пенсионный возраст, изменять который никто не собирается. Это задает тенденцию к снижению коэффициента замещения — отношения средней пенсии к средней заработной плате. Еще недавно он составлял 30–35%, а к 2005 г. снизился до 27%. По инерционным прогнозам к 2015 г. он упадет до 20%, а к 2020 г. — до 16%. Значимость коэффициента замещения в социальной политике — не выдумка чиновников из Международной организации труда. Общество привыкло к тому, что уровень жизни пенсионера сопоставим с тем, который он имел, ког-

да он был трудоспособен. Изменить такое установление без крупных социальных катаклизмов обычно никому не удавалось.

Значительная часть доходов бюджета зависит от нефти и газа. Они нестабильны. Прогнозировать их толком никто не умеет. Большинство важнейших параметров экономики предсказать нетрудно. Если кто-нибудь из ответственных лиц ошибется в прогнозе роста ВВП Америки или Европы на один процентный пункт, то ему придется уйти в отставку, признаться в профессиональной несостоятельности. К ценам на нефть это не относится.

В России от нефти и газа зависит треть доходов бюджета. Мы просчитали сценарий наихудшего развития событий, связанных со снижением цен на нефть, и пришли к выводу, что до 2009 г. накопленные резервы позволяют избежать кризиса, напоминающего 1998 г. Нефтяные доходы не только нестабильны, их доля в ВВП сокращается. Этому есть несколько причин.

Добыча нефти в России растет медленнее, чем валовый внутренний продукт. ВВП увеличивается примерно на 6–7%, а добыча нефти — на 2%. По мере экономического роста ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, постепенно приближается к ВВП, рассчитанному по текущим курсам валюты. Экспортная выручка, пересчитанная по паритету покупательной способности, сокращается. 7% ВВП мы получаем от экспортных пошлин на энергоносители. У нас растет внутренний спрос. И возможность поддерживать долю экспорта на нынешнем уровне снижается.

Прогнозы того, когда запасы нефти и газа кончатся, делались многократно. Нередко они не оправдывались. Если верить тому, что писали по этому поводу в начале 1960-х годов, мир должен был уже остаться без нефти и газа. Но падение добычи нефти в странах, где крупнейшие месторождения вступают в период падающей добычи — реальность. При обсуждении долгосрочных финансовых проблем страны стоит задуматься о перспективах добычи нефти. Прогноз властей таков: добыча нефти начнет сокращаться с 2020-х гг., добыча газа стабилизируется в начале 2030-х. Речь идет об источнике, от которого зависит треть доходов бюджета — в условиях, когда страна сталкивается с вызовом роста пенсионных обязательств, связанных со старением населения. Именно эти два фактора — увеличение расходных обязательств бюджета, связанных со старением населения, и сокращение нефтяных доходов —

стратегическая проблема, от решения которой зависит стабильность государственных финансов.

СТАБФОНД НА СЛУЖБЕ ПОКОЛЕНИЙ

Мы создали Стабилизационный фонд. Это инструмент, обеспечивающий базу финансовой устойчивости. Россия — не единственная страна, зависящая от конъюнктуры рынка углеводородов. Норвегия, самая развитая страна в мире, сталкивается со сходными проблемами. У нас Стабилизационный фонд составляет 9,9% ВВП. В Норвегии его размеры примерно равны годовому ВВП. Трудно поверить в то, что самая социально развитая страна мира на протяжении многих лет ведет безответственную, противоречащую национальным интересам политику.

Разговоры о том, что норвежское правительство зря накапливает средства в Стабилизационном фонде, были фоном всех избирательных кампаний в Норвегии, проходивших в последние десятилетия. Тем не менее элита договорилась: накопить финансовые резервы, направив их на решение стратегической проблемы. Обеспечить устойчивость пенсионной системы в условиях старения населения и снижения доходов от углеводородов — разумная политика. Норвежский нефтяной фонд трансформировали в глобальный пенсионный фонд, средства направили на решение проблемы двойного платежа, ключевой в пенсионных реформах. Она связана с тем, что одно и то же поколение при переходе к накопительной пенсионной системе вынуждено платить дважды: один раз — за пенсии нынешним пенсионерам, другой раз — за себя.

4% ВВП, которые приносят размещенные в финансовые активы средства фонда, — это деньги, которые нужны для того, чтобы пенсионная система в Норвегии была долгосрочно устойчива. Те же 4% ВВП нужны и нам. Отсюда вывод: необходимо дополнить существующий Стабилизационный фонд фондом будущих поколений, средства которого надо направить на финансирование накопительной части пенсионной системы. Естественно, система накопительных пенсий должна охватывать не только те возрастные группы, которые сегодня в нее включены, но все население. Это первая линия обороны, которую необходимо выстроить для обеспечения устойчивости пенсионной системы.

ИМУЩЕСТВО — НА АМБРАЗУРУ

Вторая линия обороны. Никто не может гарантировать, что высокие цены на нефть сохранятся надолго. Но есть и еще один значимый ресурс — государственное имущество. Мы проводили приватизацию в начале и середине 1990-х гг. в условиях тяжелейшего экономического кризиса, когда предприятия имели многомесечные задолженности перед бюджетом и работниками. Надеяться на то, что в это время их можно продать за большие деньги, было нереально.

С тех пор ситуация изменилась. Страна финансово стабильна, валютные резервы — не 4 млн, а 300 млрд долл., кредитный рейтинг растет. Это изменило капитализацию российских компаний. В последнее время были предприняты действия, направленные на увеличение доли государства в экономике. Доказать, что они способствовали ускорению экономического развития страны, укреплению ее финансов, трудно. Задолженность предприятий нефтегазового сектора, находящихся в государственной собственности, примерно в 20 раз превосходит задолженность по внешним обязательствам компаний частного сектора.

На фоне устойчивого экономического роста, финансовой стабильности российская собственность стала дорого стоить. По существующим оценкам, только стоимость акций, котирующихся на рынке государственных компаний, составляет 35% ВВП. Это примерно половина средств, необходимых для обеспечения устойчивости пенсионной системы.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ

В консервативном XIX в. министр финансов, который предложил бы увеличение государственных расходов и не объяснил, за счет повышения каких налогов он собирает его обеспечить, не мог бы сохранить свой пост. С середины XX в. ситуация меняется. Беспрецедентный рост государственных доходов прокладывает дорогу экспансии бюджетных обязательств. Но за них раньше или позже приходится платить. Масштабы повышения налоговых ставок, которые готовы принять избиратели, не безграничны. В это время популярной становится идея, что можно увеличить доходы бюджета, не повышая, а снижая налоги. Для политиков это дорогой подарок.

К тому же идея соответствует здравому смыслу. Беда в том, что никто и никогда не смог оценить, как снижение ставок налогов в конкретной стране скажется на росте их собираемости.

В России проблему усугубило то, что в 2000–2002 гг. была проведена действительно успешная налоговая реформа. Были резко снижены налоговые ставки, изменена система налогов на добычу полезных ископаемых, отменены оборотные налоги, налог с продаж. Налоговые поступления резко выросли.

Исследования, проведенные в ИЭПП, убедительно показали связь налоговой реформы 2000–2002 гг. с ростом налоговых поступлений российского бюджета. Наши коллеги, занимающиеся налоговыми проблемами в Международном валютном фонде, с результатами наших исследований не согласились. Их аргументы не были лишены оснований. В личных беседах они объясняли свою позицию так: «Да, вы продемонстрировали, что, снизив налоговые ставки, можно увеличить собираемость налогов. Вы уверены, что этот вывод не будет использован для обоснования финансовых авантюр в мире?». Этот риск реален. Сам участвовал в совещаниях, проходивших в Правительстве РФ, где обсуждались вопросы налоговой политики после реформы 2000–2002 гг. Слышал аргументы в пользу того, что снижение налоговых ставок оказало столь очевидно благоприятное влияние на российские финансы, что эту политику стоит без промедления продолжить. Снизить ставку налога на добавленную стоимость, единого социального налога. Такие решения были приняты. Рост собираемости налогов за ними не последовал. Сейчас обсуждаются дополнительные меры по снижению базовых налогов, в наименьшей степени зависящих от конъюнктуры рынка нефти и газа. Серьезными решениями по снижению государственных обязательств подкреплять их, похоже, никто не готов. Вера в кривую Лаффера¹ становится в российской политической элите чем-то похожим на 11-ю заповедь Моисея. У Советского Союза в 1991 г. было 31,5 тыс. единиц ядерного оружия. Он не потерпел поражения

¹ *Кривая Лаффера* характеризует предложенную американским экономистом Лаффером зависимость величины поступающих налогов от уровня налоговых ставок. Если ставки невелики, то до определенного предела увеличение их может приводить к росту налоговых поступлений и приближению их к максимуму. Но затем дальнейшее повышение ставок вызовет снижение сумм получаемых налогов. Соответственно, если налоговые ставки значительны, то некоторое их уменьшение позволяет рассчитывать на дополнительное поступление налогов. — *Прим. ред.*

на поле боя. Страна рухнула под бременем финансовых проблем и безответственных решений, связанных с государственным бюджетом. Перед нами серьезные долгосрочные проблемы, определяемые устойчивостью расходных обязательств расширенного правительства и нестабильностью нефтегазовых доходов. Не думаю, что стоит повторять уже сделанные ошибки.

Финансовые институты: Время выбора

22 августа российские власти внесли кандидатуру известного чешского экономиста Йозефа Тошовского на пост директора-распорядителя Международного валютного фонда. Он возглавлял Центральный банк Чехословакии, потом Чехии. Занимает одну из ключевых позиций в Базельском банке международных расчетов. В то время, когда он отвечал за денежную политику страны, Чехословакия была одним из немногих государств, переживших крах социалистической системы и избежавших гиперинфляции. Во время разделения Чехословакии на два государства ему удалось без серьезного кризиса провести операцию по созданию чешской и словацкой валюты. Его признавали лучшим банкиром мира и лучшим европейским банкиром.

Система управления финансовой инфраструктурой, ключевыми элементами которой являются Мировой банк и Международный валютный фонд, была согласована в ходе Бреттон-Вудских переговоров. Эти соглашения соответствовали реалиям времени доктрины Монро и европейских колониальных империй. За последние 60 лет мир изменился. О доктрине Монро и колониальных империях забыли. Но мировая финансовая система по-прежнему устроена так, как будто они существуют.

Суть договоренностей была в том, что руководитель Мирового банка — американец, руководитель Международного валютного фонда — западноевропейец. Это вписывалось в реалии конца 40-х гг. прошлого века. С тех пор экономика изменилась. В мире выросла

доля других участников рынка. Речь идет о Китае, Индии, Бразилии, многих других странах.

Если бы все летние Олимпийские игры на протяжении последних 60 лет проходили в Вашингтоне, а половина зимних — в Париже, многим это показалось бы странным. Сегодня речь идет не об играх, а об институтах, обеспечивающих устойчивость мировой финансовой системы.

На протяжении последних десятилетий главной задачей МВФ было управление международными финансовыми кризисами. Разумно предположить, что руководителем организации, отвечающей за это, должен быть человек с успешным опытом регулирования таких кризисов. Большинству крупных европейских стран на протяжении последних 20 лет не довелось сталкиваться с масштабными финансовыми неурядицами. Поэтому там непросто найти специалистов, обладающих опытом, необходимым в случае, если мировой финансовый кризис, для регулирования которого предназначен МВФ, произойдет.

Министры финансов Австралии, Южной Африки и Бразилии направили руководству Международного валютного фонда письмо, суть которого в том, что наличие у какой-то страны или группы стран наследственного феодального права управления двумя ведущими финансовыми институтами не соответствует реальностям мировой экономики. Знаю, что эту позицию разделяет руководство многих стран. Могу предположить, что это и позиция руководства моей страны.

Главное здесь не вопрос о персоналиях. Против выдвигаемого еврозоной французского кандидата Доминика Стросс-Кана никто ничего не имеет. Речь идет о принципе, об отказе от монопольного права той или иной группы стран на руководство международными финансовыми организациями, о том, что кандидат, заслуживающий поддержки, должен выбираться по меритократическим принципам.

Большая часть мира пришла к согласию по этому вопросу. Мы готовы игнорировать политические проблемы, существующие между нашими странами. Знаю, что израильские власти были готовы поддержать арабского кандидата с хорошей профессиональной репутацией на пост руководителя Международного валютного фонда. Российские официальные власти готовы выдвинуть и поддержать кандидата от одной из восточноевропейских стран, с которой у нас

Опубликовано в: Ведомости. 2007. 26 августа.
Статья аналогичного содержания была опубликована в газете «The Financial Times» 26 августа 2007 г. — *Прим. ред.*

не самые простые политические отношения, на том основании, что его репутация как руководителя Центрального банка безупречна.

Система квот при голосовании в МВФ отражает реалии ушедшего времени. Структура мирового внутреннего продукта за последние десятилетия изменилась. Можно спорить о том, должно ли голосование в МВФ отражать доли той или другой страны в мировом валовом внутреннем продукте в текущих валютных курсах или в паритетах покупательной способности. Но принцип того, что право голоса в принятии решений в ключевых институтах мировой финансовой инфраструктуры должно соотноситься с долей страны в мировой экономике, оспорить трудно.

Разумеется, Западная Европа, опираясь на обещания Соединенных Штатов в обмен на поддержку европейцев в выборе американского руководителя Мирового банка поддержать европейского кандидата на пост руководителя Международного валютного фонда, может попытаться сформировать арифметическое большинство голосов в совете директоров МВФ и противопоставить себя остальному миру. Но имеет смысл всерьез подумать — а стоит ли это делать?

Конфронтация с Западом пагубна

Когда президент Ельцин пришел к власти в 1990 г., Россия была банкротом. Добыча нефти упала до 506 млн т в год, а запасов зерна не хватало, чтобы дотянуть до следующего урожая. Ключевой мотив заявлений советского правительства в последние три года существования Советского Союза состоял в том, что положение катастрофическое.

С тех пор мы осуществили реформы и создали рыночную экономику — не слишком эффективную, но так или иначе работающую, и интегрировали Россию в мировой рынок. После чего российская экономика вступила на путь динамичного подъема и поддерживала высокие темпы роста в течение девяти лет.

Осталась в прошлом проблема внешнего долга, и объем наших золотовалютных резервов теперь на третьем месте в мире. Основ-

ная забота наших финансовых властей сейчас в том, что эти резервы растут слишком быстро.

Все эти обстоятельства дают иные, чем прежде, сигналы отношениям между Россией и другими странами, которые должны приспособиться к реальности, существенно отличающейся от периода банкротства Советского Союза. Мы, как и остальной мир, понимаем, что это не дает повода начинать новую холодную войну. Необходимо строить нормальные корректные взаимоотношения.

Россия сегодня — это урбанизированное и образованное общество с душевым производством ВВП более 10000 долл. по паритету покупательной способности. Мы разберемся в наших проблемах и построим работающую демократию. Но худшее, что можно сделать, это давить на Россию, доказывая, что она должна стать демократическим государством, поскольку так хочет Запад.

Мы, конечно, делаем ошибки. Российское общество, например, не до конца оценило вред, причиненный нашим национальным интересам бесцеремонными действиями наших властей во время украинских президентских выборов в августе 2004 г. Мы вели себя тогда, как слон в посудной лавке, не заботящийся о последствиях.

Теперь поведение России более корректное и мягкое. Но это не значит, что тот вред может быть просто списан со счетов. Как и в экономике, в международном сообществе тоже существует инерция.

Нужно понять, что российская политическая элита стоит перед лицом серьезных вызовов. Один из вполне реальных — антиамериканизм. Хотя антиамериканских настроений не было в середине 1990-х гг., во всяком случае среди образованных молодых людей.

Мы должны знать, с чем ведем игру. Есть две страны, способные разрушить мир: Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация. Я пытался объяснить американцам, что их внешняя политика вызовет глубинные волны антиамериканских чувств у образованной молодежи в России. Первоначально такие настроения возникали главным образом в малых городах и в сельской местности. Их не было в Высшей школе экономики или в Московском университете. Теперь антиамериканизм распространился и в этих элитных учреждениях, с чем власти вынуждены считаться. В этом отношении мы не отличаемся от Франции, где антиамериканские отношения преобладают, по крайней мере, в той же степени, как в России.

Каковы бы ни были вариации конкретной политики того или иного президента Соединенных Штатов, я думаю, что антиамериканские настроения являются симптомом душевного нездоровья. Тем не менее действующее политическое руководство должно смотреть в лицо реальности; ее нельзя игнорировать, если вы хотите быть в политике. Ни французские, ни российские элиты, которые в обеих странах состоят из разумных людей, не ищут конфронтации с Соединенными Штатами. Они понимают, что конфронтация не несет ничего хорошего ни миру, ни их странам. Вместо этого нужно найти благоприятный баланс. Проводя политику, элиты должны помнить об антиамериканских настроениях, ибо в интересах их стран избегать конфликтов. При всех обстоятельствах французы не заинтересованы затевать холодную войну против Америки. Равно как россияне.

Подчеркну еще раз: кем бы мы ни были, демократия это наше внутреннее дело. Если вы думаете, что именно американцы привнесли нам демократию в 1990–1991 гг., вы ошибаетесь. Мы выбрали этот путь сами, а американцы играли при этом второстепенную роль и будут играть второстепенную роль. Мы построим демократическое общество в России своими силами и, несомненно, без приказов со стороны. И то же сделают китайцы. Это просто определяется взаимосвязью между уровнем развития страны и ее политических институтов. Другая, не менее существенная проблема состоит в том, что в процессе послереволюционного оздоровления мы не должны впасть в истерику и чувствовать себя обиженными все вместе и каждый в отдельности. Мы не должны впасть в искушение возрождать постимперский синдром.

В последние 15 лет Соединенные Штаты ни разу не поступились своими планами, чтобы сохранить диалог с Россией. И это опасно. Я часто пытался объяснить последствия того, что они делают. Когда на неофициальном техническом уровне я объясняю это моим американским коллегам, людям, хорошо информированным и вовлеченным в процесс принятия решений, у них отвисает челюсть. Я не шучу, когда говорю, что наступает время влияния ракет на принятие решений. И не могу исключить того, что американцы способны нанести удар по центрам управления ядерными силами России, это не находится за пределами моих представлений. Я не верю, что это может произойти сию секунду. Но я понимаю, как все это видится со стороны российского Генерального штаба. Не потому, что

там работают глупцы, а потому, что это их профессия и их обязанность думать под таким углом зрения.

Такие беседы способствуют лучшему осознанию проблем, но я не волшебник. То, что я разговаривал с кем-то, не означает, что это медленно повлияет на официальную позицию. Но важно и то, что это часто становится предметом серьезной дискуссии.

Цена сталинской индустриализации

Уничтожение семи миллионов крестьян, рабский труд заключенных ГУЛАГа, изъятие ресурсов сельского хозяйства — такова цена сталинской индустриализации. Насколько необходимы были эти жертвы?

Царская Россия вступила в процесс современного экономического роста на два поколения позже, чем Франция и Германия, на поколение позже, чем Италия, и примерно одновременно с Японией.

Темпы индустриализации в России были высокими. Как показывают расчеты немецкого Конъюнктурного института, продукция русской промышленности увеличилась с 1860 по 1900 г. в 7 раз. (Для сравнения: промышленное производство Германии увеличилось тогда же почти в 5 раз, Франции — почти в 2,5 и Англии — в 2 раза.)

Рост «народного дохода» европейской России за 1900–1913 гг., согласно приблизительным расчетам, составлял около 5% в год. Столыпинские реформы, открывшие дорогу формированию индивидуальных крестьянских хозяйств, не связанных общинными ограничениями, привели к росту продуктивности сельского хозяйства и, соответственно, аграрного экспорта. Среднегодовой урожай зерновых в 1911–1913 гг. вырос по сравнению с первой пятилеткой века почти на 20 млн т. К началу Первой мировой войны Россия становится одним из крупнейших производителей зерна в Европе и основным поставщиком молочных продуктов для Северной Европы.

НАКАНУНЕ

Неизбежно — как это всегда бывает на этапах ранней индустриализации — меняется социальная структура общества, а вместе с этим

возникают серьезные институциональные противоречия. С 1887 по 1914 г. городское население России увеличилось почти на 10 млн чел., в основном это было пришлое крестьянство, которое трудно адаптировалось к условиям города и работе на фабриках.

Лавинообразно нарастают и другие проблемы. В частности, крестьянские волнения 1905–1906 гг., которые стали результатом недовольства крестьян распределением земли после реформы 1861 г., их отказа признать собственность помещиков как легитимную, трудностей развития ипотечного кредитования для выхода из общины и создания индивидуальных хозяйств. Царский режим негибок. Его политические и государственные институты не были способны справиться с возрастающими рисками политической нестабильности, что неуклонно вело к крушению режима. Первая мировая война, в которую оказалась втянута Россия, перечеркнула надежду на эволюционную трансформацию политической системы.

ЗЕРНО НА КРОВИ

Ключевым для судьбы революции был вопрос снабжения армии и городов продовольствием, от его решения зависело, какие политические силы выйдут из революции победителями. Чтобы обеспечить поставки зерна хотя бы на минимальном уровне, надо было организовать принудительное изъятие продовольствия у крестьян. Ни царское правительство, ни Временное буржуазное правительство, несмотря на законы и декреты, сделать этого не смогли.

Это неудивительно. Чтобы реализовывать такие задачи, нужна готовность расстреливать или сажать в лагеря сотни тысяч людей. Отсутствие такой готовности у Временного правительства и наличие ее у большевиков определили судьбу русской революции.

Встав у власти, большевистское руководство начало политику «военного коммунизма» — конфискацию продовольствия с использованием военной силы.

9 мая 1918 г. ВЦИК издал декрет, который объявлял всех, кто имел излишек хлеба и не вывозил его на ссыпные пункты, врагами народа и обязывал предавать их революционному суду и приговаривать к тюремному заключению на срок не менее 10 лет. Как это бывало в истории аграрных обществ, следствием стал голод —

правда, беспрецедентный по своим масштабам на протяжении столетий российской истории.

В 1891 г. в Поволжье голодали почти 965 тыс. чел. В 1921 г. счет велся на миллионы. На IX Всероссийском съезде Советов 24 декабря 1921 г. М. Калинин сказал, что голодающими «официально признаны у нас в настоящий момент 22 миллиона человек». «Несомненно, близкими к голодающим еще являются не менее 3 миллионов, а я лично думаю, около 5 миллионов человек. Значит, бедствие охватило не меньше как 27–28 миллионов человек». В апреле 1922 г. руководство Башкирии было вынуждено принять специальное постановление «О людоедстве», направленное «на борьбу с трупоедством и людоедством, а также на пресечение торговли человеческим мясом»¹.

Во времена нэпа крестьянство ненадолго вздохнуло. Аграрный кризис, невозможность снабжать города продовольствием, крестьянские восстания, признаки нелояльности вооруженных сил заставили большевистское руководство изменить проводимую политику, перейти от произвольных конфискаций к упорядоченному налогообложению, снизить объемы изымаемого у крестьян зерна. Это привело к росту крестьянского потребления, сокращению объема экспорта в сельскохозяйственном производстве по сравнению с довоенным уровнем: с 12 млн т в 1913 г. — до 300 тыс. т в 1927/28 г. Отсюда недостаток валюты и ограничение необходимых для промышленности закупок — проблема, которая станет постоянной для советской экономики вплоть до ее краха в 1991 г. Снова встал вопрос: как, за счет каких ресурсов преодолеть возросшее за годы войны и революции отставание от развитых государств Запада?

Традиционный в России источник накопления капитала для развития экономики — крестьянские хозяйства. Однако антикапиталистическая риторика исключала меры, направленные на развитие эффективных богатых крестьянских хозяйств. Н. Бухарин, лучше других большевистских лидеров понимавший значимость этой проблемы, был вынужден снять свой лозунг «Обогащайтесь!».

¹ Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях нэпа. М., 2000.

ГОЛОД КАК ИНСТРУМЕНТ

Ресурсы восстановительного подъема, связанного с преодолением хозяйственной разрухи после революции и Гражданской войны, постепенно исчерпывались. Лишь резко увеличив объем государственных капиталовложений, можно было подстегнуть темпы развития экономики. Для этого было необходимо повысить государственные изъятия из экономики и уровень налогового бремени, демонтировать связанные с рыночными механизмами ограничители масштабов налогообложения.

Некоторые исследователи резонно считают, что последствия социально-экономической трансформации 1928–1930 гг. по своему влиянию на развитие Советского Союза и мира превосходили то, что произошло в 1917–1921 гг. Заниженные цены и налог с оборота на потребительские товары становятся важнейшим источником бюджетных поступлений СССР. Готовность власти к неограниченному насилию, репрессиям для изъятия максимума возможного у крестьянского населения, с тем чтобы направить мобилизованные ресурсы на развитие промышленности, — стержень сталинской ускоренной модернизации.

В январе 1928 г. Сталин подписал директиву ЦК ВКП(б) местным организациям. В ней он ориентировал их на применение жестких мер против тех, кто укрывает хлеб. Вооруженные отряды реквизируют не только излишки хлеба, но и домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь. К кулакам применялась ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР. Как и предложил Сталин, 75% конфискованного хлеба шло в распоряжение государства, 25% распределялось среди бедноты по государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита. Сталин был откровенен, когда в 1928 г. на июльском пленуме ЦК ВКП(б) сказал, что политика советской власти по отношению к крестьянству предполагает нечто вроде введения дани, изъятие которой необходимо для финансирования социалистической индустриализации.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК от 14 декабря 1932 г. к числу «злейших врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства» отнесены «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, обманывающие государство и проваливающие задания партии и правительства...» «По отношению к этим перерожденцам,

врагам советской власти и колхозов, все еще имеющим партбилет, ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях — расстрел». В ходе кампании по закреплению крестьянства в 1930 и 1931 гг. были депортированы 1 млн 800 тыс. чел.¹

За 1932–1933 гг. население Украины сократилось примерно на 3 млн чел.² Голодом 1932 г. были охвачены Казахстан, Северный Кавказ, Дон, Кубань, бассейн Волги, некоторые регионы Западной Сибири. Оценки числа жертв голода колеблются в пределах от 6 до 16 млн чел. Наиболее распространенные — от 7 до 8 млн чел. Закон от 6 декабря 1932 г. предусматривал составление списка деревень, которые признавались виновными в саботаже. 15 декабря 1932 г. в него включили 88 районов Украины. Жителей этих районов выселяли. Закон от 7 августа 1932 г. запрещал людям, умирающим от голода, брать зерно, гниющее на складах или сваленное у железнодорожных станций.

Законы от 13 сентября 1932 г. и от 17 марта 1933 г. прикрепляли крестьян к земле, запрещали искать иную работу без разрешения колхозного руководства. Крестьян, стремившихся вырваться за пределы Украины, чтобы не умереть от голода, возвращали к месту проживания. Масштабы жертв голода 1932–1933 гг. мало волновали социалистическое руководство. Сформированная система политического контроля позволяла избежать массовых беспорядков, добиться того, что информация о голоде на протяжении многих лет была засекречена. Зато государственные заготовки зерна увеличились с 18,5 млн т в 1932 г. до 22,6 млн в 1933 г.

РАБСКИЙ ТРУД

Милитаризм, приоритет развития военной промышленности, аномально высокая доля военных расходов в ВВП — именно это ставится во главу угла сталинской индустриализации. И принудительный труд заключенных играет немалую роль в выполнении этой задачи, в первую очередь — в обеспечении трудовыми ресурсами круп-

¹ См.: Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999.

² См.: Итоговый отчет Международной комиссии по расследованию голода 1932–1933 годов на Украине.

ных инфраструктурных проектов. По данным Главного управления лагерей, только объем капитальных работ, выполняемых заключенными, составлял 5,8% ко всему объему капитальных работ в СССР.

В краткосрочной перспективе массовые репрессии могли снизить темпы экономического роста вследствие дезорганизации системы управления. Именно это произошло в 1937 г. Однако они были инструментом, укрепляющим базу режима, демонстрировали способность власти неограниченно применять насилие.

Отношение правящей элиты к собственному народу напоминает характерные черты аграрных государств, завоеванных иными в этническом отношении группами, где жесткость режима по отношению к покоренному местному сельскому населению максимальна. Распространенная в советском обществе конца 1920-х — начала 1930-х гг. характеристика Сталина как «Чингисхана с телефоном» красноречива.

Угроза репрессий заставляет десятки миллионов людей, не находящихся в ГУЛАГе, в условиях XX в. вести себя, как традиционное закрепощенное непривилегированное сословие аграрных государств, — смириться с тем, что у них нет права выбора места работы и жительства, что все произведенное сверх минимума, необходимого для обеспечения жизни, может быть изъято, что они не могут и мечтать о правах и свободах и воспринимают это как неизбежную реальность.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НА КОСТЯХ

Хотя первая пятилетка была полностью провалена, в дальнейшем развитие событий показало, что этот набор институциональных инноваций работал. На ранних стадиях индустриализации (когда доля занятости вне сельского хозяйства не превышала 50%) они позволяли обеспечивать сравнительно высокие темпы индустриализации, промышленного роста. Среднегодовые темпы экономического роста в СССР (по национальному доходу) в 1920–1940 гг. составили примерно 5,1% в год, прирост промышленного производства в 1928–1941 гг., по разным оценкам, от 9,9 до 17,0% в год (данные ЦСУ СССР).

Факторы, обусловившие аномально высокие темпы социалистической индустриализации — снижение уровня жизни сельского населения, масштабы перераспределения ресурсов из традици-

онной аграрной сферы в промышленность, — порождают и самую серьезную, затянувшуюся на десятилетия аномалию социалистического роста: расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства.

Дефицит продуктов питания становится постоянной проблемой, а их импорт — жесткой необходимостью. За период с 1926 по 1939 г. производство продовольствия на душу населения уменьшилось примерно на 15%, что, в свою очередь, предопределило голод военных и послевоенных лет. В 1958 г. импорт сельхозпродукции становится сравнимым с ее экспортом. В начале 1960-х гг. СССР начинает в крупных масштабах закупать зерно за границей и к середине 1980-х становится крупнейшим импортером зерна в мире.

Диспропорция между развитием промышленности и сельского хозяйства сделала крах СССР неизбежным.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ.

КАК РАЗВИВАЛАСЬ БЫ РОССИЯ,
ЕСЛИ БЫ НЕ СЛУЧИЛСЯ ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ?

Реформы, начатые еще Столыпиным, шли бы своим чередом, индустриализация была необходима и задана, но ее процесс затянулся бы лет на двадцать. Хотя, конечно, Первая мировая война поломала ход экономического развития, внесла самые серьезные коррективы и сделала падение царского режима, Февральскую революцию неизбежными.

И тем не менее стандартная модель индустриализации позволила бы России выйти из числа отсталых стран. Да, Россия вряд ли стала бы супердержавой — она оказалась бы в ряду таких стран, как предвоенная Италия или, что еще скорее, Япония. Напомню: ценой державного статуса СССР стали жизни десятков миллионов граждан.

Проблема, которую не может однозначно решить историческая наука: прошла бы страна через Вторую мировую войну, если бы не был создан военно-промышленный комплекс, на алтарь которого положили крестьянство, заключенных ГУЛАГа и экономику СССР в целом? Думаю, гитлеровская Германия все равно была бы разгромлена, хотя, возможно, открывать второй фронт нашим союзникам, США прежде всего, пришлось бы раньше. Были бы людские потери войны большими, чем те 27 млн., которыми заплатили за победу?

Современные исследования показывают: несмотря на все инвестиции в армию и военную промышленность, к декабрю 1941 г., т. е. через шесть месяцев после начала немецкого вторжения, Красная армия потеряла 4,5 млн чел., из которых 2,5 млн — военнопленными. То есть армия практически полностью погибла или оказалась в плену. Общий счет армейских потерь за четыре года войны составил более 8 млн чел.¹ Другими словами, СССР, несмотря на невероятные усилия, оказался не готов к войне.

Но мало этого. Возникает и другой вопрос: а насколько война была задана? Могла ли Россия — будь она не большевистской и не сталинской — избежать войн? Известно: категорический запрет Сталина немецким коммунистам идти на выборы в рейхстаг в коалиции с социал-демократами сыграл критическую роль в том, что национал-социалисты Гитлера пришли к власти. В известной мере именно Сталин сделал войну неизбежной.

ПРИМЕЧАНИЯ

Царское правительство 8 сентября 1916 г. приняло закон об уголовной ответственности за повышение цен на продовольствие. Однако сформированные предшествующими десятилетиями представления о нормах организации общества, необходимости в судебном порядке доказывать, что повышение цен непомерно, не позволили реализовать его на практике. Та же судьба постигла и предпринятые правительством в ноябре 1916 г. попытки ввести продразверстку. После краха царского режима Временное правительство пыталось продолжить реализацию политики продразверстки. Как справедливо пишет один из советских историков, «еще Временное буржуазное правительство вынуждено было 25 марта 1917 г. декретировать хлебную монополию и сдачу крестьянами излишков хлеба по твердым ценам». «Однако Временное правительство, приняв этот декрет, ничего не сделало для его реализации».

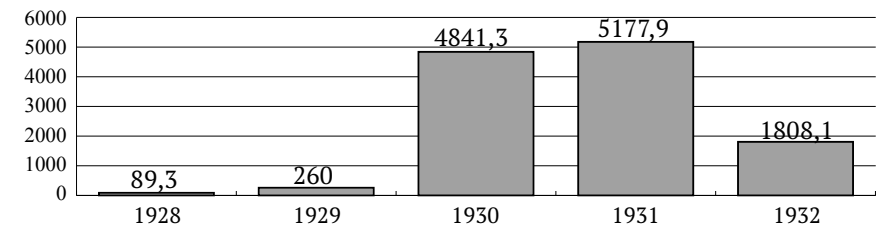
В 1928 г. 5,5 млн крестьянских хозяйств по-прежнему использовали соху. Половину урожая убирали серпом или косой.

Нормы сдачи зерна, установленные в СССР в апреле 1930 г., похожи на максимальные нормы изъятий, встречающиеся в истории аграрных обществ. В зерновых районах они составляли от 1/4 до 1/3 валового урожая, в прочих — примерно 1/8. Фактические нормы изъятия были выше.

¹ См: Merridale C. Ivan's War. Life and Death in the Red Army. 1939–1945.

Так, в 1930 г. на Украине было изъято 30,2% валового сбора зерновых, в 1931 г. — 41,3%; на Северном Кавказе — 34,2 и 38,3%; на Нижней Волге — 41,0 и 40,1%.

Из записки инструктора НКЗ¹ СССР Снеткова «О размещении и устройстве кулаков, высланных в пределы Северного края»: «К половине апреля (по справке краевых организаций) всего в Северный край прибыло до 75 тыс. кулацких семейств. (Около 375 тыс. чел.) В настоящее время они размещены в городах, прижелезнодорожной полосе, во временных бараках, и только незначительная часть отправлена к месту поселения. Размещенные кулацкие семейства в церквях и бараках живут весьма скученно, на каждого человека приходится примерно 1 кв. м площади. Санитарное состояние бараков и церквей далеко неудовлетворительное, поэтому сейчас увеличивается среди них смертность и в первую очередь среди детей».



Источник: Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. 1936.

Рис. Объем зернового экспорта СССР в 1928–1932 гг., тыс. т

Характерная черта насилия, применявшегося в ходе социалистической индустриализации, — распространение репрессий не только на подозреваемых в неблагонадежности или нелояльности к режиму, но и на членов их семей. Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г.: «Установить впредь порядок, по которому все жены избалованных изменников Родины, право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее как на 5–8 лет... Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик. Все дети подлежат размещению в городах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских городов, приграничных городов».

¹ НКЗ СССР — Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) СССР — государственный орган СССР в ранге министерства, ответственный за планирование и руководство сельскохозяйственным производством в СССР. Был организован 7 декабря 1929 г. с сохранением ранее существовавших республиканских народных комиссариатов земледелия, краевых, областных и районных земельных органов. 15 марта 1946 г. преобразован в Министерство земледелия.

Жесткая посадка: Новый вызов для России

Президент США предложил меры, направленные на улучшение экономической конъюнктуры. Настроения инвесторов это не улучшило. В начале недели по миру прокатилась волна падения курса акций. В какой степени снижение процентной ставки ФРС успокоит рынок, покажет время.

Произошедшее не стало неожиданностью. Поток новостей, связанных с кризисом на рынке ипотечного кредитования, ростом безработицы, низкими предпраздничными продажами, сделал угрозу рецессии в США в 2008 г. очевидной.

Журнал Economist, известный экстравагантными оценками экономических реалий, такими, как индекс бигмак, для определения вероятности рецессии в американской экономике использует показатель, отражающий частоту упоминания слова «рецессия» в публикациях The Washington Post и The New York Times. Это позволило изданию предсказать падение объемов экономической деятельности в США 1980-1982, 1990-1991 и 2001 гг. Сейчас этот показатель выше, чем когда-либо с начала 2001 г.

Какое нам до этого дело? Немногие россияне являются участниками фондового рынка. Не все в нашей стране любят Америку. Некоторые потирают руки, узнав о проблемах в США, и полагают, что происходящее в Нью-Йорке к нам отношения не имеет. Это ошибка.

Развитие событий в Америке — фактор, определяющий динамику мировой экономической конъюнктуры. Рецессии в этой стране на протяжении десятилетий приводят к замедлению мирового роста. Ведущие экономики тесно связаны. Для Китая, рост экономики которого на протяжении последних лет сильно влиял на динамику валового продукта, снижение темпов роста ВВП США на 1% означает падение роста экономики примерно на 0,5%.

Поставки из России продукции обрабатывающих отраслей растут. Тем не менее топливо и металлы по-прежнему составляют 80% нашего экспорта. От уровня цен на эти товары зависят платежный баланс, государственный бюджет страны. Российская экономика чувствительна к колебаниям мировой экономической конъюнктуры.

Опубликовано в: Ведомости. 2008. 24 января.

Российские компании и банки в последние годы привлекали капиталы с мировых рынков. В период замедления экономического роста направление потока капиталов обычно меняется. В это время инвесторы предпочитают хранить свои средства в тихой гавани. Самой надежной из них на протяжении десятилетий считается рынок казначейских обязательств США.

Зависимость развития российской экономики от цен на нефть и металлы, притока-оттока капитала делает происходящее в мире важным для выработки экономической политики в нашей стране. Со времени, когда в России были сформированы институты рыночной экономики, мир пережил два периода низких темпов экономического роста (1998 и 2001 гг.). Наша экономика реагировала на изменение глобальной конъюнктуры сильнее, чем мир в целом. В 1998 г. начавшийся годом раньше в России экономический рост сменился падением объемов экономической деятельности более чем на 5%. В 2001-2002 гг. темпы роста российского ВВП на фоне американской рецессии и замедления мирового роста сократились по сравнению с 2000 г. примерно вдвое.

Станет ли рецессия в экономике США в 2008 г. реальностью — вопрос, о котором специалисты спорят. Но то, что мир вступил в период более низких, чем в 2004-2007 гг., темпов роста, очевидно. Влияние рецессии 2001 г. на развитие американской и мировой экономик ощущалось и в 2002-2003 гг. Когда кризис затрагивает устойчивость банковской системы (а именно это сегодня одна из ключевых проблем Америки), восстановить динамичный экономический рост обычно удается не ранее чем через 2-3 года.

Нам придется приспособиться к условиям изменившегося мира. Экономическая политика, которую можно было проводить при динамично растущем глобальном ВВП, и та, которую предстоит выработать и реализовать при замедлении экономического роста, различаются.

Россия неплохо подготовилась к негативному повороту экономической конъюнктуры. Накоплены золотовалютные резервы, создан стабилизационный фонд. Это позволит избежать катастрофического развития событий по сценариям 1991 и 1998 гг.

Снижение темпов роста экономики неизбежно, но это не катастрофа. Американская экономика на протяжении последних двух веков раз в 5-10 лет демонстрирует отрицательные темпы роста.

Это неприятно для правящей элиты, общества. На таком фоне президенты нередко проигрывают выборы. Однако падение объемов экономической деятельности общество воспринимает как неприятность, а не как катастрофу.

В России, лишь недавно выстроившей рыночную экономику, осознание того, что колебания мировой конъюнктуры неизбежны и что они изменяют условия развития страны, пока не укоренилось. Политическая элита, привыкшая в последние годы работать в условиях динамично растущих доходов бюджета, полагающая, что государственные ресурсы неисчерпаемы, плохо приспособлена к решению задач кризисного управления. Отсюда риск того, что реакция на снижение темпов экономического роста может оказаться неадекватной. При неблагоприятном развитии событий в мировой экономике российское руководство не может позволить себе роскоши совершать ошибки. Плата за них будет слишком дорога.

Американская и российская экономики связаны сильнее, чем можно подумать, взглянув на данные об объемах взаимного экспорта и импорта. Экономика США по-прежнему локомотив мирового экономического роста. Состояние экономики России зависит от того, насколько он исправен. Состояние экономики США в значительной степени влияет на то, насколько быстро в России растут зарплаты учителей и врачей, расходы на развитие инфраструктуры, обеспечение обороны и безопасности страны.

И для России, и для Америки приоритетна задача сделать предстоящее замедление мирового экономического роста как можно менее глубоким и протяженным. В ее решении делу помогают не бряцание оружием и обмен ультиматумами, а конструктивный диалог, осознание общности интересов, связанных с глобальным экономическим развитием.

Когда речь зашла о принципиальных для Англии проблемах, Уинстон Черчилль забыл о том, что десятилетия его жизни были посвящены борьбе с экспансией советского влияния в мире, и заключил союз с СССР, направленный против гитлеровской Германии. Думаю, сегодня российскому руководству, столкнувшемуся с серьезным вызовом экономико-политической стабильности страны, стоит вспомнить об этом опыте.

Влияние на Россию изменений мировой экономической конъюнктуры

Что за рецессия, создатель! Влияние на Россию изменений мировой экономической конъюнктуры удивительным образом выпало из поля зрения людей, которые обсуждают экономическую политику в нашей стране и принимают ключевые решения. Между тем экономика России серьезно зависит от того, что происходит в мире.

Мотором мировой конъюнктуры на протяжении последних 50 лет была американская экономика. Сейчас ее доля в глобальном ВВП (по паритету покупательной способности) — примерно 20%, в капитализации мировых финансовых рынков — 40%. Рецессии в США происходили в 1954, 1958, 1970, 1974–1975, 1980–1982, 1990–1991, 2001 гг. Жесткой временной заданности в динамике американского цикла нет. Обычно время между рецессиями — 5–10 лет.

В условиях открытого рынка капитала любая рецессия в Америке влияет на экономику других стран. В последнее время это влияние усиливается. Реакция финансовых рынков на экономические проблемы в Америке носит парадоксальный характер. Спусковой крючок замедления мирового роста, как правило, — рецессия в США. Казалось бы, исходя из здравого смысла, когда в американской экономике плохо, капитал должен перетекать на другие рынки. Реакция инвесторов обычно противоположна. Капиталы в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры приходят на рынки казначейских обязательств США. 2001 г. это наглядно показал.

Последствия рецессии

Изменения темпов глобального роста, обычно находящиеся в диапазоне от +3% до –3% ВВП, приводят к радикальным изменениям на важнейших для нас рынках — нефти, нефтепродуктов, газа и металлов. В 1998 г. темпы экономического роста в мире упали на 1,4%, падение цен на нефть измерялось двузначными числами. То же самое в 2001 г. — сравнительно мягкая рецессия в США, падение ми-

рового ВВП на 2,3%. На это нефтяной рынок и рынок металлов ответили резким снижением уровня цен.

Вторая характерная черта периодов рецессии — изменение направления потока капитала. Накануне замедления экономического роста — в 1996 и 2000 гг. — капитал в крупных масштабах притекал на развивающиеся рынки. Но как только конъюнктура менялась — либо происходило резкое сокращение этого притока (1997–1998 гг.), либо начинался отток капитала (2001 г.) с этих рынков.

Влияние происходящего в Америке на мировую экономику идет по двум основным каналам. Первый — торговый баланс. Замедление роста американской экономики ограничивает возможности наращивания экспорта в США. Второй — мировые финансовые рынки. Происходящее в Америке сильно влияет на настроения инвесторов, определяет развитие событий на фондовых рынках других стран. Это сказывается на состоянии всей финансовой системы, общеэкономической ситуации.

Сейчас в США идет дискуссия по вопросу о том, будет ли рецессия в американской экономике в 2008 г. Один из наиболее авторитетных специалистов по этой проблеме, Алан Гринспен, оценивает ее вероятность в 50%. На деле не так важно, будет ли с технической точки зрения рецессия в американской экономике. Важно, что заметное замедление темпов роста по сравнению с показателями 2004–2007 гг. неизбежно.

США: вниз по наклонной

Оснований полагать, что трудности в США носят краткосрочный характер, нет. Прошлый период низких темпов роста американской экономики растянулся на 2001–2003 гг. Опыт показывает: когда кризис затрагивает устойчивость банковской системы, на восстановление динамичного экономического роста обычно нужны 2–3 года. А проблемы в банковской системе США тесно связаны с кризисом на ипотечном рынке. К тому же нынешние трудности на рынке жилья в США до боли напоминают ситуацию, сложившуюся на рынке недвижимости в Японии в 1989 г. Японской экономике потребовалось более чем десять лет, чтобы выйти из периода низких или отрицательных темпов роста.

КИТАЙ НЕ СПАСЕТ

Многие наблюдатели надеются, что развивающиеся рынки — в первую очередь Китай — позволят, даже в условиях американской рецессии, сохранить высокие темпы роста мировой экономики. Это неточная оценка ситуации. Развитие событий в американской экономике сильно влияет и на китайскую. Действительно, значительная часть китайского экономического роста идет за счет внутреннего спроса. Тем не менее падение темпов роста ВВП США на 1% приводит к снижению темпов роста китайского экспорта на 4%, китайского ВВП — на 0,5%. Темпы экономического роста в Китае 2000–2005 гг. находились в диапазоне 9–10%. В 2007 г. они составили 11,4%. Инфляция в последнем квартале 2007 г. выросла до уровня 6,9% (в годовом исчислении). Это стало серьезной политической проблемой. Китайские власти это поняли, поставили задачу снижения инфляции в качестве приоритета. Была скорректирована денежная и кредитная политика. За торможение инфляции китайские власти готовы заплатить снижением темпов экономического роста. Когда в Америке и Китае экономический рост замедляется, это неизбежно оказывает влияние на происходящее в мире, задает фон, на котором приходится обсуждать перспективы экономической политики России 2008–2010 гг.

Риски для России

Российская экономика сильно зависит от мировых рынков. 80% нашего экспорта — нефть, нефтепродукты, газ и металлы. Это товары, цены на которые чувствительны к изменениям мировой экономической конъюнктуры. Качественно прогнозировать колебания цен на нефть до сих пор никому не удавалось. Никто в 2003 г. не предполагал, что цены на нефть в 2007 г. приблизятся к 100 долл. за баррель. В течение прошлого года цены на нефть колебались резко и непредсказуемо. Период аномально высоких темпов экономического роста 2004–2007 гг. позади. Это надо учитывать, выработывая контуры экономической политики России на ближайшие годы.

Финансовая политика России до 2004 г., когда с 2002 по 2004 г. расходы бюджета по отношению к ВВП снижались, строилась, условно говоря, по той модели, что была в США во времена адми-

нистрации президента Билла Клинтона (см. ссылку, выделенную курсивом в конце). В условиях благоприятной конъюнктуры российские власти укрепляли бюджетный баланс, накапливали резервы. С 2007 г. при высоких темпах экономического роста российские власти быстро наращивали расходы бюджета (в реальном исчислении). Темпы роста расходов опережали рост ВВП. И все это на фоне очевидных признаков перегрева российской экономики.

На протяжении предшествующих семи лет показатели инфляции в России снижались или по меньшей мере не росли. В 2007 г. мы столкнулись с существенным ускорением роста цен. Как показывают данные проводимых Институтом экономики переходного периода (ИЭПП) опросов, в последнее время быстро растет доля руководителей предприятий, жалующихся на дефицит квалифицированных кадров. В 2006–2007 гг. приток капитала в Россию увеличился, только в последний год в Россию пришло примерно 80 млрд иностранного капитала. Однако характерная черта влияния изменения экономической конъюнктуры на развивающиеся рынки — быстрый переход от притока капитала к оттоку. В 2007 г. никто не гарантировал, что в изменившихся условиях наша страна сможет продолжать привлечение капиталов в тех же объемах.

За последние три года в России существенно сократился объем государственного внешнего долга. Однако коммерческая задолженность в это же время быстро росла, приблизившись к 300 млрд долл. Еще раз подчеркну — все это происходило в условиях благоприятной мировой экономической конъюнктуры, когда занимать деньги нетрудно. Но нет никаких гарантий, что в 2008 г., когда надо будет рефинансировать долг, будет столь же легко привлечь необходимые для этого средства с мировых финансовых рынков.

БОРЬБА С СОБЛАЗНАМИ

В краткосрочной перспективе рецессия в США для нашей страны катастрофой не является. Но есть и проблемы. В последние 8 лет в России быстро росли доходы бюджета. В такое время у властей нередко появляется ощущение, что они могут позволить себе все, что угодно. Так было, скажем, в Мексике конца 1970-х гг. — после открытия новых крупных нефтяных месторождений и скачка цен на нефть: мексиканская элита была твердо уверена, что в стране

все замечательно и надо лишь умело управлять ростом благосостояния. Американская экономика — крупнейшая в мире. На протяжении 200 лет она раз в 5–10 лет сталкивается с проблемой отрицательных темпов экономического роста. Никого это не радует, но элита и общество понимают, что это неизбежно. Для нас, имеющих лишь короткий опыт жизни в условиях рыночной экономики, адаптация к неблагоприятной экономической конъюнктуре может быть серьезным вызовом. К тому же предстоят политические перемены, связанные с президентскими выборами. Пытаясь в изменившейся ситуации за счет ослабления финансовой и денежной политики поддержать высокие темпы роста, можно наделать ошибок. К сожалению, за это приходится дорого платить, причем не только тем, кто рекомендует и принимает неверные решения, но и стране.

В период президентства Билла Клинтона благоприятная экономическая конъюнктура и высокие темпы экономического роста были использованы администрацией, чтобы улучшить бюджетный баланс, сдержать избыточно высокие темпы роста, охладить экономику, создавать задел на будущее. Это наряду с жесткой денежной политикой позволило в 2002 г. остановить рецессию, с 2004 г. — обеспечить динамичный экономический рост. Темпы роста ВВП США в 2004–2007 гг. были близки к тем, которые американская экономика демонстрировала в 1992–2000 гг. Однако укрепление бюджетного баланса составило не 8% ВВП, как во времена Клинтона, а всего 2%. Это создает проблемы сейчас, когда обсуждается вопрос о том, как должен выглядеть пакет мер, направленных на предотвращение рецессии. Раньше говорили о 100 млрд долл. — меньше 1% американского ВВП, сейчас обсуждается 150 млрд — чуть больше 1%. Цифра не впечатлила рынки, инвесторы отреагировали на программу Буша без энтузиазма. Действительно, у администрации нет тех возможностей бюджетного маневра, которые существовали в 2001 г. Тогда на рецессию можно было отреагировать резким смягчением бюджетной политики — наращиванием расходов, снижением налогов. По сути, мы имеем дело с двумя моделями экономической политики: одна — при администрации Клинтона, другая — при администрации Дж. Буша.

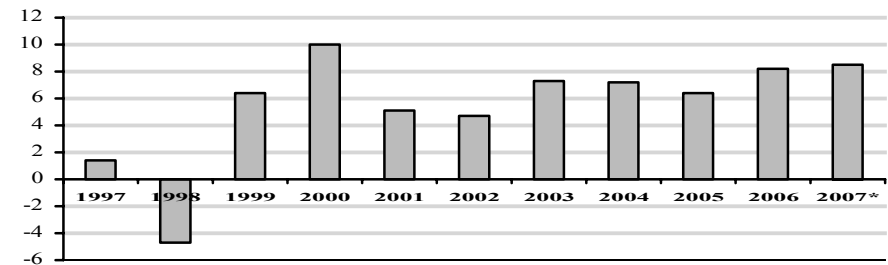
Мировая экономическая конъюнктура и Россия

Изменение экономической конъюнктуры в Америке, риск рецессии, масштабы ее возросшего влияния на экономику других стран, перспективы замедления глобального роста, его вероятные масштабы и протяженность — сегодня темы оживленной дискуссии. В США, в ходе начавшейся президентской кампании, проблемы, связанные с риском рецессии, прочно отодвинули на второй план все остальные, в том числе и такую острую, как ситуация в Ираке. На Всемирном экономическом форуме в Давосе (2008 г.) тематика, связанная с мировой экономической конъюнктурой, не имела конкурентов по популярности. Это нетрудно понять. Колебания темпов экономического роста напрямую связаны не только с ситуацией на финансовых рынках, но и с состоянием банковской системы, доступностью кредита, масштабами жилищного строительства, состоянием национальных бюджетов, динамикой социальных расходов, уровнем жизни населения. Она прямо сказывается на том, как живут миллиарды людей.

Предмет представленной вниманию читателей статьи, основой которой стало выступление автора на заседании Ученого совета Института экономики переходного периода (ИЭПП) 22 января нынешнего года, — влияние на Россию мировой экономической конъюнктуры. Но сначала несколько слов о том, в каком состоянии российская экономика встречает вероятное замедление темпов развития мировой экономики.

Экономический рост в России начался в 1997 г. после преодоления постсоциалистической рецессии, связанной с крахом советской экономики, перестройкой важнейших экономических институтов. В 1998 г. он был прерван резким ухудшением мировой экономической конъюнктуры, оттоком капитала с многих развивающихся рынков (включая российский), падением цен на нефть (в реальном исчислении) до беспрецедентно низкого за последние 30 лет уровня. Рост восстановился в 1999 г. и с тех пор продолжается уже 9 лет. Его средние темпы за этот период — 6,9% в год (см. рис. 1).

Опубликовано в: Экономическая политика. 2008. № 1.



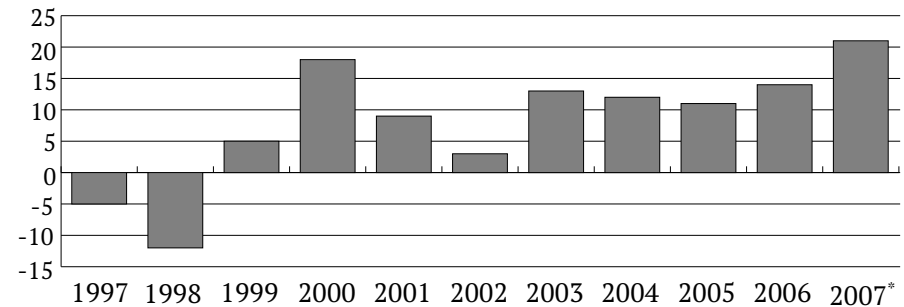
* Предварительная оценка.

Источник: Росстат.

Рис. 1. Темпы прироста ВВП России в 1997–2007 гг., % к предыдущему году

В начале рост носил восстановительный характер. Его основным источником было использование производственных мощностей, созданных в советское время. Начиная с 2003–2004 гг., он все в большей степени приобретает инвестиционный характер. Темпы прироста инвестиций в основной капитал находятся на устойчиво высоком уровне. В 2007 г. они превысили 20% (см. рис. 2).

* Предварительная оценка.

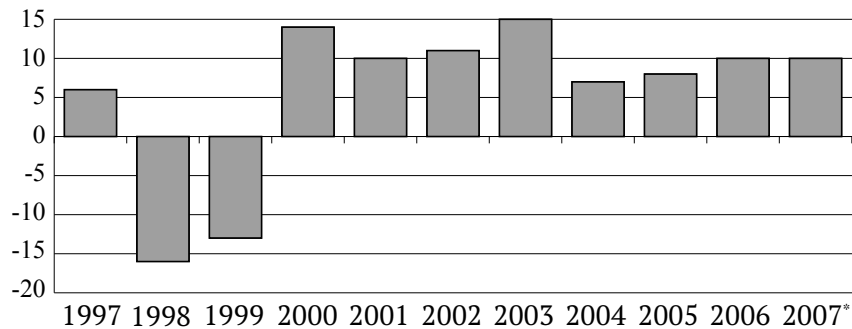


Источник: Росстат.

Рис. 2. Темпы прироста инвестиций в основной капитал в 1997–2007 гг., % к предыдущему году

При таких темпах роста рыночной, и преимущественно частной, российской экономики, интегрированной в систему глобальных рынков, имеющей с 1992 г. конвертируемую по текущим, а с 2007 г. и по капитальным операциям валюту, стабильную ситуацию в финансовой и денежной системе, доходы населения (в реальном исчислении) на протяжении последних 8 лет растут темпами, превышающими 10% в год (см. рис. 3). На фоне такой

динамики уровня жизни населения тем, кто управляет нашим государством, нужно сильно постараться, чтобы не быть популярным. Рост доходов населения, а отнюдь не только манипуляции с выборным процессом и контроль над средствами массовой информации, — основа устойчивости сложившейся в последние годы в России политической конструкции.

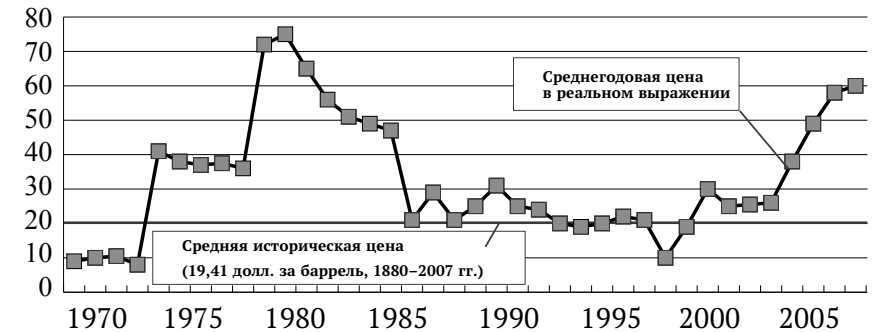


* Предварительная оценка.

Источник: Росстат.

Рис. 3. Темпы прироста доходов населения (в реальном исчислении) в 1997–2007 гг., % к предыдущему году

Нередко приходилось слышать и читать, что нынешние высокие темпы российского экономического роста лишь результат благоприятной конъюнктуры на рынке нефти. Происходящее на этом рынке действительно серьезно влияет на состояние российского платежного баланса, бюджета. Однако начало постсоциалистического экономического роста в России отнюдь не было связано с благоприятной динамикой цен на нефть. В 1997 г. эти цены (в реальном исчислении) были близки к средним многолетним, то же относится и к 1999 г., когда экономический рост восстановился после кризиса. В 2000–2003 гг. цены также были близки к средним многолетним (в 1998 г. — значительно ниже). Лишь в 2004 г., после пяти лет динамичного развития российской экономики, на фоне благоприятной экономической конъюнктуры, они стали приближаться к уровню цен 1970 — начала 1980-х гг. (см. рис. 4).

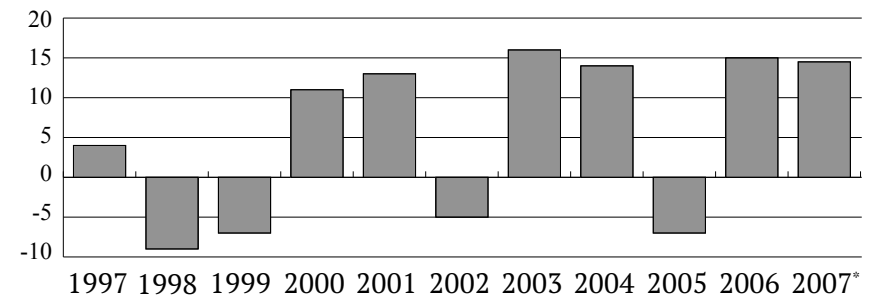


Примечание. В ценах 2000 г.

Источники: IMF International financial Statistics; WTRG Economics — <http://wtrg.com>

Рис. 4. Динамика цен на сырую нефть в длительной ретроспективе в 1970–2005 гг.

Наиболее динамично растущие отрасли российской промышленности, отнюдь, не нефть и газ, а производство машин и электрооборудования (среднегодовые темпы роста за последние 8 лет — соответственно примерно 11 и 15%). Разумеется, можно сформулировать гипотезу, суть которой в том, что высокие цены на нефть и обеспечивают быстрый спрос на российскую машиностроительную продукцию, рост ее выпуска. Но принять такое предположение не позволяют данные о быстром росте машиностроительного экспорта, темпы прироста которого в 2006–2007 гг. приблизились к 15% (см. рис. 5).



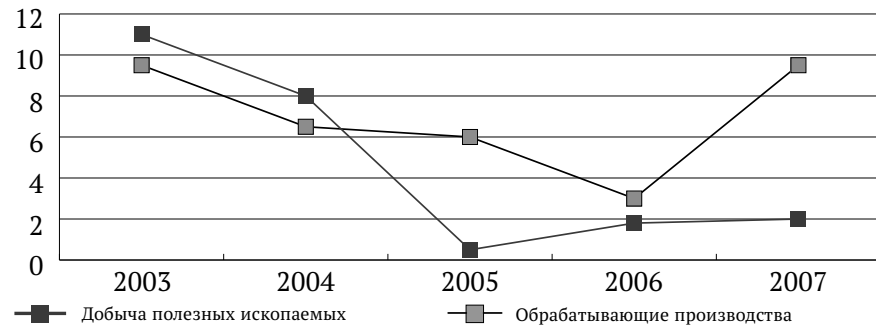
* Предварительная оценка.

Источники: Росстат; IMF IFS 2007; WDI online, World Bank.

Рис. 5. Динамика экспорта машин и оборудования из России, % к предыдущему году

Диверсификация российской экономики, снижение уровня ее зависимости от топливных и сырьевых рынков — стратегическая проблема, стоящая перед нашей страной. Обсуждая ее, полезно помнить,

что этот процесс идет. В последние годы темпы прироста выпуска в обрабатывающих отраслях промышленности заметно превышают те, которые демонстрируют добывающие отрасли (см. рис. 6).



* Предварительная оценка.

Источник: Росстат.

Рис. 6. Темпы прироста выпуска в добывающих и обрабатывающих отраслях в 2003–2007 гг., % к предыдущему году

Структурные реформы в России после 2004 г. замедлились. Преобразования идут не столь динамично, как в 2000–2003 гг., когда была проведена налоговая реформа, реформа системы фискального федерализма, трансформирован бюджетный процесс, создан Стабилизационный фонд, сформирована правовая основа частного земельного оборота, проведены многие другие преобразования, важные для обеспечения устойчивости экономического роста. Но нельзя забывать и о серьезных и позитивных решениях, принятых в 2007 г. Речь, в частности, идет о разделении бюджета на общий и нефтегазовый, формировании (на базе Стабилизационного фонда) Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, о позитивных решениях, принятых в области миграционной политики.

В начале октября прошлого года страна находилась на грани серьезного банковского кризиса. Это было связано с развитием событий на мировых финансовых рынках. Оперативные действия Центрального банка позволили эту угрозу устранить. Подавляющая часть жителей нашей страны просто не заметила произошедшего.

В прошлом году были приняты и подготовлены документы, определяющие среднесрочные (до 2010 г.) и долгосрочные (до 2020 г.) перспективы российской финансовой, денежной и обще-

экономической политики. К этим документам есть претензии, но в целом в них отражен набор вызовов, с которым может столкнуться Россия, инструментов, позволяющих ими управлять.

Однако, перечитав программные документы, подготовленные в Министерстве финансов, Министерстве экономики, Центральном банке, нетрудно заметить их общую характерную черту. Они написаны так, как будто циклических колебаний мировой экономической конъюнктуры не существует, или их влияние на развитие ситуации в России пренебрежимо мало.

Для этого есть основания. Когда в России создавались основы рыночной экономики, естественным было стремление использовать для изучения оценки происходящего инструментарий, выработанный в экономически развитых странах. Значительная часть современной экономической теории связана с анализом цикла конъюнктуры, влиянием на него динамики совокупного спроса и предложения, процентной, денежной, бюджетной политики, валютного курса. Этим вопросам посвящен огромный массив литературы. Неудивительно, что в России возникло стремление использовать сформированные в мире методы анализа цикла при обсуждении происходящего в стране. Результаты оказались разочаровывающими.

Масштабы перемен, связанных с крахом социалистической экономики, постсоциалистической рецессией, началом восстановительного роста, ставят проблемы, несопоставимые по уровню с теми, которые обычно решают государства в развитых рыночных экономиках на различных стадиях цикла деловой конъюнктуры. Прогнозы, построенные на базе моделей, описывающих циклические колебания в развитых рыночных экономиках, применительно к России радикально расходились с тем, что происходило на деле. К середине последнего десятилетия работы, в которых предпринимались попытки использовать методологию анализа конъюнктуры цикла при исследовании происходящего в России, вышли из моды. Это произошло как раз в то время, когда наша страна вступила в стадию инвестиционного роста, а мировая экономическая конъюнктура стала важнейшим фактором, который необходимо учитывать при обсуждении ключевых вопросов экономической политики.

Мотором цикла мировой экономической конъюнктуры последних десятилетий была американская экономика. Бывали периоды замедления мирового экономического развития при сохранении

динамичного экономического развития в США. Так развивались события в 1997–1998 гг. на фоне финансового кризиса в Юго-Восточной Азии, распространившегося затем на страны СНГ, Латинскую Америку. Но это исключение. Доля американской экономики в мировой, в зависимости от того, как ее считать (по паритету покупательной способности или по текущим валютным курсам), составляет 20–25%. Капитализация американского рынка — приблизительно 40% капитализации мирового.

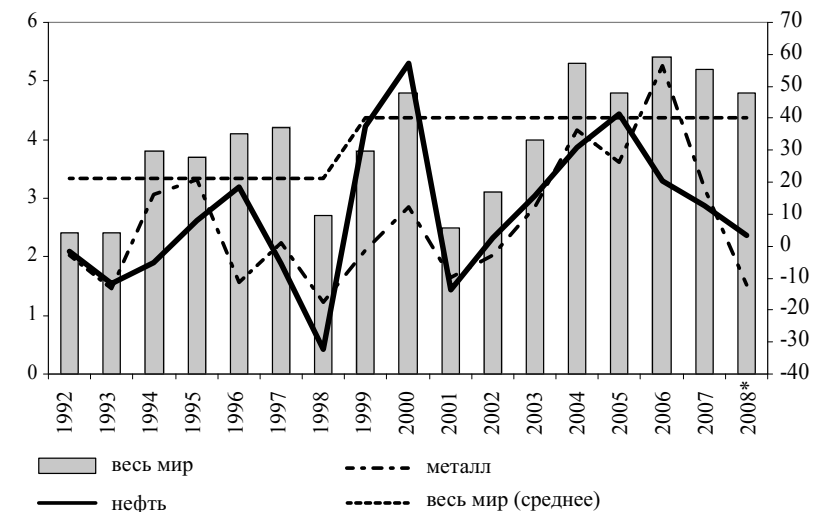
Замедление темпов роста американской экономики на протяжении десятилетий оказывало серьезное влияние на развитие экономической ситуации в мире. Начиная с 1950 г., экономика США находилась в состоянии рецессии в 1954, 1958, 1970, 1974–1975, 1980–1982, 1990–1991, 2001 гг. Обычно время между рецессиями в США от 5 до 10 лет.

С начала 1980-х гг. характерные черты периодов замедления мирового экономического роста, тесно связанного с рецессиями в США, изменились. Снизились волатильность экономического роста, колебания темпов между пиком конъюнктуры и периодом максимального замедления роста. Но при этом проблемы, возникающие в одной из крупных экономик, быстрее распространяются в мире. Усилилась зависимость экономического развития от межстрановых перетоков капитала. Двадцать лет назад соотношение суммы дефицита платежного баланса к ВВП мира составляло 2–2,5%, сегодня — 5,5–6% (по данным МВФ).

Реакция финансовых рынков на рецессию в США носит, на первый взгляд парадоксальный характер. Мотор рецессии — неблагоприятные изменения в американской экономике. Исходя из здравого смысла, можно предположить, что в такой ситуации капиталы должны уходить из этой страны. На деле идет противоположный процесс. При рецессии в Соединенных Штатах владельцы капиталов предпочитают доходности вложений их надежность и ликвидность. Рынки капитала реагируют на падение темпов роста американской экономики волной притока средств в казначейские обязательства США. Последняя мировая рецессия (2001 г.) наглядно подтвердила эту закономерность.

Колебания темпов экономического роста меняют ситуацию на рынках важных для России экспортных продуктов: нефти, нефтепродуктов, газа и металлов. В 1998 г. темпы экономического роста в мире упали на 1,4%, масштабы падения цен на металлы измеря-

лись двузначными числами. То же происходило в 2001 г. — мягкая рецессия в США, падение мирового ВВП на 2,3%, переход от роста цен на нефть в 60% в год к их падению более чем на 10%. Сходным образом во время рецессии развивается ситуация на рынке металлов (см. рис. 7).

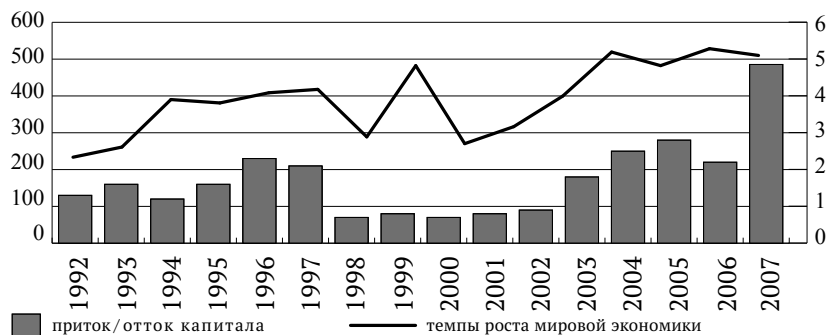


* Прогноз.

Источник: IMF World Economic Outlook, 2007.

Рис. 7. Темпы прироста мирового ВВП (левая шкала), динамика цен на нефть и металлы (правая шкала) в 1992–2008 гг., % к предыдущему году

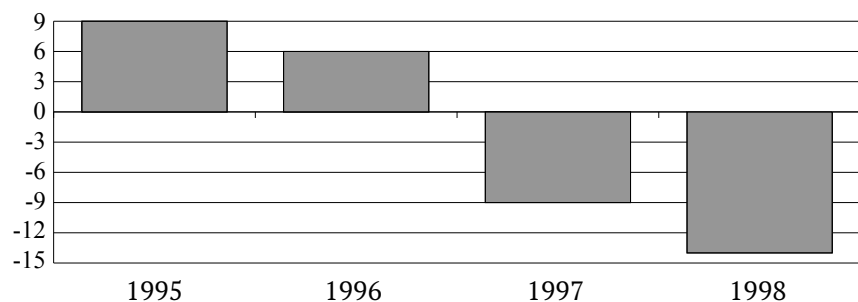
Еще одна характерная черта периодов рецессии — изменение ситуации на рынке капитала. Наиболее динамично меняется направление портфельных инвестиций. Применительно к потокам капитала в целом, влияние циклических колебаний слабее. Сказывается инерционность процесса принятия и реализации инвестиционных решений, связанных с реальным сектором. В период 1998–2002 гг. на фоне двух эпизодов существенного замедления глобального экономического роста приток капиталов на развивающиеся рынки сократился по сравнению с периодом благоприятной экономической конъюнктуры (1995–1996 и 2004–2007 гг.) более чем вдвое (см. рис. 8).



Источник: IMF World Economic Outlook, 2007.

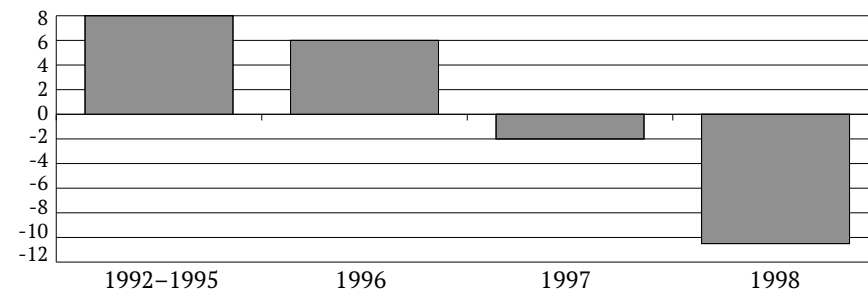
Рис. 8. Приток/отток капитала на рынки развивающихся стран (левая шкала), млрд долл., и темпы роста мировой экономики (правая шкала), %, в 1992–2007 гг.

Влияние оттока капитала на национальные экономики может быть более сильным, чем на мир в целом. В 1996 г. Таиланд справедливо считали одной из наиболее динамично развивающихся стран. Никто не предполагал, что на протяжении короткого времени изменение потока капитала может сравняться с четвертью ВВП страны (см. рис. 9). Это радикально изменило условия проводимой политики. Таиланд, власти которого привыкли к характерному для первой половины 1990-х гг. динамичному экономическому росту, вынужден был адаптироваться к резкому сокращению объемов экономической деятельности (см. рис. 10).



Источники: Данные Мирового банка, расчеты специалистов МВФ; Berg, A. The Asia Crisis: Causes, Policy Responses, and Outcomes. IMF Working Paper, 1999.

Рис. 9. Баланс капиталных операций Таиланда накануне и во время азиатского финансового кризиса, % ВВП



Источник: IMF.

Рис. 10. Темпы прироста ВВП в Таиланде в 1992–1998 гг., % к предыдущему году

Влияние происходящего в Америке на мировую экономическую конъюнктуру идет по двум основным каналам. Первый — внешняя торговля. Замедление американской экономики приводит к существенному ограничению возможностей экспорта в Америку. Второй — состояние мировых рынков капитала. Все, что происходит на американских фондовых рынках, отражается на настроении инвесторов. Динамика рынка акций влияет на состояние финансовой и банковской системы, экономическую конъюнктуру.

В мире идет дискуссия по вопросу о том, окажется ли американская экономика в 2008 г. в состоянии рецессии. Консенсуса по этому вопросу нет. Но важнее не то, можно ли будет с технической точки зрения говорить о рецессии в США в 2008–2009 гг., а то, что рост американской экономики по сравнению со средними показателями за 2004–2007 гг. существенно замедлится. С этим согласны практически все. Спор идет о том, насколько длинным будет период низких темпов роста и сколь масштабным их вероятное снижение.

Число специалистов, убежденных в том, что экономика США в текущем году будет находиться в состоянии рецессии, на протяжении первых недель января 2008 г. росло. Этому способствовали опубликованные в январе данные об уровне безработицы в США. На конец декабря 2007 г. доля безработных по сравнению с концом марта того же года увеличилась примерно на 0,6% (данные Bureau of Labor Statistics). О росте риска рецессии свидетельствуют и данные о низком объеме предпраздничных продаж¹, дальней-

¹ См.: D'innocenzio A. Pre-Christmas Sales Said End on Low Note//The Washington Post. 2006. December 27. — <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/12/27/AR2006122700829.html>

шем ухудшении ситуации на рынке жилья. Объем вновь начинаемых строек по сравнению с прошлым годом сократился на 25%, он находится на самом низком уровне за последние 26 лет¹. Крупнейшие американские банки объявили о списании на убытки десятков миллиардов долларов безнадежных кредитов.

МВФ в октябре 2007 г. снизил на 0,4% (с 5,2 до 4,8%) прогноз роста мирового ВВП на 2008 г. Ожидается, что в конце января Фонд вновь снизит оценки роста мирового производства.

Журнал Economist известен в том числе и тем, что использует забавные, но хорошо работающие индексы, такие, как «Биг-мак» — цена бургера в разных странах как показатель относительного уровня жизни населения. Economist на протяжении десятилетий для анализа рецессий использует собственный индекс — число упоминаний слова «рецессия» в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» в день. Наблюдения за его динамикой позволили прогнозировать рецессии 1980–1982, 1990–1991 и 2001 гг. Когда этот показатель начинает быстро расти, это значит, что вероятность рецессии в США повышается. Сейчас его значение находится на самом высоком с 2001 г. уровне.

Нет оснований предполагать, что трудности американской экономики будут носить лишь краткосрочный характер. Рецессия 2001 г. была умеренной и короткой, но период низких темпов роста американской экономики растянулся на 2001–2003 гг. Лишь в конце 2003 г. ФРС решилась поднять учетную ставку с аномально низкого уровня (1%). Фундаментальная проблема, связанная с нынешним неблагоприятным поворотом конъюнктуры в США, состоит в том, что кризис затронул банковскую систему. Опыт показывает, что, когда оказывается затронутой устойчивость банковской системы, для восстановления динамичного роста требуется не менее 2–3 лет.

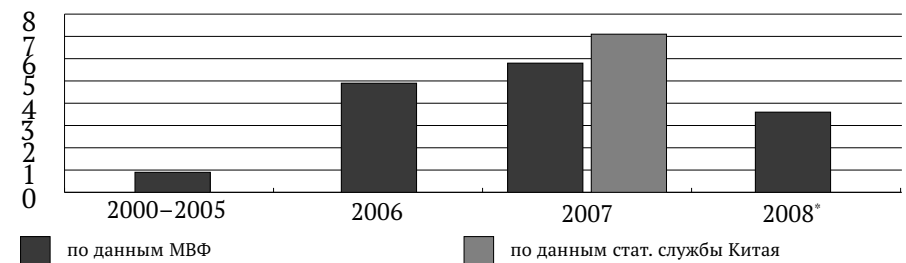
Более того, нынешняя ситуация на залоговом рынке США напоминает ту, которая сложилась в экономике Японии после краха рынка недвижимости (1989 г.). Япония, до этого — один из локомотивов мировой экономики, надолго вошла в режим низких или отрицательных темпов роста.

Многие наблюдатели надеются, что emerging markets — в первую очередь динамично развивающиеся Китай, Индия — позволят со-

¹ См.: Biggest drop in new homebuilding in 27 years//The Associated Press. 2008. January 17 — <http://www.msnbc.msn.com/id/22705772/>

хранить высокие темпы мирового экономического роста даже в условиях ухудшения экономической конъюнктуры в США.

Боюсь, что это неточная оценка ситуации. Она не учитывает влияния развития событий в американской экономике на китайскую. Значительная часть китайского экономического роста обусловлена ростом внутреннего спроса. Однако падение темпов роста ВВП США на 1% приводит к снижению объемов китайского экспорта и замедлению роста китайской экономики. Оценки масштабов этого влияния, которые дают официальные органы Китая, исследовательские центры различаются. Но все сходятся на том, что развитие событий в американской экономике оказывает значительное воздействие на китайскую¹. К тому же китайская экономика перегрета — по меньшей мере, так оценивает ситуацию китайское руководство. Темпы экономического роста в 2000–2005 гг. колебались в диапазоне 9–10%. В 2007 г. они превысили 11%. Это произошло на фоне радикального повышения темпов инфляции. В 2007 г. (IV квартал 2007 г. к IV кварталу 2006 г.) темпы инфляции в годовом исчислении приблизились к 7% (среднегодовые темпы за 2000–2005 гг. — 0,9%). Это стало серьезной социально-политической проблемой. Китайское руководство понимает, что дезинфляция экономики — важнейший приоритет и необходимо ужесточать денежную политику, за что придется платить снижением темпов экономического роста (см. рис. 11, 12).

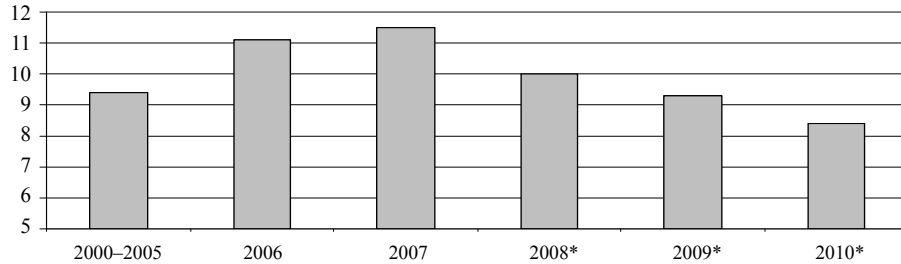


* Прогноз.

Источники: IMF; Стат. служба Китая.

Рис. 11. Темпы прироста индекса потребительских цен в Китае в 2000–2008 гг., % к предыдущему году

¹ См., например: *Anderlini J.* US slowdown threatens Chinese export growth // Financial Times. 2007. 15 November (<http://www.ft.com/cms/s/0/007f09b4-93b5-11dc-acd0-0000779fd2ac.html>), 'It's no good for China's growth' //The Associated Press. 2008. 23 January (<http://www.msnbc.msn.com/id/22803909/>), <http://bloomberg.com/apps/news?pid=2060187&refer=home&sid=aH.a.hviSBQg>



* Прогноз.

Источник: IMF.

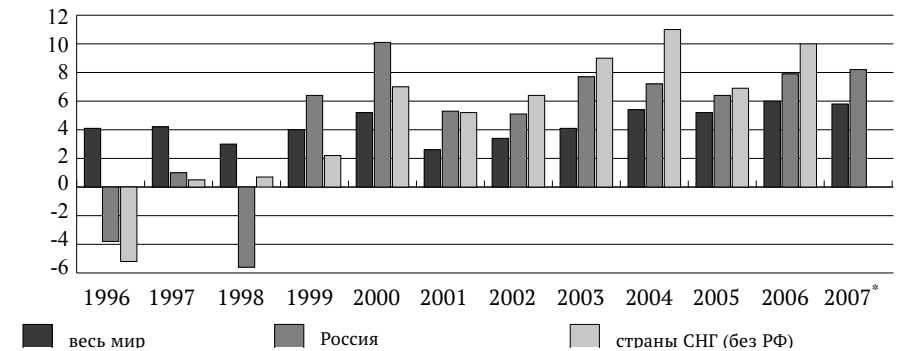
Рис. 12. Темпы прироста ВВП в Китае в 2000–2010 гг., % к предыдущему году

Америка и Китай в последние годы вносят наиболее весомый вклад в обеспечение высоких темпов экономического роста в мире: США — в силу масштаба экономики, Китай — высоких темпов развития. Когда их экономики замедляются, с этим приходится считаться всему миру.

Не слишком благоприятно обстоят дела и в других крупнейших мировых экономиках. В январе широко обсуждается вопрос о том, окажется ли в 2008 г. в состоянии рецессии Япония. В странах Евросоюза возможности продолжать экономический рост темпами, превышающими 3%, характерными для 2006–2007 гг., ограничиваются влиянием укрепления курса евро по отношению к доллару, осложняющим экспорт из еврозоны, и высокой (по европейским стандартам) инфляцией, не позволяющей снизить базовую процентную ставку для ускорения роста экономики. Индия в меньшей степени, чем Китай и Евросоюз, зависит от мировой конъюнктуры. Но и здесь прогнозируется замедление темпов экономического роста (в 2008 г. по отношению к 2006 г. — на 1%).

Российская экономика сильнее, чем экономики других стран СНГ, зависит от мировой конъюнктуры (см. рис. 13). Когда в 1997–1998 гг. страна столкнулась с кризисом на развивающихся рынках, начавшийся в 1997 г. экономический рост сменился падением. В 2001 г. американская экономика оказалась в состоянии рецессии. Российская отреагировала на это сильно: темпы роста ВВП в 2001 г. упали по сравнению с 2000 г. на 4,9 пп., а в 2002 г. — более чем на 5 пп. Понять причины, почему колебания мировой конъюнктуры

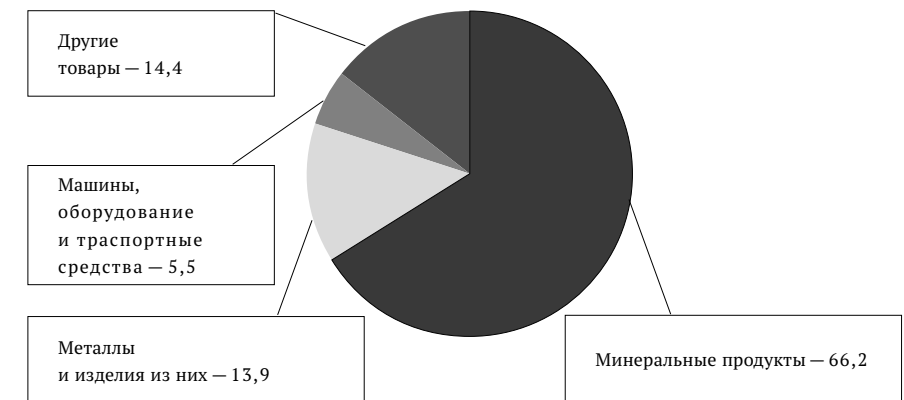
вливают на Россию сильнее, чем на мир в целом, нетрудно. 80% экспорта нашей страны — это нефть, нефтепродукты, газ и металлы (см. рис. 14). Цены на эти товары чувствительны к изменениям темпов роста глобальной экономики (см. рис. 4).



* Прогноз.

Источники: Росстат; IMF World Economic Outlook, 2007.

Рис. 13. Темпы прироста мирового ВВП, ВВП России и стран СНГ без России в 1996–2007 гг., % к предыдущему году



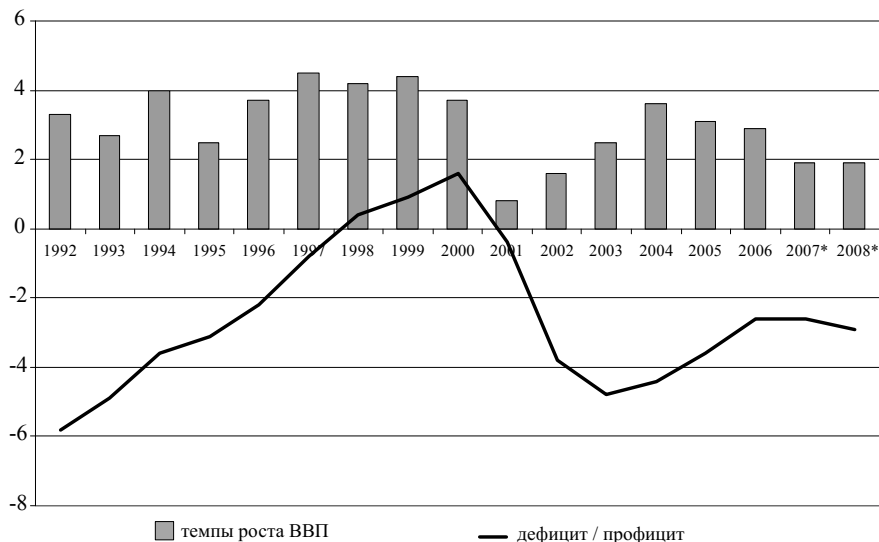
Источник: ФТС РФ.

Рис. 14. Структура экспорта РФ в 2006 г., %

Замедление экономического роста в мире в 2008–2010 гг., по меньшей мере, вероятно. Период аномально высоких темпов роста 2004–2007 гг., напоминавший конец 1960-х — начало 1970-х гг., завершен. Это необходимо осознать и исходя из такой реальности выработать экономическую политику России.

В этой связи полезно вспомнить о том, как американская администрация, отвечающая за руководство крупнейшей в мире экономикой, решала проблемы, порожденные колебаниями конъюнктуры, на протяжении последних пятнадцати лет.

График (см. рис. 15) отражает характерные черты бюджетной политики при двух администрациях Соединенных Штатов — Б. Клинтона и Дж. Буша. В период, когда у власти была администрация Б. Клинтона, благоприятную экономическую конъюнктуру, высокие темпы роста использовали для быстрого улучшения бюджетного баланса. Это позволило охладить экономику, создать задел устойчивого бюджета на будущее. Бюджетный баланс между 1992 и 2000 гг. укрепился почти на 8%. Когда после краха рынка NASDAQ, закрепленного событиями 9 сентября 2001 г., в Америке началась рецессия, у администрации Дж. Буша были широкие возможности маневра: на фоне снижения базовой ставки ФРС до 1% произошло ослабление бюджетного баланса, составившее более 6%. Это позволило вывести американскую экономику из периода низкого экономического роста, заложить базу для устойчивого развития в 2004–2007 гг.



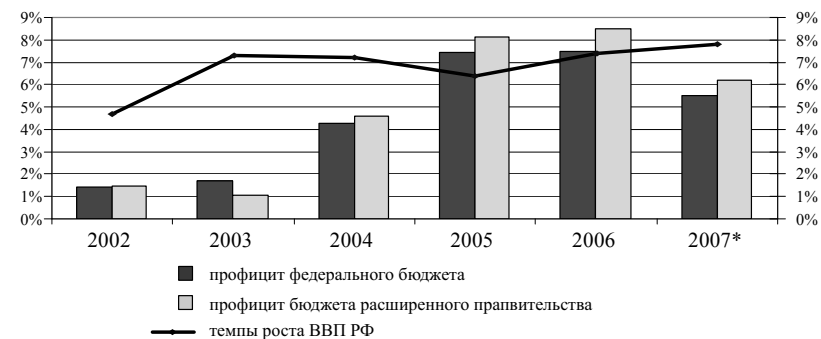
* Предварительная оценка/прогноз.

Источник: IMF World Economic Outlook, 2007.

Рис. 15. Динамика ВВП, % к предшествующему периоду, дефицит/профицит бюджета расширенного правительства США, % ВВП, в 1992–2008 гг.

Но и на фоне сравнительно высоких темпов роста масштабы укрепления бюджетного баланса были скромными (примерно 2% ВВП). Сейчас обсуждается вопрос о том, как должен выглядеть бюджетный пакет (набор мер бюджетной политики, направленных на стимулирование экономического роста с помощью снижения налогов и/или увеличения государственных расходов). Называлась цифра 100 млрд долл. (или менее 1% ВВП), затем заговорили о 150 млрд (чуть более 1% ВВП). Эти цифры рынки не впечатлили. Но у администрации нет резервов, существовавших в 2001 г., позволивших ответить на вызов рецессии резким смягчением бюджетной политики, — состояние государственных финансов и так далеко от идеала. Политика администрации Б. Клинтона в целом была антициклической, администрации президента Дж. Буша — проциклической.

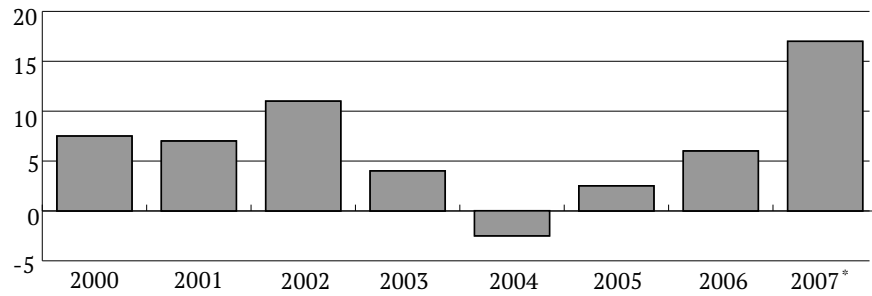
В период 2000–2005 гг. российская финансовая политика строилась по клинтоновскому сценарию. В условиях благоприятной конъюнктуры государство быстро улучшало бюджетный баланс, создавало финансовые резервы, что позволяло адаптироваться к изменениям конъюнктуры на важнейших для нас рынках. В 2006 г. бюджетная политика была нейтральной, государство перестало увеличивать профицит бюджета. В 2007 г. в условиях благоприятной конъюнктуры государство быстро наращивало бюджетные расходы, форсировало экономический рост за счет ослабления бюджетного баланса. Финансовая политика стала откровенно проциклической. И все это на фоне очевидных признаков перегрева экономики (см. рис. 16, 17).



* Предварительная оценка

Источники: Минфин РФ; Росстат.

Рис. 16. Исполнение федерального бюджета и бюджета расширенного правительства РФ (левая шкала) и темпы прироста ВВП РФ (правая шкала) в 2002–2007 гг.

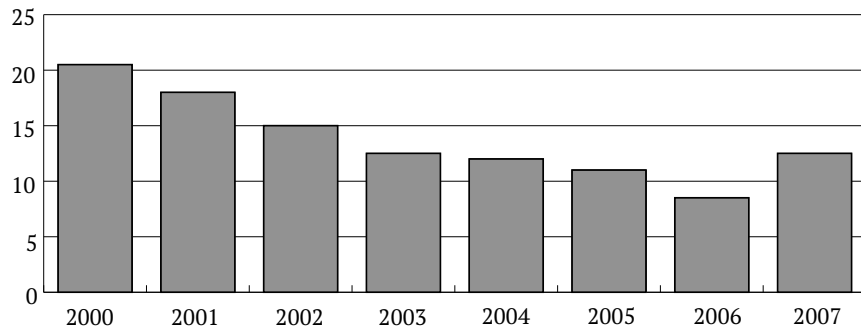


* Предварительные данные.

Источник: Расчет по данным Минфина РФ, Росстата.

Рис. 17. Динамика расходов бюджета расширенного правительства Российской Федерации в 2000–2007 гг., % к предыдущему году

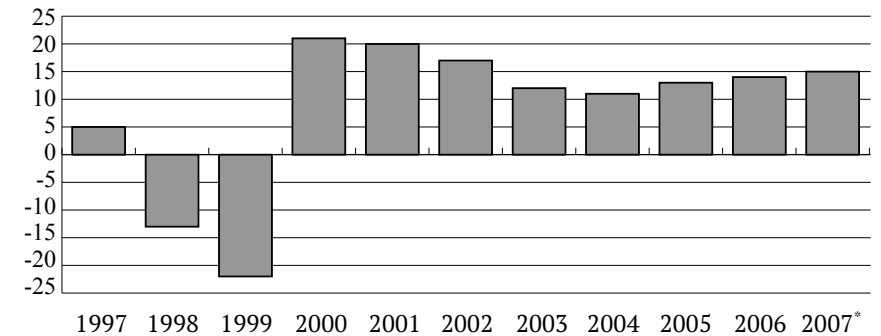
В 2000–2006 гг. в нашей стране инфляция снижалась или не росла. В 2007 г. при динамичном росте бюджетных расходов, ухудшении показателей фискального баланса инфляция ускорилась (см. рис. 18).



Источник: Росстат.

Рис. 18. Индекс потребительских цен в России в 2000–2007 гг., % к предыдущему году

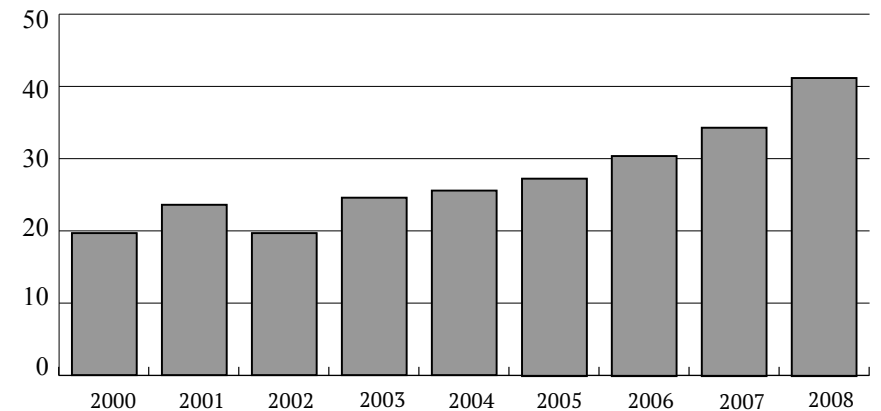
Это не единственный показатель, свидетельствующий о перегреве экономики. В стране начиная с 2004 г. высокими темпами увеличивается заработная плата (в реальном исчислении). В 2007 г. ее рост ускорился до 15% (см. рис. 19). Согласно опросам, которые ИЭПП проводит на протяжении многих лет, все больше руководителей предприятий жалуются на то, что дефицит рабочей силы — важнейшая преграда на пути роста выпуска продукции (см. рис. 20).



* Предварительная оценка.

Источник: Росстат.

Рис. 19. Темпы прироста реальной начисленной заработной платы в 1997–2007 гг., % к предыдущему году

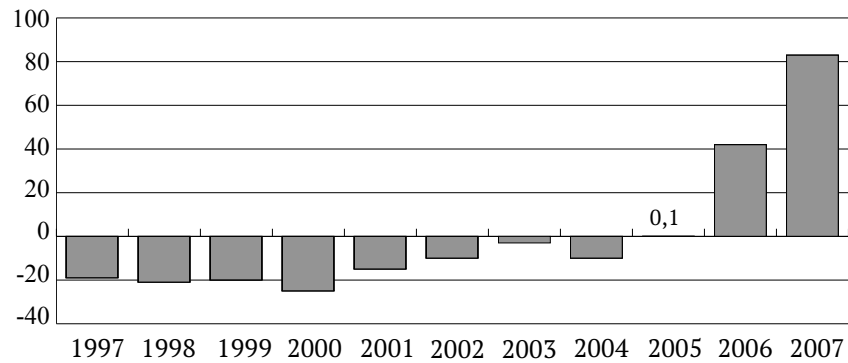


Примечание. 2008 г. — предварительные данные I кв.

Источник: Конъюнктурные опросы ИЭПП.

Рис. 20. Доля предприятий в российской промышленности, считающих недостаток рабочей силы помехой росту выпуска (среднегодовые данные)

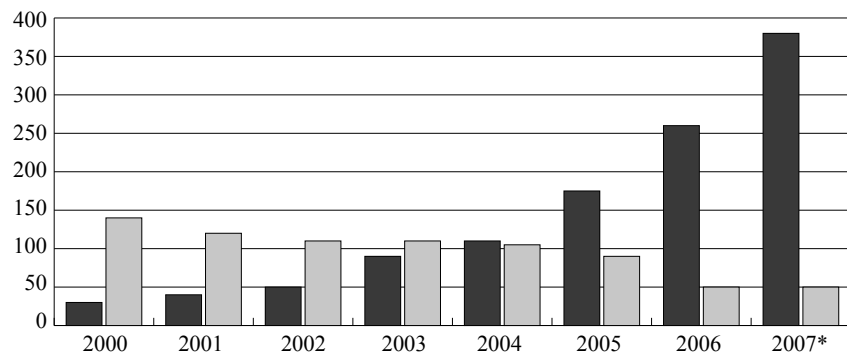
Как это нередко случается в условиях перегрева экономики, начинается форсированный рост притока капитала в Россию (рис. 21). В 2007 г. наша страна ввезла более 80 млрд долл. иностранного капитала. Никто не гарантирует, что при ухудшении мировой конъюнктуры удастся рефинансировать рост коммерческих кредитов за счет новых заимствований.



ПРИМЕЧАНИЕ. Значения меньше нуля означают вывоз капитала, больше нуля — ввоз.
Источник: ЦБ России.

Рис. 21. Чистый ввоз/вывоз капитала из России частным сектором в 1997–2007 гг., млрд долл.

Принятые в 2000–2007 гг. меры позволили снизить государственный внешний долг. При этом высокими темпами росла внешняя коммерческая задолженность (см. рис. 22).



■ объем внешней коммерческой задолженности
■ объем внешней государственной задолженности

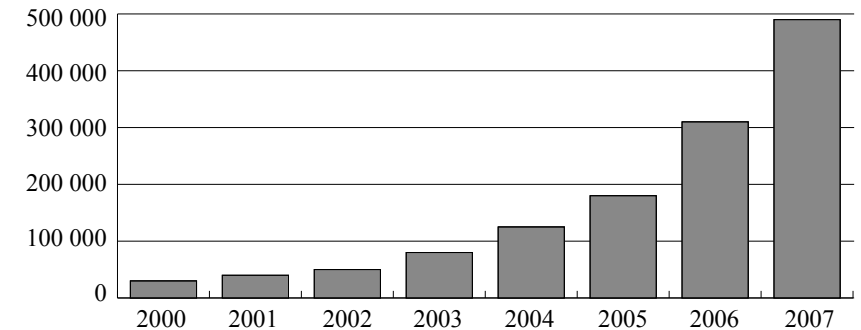
* Данные за III кв.

Источник: ЦБ России.

Рис. 22. Объем внешней задолженности РФ в 2000–2007 гг., млрд долл.

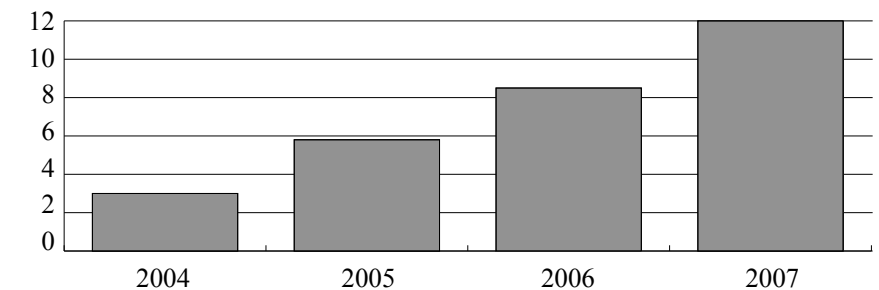
Наша страна неплохо подготовилась к периоду неблагоприятной экономической конъюнктуры. В отличие от того, что происходило в Советском Союзе на фоне аномально высоких цен на нефть, в Рос-

сии были сформированы резервы, позволяющие сгладить влияние неблагоприятных изменений мировой экономической конъюнктуры: международные (золотовалютные) резервы, Стабилизационный фонд (см. рис. 23, 24). В краткосрочной перспективе рецессия в Соединенных Штатах для России катастрофой не станет. При разумной, ответственной экономической политике у государства достаточно возможностей, чтобы справиться с трудностями.



Источник: ЦБ России.

Рис. 23. Международные (золотовалютные) резервы РФ на конец года, млн долл.



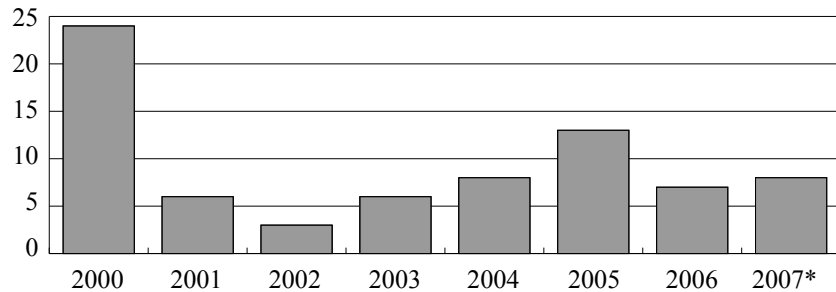
Источники: Минфин РФ; Росстат.

Рис. 24. Стабилизационный фонд Российской Федерации в 2004–2007 гг. на 31 декабря соответствующего года, % ВВП

Но гарантировать, что она будет ответственной и разумной, к сожалению, нельзя. В последние 8 лет в России быстро росли бюджетные доходы (см. рис. 25). Это было обусловлено начавшимся экономическим ростом, успешно проведенной налого-

вой реформой 2000–2002 гг., новой (с 2004 г.) ситуацией на рынке нефти. Темпы роста доходов бюджета вышли на аномально высокий уровень.

Периоды динамичного роста доходов бюджета были и в других странах мира. Например, темпы роста доходов бюджета (в реальном исчислении) во Франции в 1950–1980-х гг. с точки зрения всего, что мы знаем о государственных финансах, были аномально высокими. В подобной ситуации нередко возникает ощущение всемогущества государства, того, что оно может позволить себе все. Именно в такие времена формируются масштабные и дорогостоящие расходные программы, на десятилетия определяющие финансовые обязательства государства.

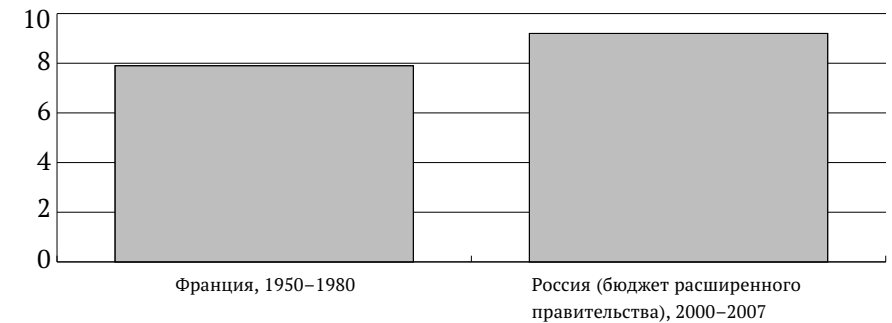


* Предварительные данные.

Источник: Расчет по данным Минфина РФ, Росстата.

Рис. 25. Динамика доходов бюджета расширенного правительства Российской Федерации (в реальном исчислении) в 2000–2007 гг., % к предыдущему году

В России сегодня темпы роста доходов бюджета в реальном исчислении существенно выше, чем в 1950–1970 гг. во Франции (см. рис. 26). В такое время власти могут себе позволить не думать о деньгах. На этом фоне решения о снижении налогов, выделении дополнительных бюджетных ассигнований принимаются легко. В Мексике в конце 1970 — начале 1980-х гг. после открытия крупных нефтяных месторождений и скачка цен на нефть важнейшей задачей властей стало, по словам тогдашнего президента Мексики Лопеса Портильо, управление ростом благосостояния. Это приятная работа. К сожалению, она плохо подготавливает к решению задач кризисного управления.



Источники: Данные по Франции — IMF IFS 2006. P.121; по России — расчеты ИЭПП.

Рис. 26. Среднегодовые темпы роста государственных доходов, %

У страны есть резервы, позволяющие, если не делать грубых ошибок, справиться с периодом низкой мировой экономической конъюнктуры. Снижение темпов роста с 7% ВВП до 3% ВВП катастрофой не является. Это лишь неприятность. Такое случалось не раз. Американская экономика, крупнейшая в мире, динамично развивающаяся более 200 лет, раз в 5–10 лет демонстрирует отрицательные темпы экономического развития. Это неприятно и для общества, и для властей. Но есть понимание, что так бывает. Для российского общества, при коротком опыте жизни в условиях рыночной экономики, снижение темпов роста, похожее на то, которое произошло в 2001–2002 гг., может оказаться серьезной травмой.

К тому же оно накладывается на изменения политической конъюнктуры, связанные с президентскими выборами. В общественном сознании обороты «после» и «из-за того» нередко воспринимаются как синонимы. При неблагоприятном развитии событий в мировой экономике, замедлении экономического роста в России в сознании элиты и общества может укорениться иллюзия, что оно напрямую связано со сменой первого лица государства. В такой ситуации можно сделать немало ошибок. Можно, например, за счет дальнейшего ослабления бюджетной политики и мягкой денежной политики попытаться поддержать в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры прежние темпы роста, потратить международные (золотовалютные) резервы для сохранения номинального курса рубля. За такие ошибки придется дорого платить. Причем не только тем, кто их совершает, но и всей стране.

Нефть: Богатство страны или ее беда?

Главное — не повторить ошибок СССР.

Десятый год экономика страны динамично растет. Причем такие темпы и не снились советскому руководству 1980-х гг. Быстро увеличиваются реальные доходы населения, снижается уровень бедности. Да, есть проблемы в образовании, здравоохранении, пенсионном обеспечении. Но как бы критично мы ни относились к происходящему, следует признать, что экономическое положение страны сегодня лучше, чем в 1999 г.

В выступлениях в Москве и в Красноярске В. Путин и Д. Медведев обозначили свое видение целевых ориентиров развития России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Если не делать серьезных ошибок, многие из поставленных задач можно решить. Еще раз подчеркну: если не делать серьезных ошибок. Но умение учиться если не на чужих, то хотя бы на своих ошибках — не самая сильная черта российской политической элиты.

ОСТАВЬТЕ В ПОКОЕ СТАБФОНД!

Россия — страна, состояние экономики которой, доходы государства зависят от конъюнктуры рынка нефти. В этом нет ничего позорного. Экономика одной из самых благополучных стран мира — Норвегии — также зависит от конъюнктуры нефтегазового рынка. Выработывая экономическую политику в нефtezависимых экономиках, надо помнить, что они устроены необычно. В нефтедобывающей стране денежное довольствие офицеров, зарплаты учителей и врачей, возможности школ, больниц, университетов платить за коммунальные услуги — все это зависит от цены на данный ресурс. Что делать, если многократное падение нефтяных цен, которое никто не предсказывал, стало реальностью? Распускать армию? Закрывать школы и больницы? Отменять пенсионную систему? «Добрых дядюшек», у которых можно перехватить денег до того, как цены на нефть снова вырастут, в жестоком мире немного. В этом убедилось советское руководство, когда цены на нефть за несколько ме-

Опубликовано в: Аргументы и факты. 2008. 11 марта.

сяцев 1985–1986 гг. упали примерно в 4 раза и находились на этом уровне до конца 1990-х гг. Сейчас цены на нефть вновь приблизились к пику позднебрежневского периода. Возможно, они останутся на этом уровне в течение нескольких лет. А может быть, и нет. Власти нашей страны извлекли уроки из ситуации на нефтяном рынке в конце 1980-х гг.: создали Стабилизационный фонд. Но у страны есть и немало важных нерешенных проблем. А когда есть деньги, неизбежно возникает соблазн их потратить. Но надо помнить, что речь идет о нестабильных и непредсказуемых доходах. Функционирование же таких институтов, как армия, образование, здравоохранение, милиция, пенсионная система, не должно зависеть от конъюнктуры нефтяного рынка.

Говорят, что размер Стабилизационного фонда (теперь он разделен на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния) слишком велик, столь крупная «зачатка» стране не по карману. Сравним его с размерами резерва, который сочло необходимым иметь руководство наших соседей — Норвегии. По отношению к валовому внутреннему продукту размер норвежского Глобального пенсионного фонда (аналога наших Резервного фонда и Фонда национального благосостояния) составляет 100%, а в России это соотношение примерно в 10 раз меньше.

НЕ СТОИТ ЗЛИТЬ СОСЕДЕЙ

Еще одна ошибка, которой необходимо избежать, если мы хотим обеспечить предпосылки спокойного, стабильного развития страны в XXI в., связана с постимперским синдромом. Советский Союз был не первой империей, распавшейся во второй половине XX в., а последней. Череда крушений империй после Второй мировой войны, растянувшаяся на десятилетия, не случайность. Это результат глубоких изменений, произошедших в мире. Попытки сохранить империю силой в новых условиях приводили к тяжелым войнам и всегда оканчивались неудачей. То, что после краха Советского Союза удалось избежать «большой крови», которая могла бы пролиться при развитии событий по югославскому сценарию, — одна из заслуг первого Президента России Б. Н. Ельцина перед страной и миром. С утратой империи смириться непросто. Апелляция к былому величию, обещание приструнить вышедших из повиновения «вассалов» — эффективный

прием во внутривластную борьбу, особенно действенный, когда наиболее острые экономические проблемы решены. Тут-то самое время за ужином, смотря старый советский фильм, порассуждать о том, какими мы были великими, как нас предали, что теперь мы покажем, кто главный... Когда подобные рассуждения остаются на уровне домашних разговоров — это не страшно. Но такие настроения порождают соревнование в том, кто произнесет более громкую речь, адресованную бывшим «вассалам», с гневом обличающую их и возвеличивающую канувшую в Лету империю. Рассориться с соседями, поучая их, как надо жить, легко. Выстроить с ними добрососедские отношения — труднее. Поддаться искушению постимперского синдрома — значит окружить себя кольцом государств, с которыми у нас в лучшем случае недружественные, а в худшем — враждебные отношения. Может быть, кому-то из российских политиков такая перспектива нравится, стране же она точно не нужна.

Мировой кризис и Россия: Суть разногласий

В газете «Ведомости» 24 января была опубликована моя статья «Жесткая посадка: Новый вызов для России». Не пересказывая ее содержания, повторю лишь суть: мировой экономический рост замедляется. Это необходимо иметь в виду, вырабатывая экономическую политику в России. В противном случае есть риск наделать ошибок. 19 марта получил развернутый отклик Андрея Илларионова на эту статью. Думал, стоит ли отвечать. Решил, что сделать это придется.

Обсуждать с научной точки зрения мнение Андрея Николаевича сложно, да и вряд ли это будет интересно широкому кругу читателей. Приведу пару примеров.

«В последний раз экономика США была в состоянии рецессии в 2001 г. (здесь А. Илларионов пересказывает один из тезисов критикуемой им статьи Е. Гайдара. — *Прим. ред.*). Хотя это утверждение и воспроизводит позицию Национального бюро по экономическим исследованиям, важнейший критерий рецессии (снижение абсолютных размеров ВВП в течение двух кварталов подряд) в 2001 г. не соблюдался».

Что является рецессией в американской экономике — вопрос достаточно деликатный. Ответ на него — не формальные числа, а согласованные взгляды специалистов. Американские экономисты договорились, что лучшим судьей в этом вопросе является Национальное бюро по экономическим исследованиям. Возможно, со временем Илларионов и убедит коллег в том, что он лучше знает, в какой момент американская экономика находится в состоянии рецессии. Но пока этого не произошло, приходится учитывать мнение профессионального сообщества¹.

Еще одна цитата: «Снижение темпов экономического роста в США в 2000 и 2007 гг. сопровождалось их ускорением в России». С этим утверждением спорить сложно. Любой человек в здравом рассудке может открыть справочник Росстата и убедиться в том, что темпы роста российского ВВП в 2000 г. составляли 10%, в 2001 г. на фоне замедления темпов экономического роста США — 5,1%, в 2002 г. — 4,7%. Список подобных своеобразных суждений можно продолжить. Боюсь, это утомит читателя.

Не взялся бы за перо, если бы смысл обсуждаемого вопроса был в том, находилась ли экономика США в 2001 г. в состоянии рецессии. Андрей Николаевич объяснил суть наших разногласий:

«Зачем понадобились такие странные утверждения и такие странные рекомендации? Частичный ответ на этот вопрос, возможно, кроется в следующих словах: «Теперь представьте себе, вот у нас пришел новый глава государства <...> При замедлении экономического роста в России в сознании элиты и общества может укорениться иллюзия, что оно напрямую связано со сменой первого лица государства». «У будущего президента будут более жесткие условия работы, чем у нынешнего главы государства».

«Забота об условиях работы и уровне популярности главы государства — весьма похвальное занятие для его помощников и советников. Однако она весьма далека как от заботы о реальных проблемах страны, так и от заботы об интересах ее граждан».

О том, что полезно в работе помощников и советников президента, судить не берусь. Илларионов долго работал советником Путина, у него в этом деле большой опыт. Речь не об этом, а о про-

¹ Дальнейшее развитие событий поставило точку в этой полемике. См. статью этого тома «Мировой экономический кризис: последствия для российской политики», сноска 1). — *Прим. ред.*

фессиональной этике экономиста. Один из замечательных представителей нашей профессии, профессор А. Харбергер, обращал внимание на сходство экономики и медицины. И в той, и в другой профессии главная задача — лечить болезни, болезни человеческого организма или общества.

Понимаю, что у Андрея Николаевича есть основания быть недовольным многими действиями нынешних российских властей. У меня они тоже есть. Если перевести написанное им на простой русский язык, суть будет понятна и неспециалисту: если власти собираются совершать ошибки, которые могут поставить под угрозу стабильность сложившегося режима, зачем им в этом мешать?

Мне довелось работать в российском правительстве после того, как власти СССР совершили почти все возможные экономические ошибки. Писал об этом в своей книге «Гибель Империи. Уроки для современной России». И теперь вне зависимости от моих симпатий или антипатий к тем, кто стоит у власти в моей стране, я всегда буду пытаться сделать все возможное, чтобы подобная ситуация не повторилась. Именно в этом состоит суть наших разногласий.

Штормовое предупреждение

В последнее время число не верящих, что экономика США находится в состоянии рецессии, что темпы мирового экономического роста замедляются, сократилось. Все больше аналитиков убеждено в том, что такое развитие событий неизбежно. Какие последствия это будет иметь для России? Сегодня этот вопрос — один из горячо обсуждаемых в Москве. Позволю высказать свое мнение.

У России немало нерешенных проблем, связанных с созданием институтов, необходимых для обеспечения устойчивого экономического роста: коррупция в государственном аппарате, отсутствие реального разделения властей, несовершенство судебной системы, незащищенность прав частной собственности. Список можно продолжить. Надеюсь, что с течением времени эти проблемы удастся решить, но это не имеет прямого отношения к влиянию изменения мировой экономической конъюнктуры на Россию.

Распространенное заблуждение состоит в том, что динамичный экономический рост, продолжающийся в России десятый год подряд, связан исключительно с благоприятной конъюнктурой нефтегазового рынка. Это не так. Экономический рост начался в 1997 г. при низких, по историческим меркам, ценам на нефть, после того как в России был сформирован каркас рыночных институтов. В 1998 г. он был прерван финансовым кризисом, восстановился в 1999 г. и лишь в 2004 г. был подкреплён выходом цен на нефть на уровень, близкий к рекордным, характерным для конца 70-х — начала 80-х гг. прошлого столетия.

Обрабатывающие отрасли в России в последние годы растут во много раз быстрее, чем добывающие, страна динамично наращивает экспорт машиностроительной продукции.

Тем не менее факт остается фактом — государственный бюджет, платежный баланс России по-прежнему зависят от конъюнктуры рынка нефти, нефтепродуктов, газа и металлов. Эти товары составляют примерно 80% нашего экспорта. Как показывает опыт, цены на них сильно зависят от темпов мирового экономического роста. В двух последних случаях их существенного замедления (1998 и 2001 гг.) цены на сырье снижались. В 1998 г. за этим последовал переход от начавшегося экономического роста к падению ВВП, а в 2001–2002 гг. темпы экономического роста упали в два раза.

На мировой рынок сырья влияет множество факторов. Они связаны отнюдь не только с темпами мирового экономического роста. Например, на уровне нефтяных цен сказывается все происходящее в районе Персидского залива, в Нигерии, в Венесуэле. Прогнозирование нефтяных цен одно из занятий, опасных для профессиональной репутации. Тем не менее российские власти должны быть готовыми к тому, что замедление темпов мирового роста скажется и на ценах на энергоносители.

В конце 70-х — начале 80-х гг. советское руководство совершило стратегическую ошибку, решив, что экстремально высокие цены на нефть гарантированы навсегда, и, не удосужившись создать валютные резервы, нарастило государственные обязательства. Когда цены на нефть в конце 1985 — начале 1986 гг. упали в несколько раз, руководители СССР не смогли найти ответа на этот вызов. Результатом стала гибель Империи.

Российские власти сумели извлечь уроки из этого опыта. В 2003 г., накануне резкого повышения цен на нефть, был создан Стабилизационный фонд. В начале 2008 г. его размеры превысили 10% ВВП. Страна опережающими темпами гасила накопленные в 1980-х–1990-х гг. государственные долги, накапливала золотовалютные резервы. По их объему Россия сегодня уступает лишь Китаю и Японии. При условии проведения адекватной экономической политики накопленные резервы позволяют справиться с неблагоприятным изменением экономической конъюнктуры. Но повторю ключевые слова: при условии проведения *адекватной* экономической политики.

Вопрос в том, будет ли она адекватной. В Англии, США циклические колебания темпов экономического роста воспринимаются как вещь неприятная, но обычная. Общество, политическая элита это хорошо понимают. У современной России опыт жизни в условиях рыночной экономики короче. В нашей стране понимание того, что замедление экономического роста не повод для паники, серьезных ошибок, пока не укоренилось.

Управлять финансами нефтедобывающей страны в условиях экстремально высоких цен на этот товар не легче, чем в условиях низких. Самый убедительный аргумент, который министр финансов может привести против наращивания государственных обязательств, — что в казне нет денег. Однако при аномально высоких ценах на нефть использовать его не просто. Вплоть до конца 2006 г. финансовая политика российских властей, на мой взгляд, была безупречной. В 2007 г. на фоне приближающихся президентских и парламентских выборов она ослабла, ценой этого стало ускорение инфляции. Есть риски, что власти страны, столкнувшись с замедлением экономического роста, могут сделать ошибки, пытаясь финансовыми стимулами, наращиванием государственных расходов поддерживать высокие темпы экономического роста или сохранять ставший нереалистичным в изменившихся условиях номинальный курс рубля.

Риск таких ошибок увеличивается в связи с происходящими политическими переменами. Новый президент в начале мая приступит к исполнению своих обязанностей. Общество нередко путает два понятия — «после» и «из-за», воспринимает их как синонимы. Если под влиянием мировой экономической конъюнктуры темпы экономического роста будут замедляться, найдется немало людей,

готовых сказать, что это произошло из-за изменения политической конструкции. На этом фоне легко совершить экономико-политические ошибки, за которые стране потом придется дорого заплатить. Надеюсь, что этого не произойдет.

Падение цены на нефть приведет к изменению бюджетной политики в России

Надо было быть готовым к возможностям такого развития финансового рынка, потому что на протяжении последних 200 лет рецессии происходят не первый и не второй, и не десятый раз. Поэтому к нему надо быть действительно подготовленными.

К счастью, российская экономика на этот раз была прилично подготовлена к замедлению мирового экономического роста и трудностям в финансовой сфере. Мы извлекли некоторые уроки из краха советской экономики 1991 г. и из кризиса 1998 г., создали достаточно эффективные инструменты, обеспечивающие стабильность денежной и финансовой системы. Это крупные золотовалютные резервы и Стабилизационный фонд, который недавно был преобразован в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

Крупных золотовалютных резервов у нас ни в середине 1980-х гг., ни в 1997 г., когда начался кризис в Юго-Восточной Азии, не было. Российские власти в последние годы бесконечное количество раз упрекали в том, что они имеют столь большие резервы. И не только политические проходимцы, которые всегда готовы заработать политическую популярность на идее, как надо разбазарить Стабилизационный фонд. Со мной эту тему неоднократно обсуждали вполне квалифицированные специалисты из МВФ и Всемирного банка. Развитие событий в последнее время показывает, насколько были правы российские денежные власти, которые во время благоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть создали резервы, которые сегодня позволяют нам управлять кризисом.

Пока Минфин и ЦБ достаточно адекватно реагирует на остроту кризиса. Другой вопрос, что многие проблемы, которые возникают

Опубликовано в: Информационно-аналитический портал K2Kapital. 2008. 16 октября.

сегодня, были заложены экономической политикой, которая проводилась на протяжении последних лет. Там была странная комбинация ответственной бюджетной политики, политики, направленной на сокращение долговых обязательств, и крайне либеральной позиции государства по отношению к заимствованиям государственных компаний, которые рынок рассматривал как государственные долги.

Сегодня мы расхлебываем последствия такой странноватой политики. Но ключевые решения по этому поводу были приняты не сейчас, а год-два-три назад, когда, например, Газпром бурно наращивал краткосрочные заимствования.

У меня есть разногласия по деталям, по тому, как и что делается, по эффективности тех действий, которые предприняты, по их достаточности. Но в целом я считаю, что Центральный Банк и Минфин проводят разумную политику.

В условиях замедления экономического роста обычно отмечается отток капитала с рынков, которые не обладают мировыми резервными валютами. Рубль пока не является мировой резервной валютой, в отличие от доллара или евро, или даже мировых валют второго класса, таких как, фунт, йена, швейцарский франк. Поэтому в условиях замедления экономического роста мы совершенно неизбежно получаем радикальные изменения в балансе капитала в России. Но пока мы с этим вполне справляемся.

Российской экономике предельно высокие цены на нефть крайне вредны. Они подстегивают расходные обязательства, с которыми российским денежным и кредитным властям довольно трудно бороться, они подстегивают рост номинального и реального курса рубля. Поэтому падение цен на нефть потребует некой адаптации, но стратегически это будет крайне полезно.

Могу сказать, что если цена на нефть будет меньше 60 долл. за баррель, то это радикально изменит условия проведения бюджетной политики в России. Придется проводить более консервативную бюджетную политику.

Для России в целом стратегически это будет полезно, позволит избежать избыточного укрепления рубля, ускорить процесс диверсификации экономики, увеличить долю обрабатывающих отраслей в нашем экспорте. Конечно, при условии, что российские власти отреагируют адекватно. Потребуется изменить экономико-политический стиль работы: переходить от приятного обсуждения вопросов

о том, какие новые расходные программы надо принять, к вопросу о том, как эффективнее расходовать бюджетные деньги.

Мы выйдем из этого кризиса с другой финансовой структурой в мире. Она не будет той же, которая была до кризиса. Какой она будет, трудно прогнозировать, потому что кризис — на то он и кризис, что радикально меняет ситуацию.

Введение конвертируемости юаня как валюты, конвертируемой по капитальным операциям, существенно изменит мировую финансовую систему. Другой вопрос пойдут ли на это власти Китая.

Мировая финансовая система на протяжении XX в. неоднократно и радикально менялась. Это только кажется, что она всегда была стабильной и неизменной. Нет, она была одной до Великой Депрессии, другой — после нее и после Бреттон-Вудских соглашений. Еще раз другой после отказа от конвертируемости доллара в золото по операциям Центробанков в 1971 г. Наконец, после того, как крупнейшие мировые экономики перешли к системе свободных капитальных операций, не имея опоры в виде золотовалютного стандарта.

То, что происходит сегодня это не первое изменение мировой финансовой системы на протяжении последнего столетия.

Протяженность кризиса определить трудно. Вероятно, что его пик в мире пока не пройден. То, что мы были к нему готовы, хорошо. То, что мы позволяли себе некоторые экономические ошибки прямо накануне кризиса, такие как резкое увеличение бюджетных расходов в реальном исчислении, неприятно. За это мы сейчас платим высоким уровнем инфляции. Но думаю, мы справимся.

Финансовый кризис: Что делать

В начале 2008 г. экономисты еще могли позволить себе дискуссии о том, окажет ли финансовый кризис, начавшийся летом 2007 г. в США, влияние на мировую экономику, в какой степени он отразится на развитии событий в экономике России. Сейчас обсуждать, кто в этом споре был прав, кто нет — не время. Важно другое.

С сентября нынешнего года кризис мировой финансовой системы перешел в новую фазу. Фактическая национализация круп-

Опубликовано в: Ведомости. 2008. 20 октября.

нейшей мировой страховой компании, банкротство или прекращение существования в прежнем виде крупнейших американских инвестиционных банков, кризис взаимного доверия в банковской системе, скромные результаты даже скоординированных усилий денежных и финансовых властей ведущих стран мира по стабилизации ситуации на финансовых рынках — все это показывает, что мы живем в мире, где условия проведения экономической политики существенно изменились. В том числе и условия проведения экономической политики в России, где по ряду широко известных причин все предшествующие 10 лет динамичный рост ВВП сочетался с повышением цен на основные экспортные товары, бюджетные доходы быстро росли, открывались широкие возможности реализации новых масштабных расходных программ. Надо понять: сегодня все это в прошлом.

Институт экономики переходного периода на протяжении последних лет регулярно проводил исследования, посвященные рискам устойчивости развития российской экономики. Наши более молодые коллеги, которым не пришлось расхлебывать последствия краха советской экономики, неоднократно с мягкой иронией упрекали нас в том, что эта травма навсегда задала нам «катастрофное» сознание, а никаких катастроф не предвидится. Хотелось бы надеяться, что они правы.

Однако в таком авторитетном документе, как последний «Обзор мировой экономики», опубликованный МВФ, речь идет о том, что нынешний мировой финансовый кризис, вероятно, станет наиболее глубоким со времен Великой депрессии. В экспертном сообществе на протяжении последних недель становится все более популярным проводить параллели между происходящим сегодня и Великой депрессией. В настоящее время наибольшая опасность заключается в распространении кризисных явлений в финансовом секторе на реальный сектор американской экономики: динамика промышленного производства в США в 2007–2008 гг. близка по тенденции к 2001 г., когда наблюдался самый серьезный за последние 10 лет спад.

К счастью, Россия оказалась неплохо подготовленной к такому повороту событий. Именно сегодня на фоне происходящего на мировых рынках хорошо видно, в какой степени решение накопить золотовалютные резервы, создать резервный фонд и фонд нацио-

нального благосостояния было правильным. Это позволяет сегодня российским органам власти управлять кризисом, но надо отдавать себе отчет в том, что резервы лишь дают возможность проводить политику, направленную на ограничение влияния глобального кризиса на российскую экономику, а не защищают от него.

В связи с этим позволю себе высказать несколько соображений о приоритетах экономической политики нашей страны во время глобального финансового кризиса.

Многое уже делается. Но необходимо внести коррективы в проводимую экономическую политику, позволяющие свести к минимуму шансы катастрофического развития событий в случае дальнейшего обострения ситуации. По-видимому, в 2008–2010 гг. следует сосредоточить внимание на сохранении финансовой стабильности.

Переход России с начала 2007 г. к конвертируемости рубля по счету капитальных операций усиливает интеграцию страны в глобальную экономику, улучшает долгосрочные перспективы экономического роста. Но это создает и дополнительные риски сегодня.

Прежде всего для страны, платежный баланс которой сильно зависит от цен на мировом рынке сырьевых товаров, велика вероятность того, что при неблагоприятной конъюнктуре может измениться направление потока капитала. Потоки капитала в современном мире, как и цены на сырье, чувствительны к изменениям темпов мирового экономического роста, к ситуации на финансовых рынках. То, что ипотечный кризис в США, переросший в кризис банковской системы, скажется на масштабах притока капитала на развивающиеся рынки, предсказать было нетрудно. Так и случилось. В 2007 г. приток иностранного капитала в Россию превысил 82 млрд долл. За три квартала 2008 г. этот показатель снизился до 0,5 млрд долл. Велика вероятность того, что по итогам года мы будем иметь чистый отток капитала из России. Это создает серьезные проблемы для российских банковских корпораций, накопивших краткосрочные внешние долги.

Чрезвычайно важна проблема (о которой уже долгое время писали многие экономисты, в том числе и автор этих строк) непомерно высокого уровня внешних заимствований у ряда государственных компаний и компаний с государственным участием. Уже сейчас приходится принимать меры (естественно, за государственный счет), обеспечивающие их платежеспособность. Следует ускорить принятие законодательных решений, направленных на улучшение

процедур управления госкорпорациями и компаниями с высокой долей государства в капитале, в части повышения прозрачности использования привлекаемых ими средств, а также ограничения масштабов наращивания внешнего долга.

Пока Россия не обладает мировой резервной валютой. Рубль при проведении ответственной бюджетно-денежной политики может стать резервной валютой второго плана, но для этого нужно время. Поэтому мы не можем позволить себе делать то, что делают американцы или европейцы в условиях ухудшения мировой конъюнктуры: резко ослаблять денежную и бюджетную политику. В наших условиях это имело бы опасные последствия для устойчивости национальной валюты, сохранности сбережений населения.

Мировой опыт показывает, что стабильность банковской системы для долгосрочных перспектив экономического роста важнее, чем то, что происходит на рынке ценных бумаг или валютном рынке. Действия российских денежных и финансовых властей, принятые на протяжении последних недель, показывают, что они это понимают. Однако меры по стабилизации банковской системы не должны ограничиваться лишь кредитными учреждениями с государственным участием, а должны распространяться на систему в целом. Это важно для сохранения доверия вкладчиков к банкам.

При выборе приоритетов курсовой политики для страны, не обладающей мировой резервной валютой, в условиях финансового кризиса целесообразно избрать в качестве одного из таких приоритетов сохранение золотовалютных резервов, обеспечивающих свободу маневра в денежной политике. При высоких ценах на важнейшие экспортные товары борьба с быстрым укреплением реального курса рубля была одним из приоритетов денежных и финансовых властей. В изменившейся ситуации свобода маневра в курсовой политике расширяется. Этим стоит воспользоваться. Продолжение политики поддержания номинального обменного курса рубля чревато опасностями.

Одной из проблем, которая в последние годы стояла и перед российскими гражданами, и перед теми, кто отвечал за денежную политику, были отрицательные (в реальном исчислении) процентные ставки по вкладам населения. В условиях резкого роста цен на нефть и притока капитала в страну с этим было непросто справиться. Сейчас можно постепенно переходить к полити-

ке, ориентированной на обеспечение положительной реальной процентной ставки. Это будет и вкладом в решение задачи снижения инфляции.

Сокращение притока краткосрочного иностранного капитала позволяет снизить темпы роста денежной массы и, соответственно, на протяжении 6-9 месяцев переломить тенденцию роста инфляции, вернуться к характерным для начала 2000-х гг. темпам ее снижения на 2% в год. Но принципиально важно сохранить баланс между задачами снижения инфляции и сохранения стабильности банковской системы. Сжатие денежной массы должно быть управляемым во избежание, во-первых, банковского кризиса и, во-вторых, резкого дестимулирования экономической активности и провоцирования рецессии. Задача крайне сложная, требующая «ручного управления». Полагаю, что наши денежные власти с ней справятся.

Когда национальная экономика интегрирована в глобальный мир, за меры, направленные на ограничение влияния мирового финансового кризиса, приходится платить. Как известно, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Каковы же вероятные негативные последствия таких мер для экономики России? Они очевидны. Это снижение темпов экономического роста, роста инвестиций и ухудшение положения на рынке труда.

Конъюнктурные обзоры, которые проводит наш институт, показывают, что есть все признаки начавшегося замедления экономического роста. О том, что российская экономика перегрета, что дефицит квалифицированных кадров все в большей степени становится препятствием наращиванию объемов производства, писал в начале текущего года. В условиях происходящего на мировых рынках это не катастрофа, временную потерю нескольких процентов роста не следует драматизировать. Но быть готовыми к такому повороту событий надо. Принципиальной задачей здесь является то, что по-английски называют *soft landing*. В буквальном переводе на русский язык это означает «мягкая посадка». К сожалению, в российском контексте слово «посадка» является двусмысленным, поэтому переводу выражение как «мягкое приземление».

Задача обеспечить такое «мягкое приземление» в условиях финансового кризиса, который, по всей видимости, продлится до конца 2009 г., и является главной задачей российских властей на ближайшие месяцы. Особенно важно сохранить устойчивость и ми-

нимизировать риски в бюджетной системе — при необходимости поддержки финансовой системы за счет бюджетных средств в любом случае необходимо сохранить имеющийся профицит бюджета и бюджетные резервы на уровне, достаточном для обеспечения бюджетной стабильности в среднесрочной перспективе.

Для этого придется перейти от режима управления страной, в которую широким потоком идут деньги (и с которыми неизвестно, что делать), к жесткому кризисному управлению, отказу от любых элементов популизма. От того, в какой степени руководство страны это осознает и поймет, что за принимаемые решения, возможно, придется платить популярностью, как это делал Б. Ельцин в начале 1990-х гг., сегодня зависит многое.

Управляемость перемен

Трудности, переживаемые сейчас мировой экономикой, — это новый вызов. Ответ на него придется искать самостоятельно.

Россия создала достаточно эффективные инструменты, обеспечивающие стабильность денежной и финансовой системы. Если действовать грамотно, экономических катастроф в стране не произойдет. Но мир станет более жестким. И поставит перед страной новые, очень сложные задачи

Источники и составные части

Кризис, переживаемый сейчас мировой экономикой, является далеко не первым в истории.

Специалисты, пытаясь создать базу для анализа, проводят параллели между нынешними кризисными явлениями и наиболее значительными экономическими кризисами XX в. — кризисом 1907 г., Великой депрессией. Эти параллели разумны. Но следует учитывать, что обстоятельства с тех пор сильно изменились. Мир 1907 г. — это мир золотовалютного стандарта. Мир Великой депрессии — мир крушения золотовалютного стандарта.

Мы живем в другой ситуации: сейчас каркас золотовалютного стандарта, позволявший обеспечивать денежную стабильность, отсутствует, курсы ведущих мировых валют плавают. Как работает эта модель, никто толком не понимает. Никто поэтому не смог спрогнозировать ни мексиканский кризис 1994 г., ни кризис в Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг.

Нынешние трудности — это новый вызов, снова требующий поиска адекватных ответов.

Многие считают причиной нынешних проблем ипотечный кризис в США. Конечно, мягкая денежная политика американских финансовых властей (направленная на то, чтобы сгладить рецессию 2001 г. и минимизировать возможные циклические колебания) способствовала накоплению крупных проблем в американской финансовой системе и реальном секторе, создала базу для образования мыльных пузырей. Однако обоснованный ответ на вопрос об истоках нынешнего кризиса требует специального и серьезного анализа, над этим нужно работать.

Следует заметить, что в Институте экономики переходного периода системно анализировали риски устойчивости развития России. Один из сценариев, описанных в докладе 2006 г. (самый пессимистический) и тогда же прочитанный на заседании Ученого совета, сейчас реализован с точностью до цифр. Но это объясняется не наличием дара предвидения. Я убежден в том, что для страны, в существенной степени зависящей от притока и оттока капиталов, от цен на нефть, нефтепродукты, газ и металлы, важна цикличность развития мировой экономики.

Наша оценка рисков стала базой для создания Стабилизационного фонда, накопления золотовалютных резервов. То есть нам удалось извлечь уроки из краха советской экономики 1991 г. и кризиса 1998 г.

Россия создала достаточно эффективные инструменты, обеспечивающие стабильность денежной и финансовой системы. Главное отличие нынешнего кризиса от прежних кризисов состоит, на мой взгляд, именно в том, что страна к нему подготовилась, создав крупные золотовалютные резервы и Стабилизационный фонд (недавно преобразованный в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния). Ни в середине 1980-х гг., ни в 1997 г., когда начался кризис в Юго-Восточной Азии, крупных золотовалютных резервов у нас не было.

Российские власти в последние годы бесконечное количество раз упрекали в том, что они имеют столь большие резервы. Об этом говорили не только популисты. Со мной эту тему неоднократно обсуждали вполне квалифицированные специалисты из МВФ и Всемирного банка. Развитие событий показывает, что российские денежные власти были абсолютно правы, во время благоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть создавая резервы, которые сегодня позволяют управлять кризисом.

Трудно, но посильно

Нынешний финансовый кризис затронул значительное количество экономик. Подобный масштаб не может не сказаться на реальном секторе российской экономики: мы ждем замедления темпов роста в нем. Не следует считать подобный прогноз катастрофичным. Американская экономика, которая крайне динамично растет вот уже 200 лет, при этом раз в пять-десять лет радикально замедляется. В России экономика также является рыночной. И в последние 10 лет она динамично росла. Если рост замедлится на протяжении ближайших месяцев, есть основания отнести к этому спокойно.

Экспертные оценки показывают, что выход из кризиса вероятен в четвертом квартале 2009 г. Но я бы не исключал также возможности того, что в России на протяжении ближайших двух лет рост будет нулевым. Это не прогноз, это предположение, что подобного рода сценарий может реализоваться.

Мир в целом также столкнется с периодом более медленного экономического роста по сравнению с тем, что был характерен для периода 2002-2007 гг. Для российской экономики это будет означать риски долгосрочного снижения цен на металлы. Цены на нефть прогнозировать вообще невозможно, но обычно в подобные периоды цены на нефть в реальном исчислении снижаются. Будет период существенного сокращения притока капитала на развивающиеся рынки. В условиях рыночной экономики, обладая существенными золотовалютными резервами, Россия со всем этим может справиться, катастрофы не произойдет. Если действовать грамотно.

Оптимистичный вариант сценария состоит в том, что мы удержим денежную стабильность на фоне снизившихся темпов эконо-

мического роста и резко сократившего притока капитала. Конечно, если будут допущены серьезные экономические и политические ошибки, то развитие событий может быть драматичнее. Но я думаю, что такие ошибки не будут сделаны.

Пока и Минфин, и ЦБ достаточно адекватно реагируют на остроту кризиса.

Другой вопрос, что многие проблемы, которые возникают сегодня, были заложены экономической политикой, проводившейся на протяжении последних лет. Имела место странная комбинация ответственной бюджетной политики, направленной на сокращение долговых обязательств, и крайне либеральной позиции государства по отношению к заимствованиям государственных компаний. Сегодня мы имеем дело с последствиями такой политики. Но, к счастью, у нас есть резервы, позволяющие добиться того, чтобы за последствия такой инвестиционной стратегии не платили вкладчики крупнейших российских банков. И, разумеется, нельзя продолжать бурно наращивать бюджетные расходы, а также использовать Резервный фонд и Фонд национального благосостояния чрезмерно быстро. Здесь важны именно темпы расходования, а не сама возможность.

Отток капитала и снижение цен на энергоносители создают благоприятный фон для борьбы с инфляцией. Ее снижение возможно с лагом в 6–9 месяцев. Но здесь сталкиваются два противоположно направленных фактора: с одной стороны, снижение притока капитала и падение цен на нефть приводят к сокращению темпов роста денежной массы, с другой — проблемы в банковской системе требуют от ЦБ мер по ее поддержке. Денежные власти должны найти тонкий баланс между сохранением стабильности банковской системы и снижением инфляции.

Снижение темпов экономического роста означает, что нашей экономике предстоит научиться жить при дорогих деньгах. А средне-статистическому россиянину придется жить в условиях, когда инфляция, вероятно, будет ниже, процентная ставка по его вкладам в реальном исчислении выше, темпы роста реальных доходов — ниже, шансы потерять рабочее место — выше.

Валютный курс, вероятно, изменится тоже, но как именно, трудно прогнозировать. Изменение будет зависеть от того, насколько продолжительным окажется замедление темпов роста в мире. Обычно

в случае замедления мирового экономического роста финансовые активы переводятся в ценные бумаги стран, обладающих мировыми резервными валютами. Сейчас резервные валюты — это доллар и евро, резервные валюты второго плана — фунт стерлингов, иена, швейцарский франк. Рубль пока не является мировой резервной валютой.

КРУШЕНИЕ ПРЕЖНЕГО, ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОГО

Кризис — это механизм очищения экономики от неэффективностей. Мир выйдет из кризиса более эффективным, а значит, более жестким. Работа крупнейших транснациональных компаний улучшится, в них будет усовершенствован менеджмент, сократятся издержки, повысится качество продукции. России придется конкурировать с этими усовершенствованными игроками. Такая конкуренция — вызов. Если наши власти и деловые элиты будут правильно реагировать на ситуацию, кризис может сделать отечественную экономику более конкурентоспособной. В какой степени мы к этому готовы, покажет время.

Одним из последствий кризисной ситуации является то, что она открывает окно возможностей. Кризис 1998 г. я и мои коллеги восприняли именно как окно возможностей. Реформы, которые до того не делались по политическим соображениям, в результате кризиса оказались реализованными. Первые три года президентства Владимира Путина были, с точки зрения экономической политики, крайне успешными, Россия сумела провести многие реформы, которые не смогли реализовать европейские страны (хотя эти реформы там тоже обсуждались, включая введение плоской ставки подоходного налога). Наша налоговая реформа, проведенная именно в то время, была радикальной. И она оказалась поразительно успешной, позволила одновременно снизить предельные налоговые ставки и получить существенный рост налогового поступления, что сейчас и обеспечивает устойчивость российской финансовой системы.

В последующие годы темпы реформ резко сократились, это очевидно. Правда, некоторые реформы все же удалось провести. Создан Стабилизационный фонд, проведено разделение бюджета (от-

делен бюджет, связанный с нефтегазовыми доходами, определены их пропорции, размер субсидий). Но конечно, темпы реформ последние годы существенно замедлились. Сейчас ситуация схожа с началом президентства Путина. Кризис позволяет всерьез работать над программой необходимых для страны реформ, забыв о политических ограничениях. В повестке дня — пенсионная реформа, реформа «Газпрома», ЖКХ, новая волна приватизации, военная реформа, сокращение круга секретных бюджетных статей, гарантии частной собственности, независимость судебной системы. Все это в докризисные времена обсуждалось, но было нереализуемо на практике. Но сегодня расслабленность, характерная для периода крайне высоких цен на нефть, неуместна.

Ситуации, когда власть может делать все, что угодно, и на фоне 10%-ного роста доходов населения это не имеет политических последствий, больше не будет. Однако, например, проблема безработицы — это прежде всего проблема депрессивных регионов: сел и малых городов. Она требует очень серьезного внимания. Решать проблемы бедности, предоставляя разные виды субсидий, мало перспективно. В первую очередь, надо увеличивать доходы тех, кто живет в депрессивных регионах. Это значит, что принципиально важно развивать микрокредитование бизнеса. Эту тему активно обсуждают и в Минфине, и в ЦБ, и в Сбербанке, и в ВТБ. На фоне структурных проблем эта тематика будет все в большей степени выходить в центр внимания.

Надеюсь, что кризис отрезвит и российские власти, и элиту, и граждан, и реформы будут продолжены.

Тот процесс беспрецедентного ускорения экономического роста, который мы наблюдаем в мире на протяжении последних, примерно, двухсот лет, неразрывно связан с формированием нового набора институтов, которые получили название «капитализм». Этот набор институтов меняется. Капитализм в том виде, в котором он существовал в начале XIX в., имеет не так уж много общего с капитализмом в том виде, который он приобрел к началу XXI в. Тем не менее идеологический базис у них общий. Многократное, по сравнению с предшествующими тысячелетиями, ускорение экономического роста обеспечивается созданием либеральных институтов. Ускорение экономического роста, урбанизация, рост продолжительности жизни, другие факторы, связанные с созданием либераль-

ных институтов, вносят в систему дополнительные элементы нестабильности. Но даже в условиях кризиса стоит помнить, что пока эти институты отсутствовали, никакого среднедушевого роста ВВП на протяжении тысячелетий не было.

НЕ ВЕЛИКАЯ И НЕ ДЕПРЕССИЯ

Если говорить о долгосрочном прогнозе развития мировой экономики, то страны, которые имеют преимущества догоняющего развития, такие как Китай, Индия, Бразилия и Россия, вероятно, будут расти быстрее, чем мировая экономика в целом. Возможно, появятся новые растущие рынки. БРИК — это не закрытый перечень, а самые крупные из развивающихся рынков. Но есть и другие. Например, Южная Африка.

Мировая экономика еще пройдет через кризисы. Надо учитывать, что наиболее распространенный диапазон проявления периодов замедления темпов экономического роста на протяжении последних 200 лет составлял от 5 до 10 лет.

Но «Великую депрессию» прогнозировать нельзя. Это был уникальный случай в мировой экономической истории. По крайней мере, я не берусь сказать, что нынешние трудности мировой экономики обернутся для мира мировой рецессией по стандарту 1929–1933 гг.

ВИДИМАЯ РУКА ГОСУДАРСТВА

Кризис «уточнил» пропорции государственного вмешательства в экономику. Он показал, что государственное регулирование необходимо, но во многих странах приоритеты подобного регулирования были выстроены неточно. Было много ненужного государственного регулирования аграрного сектора, например, которое вредило развитию мирового сельского хозяйства и явилось одним из факторов, который привел к продовольственному кризису последних двух лет. Были, напротив, недостаточно регулируемые секторы. В частности, рынок деривативов.

То, что делают в момент кризиса российские власти, скажем, в банковской системе — это, в общем, правильно. (Хотя определенное количество технических претензий тем не менее возникает.)

Меры Центрального банка, связанные с повышением ликвидности банковской системы, дают определенные шансы на восстановление кредитного рынка. Хотя не гарантируют решения этой проблемы: большая ошибка думать, что если деньги даны трем государственным банкам, то проблемы банковской системы тем самым уже решены. Но я думаю, что ситуация в настоящее время уже начала нормализоваться.

Мне представляется правильным и своевременным введение лимита страхования на сумму до 700 тыс. руб. Ищутся способы решения проблемы внешнего долга, в том числе корпоративного. В общем, многое делается верно, хотя не идеально.

Но самое неразумное из того, что можно сделать потом — это начать передел банковской системы в пользу друзей государства или самого государства. В результате банковская система получит увечья, несовместимые с нормальной работой, и это достаточно быстро даст еще одну вспышку кризиса.

Государство, кроме того, должно более жестко контролировать частные заимствования. В первую очередь — заимствование государственных компаний, которые неизбежно воспринимаются мировым финансовым рынком как квазигосударственные. Проводить политику, при которой Россия быстро гасит государственный внешний долг (что было абсолютно правильно), и при этом не видеть (или не желать видеть) быстрого роста корпоративной задолженности государственных компаний — значит не видеть угроз устойчивости национальной финансовой системе.

Я уже сказал о том, что мы научились собирать налоги: опыт нашей налоговой реформы широко изучается в мире. Немало стран уже попытались ее повторить. Но мы пока что не научились правильно тратить, не сумели существенно повысить эффективность бюджетных расходов. Собственно, суть большей части предложений, которая была выработана и одобрена Министерством экономики на рубеже 2003–2004 гг., была связана именно с необходимостью добиться того, что если государство нормально собирает деньги налогоплательщиков, то ему следует еще научиться их тратить. Научиться финансировать небюджетную сеть, расходовать деньги на приобретение некоего набора нужных и качественных услуг для себя или для граждан. И именно за это платить деньги.

Такие вещи не решаются моментально, система обладает определенной инерцией. Но попытаться в течение ближайших лет (2010, 2011, 2012 гг.) изменить систему расходов — это важнейшая стратегическая задача. И сейчас, когда нефтяные доходы уже сократились и, возможно, еще сократятся, актуальность этой задачи только возрастет.

Еще одна важная стратегическая задача — пенсионная система. Эта проблема есть везде, где существует государственная пенсионная система, и заключается она в том, что пенсионная система формировалась для молодых обществ, где лишь сравнительно небольшая часть населения доживала до преклонных лет. Поэтому в США, например, когда создавалась пенсионная система, размер страховых начислений составлял 2% от зарплаты. И этого вполне хватало.

Но в современном мире радикально изменилась демография. В результате по всем прогнозам в России доля населения в пенсионном возрасте на протяжении следующих 20 лет будет существенно возрастать. Это значит, что надо либо повышать налоги на работающее население (что может легко привести к масштабным уклонениям от уплаты налогов), либо искать другие пути. Если ничего не делать, то можно прогнозировать двукратное сокращение коэффициента замещения.

Мировой экономический кризис: Последствия для российской политики

В этой связи проблема устойчивости пенсионной системы является стратегически важнейшей для нашей страны.

Весной-летом 2008 г. модными были публикации о том, что мирового экономического кризиса не будет, что рецессия в экономике США маловероятна, что даже если она случится, темпы глобального экономического роста радикально не изменятся, что в силу увеличивающегося спроса на энергетические товары в Китае и Индии падение цен на них маловероятно¹. Реальность оказалась более

Опубликовано в: Экономическая политика. 2009. № 4.

¹ «Прежде всего, ипотечный кризис в США, похоже, подходит к концу. Его пик пришелся на февраль этого года, и в течение последних четырех месяцев ситуация постепенно улучшается. Кроме того рецессии в США нет и, весьма вероятно, в 2008 г. уже не случится. Когда Гайдар заговорил о рецессии

жесткой (см. рис. 1). Собственно ипотечный кризис в Соединенных Штатах, разумеется, был не причиной, а поводом к замедлению глобального экономического роста. Однако то, что рецессии в США оказывают на протяжении последнего века серьезное влияние на рост глобальной экономики — это факт. С какими бы экономическими проблемами ни столкнулись Соединенные Штаты, с ними приходится считаться всей мировой экономике, включая и Россию.



* Предварительная оценка.

** Прогноз.

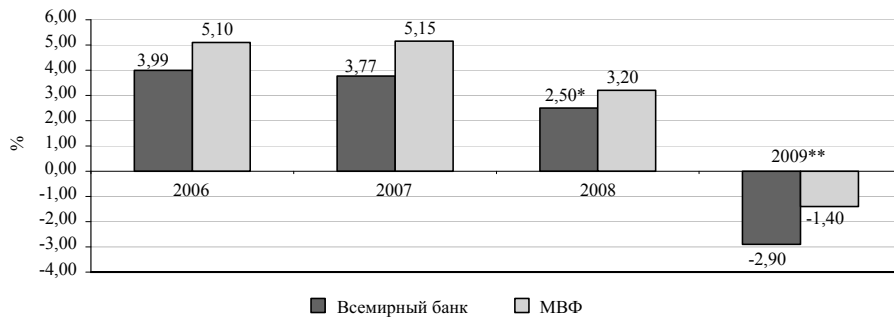
Источник: UN Conference on Trade and Development — Trade and Development Report, 2009 — http://www.unctad.org/en/docs/tdr2009_en.pdf

Рис. 1. Темпы роста мирового ВВП по данным ООН в 2006–2009 гг., % к предыдущему году

в январе 2008 г., ее вероятность рынком фьючерсов оценивалась в 80%. Тогда я рискнул высказать свое несогласие с прогнозом Гайдара и предположил, что рецессии, скорее всего, не будет. За прошедшие 6 месяцев рецессия не наступила. Более того, вероятность ее наступления сегодня оценивается куда более скромно — всего в 19 %, что в полтора раза ниже ее значения в августе прошлого года, когда начинался ипотечный кризис. Снижение темпов экономического роста действительно произошло, но наступление рецессии сейчас маловероятно. Базовый прогноз темпов прироста американского ВВП в этом году — свыше 2%. (...) Есть несколько показателей, по которым отслеживается макроэкономическая ситуация — это динамика валового внутреннего продукта, промышленного производства, занятости, розничных и оптовых продаж, доходов населения. Чтобы поставить американской экономике диагноз «рецессия», необходимо, чтобы все вышеперечисленные параметры на протяжении не менее шести месяцев имели бы отрицательные значения. Такого за последние месяцы не наблюдалось ни разу. Зато ВВП в первом квартале 2008 г. в США увеличился на 0,9%. Это с одной стороны немного, но все-таки заметно больше, чем в четвертом квартале 2007 г., когда ВВП снизился на 0,2%. Во втором же квартале 2008 г. американская экономика выросла на 1,9 %. Другими словами, подтверждений того, что американской экономике становится хуже, нет. Поэтому гайдаровский прогноз — «индикаторы указывают на то, что рецессия может оказаться жестче, чем в 2001 г.» — не подтверждается. См.: Как либерал нелибералу. Интервью А. Илларионова Л. Телень. Избранное. 2008. 1 августа.

Авторитетный журнал Economist в статье «Что пошло неправильно в экономике» от 16.07.2009 подробно рассказал о причинах, почему большинство экономистов не сумело предсказать самый тяжелый экономический кризис за последние 80 лет. Если суммировать содержание статьи в одной фразе: «из-за догматизма». Догматизм бывает не только марксистский. Это показал опыт последних лет. См.: What went wrong with economics//Economist. 2009.Jul 16th.

Для сравнения приведу аналогичные данные из базы Всемирного банка и МВФ (см. рис. 2–6).

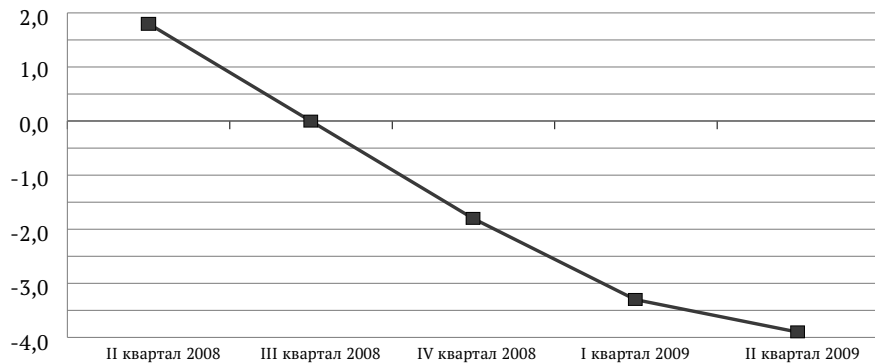


* Оценка Всемирного банка.

** Прогноз Всемирного банка и МВФ, соответственно.

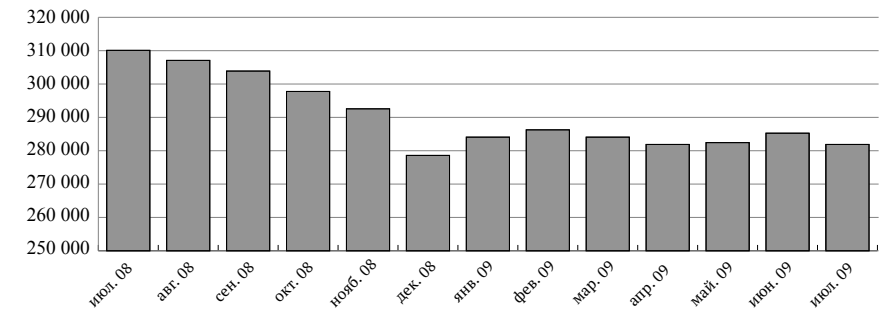
Источники: 1. World bank: World Development Indicators — <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/report.do?method=showReport> WB report: World Bank Updates Global Economic Forecasts - <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/0,contentMDK:22122200~pagePK:64165401~piPK:64165026~theSitePK:469372,00.html>; Global Development Finance 2009. Charting A Global Recovery — <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/EXTGDF/EXTGDF2009/0,menuPK:5924239~pagePK:64168427~piPK:64168435~theSitePK:5924232,00.html>; 2. IMF — World Economic Outlook. 2009. July. — http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/01/weodata/weorept.aspx?sy=1997&ey=2009&sort=country&ds=%2C&br=1&c=001&s=NGDP_RPCH&grp=1&a=1&pr1.x=88&pr1.y=6

Рис. 2. Темпы роста мирового ВВП в 2006–2009 гг., % к предыдущему году



Источник: US Bureau of Economic Analysis — http://www.bea.gov/newsreleases/national/gdp/2009/pdf/gdp2q09_2nd.pdf

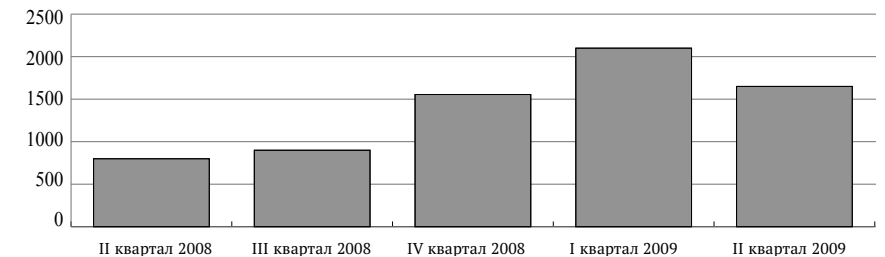
Рис. 3. ВВП США в реальном исчислении во II квартале 2008 г. — II квартале 2009 г., % к соответствующему периоду предыдущего года



* Сезонно-сглаженный

Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/RFSXMV/downloaddata?cid=6>

Рис. 4. Объем розничной торговли США* в июле 2008 — июле 2009 гг.**, млн долл.

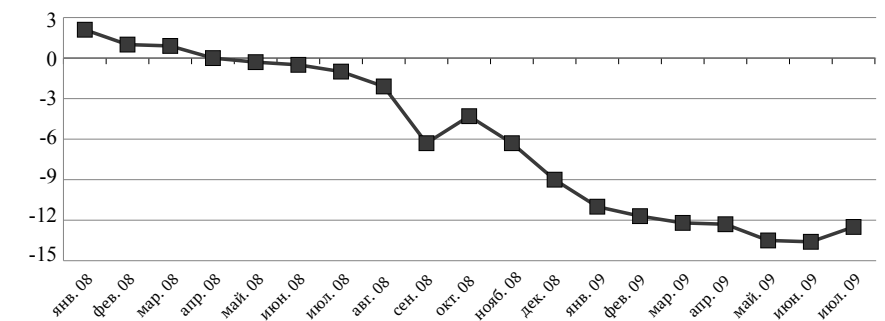


* Скорректированное сезонно.

** Квартальные данные получены расчетным путем на основе опубликованных месячных данных.

Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNEMPLOY/downloaddata?cid=12>

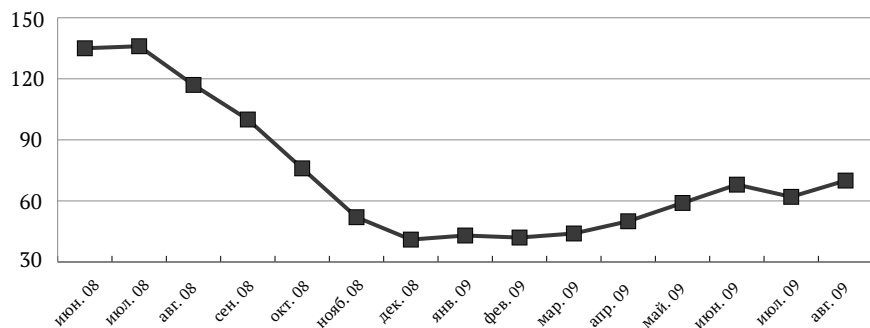
Рис. 5. Число жителей США*, обратившихся за пособием по безработице, II квартал 2008 — II квартал 2009 гг.**, тыс. чел.



Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/INDPRO/>

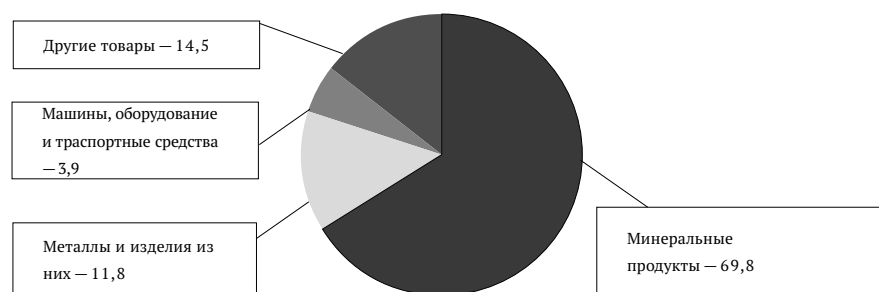
Рис. 6. Спад промышленного производства США в январе 2008 — июле 2009 гг., % по отношению к соответствующему месяцу прошлого года

Проблемы крупнейшей в мире экономики и по паритетам покупательной способности, и по текущим валютным курсам отразились на динамике мирового ВВП. В зависимости от того, как считать ВВП (по официальным валютным курсам или по паритетам покупательной способности), доля США в мировой экономике составляет от 20 до 25%. Снижение темпов экономического роста в США привело и к снижению темпов глобального экономического роста с соответствующими последствиями для развивающихся рынков. На экономическом развитии России это сказалось по двум основным направлениям. Как обычно, снижение темпов глобального экономического роста влияет на динамику цен на сырьевые товары, которые доминируют в нашем экспорте (см. рис. 7; 8).



Источник: МВФ — Primary Commodity Prices — <http://www.imf.org/external/np/res/commod/index.asp>

Рис. 7. Цены на нефть в период с июня 2008 по август 2009 г.

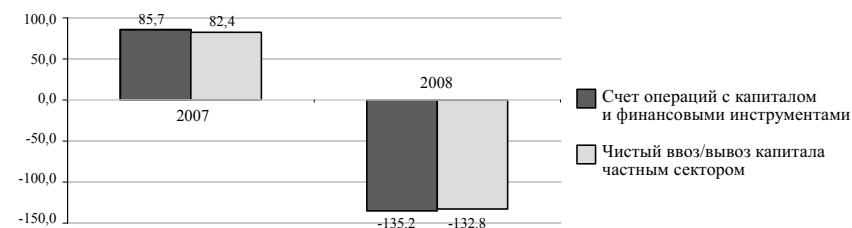


* Данные за январь-июль 2009 г.

Источник: ФТС РФ — www.customs.ru

Рис. 8. Доля нефти и нефтепродуктов в общем объеме экспорта Российской Федерации в 2009 г., %*

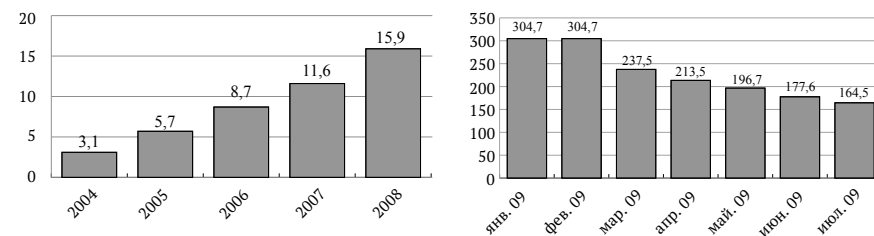
Второе направление влияния изменения глобальных темпов экономического роста — изменение потока капитала на развивающихся рынках. Для России события в этой ситуации в 2007–2008 гг. развивались драматично (см. рис. 9).



Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

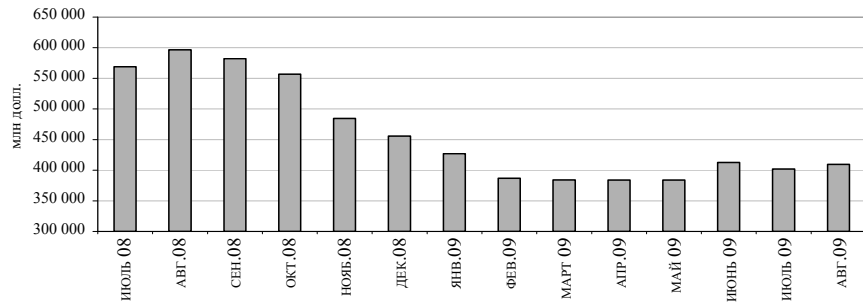
Рис. 9. Объем притока/оттока капитала в Российскую Федерацию в 2007 и 2008 гг., млрд долл.

Нынешнее руководство страны неплохо понимает, что такое кризисное управление. Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы осознать, что хорошая жизнь закончилась, придется принимать тяжелые, нередко непопулярные решения, чтобы сохранить финансовую стабильность, перспективы экономического роста. Руководство нашей страны, пусть на несколько месяцев позже, чем хотелось бы, ответило на вызов изменившейся экономической конъюнктуры разумными мерами — повышением процентной ставки, отказом от авантюры в налоговой политике, пересмотрело программу бюджетных расходов. Россия была подготовлена к волне снижения цен на свои важнейшие экспортные товары: был создан Стабилизационный фонд, в 2008 г. преобразованный в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, накоплены крупные международные резервы (см. рис. 10; 11).



Источники: Минфин России; Росстат; Экономическая экспертная группа.

Рис. 10. Размер Стабилизационного фонда Российской Федерации и совокупный объем средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния (2004–2008 гг., % ВВП; январь — июль 2009 г., млрд долл. на конец периода)



Источник: ЦБ РФ — <http://www.cbr.ru>

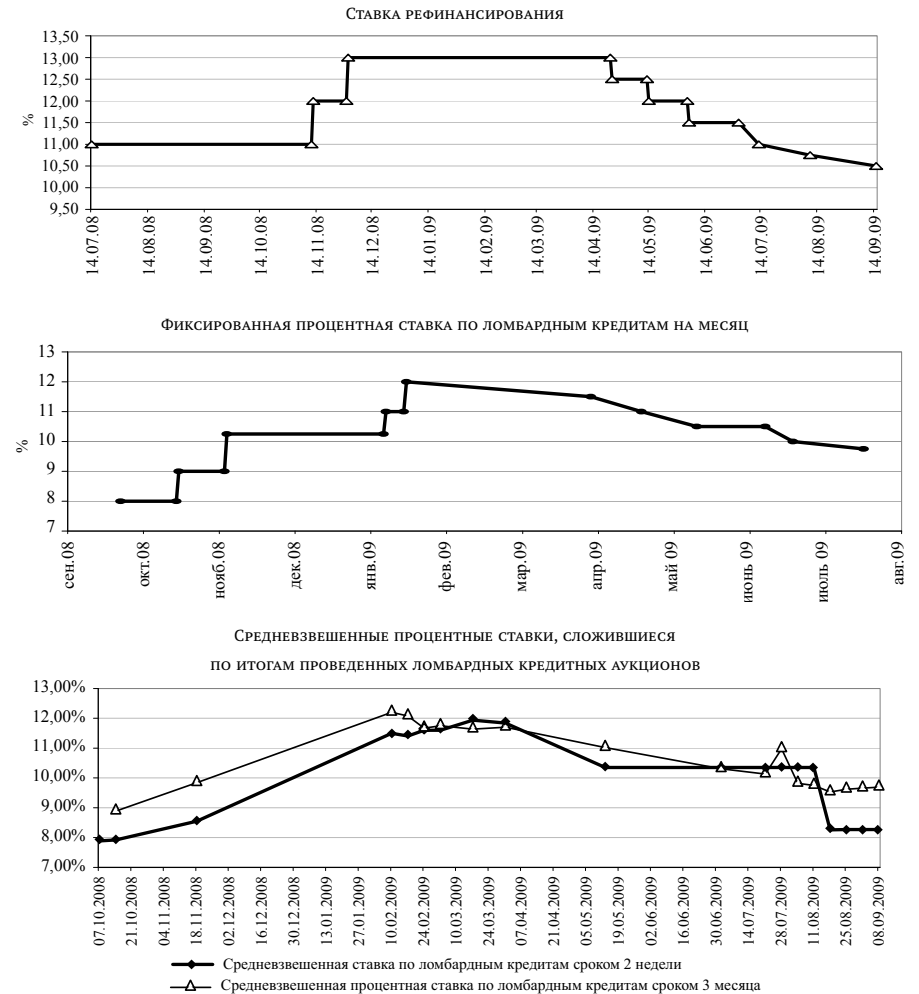
Рис. 11. Объем золотовалютных (международных) резервов Российской Федерации в июле 2008 — августе 2009 гг. (на конец месяца), млн долл.

Это позволило российской экономике адаптироваться к изменившимся условиям мировой экономики без финансовой катастрофы. Золотовалютные резервы России в период денежной стабилизации в 1997 г. были примерно в 25 раз меньше, чем те, с которыми наша страна встретила новый глобальный экономический кризис.

Можно спорить о том, была ли политика плавного снижения курса рубля по отношению к корзине мировых резервных валют, которую российские денежные власти решили проводить с начала осени 2008 г., и повышения процентных ставок, оптимальной, нужно ли было проводить эти меры раньше и энергичнее (см. рис. 12; 13). Но результат налицо — с середины января 2009 г. мы перестали терять международные резервы (см. рис. 11).

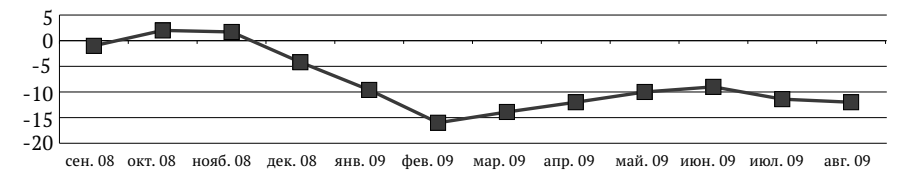
Во время экономического кризиса, повлекшего за собой падение цен на важнейшие товары, которые экспортирует Россия, условия проведения внешнеэкономической политики изменились. Мажорная тональность¹ обсуждения успехов политики последних десяти лет, пример которой приводится в сноске, угасла.

¹ Из выступления В. В. Путина на Госсовете 8 февраля 2008 г.: «И, наконец, Россия вернулась на мировую арену как сильное государство — государство, с которым считаются и которое может постоять за себя. Мы накопили серьезный внешнеполитический капитал, и он работает на развитие страны, защиту интересов граждан и национального бизнеса. Приведу только несколько цифр. За последние восемь лет накопленный объем иностранных инвестиций в российскую экономику вырос не на какие-то проценты — в 7 раз. Напомню, что в предыдущий период чистый отток капиталов — и вы это хорошо знаете — ежегодно составлял 10–15–20, а то и 25 миллиардов долларов. А в 2007 году отмечен рекордный абсолютный приток капитала в Россию — 82,3 миллиарда долларов». См.: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>.



Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

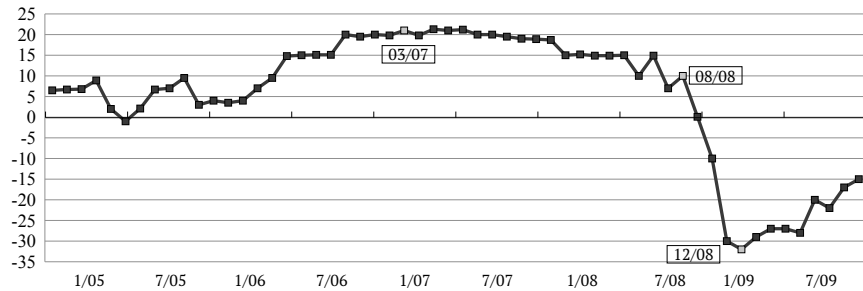
Рис. 12. Процентные ставки ЦБ по предоставлению ликвидности в 2008–2009 гг.



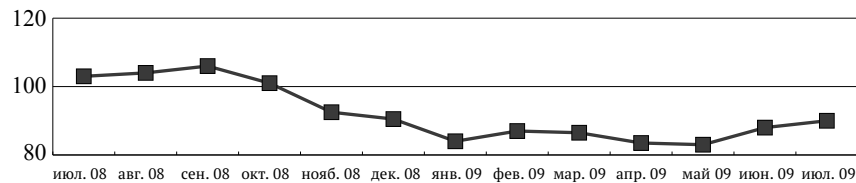
Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

Рис. 13. Номинальный эффективный курс рубля к иностранным валютам, % к декабрю 2007 г.

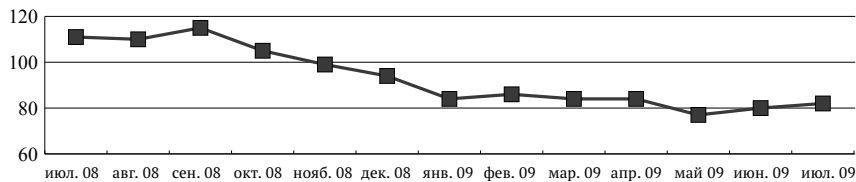
Принятые меры позволили остановить сокращение золотовалютных резервов, переломить тенденцию обесценения рубля, избежать полномасштабного банковского кризиса. Однако в условиях глобального кризиса за подобные решения приходится платить. Неизбежной платой стало падение промышленного производства, инвестиций, реальных доходов населения, радикально изменилась ситуация на рынке труда (см. рис. 14–18).



ПРИМЕЧАНИЕ. Последняя точка графиков — август 2009 г. (последнее обновление — 09.09.2009 г.).
Источник: ИЭПП (http://www.iet.ru/files/text/industrial_survey/IPO/2009/IPO-09.09.09.pdf).
Рис. 14. Индекс промышленного оптимизма в январе 2005 — августе 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года

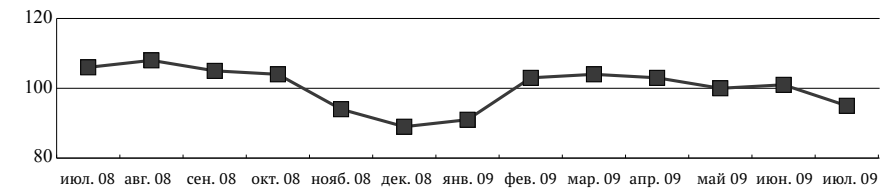


Источник: Росстат — http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d06/2-2-0.htm
Рис. 15. Индекс промышленного производства в Российской Федерации в июле 2008 — июле 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года



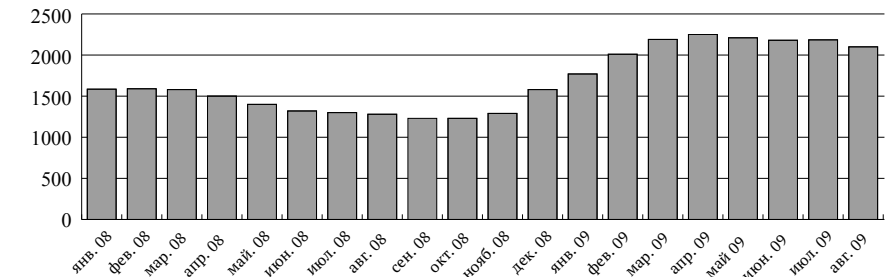
* Оценка.

Источник: Росстат — http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d06/1-0.htm
Рис. 16. Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации в июле 2008 — июле* 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года



Источник: Росстат — http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d06/1-0.htm

Рис. 17. Реальные располагаемые денежные доходы населения в Российской Федерации в июле 2008 — июле 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года



Источники:

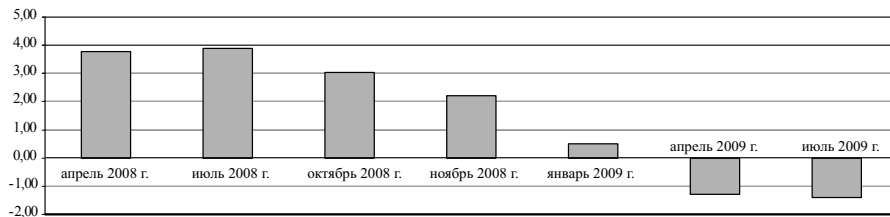
1. Росстат — http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_02/Main.htm
2. Минздравсоцразвития России — www.minzdravsoc.ru

Рис. 18. Численность официально зарегистрированных безработных в государственных учреждениях службы занятости населения в январе 2008 — августе 2009 гг., на конец месяца, тыс. чел.

Снизившийся спрос на важнейшие экспортные ресурсы России, изменение динамики внутреннего спроса, сокращение темпов роста доходов населения — все это требует изменений на микроуровне: повышения производительности труда, улучшения контроля над расходами, концентрации производства на наиболее эффективных предприятиях, активной политики создания рабочих мест в малом бизнесе, развития микрокредитования. Разумеется, можно и нужно говорить о социальной ответственности крупного бизнеса, ограничении престижного потребления, сокращении флотов частных яхт и личных самолетов. Но надо понимать: фундаментальные проблемы повышения конкурентоспособности российской экономики в посткризисных условиях только этими мерами не решить. Если пытаться административными мерами сохранить сложившу-

юся неконкурентоспособную структуру экономики, последствия для долгосрочных перспектив развития страны будут тяжелыми.

Ключевой вопрос экономической политики России в данный момент, в условиях уже случившегося мирового экономического кризиса — его продолжительность.

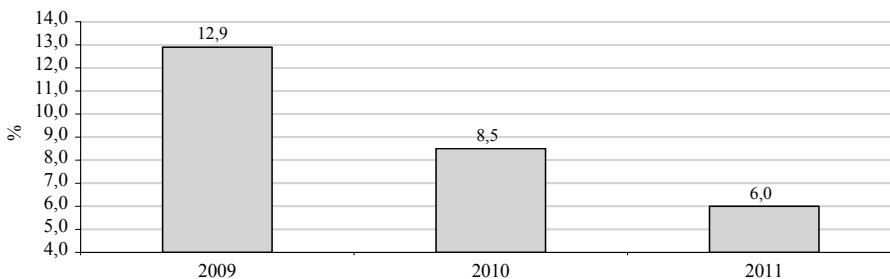


Источник: МВФ — World Economic Outlook: Contractionary Forces Receding But Weak Recovery Ahead. 2009. July — <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/update/02/index.htm>

Рис. 19. Динамика прогнозов МВФ темпов мирового экономического роста в 2009 г., % к предыдущему году

То, что нынешний кризис самый глубокий со времен Великой депрессии, признано мировыми экспертными сообществами. Но вопрос о том, прошли ли мы пик кризиса — предмет дискуссии. Одни специалисты уверены в том, что пик кризиса позади. К сожалению, это те же специалисты, которые годом ранее говорили, что кризиса не будет.

Другие квалифицированные специалисты обращают внимание на то, что возможности европейских, американских и китайских властей стимулировать экономику беспрецедентными вливаниями средств неограниченны (см. рис. 20).



Источник: Federal Office of Management and Budget: Budget of the US Government Fiscal Year 2010, Updated Summary Tables — <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/fy2010/assets/summary.pdf>

Рис. 20. Прогноз дефицита государственного бюджета США в 2009–2011 гг., % ВВП

На этом фоне проблемы с невыплатами по займам кредитов коммерческим банкам Америки и Европы, с надежностью выплат по ценным бумагам с фиксированным доходом корпорациями — не ясны. Не ясно и то, есть ли вероятность кризиса по образцу мыльного пузыря в Китае, насколько серьезны риски российской банковской системы, связанные с невыполнением обязательств по кредитам.

Ведущие мировые экономики — США, Евросоюз, Китай, Япония — в последние месяцы приняли масштабные и рискованные меры по стимулированию совокупного спроса. На протяжении ближайших месяцев, они, вероятно, дадут результаты. В прессе появятся материалы о том, что кризис позади, пора возвращаться к нормальной жизни.

Боюсь, что ввиду отмеченных неясных проблем, это избыточный оптимизм, за которым стоят финансовые интересы.

В этой ситуации России как стране, не имеющей мировой резервной валюты, стоит продолжать ответственную и консервативную денежную политику, которую власти выбрали, начиная с осени 2008 г. Последствия иных решений, базирующихся на советах тех, кто оптимистично оценивает мировую финансовую конъюнктуру последних месяцев, могут быть опасными.

Принятые российскими властями в последние месяцы макроэкономические решения были ответственными. Они меняют политическую ситуацию в стране. Быть популярным, иметь политическую поддержку, когда за тобой десять лет роста реальных доходов населения на 10% в год, нетрудно. В такой ситуации не нужны масштабные репрессии или манипуляции с выборами. Когда реальные доходы населения под влиянием колебаний конъюнктуры мировых рынков перестают увеличиваться, растет безработица, взрывоопасной становится ситуация в депрессивных регионах, — у власти есть альтернативные стратегии. Первая — ужесточение репрессий по отношению к несогласным. Это напрашивающаяся, но самоубийственная стратегия. Опыт России XX в. наглядно это подтверждает. Рано или поздно у властей, проводящих подобную политику, не оказывается надежного полка, на который можно опереться. И 300-летняя династия Романовых, оказавшаяся 28 февраля 1917 г. в таком положении, наглядное тому подтверждение.

Второй вариант — упорядоченная либерализация режима, восстановление реальной свободы слова, разделение властей, независимость судебной системы, открытость механизма принятия го-

сударственных решений, эффективная борьба с коррупцией. Это непростой путь. Но, как показывает мировой опыт, пройти по нему возможно. Свидетельство тому — опыт Испании после Франко, опыт Тайваня после того, как Гоминдан понял, что не может управлять страной методами, импортированными из Советского Союза, опыт Чили. Это были непростые решения. Но там, где правящая элита была способна реализовывать такую политику, это приводило к позитивным результатам, позволяло уйти от катастрофы. Думаю, что нашей элите стоит извлечь из этого урок.

Развилка: России хватит революций

Есть политики, которым везет и которым не везет. Джордж Буш-старший, выигравший войну в Ираке, проиграл выборы из-за рецессии в США. Президенту США Биллу Клинтону повезло. Главным лозунгом предвыборной кампании Клинтона было: «It's the economy, stupid!». Во времена президентства Клинтона экономика США не пережила ни одного периода спада. Джорджу Бушу-младшему повезло меньше. Его президентство началось с мягкой рецессии 2001 г. и завершилось жестким кризисом 2008-го. Каждый из президентов делал свои ошибки. Но многое было задано развитием экономической ситуации и слабо зависело от руководства страны.

Президент России 2000–2008 гг. Владимир Путин принадлежит к числу политиков, которым везло. Он стал руководителем правительства в 1999 г., когда страна выходила из спада, вызванного переходом от социалистической экономики к рыночной. При его президентстве валовый внутренний продукт рос темпами, близкими к 7% в год, реальные доходы населения повышались примерно на 10% в год. Цены на основные экспортные ресурсы были по историческим меркам аномально высокими. В такой ситуации трудно не быть популярным. Легко убедить и себя, и общество в том, что все эти успехи — заслуга новых властей.

На протяжении последних двух веков мировая экономика развивалась циклично. На рубеже 2007–2008 гг. мир столкнулся с очередным экономическим кризисом.

Опубликовано в: Ведомости. 2009. 16 июня.

На нашу страну кризис оказал влияние по двум основным направлениям. Цены на сырьевые товары, составлявшие основу российского экспорта (нефть, нефтепродукты, газ, металлы), с лета 2008 г. значительно снизились. Приток капитала на российский рынок сменился его масштабным оттоком.

Ведущие мировые экономики — Америка, Евросоюз, Китай, Япония — в последние месяцы приняли масштабные и рискованные меры по стимулированию совокупного спроса. На протяжении ближайших месяцев они, вероятно, дадут результаты. Это обсуждалось на встрече министров финансов ведущих мировых держав, которая прошла 12–13 июня на юге Италии. В прессе появятся материалы, в которых будет говориться, что кризис позади и что пора возвращаться к нормальной жизни.

Боюсь, что это избыточный оптимизм, за которым стоят финансовые интересы. Масштабы проблем в американской и европейской банковских системах не ясны. Непонятно и то, насколько острыми будут в 2010 г. вопросы обслуживания корпоративных облигаций крупных мировых компаний, насколько велик риск кризиса на финансовом рынке Китая, насколько серьезны риски российской банковской системы, связанные с негарантированным выполнением обязательств заемщиков по кредитам. На эти вопросы убедительных ответов нет. Динамика процентных ставок по долгосрочным государственным облигациям США внушает опасение. Риски неблагоприятного развития событий, возможность того, что мир столкнется со второй волной экономического кризиса, нельзя списывать со счетов.

В макроэкономической политике реакция российских властей на изменившуюся ситуацию была запоздалой, но здоровой. Накопленные золотовалютные резервы позволили провести плавное снижение курса рубля по отношению к корзине мировых резервных валют. Повышение базовой процентной ставки ЦБ обеспечило с середины января 2009 г. стабилизацию валютных резервов. Была проведена ревизия бюджетных обязательств, их адаптация к новым финансовым реалиям. Руководство страны отказалось от опасных экспериментов в налоговой политике.

Однако макроэкономикой жизнь не ограничивается. Снизившийся спрос на важнейшие экспортные ресурсы России, изменение динамики внутреннего спроса, сокращение темпов роста доходов населения — все это требует изменений и на микроуровне: повышения

производительности труда, улучшения контроля над расходами, концентрации производства на наиболее эффективных предприятиях, активной политики создания рабочих мест в малом бизнесе, развития микрокредитования. Разумеется, можно и нужно говорить о социальной ответственности крупного бизнеса, ограничении престижного потребления, сокращении флотов частных яхт и личных самолетов. Но надо понимать: фундаментальные проблемы повышения конкурентоспособности российской экономики в посткризисных условиях только этими мерами не решить. Если этого не делать, пытаться административными мерами сохранить сложившуюся неконкурентоспособную структуру экономики, последствия для долгосрочных перспектив развития страны будут тяжелыми.

Меры по реструктуризации производства неизбежно столкнутся с социальным протестом, изменят политическую ситуацию в стране. Перекрытие федеральных трасс и железных дорог может стать массовым явлением. Это будет другая реальность, в которой надо будет вести иную политику. Попытка решить проблемы, закрыв на них глаза, повторение опыта позднего Советского Союза, руководители которого не желали принимать реальность изменившегося мира, может дорого обойтись стране. Писал об этом в книге «Гибель империи. Уроки для современной России». Боюсь, что эти уроки сегодня актуальны.

Происходящее в нашей экономике имеет политические последствия. Управлять Россией, когда реальные доходы населения растут на 10% в год, занятие приятное. В таких условиях для сохранения власти и популярности политические репрессии и манипуляции с выборами не нужны. Руководить страной, когда реальные доходы населения снижаются, а число безработных быстро растет, занятие тяжелое.

В этой ситуации у российских властей есть два альтернативных варианта действий. Первый — ужесточение политических репрессий. Как показывает исторический опыт, это путь к революции и катастрофе. Раньше или позже, но у власти не окажется ни одного надежного полка. Второй сценарий — демократизация режима, разделение ветвей власти, восстановление независимости прессы, реальных выборов, федерализма, независимости судебной системы — всего того, что позволяет обществу приспособиться к реалиям меняющегося мира.

Это путь непростой, его не пройдешь за несколько месяцев, но многие страны на этом пути преуспели. Испания после Франко —

самый яркий, но отнюдь не единственный тому пример. Надеюсь, что наши власти выберут такую стратегию адаптации к изменившимся условиям мирового развития. Двух революций, которые пережила страна в XX в., нам хватит.

Кризис и Россия

В журнале «Экономическая политика» уже публиковались мои статьи о влиянии цикличности мирового экономического роста на российскую экономику и политику¹. Анализировать незавершившийся экономический кризис — занятие, опасное для профессиональной репутации. Тем не менее влияние кризиса на жизнь страны слишком серьезно, чтобы можно было оставить анализ происходящего экономическим историкам будущего.

Институт экономики переходного периода подготовил и опубликовал две книги о влиянии процессов замедления мирового экономического роста на Россию². Всемирный банк принял сходное решение, и в ноябре 2009 г. представил книгу, посвященную воздействию кризиса на экономики с развивающимися рынками. Первоначально она была задумана как книга о двадцатилетии переходного периода, но острота проблем, порожденных кризисом, заставила авторов пересмотреть приоритеты³.

Глобальный экономический кризис, особенно столь глубокий, как нынешний, — процесс динамичный. Экономическая конъюнктура меняется, прогнозировать ее непросто. Позволю себе еще раз обратиться к вопросу о том, как происходящее в мировой экономике влияет на Россию.

Опубликовано в: Экономическая политика. 2009. № 6.

¹ См.: Гайдар Е. Головокружение от успехов // Экономическая политика. 2008. Август. № 3. С. 5–19; Гайдар Е. Мировой экономический кризис: последствия для российской политики // Экономическая политика. 2009. № 4. Август. С. 37–46.

² См.: Финансовый кризис в России и в мире / Под ред. Е. Гайдара. М.: Проспект, 2009; Мировой финансовый кризис: Исторические параллели и пути выхода / Под ред. Е. Гайдара, В. Мау. М.: Альпина Паблишерз, 2009.

³ См.: Mitra P., Selowsky M., Zalduendo J. Turmoil at Twenty: Recession, Recovery, and Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: The World Bank, 2010.

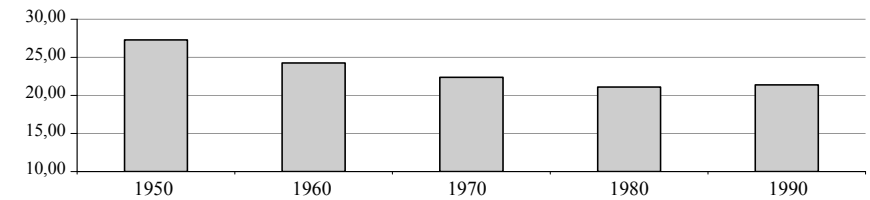
Для большей части экспертного сообщества экономический кризис стал полной неожиданностью, она не смогла его предсказать. Это не следствие недостаточных усилий или низкой квалификации экономистов. Скорее, это закономерный результат коренных изменений в мировой экономике, которые возникли еще на рубеже XVIII–XIX вв., и которые Саймон Кузнец назвал современным экономическим ростом. Ныне экономика мира быстро (и часто непредсказуемо) меняется. За ускорением темпов роста душевого ВВП, связанными с ним изменениями социальных показателей следуют новые вызовы. Один из них — влияние цикличности экономического развития отдельных стран — лидеров экономического роста на ситуацию в мировой экономике в целом. Другой — трансформация (прежде всего — глобализация) мировой финансовой системы, определившая природу кризисов последнего времени.

Бреттон-Вудская система, сформированная в 1944 г., оказалась неустойчивой. Она предполагала высокий уровень ответственности страны, обладающей доминирующей мировой резервной валютой — США — за качество своей бюджетной политики. На фоне экспансии социальных обязательств, войны во Вьетнаме, ослабления денежной политики сохранить уровень доверия к доллару, сопоставимый с доверием к золоту до Первой мировой войны, не удалось.

С начала 70-х гг., после отказа властями США от обмена долларов на золото по фиксированной цене, в мире фактически установился новый денежный режим. Хотя формально Бреттон-Вудская система не была отменена, ее основные характеристики серьезно изменились. Теперь она основана на плавающих курсах ведущих мировых валют, на открытых каналах перетока капитала. Эта организация финансового мира возникла недавно, ее устройство неясно. Число точек, позволяющих понять, как она работает, доступных для анализа, ограничено.

Природа периодов замедления экономического роста в странах — лидерах экономического роста в первые десятилетия после Второй мировой войны в целом была понятной. Происходившее в Америке во многом определяло экономическое положение всех стран мира, поскольку роль США в мировой экономике в это время была доминирующей (см. рис. 1).

Серьезную роль в развитии экономической ситуации в мире играла экспансия государственных обязательств США, ослабление



Источник: *Maddison A. Historical Statistics of the World Economy: 1-2006 AD. 2009. March* — <http://www.ggdc.net/maddison/>

Рис. 1. Доля экономики США в мировом ВВП в 1950, 1960, 1970, 1980, 1990 гг., %

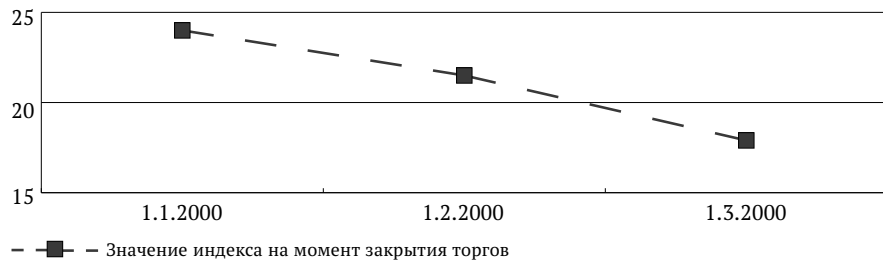
денежной политики, повышение темпов инфляции, вслед за которыми следовали антиинфляционные меры, повышение уровня безработицы, а затем новое ослабление бюджетной политики.

После открытия многими странами рынков капитала, глобализации мировой экономики, стало еще сложнее прогнозировать изменения конъюнктуры, в том числе кризисы. Квалифицированные эксперты, работавшие в 1990-е гг. в казначействе США, в Международном валютном фонде до последнего момента не предвидели ни мексиканского кризиса 1994 г., ни кризиса 1997–1998 гг., начавшегося в Юго-Восточной Азии, затем распространившегося на страны СНГ, Латинской Америки¹.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. были опубликованы работы, в которых высказывалась озабоченность быстрым ростом курсов акций высокотехнологичных компаний США². Но мало кто предполагал, что крушение «мыльного пузыря» (см. рис. 2) станет поводом для рецессии США, общего замедления глобального экономического роста.

¹ *DeLong J. B. and Eichengreen B. Between Meltdown and Moral Hazard: The International Monetary and Financial Policies of the Clinton Administration. University of California at Berkeley and NBER. 2001. July; Crafts N. East Asian Growth Before and After the Crisis. IMF Staff Paper. 1999. June. Vol. 46. № 2; Berg, A. The Asia Crisis: Causes, Policy Responses, and Outcomes. IMF Working Paper, 1999; Kochhar K., Loungani P., Stone M. R. The East Asian Crisis: Macroeconomic Developments and Policy Lessons. IMF Working Paper 99/28, 1998. August; Balino T. J. T., Ubide A. The Korean Financial Crisis of 1997 – A Strategy Financial Sector Reform. IMF Working Paper 99/28. 1999. March. Разумеется, это не означало, что никто из специалистов не обращал внимание на накапливающиеся в Юго-Восточной Азии проблемы. См., например: *Krugman P. The Myth of Asia's Miracle//Foreign Affairs. 1994. Nov/Dec Vol.73. P. 62–78.* Однако и рынки, и большая часть экспертного сообщества в вероятность глубокого кризиса Юго-Восточной Азии не верили.*

² Warren Buffett: 'I told you so'. BBC News world edition. 2001. March. Tuesday 13 — <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/1217716.stm>; IMF world economic Outlook (WEO). Recessions and recoveries. 2002. April - <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2002/01/index.htm>



Источник: www.nasdaq.com.

Рис. 2. Динамика индекса NASDAQ-100, 1 января 2000 — 1 марта 2000 г.

Удар по американской экономике, нанесенный крахом рынка высокотехнологичных акций, был дополнен экономическими последствиями террористических актов, совершенных 11 сентября 2001 г.

Прогнозировать сочетание подобных событий практически невозможно. Между тем замедление темпов роста американской экономики серьезно сказалось на происходившем в мире (см. рис. 3).



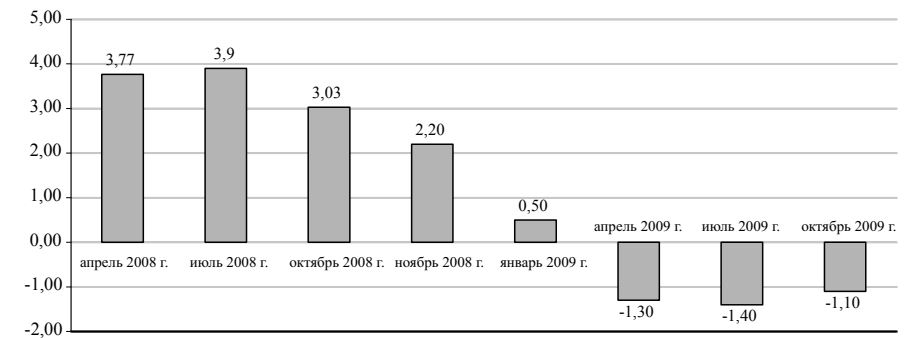
Источник: IMF World Economic Outlook, October 2009 — <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/download.aspx>

Рис. 3. Темпы роста мирового ВВП в 2000–2002 гг., % по отношению к предшествующему году

Кризис 2008–2009 гг. для ведущих международных финансовых институтов также оказался неожиданностью (см. рис. 4).

В конце 2007 — начале 2008 гг. было широко распространено представление о том, что рецессии в Америке не будет, а если она и случится, то не окажет серьезного влияния на происходя-

щее в мире, что мир будет продолжать динамично развиваться¹. Еще в конце лета 2008 г. многие в России были убеждены в том же².



Примечание. По горизонтальной оси — даты, когда были сделаны прогнозы.

Источник: IMF, World Economic Outlook за разные месяцы 2008–2009 гг. — www.imf.org

Рис. 4. Корректировка прогнозов МВФ темпов мирового экономического роста в 2009 г., % к предыдущему году

Эти надежды оказались призрачными. Осенью 2008 г., когда обанкротился банк Лемон Бразерс, а Национальное бюро экономических исследований США объявило, что американская экономика с конца 2007 г. находится в состоянии рецессии³, осознание того, что мы, видимо, столкнулись с самым глубоким кризисом мировой

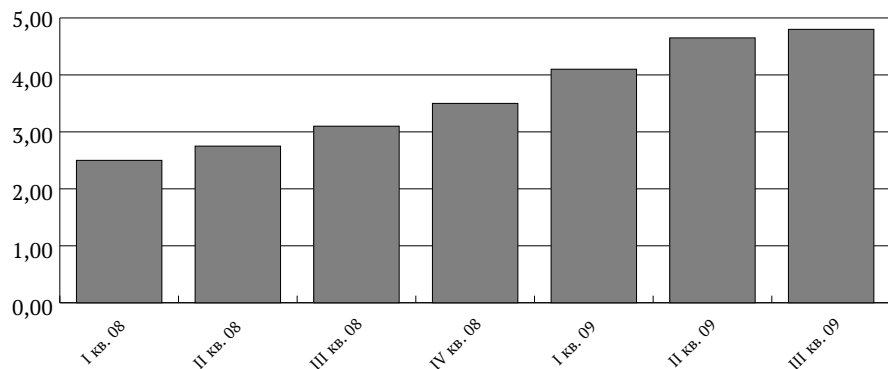
¹ См.: Chandra S. U. S. September Retail Sales Rise More Than Forecast. - <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=ajcgcopCXqkA&refer=home>

² «Прежде всего, ипотечный кризис в США, похоже, подходит к концу. Его пик пришелся на февраль этого года, и в течение последних четырех месяцев ситуация постепенно улучшается. Кроме того рецессии в США нет и, весьма вероятно, в 2008 г. уже не случится. Когда Гайдар заговорил о рецессии в январе 2008 г., ее вероятность рынком фьючерсов оценивалась в 80%. Тогда я рискнул высказать свое несогласие с прогнозом Гайдара и предположил, что рецессии, скорее всего, не будет. За прошедшие 6 месяцев рецессия не наступила.» См.: Как либерал нелибералу. Интервью А. Илларионова Л. Тельне. 2008. 1 августа. - <http://www.izbrannoe.ru/43508.html>

³ 28 ноября 2008 г. Комитет по датам о деловых циклах Национального бюро экономических исследований США, наиболее авторитетный орган, занимающийся хронологией начала и завершения рецессий в США, решил, что пик экономической активности в США был достигнут в декабре 2007 г. С этого времени экономика страны находится в состоянии рецессии. См.: Determination of the December 2007 Peak in Economic Activity. Version of December 11, 2008. - <http://www.nber.org/cycles.html>

экономики со времен Великой депрессии, становится распространенным¹ (см. рис. 5).

В январе 2009 г. известный американский экономист Н. Рубини, один из первых заговоривший о вероятности глубокого экономического кризиса, писал, что Соединенные Штаты наверняка переживают сильнейшую рецессию за последние десятилетия, что высока вероятность глубокого продолжительного снижения производства, которое продлится, по меньшей мере, до конца 2009 г., что даже в 2010 г. экономическое восстановление может быть крайне слабым — однопроцентный рост или близкий к этому². Позже его прогнозы стали более пессимистичны. Он говорит о вероятности того, что рецессия продлится до конца 2010 г.³



* Сглаженная сезонно.

** Квартальные данные рассчитаны как среднее арифметическое на основе имеющихся месячных показателей.

Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNEMPLOY/downloaddata?cid=12>

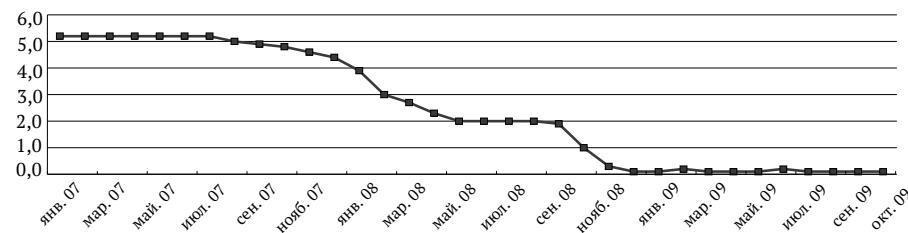
Рис. 5. Численность безработных в США*, I квартал 2008 г.— III квартал 2009**, % от общей численности населения

¹ См.: *Stanton E. U. S. Stocks Post Steepest Yearly Decline Since Great Depression* — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=a5RkfQG30k1k>; *Kueffner S. Andean Region Must Integrate to Face World Crisis, Leaders Say.* http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601086&sid=aV1G7GCvfwew&refer=latin_america

² См.: *Roubini Says Worst Still Is Ahead of Us: Year in Review.* <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aUy55wEBqrB8> Last Updated . 2009. January 1

³ См.: *Thomas Ch. Roubini Says Recession May Continue Until End of 2010 (Update1)* http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=ayVsI_55G8.0 Last Updated. 2009. March 6.

Реакция американских денежных властей на происходящее была быстрой и энергичной¹. Базовая процентная ставка была резко снижена. Однако возможности ослабления денежной политики в условиях кризиса не безграничны. К январю 2009 г. они были исчерпаны (см. рис. 6).



Источник: Federal Reserve, Federal Reserve Statistical Release — <http://www.federalreserve.gov/releases/h15/data.htm>

Рис. 6. Базовая процентная ставка по федеральным фондам США в январе 2007 — октябре 2009 г., %

Это заставило американские власти все в больших объемах использовать бюджетные стимулы увеличения совокупного спроса (см. рис. 7).



* Ввиду отсутствия данных об объеме ВВП в месячном выражении, февралю 2008 г. соответствует ВВП в I квартале 2008 г., октябрю 2008 и 2009 гг. — ВВП в III квартале, соответственно.

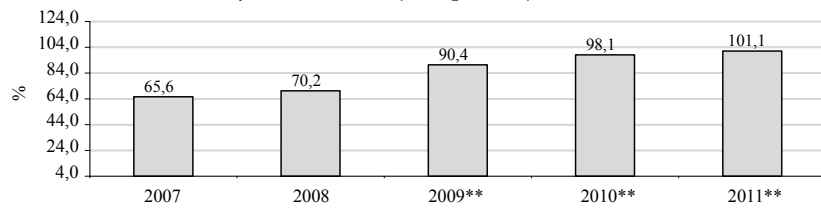
ПРИМЕЧАНИЕ. Пакет бюджетных и финансовых стимулов, предложенный администрацией Дж. Буша в феврале 2008 г., составил 168 млрд долл. США, его размер в октябре был увеличен до 700 млрд долл. США, и администрацией Б. Обамы в феврале 2009 г. — до 787 млрд долл. США.

Источники: http://www.rian.ru:80/us_news/20081124/155800218.html; <http://top.rbc.ru/economics/14/02/2009/280613.shtml>.

Рис. 7. Пакет бюджетных и финансовых стимулов, предложенный администрацией Дж. Буша в 2008 г. и администрацией Б. Обамы в 2009 г., % ВВП*

¹ Возможно, сказалось и то, что председатель федеральной резервной системы США Бен Бернанке, специалист по Великой депрессии. В 1979 г. Бернанке получил степень доктора философии в Массачусетском Технологическом Институте. В аспирантуре Бернанке изучал денежную экономику. Тема диссертации «Долгосрочные обязательства, динамическая оптимизация и экономические циклы» (англ. «Long-term Commitments, Dynamic Optimization, and the Business Cycle»). Наиболее известная его работа посвящена Великой депрессии. *Bernanke Ben S. Essays on the great depression.* Princeton: Princeton univ. press, 2000.

Однако и возможности маневра в бюджетной политике не безграничны. Быстрый рост отношения государственного долга США к ВВП свидетельствует об этом (см. рис. 8).



* Валовой федеральный долг.

** Прогноз.

Источник: Federal Office of Management and Budget: Budget of the US Government Fiscal Year 2010, Updated Summary Tables — <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/fy2010/assets/summary.pdf>

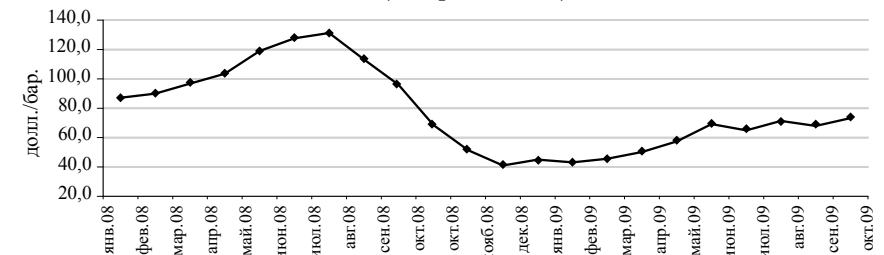
Рис. 8. Государственный долг* США в 2007–2011 гг., % ВВП (на конец года)

Россия столкнулась с вызовами, порожденными глобальным экономическим кризисом, в своеобразных условиях. В конце 1980-х гг. — большей части 1990-х гг. наша страна переживала тяжелые последствия банкротства и краха советской экономики. Лишь к концу 1990-х гг., когда были созданы основные институты частной и рыночной экономики, когда участники экономического процесса к ним приспособились, в стране начался экономический рост. Прерванный на короткое время кризисом 1998 г., этот рост в целом продолжался 10 лет. Была обеспечена финансовая стабильность, бюджеты сводились с профицитом. Серьезной проблемой стали высокие темпы роста золотовалютных резервов. Для денежных властей это осложнило проведение антиинфляционной политики. На этом фоне легко понять формирование атмосферы агрессивного оптимизма, хорошо видимого по официальным документам начала — середины 2000-х гг.¹

¹ «За десятилетие мы должны как минимум удвоить валовый внутренний продукт страны. Удвоение ВВП — это системная и, конечно же, масштабная задача. Она потребует глубокого анализа и уточнения существующих подходов к экономической политике. ...Убежден, в России уже есть все условия для постановки и реализации подобных задач, есть возможности реально заняться масштабным строительством современной и сильной экономики, а в конечном итоге формированием государства, конкурентоспособного во всех смыслах этого слова.» См.: Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г. — <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации от 31 октября 2007г. — <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/welcome/legislation/documentsofministry/doc1193835322297>

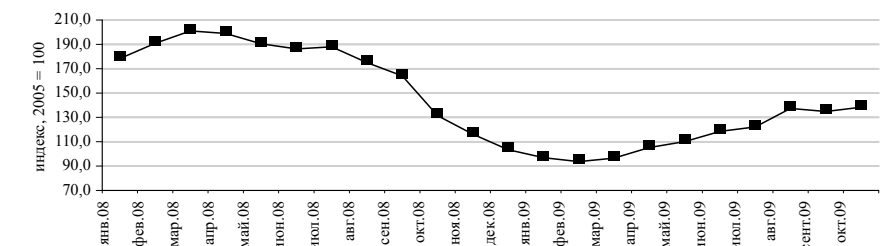
Однако некоторые уроки из краха советской экономики были извлечены. В конце 2003 г. было принято решение о создании Стабилизационного фонда, позднее преобразованного в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Бюджетная политика оставалась консервативной. Бюджет был разделен на две части, одна из которых не зависит от конъюнктуры нефтегазового рынка, другую часть формировали нефтегазовые доходы. Был установлен верхний предел субсидий, предоставляемых общему бюджету от нефтегазовых доходов¹.

Снижение темпов глобального экономического роста оказало влияние на российскую экономику по двум основным каналам. Это, во-первых, снижение спроса на важнейшие сырьевые товары, составляющие основу экспортного потенциала России, и связанное с этим снижение цен на них (см. рис. 9; 10).



Источник: МВФ.

Рис. 9. Фактическая цена на нефть марки Brent в январе 2008 — октябре 2009 гг., долл. за баррель

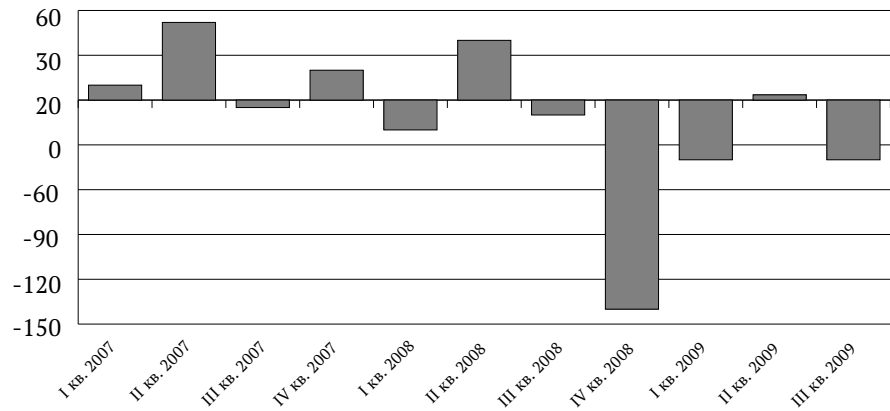


Источник: МВФ.

Рис. 10. Индекс цен мирового рынка металлов, в январе 2008 — октябре 2009 гг. (2005 г. = 100)

¹ См.: «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года». Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1663-р от 17.11.2008 г.; «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17.11.2008 г.

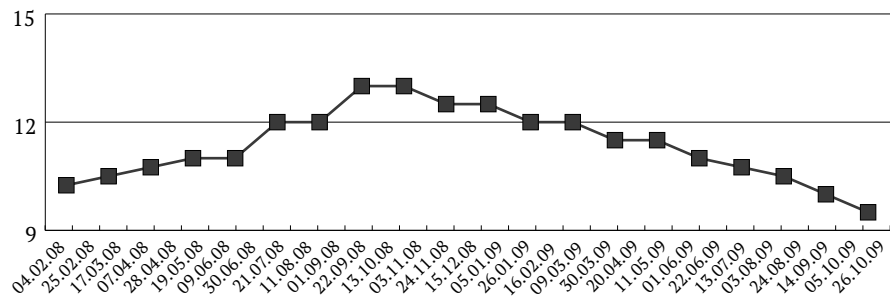
Во-вторых, изменение направления потока капитала (см. рис. 11).



Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

Рис. 11. Сумма притока/оттока капитала в Российской Федерации, I кв. 2007 г. — III кв. 2009 г., млрд долл.

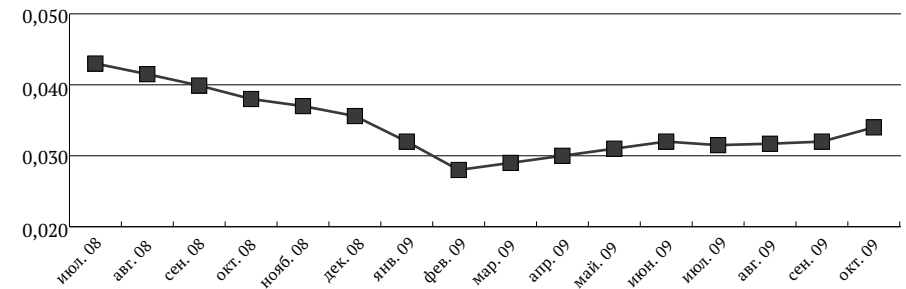
Реакция российских властей на кризис запоздала на 6–9 месяцев. Она была разумной, но асимметричной по отношению к экономической политике стран, обладающих резервными валютами: не снижение, а повышение процентной ставки, снижение обменного курса национальной валюты по отношению к доллару (см. рис. 12; 13).



Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

Рис. 12. Ставка рефинансирования ЦБ РФ в феврале 2008 г. — октябре 2009 г., %

Причины асимметричной реакции процентной политики в России на кризис относительно того, что делалось в крупнейших мировых экономиках, в первую очередь в США, Евросоюзе, понять нетрудно. Рубль не является мировой резервной валютой, поэтому возможности ослабления денежной политики у России были ограниченными. В условиях

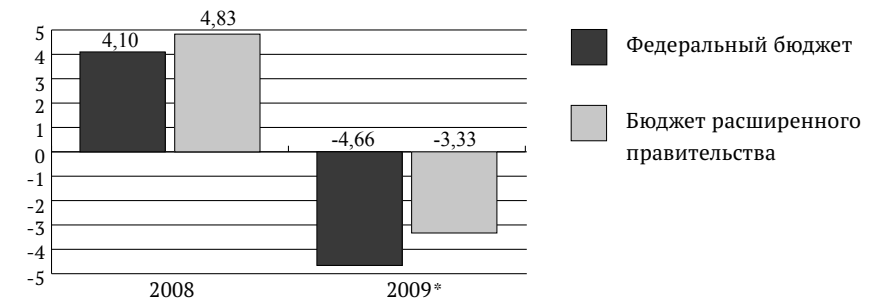


Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

Рис. 13. Номинальный обменный курс рубля по отношению к доллару в июле 2008 — октябре 2009 гг., долл. за руб. (средний за месяц)

оттока капитала с развивающихся рынков и сохраняющейся высокой инфляции важнейшими задачами было сохранение золотовалютных резервов и торможение инфляционных процессов.

На фоне изменившейся конъюнктуры, ситуация с бюджетом радикально ухудшилась (см. рис. 14).



* 9 месяцев 2009 г.

Источники: Росказна; Росстат.

Рис. 14. Дефицит (–) профицит (+) федерального бюджета и бюджета расширенного правительства Российской Федерации в 2008–2009 гг., % ВВП

Сказалось и резкое падение налогов на добычу полезных ископаемых и экспортных пошлин, наиболее тесно связанных с конъюнктурой сырьевых рынков, и неготовность властей в радикально изменившихся условиях осуществить меры, направленные на ограничение бюджетных расходов пределами финансовых возможностей государства.

Однако отказ от активно обсуждавшихся на высоком уровне мер по снижению ставок или изменению структуры налогов, в

наименьшей степени зависящих от цен на нефть¹ (НДС, налог на доходы физических лиц), позволил избежать бюджетной катастрофы. В условиях изменения внешнеэкономической конъюнктуры именно эти налоги остались базой стабильности бюджета (см. табл. 1).

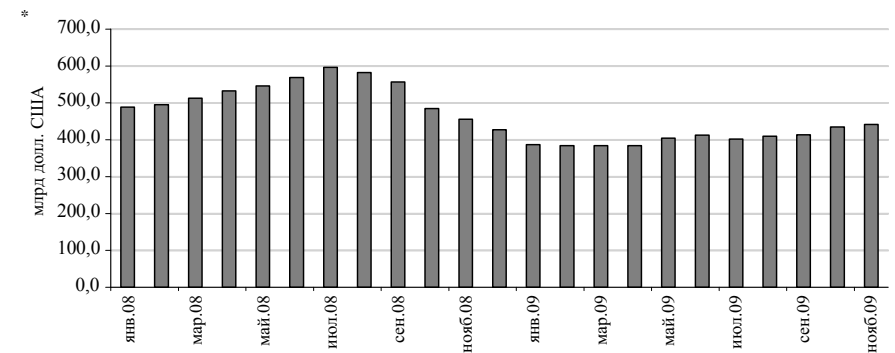
Таблица 1. Налоговые поступления в бюджетную систему РФ за январь–октябрь 2008 и 2009 гг., в % ВВП

	Январь–октябрь 2008 г.	Январь–октябрь 2009 г.
Налог на прибыль	6,56	3,29
НДФЛ	3,87	4,13
НДС	5,30	5,29
НДПИ	4,49	2,56
Экспортные таможенные пошлины	6,65	4,07

Источник: Росказна.

В результате принятых мер, в первую очередь повышения процентной ставки, существенного снижения курса рубля к корзине основных резервных валют, начиная с середины января 2009 г. удалось остановить падение международных резервов (см. рис. 15).

¹ «Первое, о чем недавно говорилось Президентом: как можно быстрее нужно принять закон, определяющий сроки перехода на единую пониженную ставку НДС. Параллельно можно было бы продолжить анализ целесообразности и другого шага. А именно — замены НДС на налог с продаж. Исходя из того, что полностью решить проблемы вычетов, да и, по сути, воровства НДС из бюджета, от которых страдают наши налогоплательщики и налоговые органы, не удалось даже наиболее передовым странам Евросоюза.» Из Стенограммы выступления первого заместителя председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме. 15 февраля 2007 г. -<http://krsk.kp.ru/daily/24049/103037/>; «На встрече Президента с руководством Госдумы спикер Грызлов и Президент Путин обменялись мнениями о предпочтительном размере НДС. Грызлов предложил снизить НДС в качестве первоочередной меры будущего кабинета: «И ставка должна быть единой, и не должна быть больше сегодняшней льготной ставки НДС, то есть 10%. Надо реально готовиться к тому, чтобы снизить ставку НДС до 10%», — сказал спикер». См.: Путин предложил «очень осторожный» подход к снижению НДС. 11 марта 2008 г. -<http://www.newsru.com/finance/11mar2008/nds.html>; «Руководитель экспертного управления Президента РФ Аркадий Дворкович считает, что ставка НДС может измениться с 18% до 12-13%». См.: Дворкович А.: ставка НДС может быть уменьшена до 12-13%. 8 февраля 2008 г. -<http://www.newsru.com/finance/08feb2008/dvorkovitch.html>; Дворкович А.: Снижение НДС надо рассматривать как инвестпроект. - <http://kp.by/daily/24124.4/345319/>

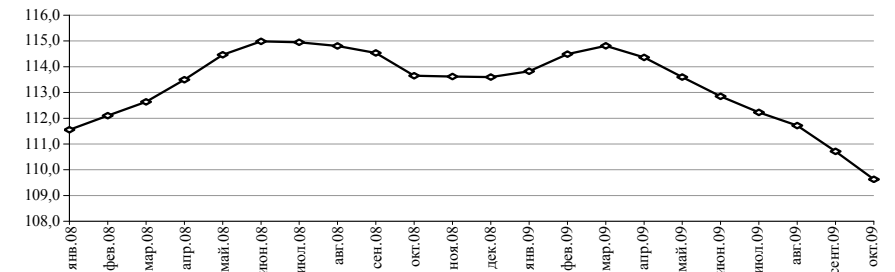


По состоянию на 13 ноября 2009 г.

Источник: ЦБ РФ — www.cbr.ru

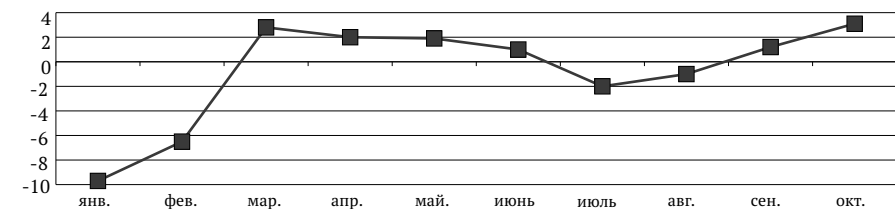
Рис. 15. Международные резервы Российской Федерации в январе 2008 — ноябре* 2009 гг., млрд долл.

Еще одним следствием изменения финансовой и денежной политики стало снижение темпов инфляции, стабилизация курса национальной валюты (см. рис. 13) и предотвращение банковской паники (см. рис. 16; 17; 18).



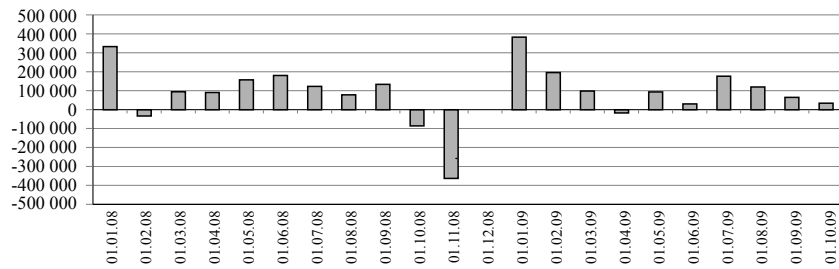
Источник: Росстат.

Рис. 16. Темпы инфляции в Российской Федерации в январе 2008 — октябре 2009 гг., % к соответствующему периоду предшествующего года



Источник: ЦБ РФ.

Рис. 17. Индекс номинального эффективного курса рубля к иностранным валютам за январь–октябрь 2009 г., % прироста к предыдущему периоду

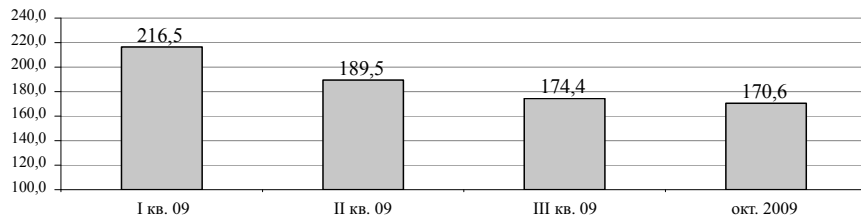


Источник: Рассчитано на основе данных ЦБ РФ.

Рис. 18. Прирост вкладов населения Российской Федерации в банках в январе 2008 — октябре 2009 гг., млн руб. на 1 число каждого месяца

Пока Россия сумела избежать развития кризиса по катастрофическому сценарию, напоминающему то, что происходило и происходит в Латвии, или на Украине¹.

Плата за сохранение финансовой стабильности оказалась немалой. Развитие событий в 2008–2009 гг. наглядно показало, насколько своевременным было решение о создании Стабилизационного фонда (см. рис. 19).



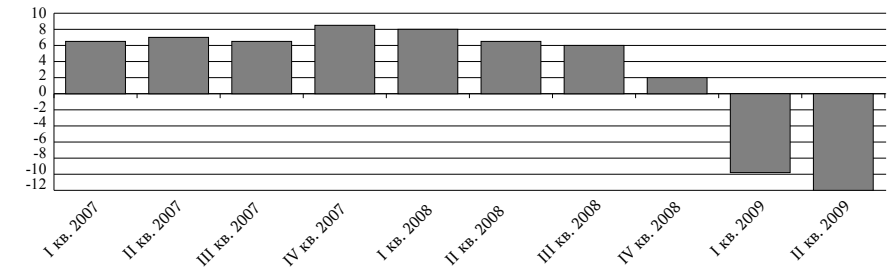
Источник: Квартальные показатели рассчитаны как среднее арифметическое на основе месячных данных Минфина России.

Рис. 19. Совокупный объем Резервного фонда и Фонда национального благосостояния Российской Федерации в I кв. 2009 — октябре 2009 гг., млрд долл (на конец периода)

¹ В Латвии в первом квартале 2009 г. реальный ВВП упал на 18%. К концу июня число зарегистрированных безработных выросло до 11,5% по сравнению с 7% в конце 2008 г. На Украине по прогнозам МВФ ВВП в 2009 г. снизится на 14%. Общие финансовые обязательства Украины на 2009 г. составляют примерно 41 млрд долл. При оптимистичном прогнозе общие возможности мобилизации финансовых ресурсов для финансирования обязательств не превышают 31 млрд долл. См.: Republic of Latvia: First Review and Financing Assurances Review Under the Stand By Arrangement, Requests for Waivers of Nonobservance of Performance Criteria, and Rephasing of Purchases Under the Arrangement. - <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2009/cr09297.pdf>; Ukraine: Second Review Under the Stand-By Arrangement and Request for Modification of Performance Criteria - Staff Report; Press Release on the Executive Board Discussion. - <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2009/cr09270.pdf>.

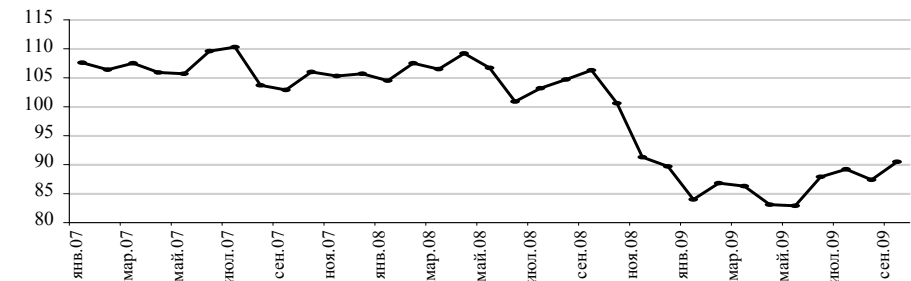
Их наличие до последнего времени обеспечивало адаптацию российского бюджета к условиям резко снизившихся доходов от НДС, налога на прибыль и экспортных пошлин.

Удар, нанесенный кризисом по реальному сектору российской экономики, оказался тяжелым (см. рис. 20; 21; 22).



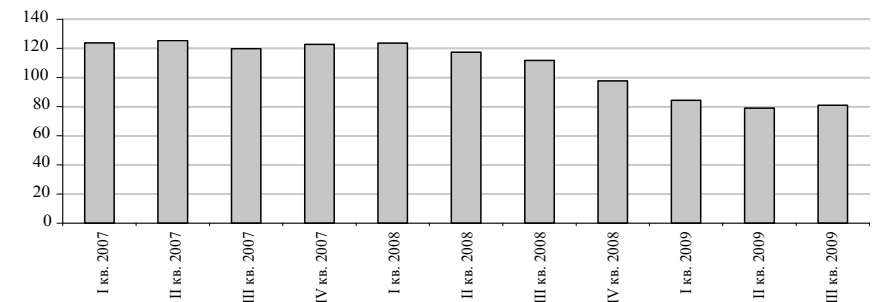
Источник: Росстат.

Рис. 20. Индексы реального ВВП РФ в I кв. 2007 — II кв. 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года



Источник: Росстат.

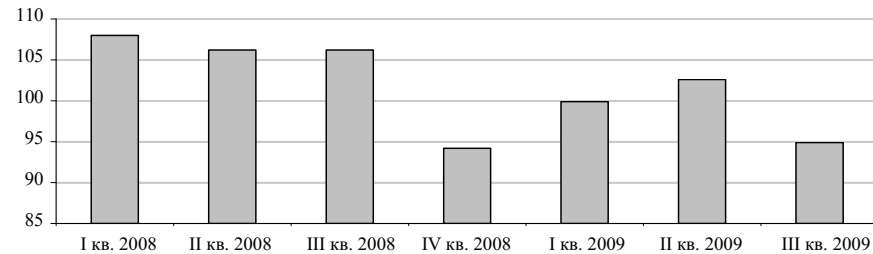
Рис. 21. Индексы промышленного производства Российской Федерации в январе 2007 — сентябре 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года



Источник: Росстат.

Рис. 22. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в I кв. 2007 — III кв. 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года

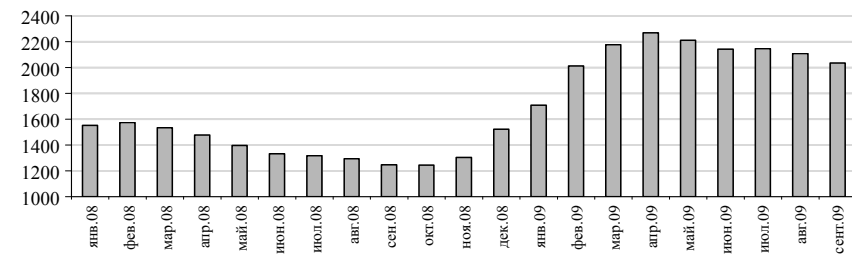
Естественно, это не могло не сказаться на доходах населения (см. рис. 23).



Источник: Росстат.

Рис. 23. Реальные располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации в I кв. 2008 — III кв. 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года

И на ситуации на рынке труда (см. рис. 24).



Источник: Росстат.

Рис. 24. Численность официально зарегистрированных безработных в Российской Федерации в январе 2008 — сентябре 2009 гг., на конец месяца, тыс. чел.

На фоне падения реальных доходов населения, роста безработицы, реакция общества на вызовы, связанные с кризисом, была по международным стандартам спокойной. Число лиц, участвовавших в забастовках, близко к нулю.

О причинах такой реакции на изменения экономической ситуации, о том насколько она устойчива, говорить рано. Можно лишь сформулировать гипотезу. Общество, пережившее глубокий социально-экономический кризис, связанный с крахом Советского Союза, понимает происходящее лучше, чем граждане тех стран, которые на протяжении многих десятилетий были стабильными и процветающими. Однако не надо иллюзий. Подобное спокойствие в условиях кризиса не вечно. Как показывает опыт Советского Союза, при резком ухудшении экономического положения, его поддер-

живать трудно, даже если хорошо организована пропаганда. Раньше или позже, если ничего не менять, люди могут выйти на улицы со словами, повторяющими те, что звучали в популярном фильме «Асса»: «Мы ждем перемен!». Вопрос лишь в том, будут ли эти перемены упорядоченными, постепенными и ненасильственными, или мы столкнемся с угрозой новой революции. Второго сценария необходимо избежать. России достаточно двух революций, которые мы пережили в прошлом веке.

Сейчас глубина кризиса, начавшегося осенью 2007 г., сомнений не вызывает. Как это было и в 1998, и в 2001 гг., он сильнее сказался на России, чем на совокупности всех государств СНГ¹.

Для выработки экономической политики нашей страны важен ответ на вопрос: насколько продолжительным будет кризис? Каково его влияние на среднесрочные перспективы экономического роста, финансовую ситуацию в мире?

Есть эксперты, считающие, что дно кризиса пройдено, принятые в США, Евросоюзе, Китае, беспрецедентные по масштабам за последние десятилетия меры по стимулированию совокупного спроса, позволили переломить тенденцию к снижению объемов выпуска, создали предпосылки восстановления экономического роста².

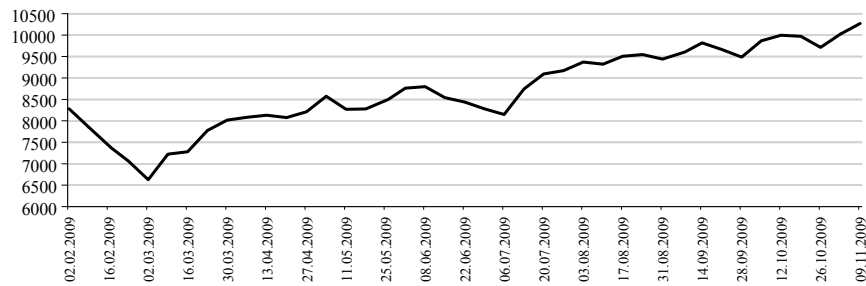
Возможно, эта гипотеза правильна. После принятия в США пакета антикризисных мер, ситуация на фондовых рынках, рынках сырья начала постепенно улучшаться³ (см. рис. 25; 26).

Если поверить в то, что дно кризиса пройдено, то при выработке экономической политики в странах, зависимых от конъюнктуры сырьевых рынков, можно изменить приоритеты: ослабить бюджетную политику, принять масштабный пакет мер по стимулированию

¹ Гайдар Е. Т., Чубайс А. Б. Экономические записки. М.: Росспэн, 2008. С. 62.

² «Экономическая активность начинает выравниваться как в США, так и в других странах. При этом перспективы возвращения к росту в краткосрочной перспективе выглядят вполне хорошими». Бернанке Б. — <http://globalist.org.ua/?p=22189>; «По всей видимости, рецессия в США закончилась». Bernanke B. Recession likely over in US. Says Bernanke. 2009. 15 сентября. — <http://www.ft.com/cms/s/0/91439968-a224-11de-9caa-00144feabdc0.html>; Кудинов В., Улюкаев А. Дно кризиса пройдено, ставка ЦБ продолжает снижаться // Ведомости. 2009. 25 ноября. — <http://www.vedomosti.ru/tnews/news/2009/11/25/434>; Илларионов А. Спад закончился. Что это значит? 2009. 30 апреля. — http://www.iea.ru/econom_rost.php?id=29

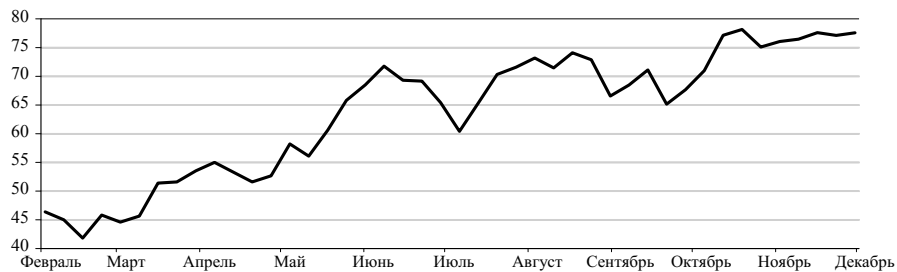
³ Пакет антикризисных мер был принят 14 февраля 2009 г. — <http://top.rbc.ru/economics/14/02/2009/280613.shtml>.



* Индекс Dow Jones Industrial Average.

Источник: Yahoo! Finance — <http://finance.yahoo.com/>

Рис. 25. Динамика фондового рынка США* в феврале–ноябре 2009 г.



Источник: www.finam.ru

Рис. 26. Динамика цен на нефть марки Brent в феврале — декабре 2009 г., еженедельно, долл. США за баррель

спроса, финансированию инфраструктурных проектов. Применительно к России речь идет о решениях, связанных с расходованием десятков и сотен миллиардов долларов. Нетрудно понять: когда речь идет о таких деньгах, за подобными предложениями стоят серьезные интересы.

Принятие этих решений на некоторое время позволило бы улучшить динамику ВВП. Однако их опасно принимать до того, как появятся признаки устойчивого улучшения ситуации в ведущих экономиках мира. Эксперты спорят о том, будет ли рецессия проходить по форме, похожей на латинские буквы U, W, L, т. е. будет ли период падения краткосрочным, сменится ли он на быстрое восстановление роста, двугорбым, с двумя волнами кризиса или кризисом, за которым не последует восстановление экономического роста. У

каждой стороны в этом споре есть свои аргументы, но это недоказанные гипотезы¹.

То, что у кризиса может быть вторая волна, приходящаяся на первую половину 2010 г., широко обсуждают в экспертном сообществе². Неясно, насколько глубоки проблемы в банковской системе Европейского союза³. Крупнейшим корпорациям в 2010 г. предстоят значительные выплаты по бумагам с фиксированной доходностью⁴. Можно ли будет их осуществить в условиях напряженности на рынке кредитных ресурсов, покажет время.

Китай предпринял энергичные усилия по стимулированию спроса. Если в конце 2007 г. китайское руководство избрало борьбу с инфляцией в качестве важнейшего приоритета, было готово пойти для решения этой задачи на замедление темпов экономического роста⁵, то в 2008 г. китайская экономическая политика изменилась. Приоритетом стало поддержание темпов экономического роста и борьба с безработицей⁶ (см. рис. 27).

¹ См. например: *Jefferson R., Woodfield P.* Edinburgh Money Managers Forecast 'Volatile' Recovery (Update3) — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=a8rCYuCl0dWA>; *Authers J.* The Short View. Published: 2009. June 2. The Financial Times Limited 2009. www.ft.com/shortview; *Wilson J.* 'Robust' business for Deutsche Bank. Published: 2009. May 26; The Financial Times Limited. 2009; *Hume N.* On London: Rally's end leaves investors at a crossroads. Published: 2009. May 15; The Financial Times Limited. 2009; *Giles Ch.* Darling gambles on growth. Published: 2009. April 23. — <http://www.ft.com/cms/s/0/f0846a1a-2fa1-11de-a8f6-00144feabdc0.html>.

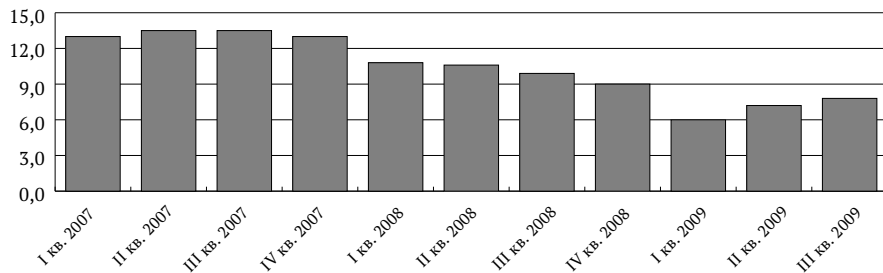
² *Goodman W.* Pimco Says World Economic Crisis Faces 'Second Wave' (Update4) <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=anA4PQ48RFhI>; *Logutenkova E.* Ackermann Says Bad Loans Are 'Next Wave' of Crisis (Update2) <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601206&sid=aUKAk1bKBV18>

³ *Bender Y.* European banks cut access to external fund providers. Published: 2009. September 6. — <http://www.ft.com/cms/s/0/76abe988-9979-11de-ab8c-00144feabdc0.html?SID=google>

⁴ См. например: Официальный сайт Эрсте Банка <http://www.erstebank.ua>; Коммерсантъ. 2009. 11. марта. — www.kommersant.ru.

⁵ *Cao B.* Yuan to Rise Versus Major Currencies, Researcher Says (Update2) — <http://www.bloomberg.ru/apps/news?pid=20601087&sid=aQYRO9fjayFk&refer=home>.

⁶ Is the party over in China? Massive unemployment looms. http://www.worldtribune.com/worldtribune/WTARC/2008/ea_china_02_15.asp; *Lawrence D.* China Pledges Faster Labor Mediation as Employment Turns 'Grim'. — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601089&sid=afK0sP5rT61Y&refer=china>; *Hamlin K., Yanping L.* China Rate Cut Highlights Concern Over Slowdown, Jobs (Update1). — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=aQrG9UthDHo>; *Adam S.* Yuan 'Straitjacket' Risks Inflating China Bubbles (Update2) — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601109&sid=awHX2QPENKqQ>



ПРИМЕЧАНИЕ. Данные за II–IV кварталы 2007–2008 гг. статистическая служба Китая публикует только как накопленный темп роста ВВП.

Источник: National Bureau of Statistics of China — <http://www.stats.gov.cn>

Рис. 27. Темпы прироста ВВП Китая в I квартале 2007 — III квартале 2009 гг., % к аналогичному периоду предыдущего года

Китайские власти выбрали путь макроэкономической политики такой же, который использовала американская администрация для борьбы с рецессией в 2001 г. Предсказать, не обернется ли такая политика кризисом «мыльного пузыря», сложно¹.

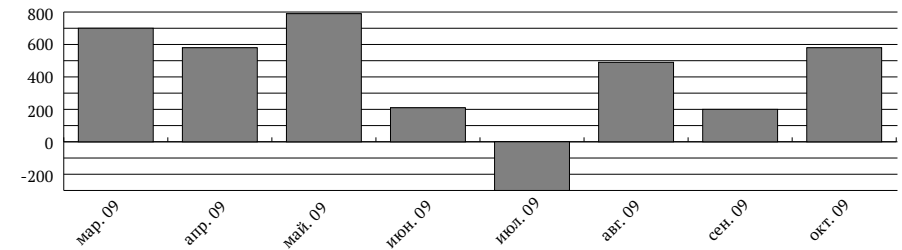
Масштабы проблем финансовых и банковских систем других стран с развивающимися рынками так же непросто оценить. К моменту, когда эта статья была представлена в редакцию, нельзя было с точностью оценить, в какой степени риск дефолта по гарантированным государственным обязательствам с фиксированной доходностью Дубая может сказаться на других рынках, по образцу того, что произошло в 1997–1998 годах в Юго-Восточной Азии². К тому же

¹ Shamim A. Yuan 'Straitjacket' Risks Inflating China Bubbles (Update2). — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601109&sid=awHX2QPENKqQ&pos=10>; Anderlini J, Tucker S. CIC head warns of asset price bubble. — <http://www.ft.com/cms/s/0/47ac3d54-c39a-11de-a290-00144feab49a.html>; Tasker P. China is heading for a Japan-style bubble. — <http://www.ft.com/cms/s/0/78e2eae4-c7af-11de-8ba8-00144feab49a.html>; Chinese sovereign wealth unit planning \$11.7bn bond issue. — <http://www.ftchinese.com/story/001029668/en>; Xie A. Insight: Is China due a reality check? — <http://www.ft.com/cms/s/0/1ed429aa-b99f-11de-a747-00144feab49a.html>; Brown K. Asia warned over emerging asset bubbles. — <http://www.ft.com/cms/s/0/236ef0c2-c9ac-11de-a071-00144feabdc0.html>; Dyer G. Top China banker calls for urgent shift in Beijing's monetary policy. — <http://www.ft.com/cms/s/0/b4217eba-bea2-11de-b4ab-00144feab49a.html>; Authers J. Short View: China's bubble. — <http://www.ft.com/cms/s/0/ba76495c-f05a-11dc-ba7c-0000779fd2ac.html>; Dyer G. Top China banker urges shift in policy. — <http://www.ftchinese.com/index.php/ft/story/001029313/en>; China's role in the global recovery. — <http://www.ft.com/cms/s/0/2df3ea66-9716-11de-83c5-00144feabdc0,s01=1.html>; Pesek W. China Risks Bubbles With 'Bernie Madoff Data'. — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601039&sid=ab99AWGFCBsU>; China Must Avert Loan-Fueled. Bubbles, World Bank Says (Update1). — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601080&sid=aRi.90ENYi>

² <http://www.ft.com> Last updated. 2009. 30 November.

Дубай не единственная важная для устойчивости финансовых систем страна с развивающимися рынками, которая может столкнуться с трудностями в выполнении своих финансовых обязательств.

Экономическая статистика США последних месяцев противоречива. Она не дает оснований для уверенности, что крупнейшая экономика мира находится на пути устойчивого выздоровления (см. рис. 28).



Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNEMPLOY/downloaddata?cid=12>

Рис. 28. Прирост/сокращение численности безработных (сезонно сглаженные данные) в США в марте–октябре 2009 г., тыс. чел. на начало месяца

В одной из последних работ Всемирного банка, посвященных кризису, авторы отстаивают тезис, что даже при восстановлении экономического роста в мире в 2010 г., в среднесрочной перспективе рост будет более медленным, чем в предшествовавшие нынешнему кризису годы¹.

Все сказанное выше может казаться слишком пессимистичным. Однако опыт нашей страны показывает, что риски подобного развития событий надо учитывать.

Смягчение денежной и бюджетной политики заведомо было бы популярно. Когда и если появятся очевидные свидетельства оздоровления мировой экономики, устойчивого роста спроса на основные экспортные товары России, сделать это нетрудно. Однако принимать подобные решения в условиях сохраняющейся неопределенности — ошибка.

Очевидный краткосрочный приоритет — антикризисные меры. Вместе с тем нынешний экономический кризис еще раз выявил уязвимость отечественной экономики, меру ее зависимости от фак-

¹ Mitra P, Selowsky M., Zalduendo J. Turmoil at Twenty: Recession, Recovery, and Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: World Bank, 2010.

торов, которыми мы не можем управлять. Это ставит на повестку дня вопрос о диверсификации экономики, как о важнейшем приоритете (если не сводить дело лишь к вложению государственных денег в крупномасштабные проекты, которые не всегда дают отдачу, и особенно редко дают ее в странах, государственный аппарат которых поражен коррупцией). О необходимости диверсификации экономики говорят уже два десятилетия. Эта задача была поставлена еще в первой правительственной программе углубления экономических реформ (лето 1992 г.). Но воз и ныне там. Может быть, нынешний кризис заставит нашу власть, элиту, весь народ, наконец-то, всерьез приняться за дело?

Цены на сырье колеблются в широком диапазоне, их трудно прогнозировать, тем более управлять ими. Конечно, страна, где о гарантии частной собственности или о независимой и справедливой судебной системе говорить трудно, всегда найдет охотников инвестировать в нефть и газ. Когда же речь идет о высокотехнологичных отраслях экономики, ситуация иная. Здесь гарантии прав собственности, эффективная судебная система, некоррупцированный государственный аппарат — необходимые предпосылки того, чтобы и отечественный и международный капитал вкладывали в них деньги. Сказать об этом просто. Создать такие предпосылки сложнее. Но это та задача, которую придется решать, если мы хотим долгосрочного устойчивого развития российской экономики.

Кризис — это период турбулентности, неопределенности. Принимая в этих условиях решения по ключевым вопросам экономической политики, можно сделать ошибки, получить результат, обратный желаемому. Кризис похож на шторм. Во время шторма при парусном флоте было принято спускать паруса и ложиться в дрейф. Об этом полезно помнить, принимая решения сегодня. Но история последних двух веков показывает — кризисы, даже такие тяжелые, как Великая депрессия или нынешний кризис, раньше или позже заканчиваются. Уже сегодня надо думать о том, как обеспечить конкурентоспособность отечественной экономики после кризиса.

Мир после кризиса будет более жестким, чем в начале 2000-х гг. Российским компаниям придется конкурировать с теми корпорациями, которые выживут, а значит, сумеют провести реструктуризацию производства, сконцентрировать его на наиболее эффективных предприятиях и видах деятельности, сократить численность

занятых, повысить производительность труда, качество и конкурентоспособность производимой продукции. Если не сделать того же самого в России, конкурировать на этом рынке будет не просто. Отсюда два вывода для российской долгосрочной экономической политики.

Первый. По меньшей мере не мешать российским компаниям действовать так же, как выжившие после кризиса корпорации, готовиться к конкуренции в жестком, посткризисном мире, приспосабливать к решению этой задачи социальную политику.

Второй. Сделать важнейшим приоритетом создание в России конкурентоспособного сектора инновационной экономики.

Скептики могут сказать, что эту задачу в России не удавалось решить никогда, ни при царском режиме, ни при коммунистах, ни после краха Советского Союза (военно-промышленный комплекс лишь исключение из правила). Но это, отнюдь, не значит, что она принципиально неразрешима. Ни Финляндию, ни Южную Корею, ни Тайвань в 50-х гг. XX в. нельзя было отнести к странам с развитой инновационной экономикой. За последние 60 лет в мире накоплен богатый опыт политики, направленной на поддержку инновационной экономики. Многие из этих программ оказались успешными¹. Этот опыт нельзя копировать буквально. Программы поддержки инновационной экономики были специфическими, приспособленными к отечественным реалиям. Применительно к России этот опыт свидетельствует о том, что важнейшими предпосылками успеха такой политики является внесение изменений в законодательство (налоговая система, бюджетное законодательство, регулирование патентных прав, облегчение условий внешнеэкономической деятельности для всех, кто связан с инновационной экономикой)².

Эти меры должны быть дополнены созданием эффективной инфраструктуры поддержки инновационной деятельности. Речь идет об активной государственной политике по созданию бизнес-инкубаторов, ориентированных на инновационную экономику, венчур-

¹ См. например: National Innovation System. A Comparative Analysis. Nelson R. R. (ed.) New York Oxford: Oxford University Press, 1993.

² Применительно к России, это то, что относится к товарным группам 84–90 (по коду ТН ВЭД).

ных фондов, стимулированию заинтересованности банковской системы в инновационно ориентированных кредитах.

Инновационная экономика по своей природе во многом отличается от обычной. Здесь велик риск неудач. Но в случае успеха, результаты могут превосходить ожидавшиеся не в разы, а на порядки. Именно поэтому государственная экономическая политика в этой сфере не может быть стандартной. Она требует инновационных решений. От того, в какой степени России удастся в ближайшее десятилетие продвинуться в этом направлении, во многом зависят и то, в каком положении Россия подойдет к следующему глобальному мировому кризису, и долгосрочные перспективы развития нашей страны.

Егор Тимурович Гайдар

Собрание сочинений в пятнадцати томах

Том 7

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Редактор *В. С. Бак*

Художник *В. П. Коршунов*

Оригинал-макет *О. З. Элоев*

Компьютерная верстка *А. К. Вартанова, А. В. Генералова*

•

Подписано в печать 20.06.2013. Формат 70×100/16

Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 33,2.

Тираж 3000 экз. Изд №242. Заказ №

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел

тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

com@anx.ru

www.domdelo.org

